

Ф. Н. Глинка

ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА

ПИСЬМА
РУССКОГО
ОФИЦЕРА

Ф. Н. Глинка

ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1990

84 Р 1
Г 54

Составление,
вступительная статья и примечания
Г. А. Галина

Оформление
В. П. Борисова

Г $\frac{4702010100-2123}{080(02)-90}$ 2123—90

ISBN 5—253—00053—4

«ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА» И ИХ АВТОР ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ ГЛИНКА

Известный русский поэт и общественный деятель XIX века Федор Николаевич Глинка (1786—1880) впервые получил признание и известность благодаря большому прозаическому произведению. Окончив в 1803 году в Петербурге 1-й кадетский корпус, он был назначен в Апшеронский пехотный полк в звании подпоручика. Вскоре полк, в котором служил Глинка, выступил в поход в составе русской армии, спешившей на помощь союзной Австрийской монархии. Австрия в начале войны с Францией осенью 1805 года потерпела ряд тяжелых поражений от французских войск, которые возглавлял один из известнейших полководцев мировой истории Наполеон Бонапарт.

В походе и во время боевых операций молодой офицер Федор Глинка вел своеобразный дневник или, как мы бы сейчас сказали, серию репортажей либо военных корреспонденций, куда вошли как батальные сцены, так и эпизоды походной жизни. После окончания войны эти материалы вышли отдельной книгой под заглавием «Письма русского офицера о войне против французов в 1805 и 1806 годах». У писем обычно предполагается адресат, однако, хотя в первом издании (Москва, 1808 г.) и помещено стихотворное посвящение старшему брату Сергею Глинке, но конкретного адресата эти «письма» не имели, несмотря на то, что почти на каждом стоит дата и нередко встречается обращение: «Мой друг!..», «Любезный друг!..» или «Прощай!» и т. д.

Своим названием книга обязана литературной традиции. Можно напомнить «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, пользовавшиеся широкой популярностью и относящиеся к распространенному тогда литературному жанру путешествий.

В тяжелых условиях наступившей зимы во время обратного перехода в Россию здоровье Глинки сильно подорвалось, и он

был вынужден временно оставить военную службу. Поэтому Федор Глинка не принял участия в следующем военном столкновении России с Наполеоном в 1807 году, когда русская армия пришла на помощь разгромленной французами Пруссии. Но «с наступлением 1812 года Милорадович, собиравший войска в Калуге, собственноручным письмом по нарочной эстафете вызвал Глинку на службу»,— рассказывал о себе в третьем лице Глинка в позднейшей автобиографии. Генерал от инфантерии Михаил Андреевич Милорадович — выдающийся русский военачальник, сподвижник Суворова и Кутузова, участник всех войн с Наполеоном. Глинка был адъютантом Милорадовича в войну 1805 года, а с 1812 почти вся его военная служба прошла под начальством этого генерала вплоть до гибели последнего в 1825 году и увольнения из армии самого Глинки после восстания 14 декабря. За это время он прошел путь от подпоручика до полковника.

Начиная с боя под Смоленском, во время которого Глинка присоединился к действующей армии, он продолжил свой дневник в письмах, куда вошли его рассказы о всех важнейших событиях Отечественной войны 1812 года — Бородинском сражении, отступлении из Москвы, боях под Тарутином и Малоярославцем, о фланговом марше Кутузова параллельно отступающей французской армии, боях под Вязьмой и Красным, о заграничных походах 1813—1815 годов, сражениях под Люценом, Бауценом, Дрезденом, Лейпцигом и многих других, о взятии Парижа. Это и непосредственные зарисовки участника событий, и близкие по времени записи боевых эпизодов, и первые попытки осмысления этих эпизодов в общем стратегическом контексте, и характеристики генералов, офицеров, солдат, вместе с которыми воевал автор.

Но военная тема далеко не исчерпывает содержания книги. Она органически переплетается с впечатлениями любознательного путешественника-офицера, с его размышлениями об увиденном.

В эту не менее важную составную часть книги входят описания городов и селений, куда забрасывала Ф. Глинку его военная судьба, характеристика местных достопримечательностей, природы, хозяйства, образа жизни, обычаев, национальных особенностей. Удивляет любознательность, широта интересов и обширная эрудиция молодого офицера (в 1812 году ему было 26 лет). Федора Глинку интересуют промышленность, сельское хозяйство, торговля. Он стремится познакомиться с коллекциями произведений искусства, начиная с небольших частных собраний и до осмотра таких крупных музеев, как Лувр и Дрезденская галерея. Интерес автора привлекают политическое устройство общества, исторические предания Польши, Германии, а затем и Франции.

При этом сам Глинка обнаруживает обстоятельное знакомство с русской и всеобщей историей. Со знанием дела рассказывает он о планировке и архитектурных достопримечательностях Варшавы, Дрездена, Парижа и других более мелких городов. Много внимания уделяется Парижу, его площадям, дворцам, театрам, музеям.

В 1815—1816 годах в Москве были напечатаны в 8 томах «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции. С подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год». Это было первое полное издание интереснейшего литературного памятника эпохи войн с наполеоновской Францией. В издание включены также «мысли, замечания и рассуждения», возникшие во время путешествий автора в мирное время по Смоленской, Тверской, Московской и Киевской губерниям. Знакомство с жизнью простого народа во время этих поездок расширило кругозор Глинки, помогло сопоставить русский народный быт с жизнью населения зарубежных стран, где автор побывал во время заграничных походов.

Осенью 1816 года Глинка в письме А. А. Прокоповичу-Антонскому так рассказывал о своей работе над книгой: «Окруженный шумом военных бурь, я посвящал все свое время обязанностям службы. Иногда только, в минуты общего отдохновения, при свете полевых огней, часто на самом месте боя, изливал я, как умел, мысли и чувства свои на бумаге» [1].

Одна из первых книг, посвященных недавним событиям, взволновавшим страну,— «Письма русского офицера» — была тепло встречена публикой и имела большой читательский успех. Знаменитый поэт В. А. Жуковский, сам служивший ратником в ополчении, прислал Глинке свое стихотворение «Певец во стане русских воинов» с надписью «Ксенофонту Бородина», сравнив его тем самым с известным историком древности. Литератор Н. В. Путята вспоминал в связи с 80-летием Ф. Н. Глинки: «Письма эти имели блистательный успех. Они с жадностью читались во всех слоях общества, во всех концах России. Красноречивое повествование о свежих, еще сильно волновавших событиях, живые, яркие картины, смело нарисованные в минуту впечатлений, восторженная любовь ко всему родственному, отечественному и к военной славе — все в них пленяло современников. Я помню, с каким восторгом наше тогда молодое поколение повторяло начальные строки письма от 29 августа 1812 года: «Застонала

[1] *Глинка Ф. Н.* Избранное. Петрозаводск, 1949. С. 362—363.

земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Так началось беспримерное сражение Бородинское»[1].

Весь тираж «Писем русского офицера» быстро разошелся целиком и уже в 1817 году, как вспоминал позже автор в «Предуведомлении» к последнему прижизненному изданию 1870 года, возник вопрос о повторном выпуске книги. Однажды Ф. Глинку посетили одновременно В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич и И. А. Крылов. Жуковский стал говорить о переиздании, поскольку книги нигде нельзя достать, а кстати в этой связи о возможном ее дополнении и переработке. «Гнедич и Батюшков более или менее разделяли мнение Жуковского, разговор продолжался, Крылов молчал и вслушивался, а наконец заговорил: «Нет! (сказал он) не изменяйте ничего: как что есть, так тому и быть. Не дозволяйте себе ни притачиваний нового к старому, ни подделок, ни вставок: всякая вставка, как бы вы хитро ее ни спрятали, будет выглядывать новою заплатою на старом кафтане. Оставьте нетронутым все, что написалось у вас где случилось, как пришлось... Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков. Предоставьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о том, чего вы, как фронтовой офицер, не могли ни знать, ни ведать! И поверьте, что позднейшим читателям и любопытно, и приятно будет найти у вас не сухое официальное изложение, а именно более или менее удачный отпечаток того, что и как виделось, мыслилось и чувствовать в тот приснопамятный XII год, когда вся Россия, вздрогнув, встала на ноги и с умилительным самоотвержением готова была на всякое пожертвование». «Письма русского офицера» имели заслуженный успех благодаря и хорошему литературному языку, и патриотическому содержанию, и как исторический документ, в котором отразился характер и движущие силы народной войны с иноземным вторжением.

Написанные буквально по следам событий, очевидцем которых довелось быть автору, они в какой-то мере являются для нас еще более достоверным источником, более близким к событиям войн с Наполеоном, чем созданные несколько позже произведения мемуарного характера.

Для Глинки типично внимательное, заинтересованное отношение к жизни войск, к офицерам и солдатам, к мирному населе-

---

[1] *Путята Н. В.* Несколько слов о литературной деятельности Ф. Н. Глинки. //Беседы в Обществе любителей российской словесности. 1867. Т. 1. С. 34—35.

нию, его жизни и быту. Цель автора — «изображение всех военных происшествий и многих геройских деяний россиян».

Одним из первых Глинка отметил народный характер войны 1812 года. «Война народная час от часу является в новом блеске,— писал он,— кажется, что сгорающие села возжигают огонь мщения в жилах. Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оружие оборонительное, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются». Федор Глинка подчеркивает характерные черты народа — выносливость, мужество, патриотизм. Записи автора-очевидца проникнуты глубоким оптимизмом, соединяют в себе лиризм и высокую патетику. Вот его размышления времени боев за Смоленск: «Вид пылающего Отечества, бегущего народа и неизвестность о собственной судьбе сильно стеснили сердце. Я вышел и смотрел на заходящее солнце, которое силилось сохранить блеск свой в мутных облаках, гонимых холодным ветром. Ужели,— думал я,— и древняя слава России угаснет в бурях, как оно! Нет! Восстал дух Русской земли! Он спал богатырским сном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары по злодеям. Нигде не сдается: не хочет быть рабом».

Высокий боевой дух русских солдат и офицеров, необыкновенное упорство и массовый героизм армии, защищающей свою страну от завоевателей, стали всеобщими. «Мужество наших войск было неописуемо,— пишет Глинка.— Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг». «Письма русского офицера» — свидетельство патриотизма не только их автора, но и всей русской армии, всего народа. О глубоком понимании движущих сил освободительной войны и ее характера говорят слова Ф. Глинки: «Одно только обстоятельство, сделавшееся впоследствии чрезвычайно важным, упущено было им (Наполеоном) из вида. Легкомыслие скрытых врагов Отечества нашего с давнего времени взирало с презрением на состояние земледельцев или крестьян, составляющих самую большую часть народа в России. Французы думали, что люди сии, будто бы удрученные ярмом рабства, при первой возможности готовы будут восстать противу своих законных властей и что пламя бунта столь же легко разольется в России, как пламя сжигаемых ими селений и городов.

Но сии-то люди, казавшиеся им ничтожными в скромной простоте своей, явили себя истинными героями этого времени. Вера, верность и любовь к родине составили многочисленные ополчения и вооружили их непреодолимой твердостию. Нет ничего полезнее для государства и ничего ужаснее для врагов его, как восстание целого народа.

Французы пренебрегли дух народный в бездействии дремавший, но пробуждение его было пробуждением уснувшего льва...»

Вместе с тем сегодня выглядит наивной идеализация Глинкой Александра I, как символа русской доблести и олицетворения народного духа, а также несколько приторное благоговение автора перед членами царской семьи. Но следует помнить, что это — одна из характерных черт этой эпохи, когда преданность престолу была тесно связана с понятием патриотизма для большинства офицеров и солдат.

В «Письмах русского офицера» Глинка вышел за рамки традиционного жанра путешествий, свойственных просветительной литературе. Уже сама тематика — отражение больших всемирно-исторических событий, важнейшим из которых была освободительная Отечественная война 1812 года, описание военных будней и кровопролитных боев — сильно раздвинула каноны и рамки этого жанра. Много места Глинка уделил размышлениям о социальных проблемах народа.

«Письма русского офицера» написаны сжатым, простым и точным слогом того времени, полным экспрессии, но местами несколько архаичным для современного восприятия. Это живой разговорный язык солдат и офицеров русской армии начала XIX века. «Что касается до слога,— писал Глинка,— то я не старался, а может быть, и не мог сделать его витиеватым и кудреватым, я желал одного, чтобы все повествования мои отличались простотой и истиной». «Не пеняй на нескладный слог!» — заканчивает он одно из «писем».

К концу 1812 года страна была полностью очищена от вторгнувшихся полчищ Наполеона. Весной 1813 года русские войска, продолжая войну и преследуя остатки «великой армии», вошли в Польшу и далее в Силезию, Саксонию, Баварию и другие германские государства. К русской армии вскоре примкнули войска Пруссии и Австрии, правительства которых разорвали союз с Наполеоном. Осенью в результате крупного поражения французской армии в «битве народов» под Лейпцигом Наполеон вынужден был очистить всю Германию, и в 1814 году война перешла на территорию Франции. 31 марта союзные армии вступили в Париж.

Во время этого заграничного похода Глинка имел возможность ознакомиться с жизнью всех слоев населения стран, через которые проходили русские войска. Русский офицер не мог не прийти к убеждению, что здесь материальный уровень жизни более высок, а гражданская организация общества свободна от многих феодальных пережитков, отменено крепостное право, введены открытые суды. Большое впечатление производили на рус-

ские войска всеобщая грамотность и высокий культурный уровень простого народа. Не без горечи Глинка сравнивает положение людей на родине: «О, Россия! Отечество мое тысячекратно просторнейшее и могущественнейшее Саксонии, когда придет время, что ты будешь столь же многолюдна, цветуща и просвещенна, как сей прелестный уголок Европы? Теперь ты одна из могущественнейших, тогда будешь счастливейшею из держав!»

Становилось очевидным, что при существующих порядках в России добиться каких-либо улучшений невозможно. Крепостное право тормозило необходимые реформы.

Вместе с тем наблюдательный русский офицер не мог не заметить, что сложившиеся в послереволюционной Франции общественные отношения часто не совпадали с революционными лозунгами 1789 года. «Свобода, братство и равенство,— пишет Глинка,— остались лишь в мечтах, а на деле война, смерть и разрушение, взявшись за руки, ходили по берегам величественного Рейна». «Нож стал тогда любимою забавой безумной Франции: она резала им других и себя». Особенно остро ощущался контраст между патриотическим подъемом, одушевлявшим войска в борьбе с иноземным нашествием, освобождением европейских стран и заграничными впечатлениями армии-победительницы, с одной стороны, и тяжелым положением разоренной войной России, где победоносные полки видели лишь бедность, страдания и разрушения, с другой. По возвращении на родину Глинка много внимания уделяет жизни пострадавших от войны губерний: «проедешь Оршу, Дубровку, Борисов и Минск и ничего не заметишь, кроме бедности и повсеместного разрушения». Длительное пребывание за границей огромной армии дало толчок к осознанию необходимости коренных изменений и улучшений в своем Отечестве. И в «Письмах русского офицера» военно-патриотическая тема неизбежно перерастает в размышления о судьбах родной страны.

Но император Александр I и его правительство не пошли навстречу чаяниям народа. В царском манифесте об окончании войны от 30 августа 1814 года после благодарностей и льгот, объявленных высшим сословиям, говорилось: «Крестьяне, верный наш народ, да получат мзду от Бога!» Герои войны, солдаты, освободившие Россию и Европу от завоевателя, опять возвращались в крепостное состояние. Вскоре приближенный царя генерал Аракчеев в целях экономии государственных средств создал военные поселения, где крестьяне были обязаны наряду с тяжелыми сельскохозяйственными работами нести одновременно и военную службу, подчиняться суровой военной дисциплине. Это еще более ухудшило положение значительного по численности

слоя государственных крестьян и вызвало ряд восстаний. Передовые мыслящие офицеры все более осознавали несправедливость сложившегося положения. Позже декабрист Александр Бестужев писал новому императору Николаю I из Петропавловской крепости, объясняя причины восстания: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу, тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии народной... Еще война длилась, когда работники, возвратясь в дом, впервые разнесли ропот в классе народа... Мы проливали кровь, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа» [1].

Всего этого не мог не видеть Глинка, и это отразилось на страницах его первой книги. По «Письмам русского офицера» легко проследить, как развивалось мировоззрение автора, как из борца, отстаивающего национальную независимость своей родины, он приходил к осознанию неизбежности коренных политических перемен в стране, к необходимости предоставления народу большей свободы и ограничения самодержавной власти. У него, как и у многих офицеров — участников войны, патриотизм перерастал в революционность.

* * *

Можно с уверенностью сказать, что окончание работы над книгой не случайно совпало с началом общественно-политической деятельности ее автора; в 1816 году он вступил в первую тайную организацию будущих декабристов — «Союз спасения», основанную офицерами — участниками Отечественной войны и заграничных походов. В нее вошли будущие известные декабристы: Сергей Трубецкой, Александр Муравьев, Никита Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Иван Якушкин.

Успех «Писем русского офицера» привлек к Глинке интерес в литературных кругах, что повлекло за собой множество знакомств, общение с самыми выдающимися поэтами и писателями того времени. «В ту эпоху Глинка получил от всех существовавших тогда (в Петербурге и Москве) литературных обществ дипломы на звание члена, сам несколько лет сряду был председателем высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности»,— говорится в автобиографии. Действительно, с 5 декабря 1816 года он — член Вольного общества любите-

---

[1] *Довнар-Запольский М. В.* Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 129—130.

лей российской словесности, а в 1819—1825 годах — его председатель (фактически с 1818), член общества «Зеленая лампа», Общества любителей российской словесности Московского университета, Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, Общества военных людей, Общества учреждения училищ взаимного обучения, редактор «Военного журнала» (1817—1819). В начале 1819 года Глинка принимает участие в так называемом «Журнальном обществе», обсуждавшем проект журнала «Россиянин XIX века». Эту организацию возглавлял декабрист Николай Тургенев.

В 1818 году возникла новая тайная организация — «Союз благоденствия»,— целью которой стала постепенная подготовка к политическим преобразованиям путем распространения просвещения и пропаганды революционных идей. Глинка принял участие в этой организации и даже вошел в ее руководящее ядро — Коренную управу. В 1820 году на его квартире в Петербурге состоялось важное совещание членов «Союза благоденствия», на котором обсуждались цели, методы и направления деятельности общества, а в 1821 году он присутствует на Московском съезде декабристов. Глинка — инициатор или участник почти всех мероприятий общества по линии «благотворения».

«Союз благоденствия», согласно принятому уставу, осуществлял пропаганду своих идей через легальные «побочные управы». Возникшее в 1816 году по инициативе групп столичных чиновников Вольное общество любителей российской словесности вначале носило консервативный характер. Однако, после того как его председателем в 1819 году был избран Глинка, а членами стали будущие декабристы Кондратий Рылеев, Николай и Александр Бестужевы, Вильгельм Кюхельбекер, Александр Корнилович, а также близкие к ним литераторы О. М. Сомов, Н. И. Гнедич, А. А. Дельвиг, Вольное общество любителей российской словесности быстро превратилось в одну из таких «побочных управ», объединявших прогрессивно мыслящих поэтов и писателей, активно проводящих в жизнь легальными способами идеи тайного общества.

Глинка принимал участие в собраниях и в деятельности еще одной литературно-политической «побочной управы» «Союза благоденствия» — общества «Зеленая лампа», собиравшегося в Петербурге в доме Н. В. Всеволожского с весны 1819 года до осени 1820. Среди участников этих собраний — недавно окончившие лицей А. С. Пушкин и А. А. Дельвиг, члены «Союза благоденствия» С. П. Трубецкой, Я. Н. Толстой, молодые чиновники и театралы. На собраниях читались новые литературные произведения,

среди них нередко — вольнолюбивые стихи, обсуждались вопросы русской истории, политического устройства России в будущем, театральные новости.

В своей записной книжке того времени Глинка так сформулировал правила поведения в литературных и общественных собраниях: «порицать: 1) Аракчеева и Долгорукова, 2) военные поселения, 3) рабство и палки, 4) леность вельмож, 5) слепую доверенность правителям канцелярий, 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты, 7) крайнюю небрежность полиции при первоначальных следствиях»[1]. Эта запись отразила, по-видимому, установки «Союза благоденствия» своим членам о правилах поведения в обществе людей, не посвященных в дела тайной организации.

По своим политическим взглядам Глинка принадлежал к умеренному крылу «Союза благоденствия» и склонялся к конституционной монархии. Когда в 1821 году в целях конспирации сильно разросшийся «Союз благоденствия» был распущен и на юго-западе Украины вскоре образовалось Южное тайное общество, а в 1821 году в Петербурге — Северное тайное общество, стоявшее за республиканскую форму правления, Глинка отошел от непосредственного участия в их деятельности. Однако декабристы продолжали считать его своим и не имели от него секретов. Так, накануне восстания 14 декабря Александр Бестужев дал ему понять, что настало время действий. Глинка ответил: «Смотрите вы, не делайте никаких насилий!» После поражения восстания, 30 декабря, Федор Глинка был арестован, но в тот же день отпущен, однако после вторичного ареста он провел в Петропавловской крепости около 3 месяцев — с 11 марта по 15 июня 1826 года. Вторичный арест был вызван выяснившимися во время следствия, хотя и не до конца доказанными, обвинениями Глинки в том, что, будучи недоволен оглаской, которую получила слишком расширившаяся деятельность «Союза благоденствия», и, опасаясь доноса и разгрома организации, Глинка вместе с членами Союза С. М. Семеновым и Н. И. Кутузовым приступил к созданию новой, глубоко законспирированной организации, куда ими был принят Г. А. Перетц. Он и сообщил эти сведения Следственной комиссии. Между двумя арестами Глинка написал стихотворение «Правила», где сформулированы принципы поведения обвиняемого на допросах:

Собой других не заслонять,
В делах других не поперечить,

[1] Русская старина. 1904. Март. С. 512.

В словах своих не пусторечить
И никого не осуждать...
О слабостях людей молчи!
О добродетелях — кричи!

Материалы следствия и суда над декабристами показывают, что сам он полностью придерживался этих правил. По окончании следствия Глинку переводят на гражданскую службу в Петрозаводск под надзор полиции в качестве советника Олонецкого губернского правления. В 1830 году он занимает ту же должность, но уже в Твери, а в ноябре 1833 года — перевод в Орел. В октябре 1834 года Федору Глинке было разрешено выйти в отставку в чине действительного статского советника (соответствующего военному чину генерал-майора по Табели о рангах) и поселиться в Москве.

* * *

Одновременно с участием в деятельности тайных обществ Глинка продолжал военную службу в гвардейском Измайловском полку, а затем в чине полковника состоял при Санкт-Петербургском военном генерал-губернаторе М. А. Милорадовиче в должности адъютанта и заведующего канцелярией, что давало ему возможность быть в курсе многих важных государственных дел и отводить от членов тайных обществ правительственные репрессии. В эти же годы и позже Глинка создает много стихотворений, преимущественно гражданского или духовного содержания. Хотя некоторые стихотворения Глинки страдают излишней растянутостью, неясностью содержания и тяжеловесностью, однако в лучших своих подлинно народных произведениях автору удалось подняться до значительных поэтических высот. Поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер так характеризует его творчество: «Федор Глинка и однообразен, и темен, и нередко странен, но люблю его за то, что он идет своим путем»[1]. Народными песнями стали такие стихотворения, как «Тройка» («Вот мчится тройка удалая вдоль по дороге столбовой»...), «Песня узника», написанная в заключении в Петропавловской крепости:

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

---

[1] Русская старина. 1875. Август. С. 506.

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

Прости, Отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!...

В карельской ссылке Глинка проявил большой интерес к фольклору и этнографии Карелии. Местным колоритом проникнуты его поэмы «Дева карельских лесов» и «Карелия, или Заточение Марфы Ивановны Романовой».

В 1839 году к 27-летию Бородинской битвы состоялись большие маневры, воспроизводящие ход сражения. К широко отмечавшейся тогда дате Глинкой были подготовлены «Очерки истории Бородинского сражения» — книга, в которой органично слиты исследования общего хода военных действий с отдельными рассказанными очевидцем живыми сценами и эпизодами. Этот прием создает эффект сопричастности.

Позже, в 1869—1872 годах, друг Глинки историк М. П. Погодин издал «Сочинения» Глинки в 3-х томах, куда вошли его произведения преимущественно духовного содержания.

На всем своем продолжительном творческом пути Глинка активно печатался в журналах и альманахах. Его первое стихотворение — «Глас патриота» было опубликовано в 1807 году в журнале «Русский вестник». Произведения Федора Глинки помещались в «Соревнователе просвещения и благотворения» — органе Вольного общества любителей российской словесности, «Сыне Отечества», в «Галатее», «Московском вестнике», в издающейся другом А. С. Пушкина А. А. Дельвигом «Литературной газете», в альманахах — декабристской «Полярной звезде», в «Невском альманахе», «Подснежнике», «Северных цветах», в журнале «Москвитянин» и других периодических изданиях.

В 1839 году были изданы новые поэтические произведения Федора Глинки — «Духовные стихотворения», в 1859 году поэма «Иов» — о библейском персонаже, благочестивом человеке, терпеливо переносившем испытания, посланные ему богом, а в 1861 году — поэма «Таинственная капля» на сюжет легенды о разбойнике, распятом с Иисусом Христом.

Последние десятилетия жизни Глинка не участвовал в литературном и общественном движении, однако не переставал писать стихи. Много времени он уделял благотворительности. Вместе

со своей супругой Авдотьей Павловной, урожденной Голенищевой-Кутузовой, они создали общество «Доброхотная копейка» для бедных. Внес свою лепту Глинка и в празднование 700-летия Москвы, занимаясь археологическими и историческими разысканиями в этой связи. До глубокой старости Федор Николаевич Глинка вел активный образ жизни. За время долгой литературной жизни добродушный, несколько сентиментальный, но искренний и честный Глинка был связан дружескими отношениями со многими поэтами и писателями. Среди его друзей и знакомых И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев (Марлинский), В. А. Жуковский, А. С. Шишков, П. А. Вяземский, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Ф. И. Тютчев, В. И. Даль, М. Н. Загоскин, братья И. В. и П. В. Киреевские, братья И. С. и К. С. Аксаковы, А. С. Хомяков и многие другие.

* * *

Особое место в жизни Глинки занимает Пушкин. Они познакомились вскоре после окончания Пушкиным Лицея, встречались на собраниях «Зеленой лампы», у литератора П. А. Плетнева, в театре. Когда над Пушкиным нависла угроза ссылки в Сибирь или на Соловецкие острова за его вольнолюбивые стихотворения и эпиграммы, он, получив вызов к Милорадовичу, кинулся советоваться к Глинке, который подсказал опальному поэту правильную линию поведения с могущественным генерал-губернатором. Во время беседы Пушкину удалось откровенностью и прямотой расположить генерала в свою пользу, что наряду с хлопотами Карамзина, Чаадаева и Гнедича привело к замене ссылки переводом на службу в Кишинев.

Вскоре в сентябре 1820 года в журнале «Сын Отечества» Глинка напечатал стихи «К Пушкину», хотя появление тогда в печати произведения, адресованного фактически сосланному поэту, было достаточно опасно для его автора. Пушкин, тронутый смелым поступком товарища по литературным и театральным собраниям, написал и посвятил Глинке известные стихи, в которых благодарил за привет и память:

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,

Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменила мне любовь,
В моем изгнанье позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду,
Тобой оправдан, Аристид.

Пушкин прислал это стихотворение в письме к брату Льву из Кишинева в Петербург в начале января 1823 года с просьбой: «Покажи их Глинке, обними его за меня и скажи ему, что он все-таки почтеннейший человек здешнего мира».

Отношение Пушкина к поэзии Глинки было двойственным: он нередко иронизировал над стилистическими погрешностями, над религиозной экзальтированностью, мистическим содержанием стихотворений Глинки, над не всегда выдержанной структурой стиха. В то же время находил, что отдельные произведения и отрывки написаны с подъемом и энергией.

В письме из Михайловского своему язвительному другу поэту П. А. Вяземскому 25 января 1825 года Пушкин сообщил свою эпиграмму на Глинку:

Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не становись Фертом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах![1]

Однако глубоко уважая Глинку как человека и не желая его обидеть, Пушкин тут же добавляет, несколько пародируя стиль Глинки: «Не выдавай меня, милый: не показывай этого никому: Фита бо друг сердца моего, муж незлобив, удаляйся от всякой скверны».

10 февраля 1830 года Пушкин получил от Глинки только что изданную поэму «Карелия, или Заточение Марфы Ивановны Романовой», а уже 15 февраля в «Литературной газете», редактируемой в то время Пушкиным, появилась его рецензия, где он очень сжато характеризовал все поэтическое творчество Глинки: «Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный,— писал Пушкин.— Он не исповедует ни древнего, ни

---

[1] *Фита* — буква старого алфавита, первая буква в имени Федор; *ижица* — последняя буква этого алфавита.

французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму, слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в стансах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной — все дает особенную печать его произведениям. Поэма «Карелия» служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта» [1].

Отзыв на книгу ссыльного Глинки требовал тогда, в свою очередь, известного гражданского мужества.

К началу 1831 года относится следующий забавный эпизод. В альманахе «Северные цветы на 1831 год», издаваемом А. А. Дельвигом, только что женившийся Глинка напечатал стихотворение «Бедность и утешение», в котором были такие строки:

...Ты все о будущем полна заботных дум:
Бог даст детей... Ну что ж... Пусть он наш будет кум!

Эта фраза вызвала насмешки в литературных кругах. По свидетельству историка М. П. Погодина, И. А. Крылов ему говорил по этому поводу: «Глинка с Богом запанибрата, он Бога в кумовья к себе позовет».

Пушкин в письме к П. А. Плетневу 7 января 1831 года добродушно подшучивал над Глинкой: «Бедный Глинка работает, как батрак, а проку все нет. Кажется мне, он с горя рехнулся. Кого вздумал просить к себе в кумовья! вообрази, в какое положение приведет он и священника и дьячка, и куму и бабку, да и самого кума, которого заставят же отрекаться от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить проделки. Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник царь, который у всех крестил ребят. Я до сих пор от дерзости Глинкиной опомниться не могу».

Однако, когда Глинка попал фактически в ссылку в Петрозаводск, где чувствовал себя очень одиноким. Пушкин незадолго до этого эпизода использовал все возможности, чтобы перевести его в более оживленное место жительства.

---

[1] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1949. Т. 11. С. 110.

Деятельное участие принял Пушкин вместе с В. А. Жуковским и Н. И. Гнедичем в хлопотах о переводе ссыльного Глинки из далекого Петрозаводска в Тверь. Являясь воспитателем наследника престола — будущего императора Александра II, Жуковский имел прямой доступ к царской семье и содействовал облегчению участи многих сосланных декабристов. Хлопоты увенчались успехом, и в марте 1830 года Глинку перевели в Тверь. Тверь была тогда небольшим городом, но располагалась она на почтовом тракте, соединяющем Москву и Петербург, что давало возможность возобновления личных контактов с московскими и петербургскими друзьями, часто проезжавшими из одной столицы в другую. Известно, что уже в августе Глинку здесь посетили Пушкин и Вяземский, а в ноябре — Жуковский.

Сохранилось благодарственное письмо из Твери от Глинки к Пушкину, датированное 28 июля 1831 года: «Вы приняли во мне участие, как человек, в котором совсем не отразился настоящий век,— писал Глинка.— С добродушием, приличным старому доброму времени, вы сами взялись похлопотать (разумеется, по возможности) об улучшении моего положения... Вы увидитесь с Василием Андреевичем; он мой благодетель, смолвьтесь с ним. Во всяком случае, мне утешительно будет увидеть, что двое первых поэтов нашего времени приняли участие в моей изувеченной судьбе».

В 1837 году Глинка написал стихотворение «Воспоминание о пиитической жизни Пушкина», посвященное памяти о нем.

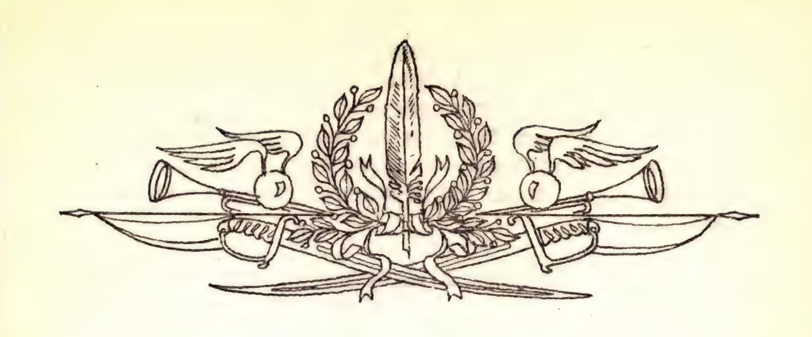
* * *

Скончался Федор Николаевич Глинка на 94-м году жизни в Твери, где он провел последние годы.

Во время похорон ему, как участнику Отечественной войны 1812 года, награжденному золотым оружием, были отданы воинские почести — ружейный салют.

Г. Галин

ПИСЬМА
РУССКОГО
ОФИЦЕРА

ОПИСАНИЕ ПОХОДА ПРОТИВУ ФРАНЦУЗОВ В 1805 ГОДУ В АВСТРИИ *

К ДРУГУ МОЕМУ

Чувствительный путешественник Стерн в предисловии своем, рассуждая о причинах, побуждающих людей к путешествиям, разделяет всех путешественников на разные роды. Он называет их: 1) праздными, 2) любопытными, 3) лживыми, 4) гордыми, 5) пустыми, 6) мрачными. Читая сие, я не мог причислить себя ни к одному из сих отделений, ибо путешествовал по обязанности, а не от праздности или пустого любопытства. Служа в полку адъютантом, я старался воспользоваться некоторыми свободными минутами, которые мог похищать от своей должности, часто на голом поле в черных мазурских избах, писал к тебе, любезный друг. Теперь предлагаю весь веденный мною журнал, одна часть его в виде писем, другая в рассказах и замечаниях, разнообразие сие не вредит порядку. Здесь найдешь ты, во-первых, изображение всех военных происшествий и многих геройских

* В тексте в основном сохранена авторская орфография и пунктуация *(Прим. редактора)*.

деяний россиян, потом описание о нравах, обычаях народов и о прочих любопытных вещах, замеченных мною мимоходом. Что касается до слога, то я не старался, а может быть, и не мог сделать его витьеватым и кудреватым, я желал одного, чтобы все повествования мои отличались простотою и истиною *.

ЗАМОК В ПОДГОРЦАХ

Почти во всей Польше, а равно и здесь в Галиции отменно много древних замков, большая часть из них разрушена временем. У нас в России не видно подобных укреплений от того, что русские ограждали Отечество свое любовию к нему и, подобно спартанцам, грудь свою подставляли твердейшим оплотом противу врагов. Прежние жители Польши источали чрезвычайные усилия и невероятные издержки для построения огромных замков на неприступных местах, в них укрывались они от нашествия турок и набегов запорожцев и прочих, живших грабежом народов. После знатные господа, поселившиеся в замках, сделались, так сказать, самовластными владетелями (феодалами), железным скипетром самопроизвольного правления отягщали подчиненных им вассалов, копили сокровища и в недрах роскоши вели уединенную жизнь, не принося никакой пользы Отечеству. Всякий феодал имел право производить суд в своем округе и предавать смертной казни обвиненного по законам своим, с тем только, если сей осужденный будет находиться на его земле. Первая урожденная княжна Литовская, королева Бонна и потом прочие короли, стараясь обессилить феодалов, ходили на них войною, а некоторых привлекали ко двору лестными обещаниями, возлагая на них блистательные должности. Таким образом чрез несколько времени все большие господа переехали в столицы, права феодалов ослабли, и замки опустели.

---

* И теперь при вторичном издании сих писем я почти не касался слога. Обязанности по службе и заботы по жизни отъемлют у меня весь досуг, а при том и самая разнообразность слога в книгах моих, показывая, как с летами и опытностью изменяется образ мыслей и выражений, послужит некоторым поучением для начинающих писать. (Здесь и далее прим. Ф. Глинки).

ГЕРМАНИЯ. ГОРОД ЭБЕРШБЕРГ В ВЕРХНЕЙ АВСТРИИ

Хорош путешественник! Кто не станет смеяться над ним? Проехав столько земель Германии, едва при конце схватился писать об ней. Признаться, я говорю это о себе, но ты знаешь, любезный друг, что я иду, куда меня ведут и не так, как хочу, а как велят, то есть я служу, следовательно и досужным временем очень небогат. Но, оставя лишнее, скажу тебе, что мы, от города Белой (там была прежде граница Польши с немецкой землею), пройдя города Тешин, Ольмуц, Брин, Кремс, Знайм и прочие, находимся теперь уже близ границы баварской и почти в глазах неприятеля. Что сказать о сей половине Германии? Увидев один немецкий город, получишь понятие и о всех прочих: везде большие каменные дома, по большей части под одну крышу, в середине прекрасные площади с водометами, улицы неширокие. Природа здесь также однообразна, но приятна, всякая частица земли, всякий уголок кажется населенным, везде видны маленькие каменные домики, окруженные пахотными полями, а на горах виноградные сады. Здесь крестьяне вольные и те, которые пашут землю, нанимают ее у помещиков, другие живут различным промыслом и рукодельем. На всякой миле есть две или три деревни, а через две или три мили город, так что кажется, будто все едешь селением. Думаю, что ни один путешественник не ехал так скоро, как мы *, ибо в двенадцать дней миновали мы всю Австрию, и я ничего почти не заметил. Удалось только взглянуть на монастырь Готвег, который стоит на превысокой горе, верстах в двух от Кремса. Здесь имели мы дневку и я ходил смотреть библиотеку древних рукописей и собрание хороших живописей. Гора, на которой стоит монастырь, столь высока, что в хорошую погоду с высоты замка можно видеть пятьдесят деревень и несколько городов.

В аббатстве Мельк (в двенадцати милях от Вены), видел я людей, которые всем наслаждаются, всего имеют довольно, окружены изобилием, а сами ничего

* С самого Тешина войска наши для ускорения походу везены были на подставных подводах и делали в день до осьмидесяти верст. Одна половина войск ехала, другая шла пешком попеременно, три дня поход, в четвертый роздых.

не делают и ни о чем не заботятся. Аббатство Мельк есть огромный древний замок на крутом берегу Дуная: снаружи украшен пышными колоннадами и великолепными садами, внутри везде блистает изящество художеств. Там есть большая библиотека древних и новых книг, редкие живописи, и особливо Рафаэловы, как уверяют, подлинники. Великолепный костел и в нем чрезвычайная редкость — распятие Иисуса Христа, сделанное совсем из особливого роду камня (человеческие жилы). Все жилы василькового цвету, которые должны быть видны у человека умирающего, находятся там и неискусственные, но сама природа провела их в недрах твердого камня. Сию бесценную редкость подарил аббатству нынешний император Франц II.

Тут в обширных садах восхищался я, глядя на редкое собрание из всех частей света растений и дерев, большие светлые пруды наполнены карпами и прекрасные водометы придают также много прелести сим местам. Много деревень и богатых дач принадлежат к сему аббатству, которыми владеют двадцать четыре монаха доминиканского ордена.

Зодчий, соорудивший аббатство Мельк, построил также монастырь Сент-Флориана, недалеко от города Эбершберга, на превысокой горе и удивительной огромности. Там видел я опять чудеса искусства и редкие художества, чрезвычайные живописи всяких родов, огромные колоннады, резьба, позолота, стены, украшенные лепною работою и прекрасными дорогими коврами, одним словом, всевозможные украшения, однако, не нового вкуса, видны в сих монастырях. В прежние времена, когда духовенство имело большую силу в Германии, знатные господа, оставаясь бездетными, принуждены были законом по смерти отказывать все свое имение в пользу монахов, которые, живя в роскоши, были основателями сих славных монастырей.

ВОИНСКИЕ ЗАПИСКИ

На баварской границе,
город Браунау, Октября 2, поутру

Наконец ввечеру вчерашнего числа прибыли мы в город Браунау. Колонна наша под начальством ге-

нерала Милорадовича вступила в город с восклицанием: ура! Во всех полках играла музыка и пели веселые песни. Город Браунау, стоящий на берегу реки Инна, пограничный между Австрией и Баварией, имеет прекрасные укрепления, но ни одного человека в гарнизоне, имеет много медных пушек в арсеналах, но очень мало исправных на валах и ни одного запасного магазейна. Удивительно, для чего цесарцы не хотели привести славной крепости сей в оборонительное состояние. Правда, что между ею и французскою армиею стоит около ста тысяч австрийцев при Ульме, под начальством принца Фердинанда и генерала Макка.

Октября 2, пополудни

Сейчас разнесся слух, и весьма достоверный, что в тридцати только верстах от Браунау за Инном, стоит генерал Мармон с сорока тысячами французов, а в пятнадцати верстах от нас на баварской же стороне австрийский генерал Кин-Мейер с десятью тысячами. Говорят, что наших двадцать тысяч русских, соединясь с десятью австрийцев, учинят нападение на генерала Мармона, который дерзнул зайти так далеко. Генерал сей должен быть окружен, ибо между им и большою французскою армиею стоит Макк со ста тысячами. Итак, завтрашний день мы должны сражаться: штыки навострены, ружья исправны и сердца россиян пылают геройским рвением. Неприятель в глазах, все приуготовляется, скоро загремит война!..

Октября 6-го

Мы еще в Браунау, занимаемся различными военными приготовлениями, всякий день приходит к нам артиллерия, которая по причине худой погоды оставалась позади, конница наша еще переходов за пять отсюда. Генерал Мармон стоит в прежнем положении, но мы не пойдем против него, а только приводим себя в безопасность от внезапного нападения неприятеля. Главнокомандующий генерал Кутузов собирал военный совет, на котором рассуждали, итти ли сражаться с Мармоном? Многие генералы, воспламененные

свойственным россиянам духом мужества, просили сражения, но генерал Кутузов, может быть, провидя будущее, не согласился на их мнение, говоря, что с двадцатьми только тысячами не может он итти на столь сильного неприятеля, не имев никакого сношения с главною австрийскою армиею и не получая никакого о ней сведения. Посмотрим, оправдает ли последствие его предусмотрительность.

Октября 8-го

Сегодня праздновали здесь пятнадцать дней пред сим одержанную австрийцами над французами небольшую победу.

Октября 11-го

Жители приходят в уныние, весьма печальные слухи об армии союзников начинают распространяться, однако ж их почитают пришедшими из-за Инна и нарочно выпущенными от злонамеренных баварцев.

Октября 12-го

Какое волнение! весь город в тревоге, жители в слезах и в отчаянии. Сегодня генерал Макк, отпущенный из плену на честное слово, прибыл в Браунау и объявил главнокомандующему, что вся австрийская армия, стоявшая при Ульме, разбита и забрана в плен, остатки сей несчастной армии, потеряв знамена и честь, некоторые даже без ружей и без амуниции, бегут чрез Браунау и рассеиваются по Австрии. Солдаты наши в недоумении, им велят отступать, но что делать? Счастливый неприятель со ста двадцатью тысячами победоносного войска, шагает к Браунау, а нас только двадцать тысяч, Россия и помощь далеко от нас, должно отступить, завтрашний день до рассвета оставим Браунау.

Октября 28-го, город Кремс

Мы только что немного приостановились, перейдя за Дунай и сжегши на нем весьма длинный мост, все утомлены от ретирады. О! сколько трудна она! Ксе-

нофонтова вряд ли тяжелее. От Браунау до Кремса, около четырех сот верст, шли мы день и ночь и во все время становились лагерем всегда на голом поле, без палаток и всякого прикрытия, кроме самых худых шалашей из соломы или тростнику, а от сильного холоду согревались у огня, который каждый у своего шалаша раскладывал. Надобно испытать такую нужду, чтобы иметь о ней понятие: итти целые ночи насквозь в грязи по колено, измокнуть от снега или дождя и дрожа от холоду или в изнеможении от усталости, на одну минуту броситься на солому, которая тогда покажется несравненно приятнее бархатных и сафьяновых диванов: вот каково было наше положение. Сии стихи Петрова очень приличны трудам, понесенным нами: Воины, говорит он,

Далекие пути и трудные подъемлют;
Томятся день и ночь, едва когда воздремлют;
Нездравы воды пьют, зной терпят, бури, мраз
И дышат воздухом, исполненным зараз!

По причине трудных ночных переходов, испорченных дорог и самой дурной погоды, много отставало людей от полков, но при первой возможности большая часть из них возвращались к своим местам. Крайне любопытно заметить, что люди сии, не зная языка и не имея ни вожатых, ни географических карт, пробирались сквозь горы и леса окольными дорогами. Каким же образом прокрадывались они сквозь места, занятые неприятелем, по сту и более верст проходя путями неизвестными? Многие рассказывают, что направляли путь свой по солнцу, по ветру и по звездам, а некоторые говорят просто: «к своим сердце ведет!» Желаю сообщить тебе нечто подробнее о нашей ретираде!

Прибытие Макка в Браунау и несчастие наших союзников склонило главнокомандующего спасти армию ретирадою, почему и было положено, чтоб остаться еще несколько дней в Браунау для вывезения большого парка цесарской артиллерии и прочего.

Российские кирасиры, драгуны и артиллерия, кои еще не дошли до Браунау, получили повеление остановиться и дожидать прибытия к ним армии. Войска

наши разделены были на три корпуса, которые один за другим выступили в течение трех дней. Тогдашнее время года не позволяло оставлять большой дороги (шоссе), почему и должно было итти всем одною дорогою, кроме цесарского генерала Кин-Майера, который с войсками своими вступил в Австрию через Браун-Гаузен. Ему должно было проходить по мостовой, ведущей из Зальцбурга к Ламбаху и провожать нас стороною до Штеера. Генерал Ностиц, командовавший венгерскими гусарами, шел из Пассау в Линц. Все мосты на реке Инне были разорены, и главная квартира чрез два перехода перенеслась в Ламбах. Одна часть войск заняла Вельс, где и простояла около трех дней, дожидаясь прибытия австрийцев.

Прекрасный город Вельс погружен был в чрезвычайное уныние: дома опустели, жители, нагрузив имуществом барки и лодки, вместе с своими семействами садились на них и предавались на волю течения реки, которая несла их в недра гор венгерских: там надеялись они укрыться от нашествия врагов. Те, которые по различным обстоятельствам принуждены были остаться в городе, по три раза в день собирались в церкви и с коленопреклонением, обливаясь горестными слезами, умоляли Бога о защите их страны. В сие самое время, то есть 16 Октября, приехал из Вены в Вельс император Франц II. Какое зрелище представилось сему монарху! Скорбь и отчаяние, так сказать, блуждающие по стогнам града, унылый звон колоколов и стон несчастного народа на улицах, мертвое молчание и пустота в великолепных домах!

Там видит он знатного вельможу, удаляющегося от пышных чертогов своих, в другом месте бедного ремесленника и скорбящую нежную мать, вместо всех сокровищ, несущую на руках своих болящих чад. Какою горестию должно поражаться сердце монарха, взирающего на бедствие своего народа! Каждая слеза сироты, каждый вздох вдовицы, кажется, призывают на главу его гнев небес! Градские чиновники вышли навстречу своему государю: какая встреча! Толпа опечаленных немцев, стеснившись около кареты, прокричала раза три сквозь слезы: «Да здравствует император Франц II!» После депутаты от города приходили просить у императора защиты от лютости врагов, особ-

ливо единоверцев их баварцев, которые все предают огню и мечу. «Друзья мои,— говорил опечаленный монарх,— единая надежда нам на бога и на великодушие союзного императора Александра I. Скоро получим мы сильную помощь, и бедствия прекратятся». Так говорил монарх, но бедный народ оставался безутешен. Ах! во время всеобщего злополучия и царская корона — тягостное бремя.

Из Ламбаха главное отделение войск перешло в Вельс, а то, которое было в Вельсе, в Эбершберг и служило отрядом в Линце к принятию генерала Ностица. Все прочие малые дороги заняты были пехотою, арьергард же, под начальством князя Багратиона, остался в Ламбахе. На другой день по прибытии австрийцев в Вельс, началось первое дело в Ламбахе: войска цесарские, возвращавшиеся по большой дороге из Браунау, были жестоко преследованы французским авангардом.

Цесарский генерал Мейерфельд потребовал помощи, и генерал Багратион, расположась позади Ламбаха, отрядил два егерских полка, Павлоградских гусар и батарею конной артиллерии. Весь сей отряд, порученный под начальство генерала Мейерфельда, исполнял долг свой с примерною отличностию, навел ужас на неприятеля и получил похвалу от цесарского генерала. На сей сшибке был ранен смертельно граф Головкин, шеф егерского полку: он сражался как истинный герой и россиянин. Таким образом отразив неприятеля, войска цесарские перешли реку при Ламбахе, разорили на ней мост и направили путь свой к Штееру. Армия российская пошла на Эбершберг, где, присоединив к себе австрийского генерала Ностица, российских генералов Штрика и Лидерса и разорив мост на Дунае в Линце, пошла на Энс, где и переправилась чрез реку того же имени. Там-то гусары австрийские, заключавшие поход войск, были сильно теснимы неприятелем, который вез пушки, желая захватить мост на Энсе. В сем месте в первый раз был я свидетелем военного позорища. Колонна наша отошла уже четыре версты от реки. Князю Багратиону поручено было защищать переправу; однако ж генерал Милорадович, будучи охотник до военных зрелищ, поехал к реке, взяв и меня с собою.

Издали еще услышали мы глухой стон, казавшийся выходящим из-под земли, а на небе увидели багряное зарево. Но как описать то, что поразило меня, когда мы приближались к месту сражения? Глубокая темнота ночи освещалась пожарами: артиллерия наша действовала ужасно!

Вся земля потрясалась, окрестные горы трепетали, и встревоженное эхо в глубине долин повторяло стон природы. Зажигательные вещества положены были на мосту. Каким-то нечаянным случаем он загорелся прежде с нашей стороны. Французы бросились на противный конец и хотели гасить, но генерал Кутузов приехавший также к реке, дает знак, и вдруг несколько отважных егерей, под картечными выстрелами, бросаются через огонь, прогоняют французов и зажигают с их стороны мост: вот каковы русские!

Загоревшийся мост увеличил пожар. Все небо побагровело, и бурные волны реки Энса приняли вид пламенной тверди. Разряжавшиеся каркасы и гранаты стремили потоки огненных искр. Если прибавить к всему ужасный стук барабанов, сильную ружейную стрельбу двух тысяч кроатов, залегших в шанцах и действовавших из двуствольных своих ружей, и крик сражающихся: то можно иметь некоторое понятие о ночной сшибке при Энсе.

С нашей стороны сделаны были шанцовые укрепления, войска цесарские под начальством генерала Мейерфельда поставлены в Штеер, все опасные места реки охраняемы, и мы надеялись долго держаться в сем положении. Но вскоре неприятель вытеснил цесарцев из их мест, почему и мы должны были оставить Энс и итти на Амштетен. Близ сего города по двудневном походе арьергард наш под начальством князя Багратиона жестоко притеснен сильным неприятельским отрядом и принужден был отступить к отделенной бригаде генерала Милорадовича.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АМШТЕТЕНЕ

Октября 24 числа главнокомандующий приказал отделенной бригаде под начальством генерала Милорадовича, состоявшей из трех полков пехоты и одного

конного, остановиться и принять неприятеля, который сбивал с поля князя Багратиона с авангардом. Положение наше было следующее: по обеим сторонам дороги равнина, не более как на два вытянутые полка, вокруг лес, а на левой руке горы. Едва успели полки, составлявшие авангард, пройти мимо нас, как вдруг впереди из лесу показалось несколько неприятельских колонн, а с правой стороны его конница. Мы стояли в две линии, вторая наша линия и резерв были у самого леса в лощине, так что неприятель не мог их хорошо видеть. Генерал Милорадович, помня наставления великого Суворова, что русский солдат должен доставить победу концом своего штыка, отдал приказание, чтоб гренадерский батальон его полка не заряжал ружей, а встретил бы неприятеля прямо грудью и холодным ружьем. В четыре часа пополудни дело началось: первая наша линия выслала стрелков противу неприятельских, которые высыпали из лесу. В сие время открыл неприятель сильную пушечную пальбу, но ядра летали все через нас и падали сзади подле дороги в лесу так, что во все время не причиняли нам почти ни малейшего вреда. Мариупольского гусарского полку полковник Ребиндер с эскадроном своим врубился в неприятельскую конницу и, пробившись сквозь оную, набежал на подкрепленную пехоту, ударил на нее, но в то же время картечный выстрел ранил его в ногу и убил под ним лошадь. Он упал и был раздроблен на части саблями французских гусар. Сей храбрый полковник своею рукою изрубил до десяти человек неприятелей. Подоспевшая конная артиллерия * действовала отменно удачно и привела колонны неприятельские в замешательство.

Наконец на правом крыле Малороссийский гренадерский полк открыл батальный огонь, а на левом, где неприятель был сильнее, Апшеронского и Смоленского мушкетерских полков батальоны пошли на штыки, и неприятель опрокинут. Многие его колонны расстроились и бежали далеко. Вторая наша линия вступила в бой уже при конце. Вообще дело сие походило более на маневры: здесь в первый раз увидел я твердость русских, когда место и обстоятельства способствуют им, ни один не показал даже и виду обра-

* Роты подполковника Ермолова.

титься назад. Потерь у нас очень мало: ранен генерал Берг пулею в нижнюю часть рта. Отлично сражались под начальством генерала Милорадовича: генералы граф Витгенштейн и Кулебакин. Убитых и раненых в сем сражении с неприятельской стороны довольно, с нашей мало. Чуть было и я не попал в число первых или по крайней мере последних. Смерть близехонько пролетела мимо меня. Вот как это было. Г. Милорадович послал меня к графу Витгенштейну сказать, чтоб он принял начальство над левым крылом вместо раненого Г. Берга. Граф, для сбережения людей, стоял с полком своим в глубокой лощине так, что ядра летали через. Лишь только я сказал приказание и, возвращаясь назад, стал въезжать на высоту, как вдруг из рук моих ускользнула шпага, когда я ударил ею по лошади. Спеша к генералу, я хотел было оставить шпагу, но какое-то предчувствие понудило меня ее поднять. Лишь только я слез и, наклонившись, принялся за эфес, как вдруг ядро завизжало над самою головою моей лошади, и она вся затряслась, как лист. Место, на котором я остановился, было возвышено, и ядра летели недалеко от его поверхности. Если б не выпала из рук моих шпага и я не слез бы ее поднять, то Бог знает, что бы со мной было!..

По окончании дела, уже в сумерки, генерал послал меня донести главнокомандующему, что неприятель прогнан за лес и мы заняли гору. Я нашел его в лагере. Генерал Кутузов отменно был доволен вестью о победе, расспрашивал меня подробно о целом сражении и приказал, чтобы через час отступить, оставя сзади конные пикеты.

С сего времени до самого Кремса бригада наша оставалась в арьергарде. Тут-то наиболее претерпели мы беспокойства. Всякий день в перестрелке с неприятелем и часто дня по два и более без хлеба, питаясь одними картофелями. Наконец Октября 28 пришли в Кремс, того же вечера сожгли большой мост на Дунае и теперь думаем быть спокойными.

Октября 29, в 10 часов утра

Теперь стоим мы за Дунаем, мост в Кремсе сожжен, в Линце также, а Вена, конечно, будет обороняться. Итак, мы можем весьма долго защищать Дунай,

и как слух носится, останемся здесь зимовать в ожидании главной армии генерала Буксгевдена, идущей чрез Моравию. После столь трудных походов и кровавых трудов зимние квартиры для нас необходимы. Французов на нашей стороне совсем нет, да и на другом берегу Дуная очень мало, потому, что они еще с Санкт-Пельтена повернули к Вене. Итак, мы надеемся быть спокойны.

В 5 часов пополудни

Сейчас сделалась у нас сильная тревога, которая, однако ж, скоро утихла. На нашей стороне поймали несколько французов, которые открыли, что две дивизии под начальством маршала Мортье, переправясь в Линце, где они починили разоренный нами мост, идут к Кремсу. Пленные объявили, что пехота неприятельская, составленная по большей части из стрелков, тянется по горам, покрытым виноградниками, а конница их: драгуны следуют по самому берегу Дуная. Неожидаемое известие! следовательно, мы должны еще иметь сражение.

Сегодня на здешнем театре хотели играть какую-то героическую драму, но восставшая тревога слишком напугала актеров. Скоро, я думаю, мы сами с французами будем играть трагедию: зрителями будут все жители окрестных стран, а действие произойдет на берегах Дуная, которые верно обагрятся кровью. Дай Бог, чтобы правота русских восторжествовала!

В 9 часов вечера

Уже получили мы повеление напасть на неприятеля, которого две дивизии (около двадцати тысяч) с маршалом Мортье переправились в Линце, прошли Дирштейн и находятся за четыре часа от Кремса, близ Вейс-Кирхена. Итак, завтрашний день с рассветом начнется кровопролитие.

В 10 часов вечера

Сию минуту сошлись мы — четыре офицера из нашего полку, в прекрасно убранном и освещенном кремском трактире: завтрашний день будет сражение, никто не думает о смерти. Видаясь с ней каждую минуту, мы так сказать, уже ознакомились с нею и пе-

рестали страшиться для всех ужасного ее вида. Мы завели, однако ж, между прочим разговор о том, кому из нас суждено в последний раз ужинать в кремском трактире и кто должен завтра перейти в царство мертвых*.

Сражение при Кремсе, 30 Октября

Кремс, Штейн и Маультерн суть три города, соединенные почти вместе. Между двумя первыми находится небольшая площадь, а Маультерн отделен рекою Дунаем.

Расположение главнокомандующего было следующее: отделенной бригаде нашей, вышед из города Штейна и взяв с полверсты направо, под прикрытием разных строений вдоль по берегу реки Дуная дожидаться до тех пор, пока генералы Дохтуров и Уланиус с правой стороны по высотам обойдут неприятеля с тылу. Князь Багратион с колонною своею отряжен был на дорогу в Будвейсу для наблюдения. Итак, вот наше положение: узкий берег, с левой стороны Дунай, с правой—превысокие утесистые горы, на которых рассеяны наши егеря, спереди мы, сзади Уланиус и Дохтуров, а неприятель в середине, в двух небольших местечках. Не правда ли, что по сему мудрому распоряжению нам оставалось только забрать его без драки! Но впоследствии вышло совсем другое. Лишь только пришли мы на назначенное место, как вдруг из-за скалы показалось несколько французов, которые, чаятельно, посланы были для разведывания. Промчался слух, будто за горою стоит сильная артиллерия: полк, бывший впереди, встревожился. Генерал Милорадович, желая доказать, что опасности не было, выслал в охотники весь гренадерский батальон своего полку. Лишь только подвинулись мы несколько вперед, как увидели не более двадцати французов, которые тотчас и побежали от нас, мы же разделились на три части, из которых одна пошла самым берегом налево, другая прямо к деревне, а третья взлезла на горы. Мне досталось быть во третьей и карабкаться на вы-

* На завтрашний день в самом деле один из наших товарищей, поручик Дмитриев, достался в жертву смерти, но он умер славно!..

соты. Таким образом подвигаясь вперед, беспрестанно видели мы французов, выскакивавших поодиночке из ущелин гор и бежавших к местечку. Подходя же к тем местам, где они гнездились, находили раскладенные огни и множество разного рода съестных припасов, а в ущельях гор много перин и подушек, на которых французы покоились. Неприятель ночевал в сих горах и, увидев нас, все сие бросил. Чем далее подвигались мы вперед, тем явственнее открывались великие силы неприятеля. Длинные гряды скал и гребни высоких гор унизаны были его пехотою и спешившеюся конницею. Лучи восходящего солнца играли на светлом оружии, гордо на высотах стоявших строев. Но неизвестно еще было, которое из воинств озарится лучами славы с окончанием дня и боя!.. Между тем перестрелка стала сильнее. Те, которые шли левою стороною по берегу, достигли деревни, из которой неприятель учинил на них жестокое нападение. К нам подоспели новые стрелки, а неприятель выдвинул новые колонны, скрывавшиеся за деревней, и дело началось самое жаркое и кровопролитное, продолжавшееся целый день.

Французы засыпали нас картечью из множества своих батарей. Мы несколько раз принуждены были отступать до самого города, и всякий раз генерал Милорадович, начальствовавший в сем деле, мужественно отражал неприятеля и по трупам его водил расстроенные полки свои вперед. Все запасные батальоны, находившиеся в городе Штейне под начальством генерала Эссена 2-го, вступили в дело. На долине и в горах бой продолжался с равным жаром. Теснота места усугубляла жестокость сражения. Пули сновали туда и сюда, как рои пчел. Ядра и картечи, шумя по горам, ссекали деревья и дробили камни. Людей било сучьями и иверНями. Одна отбитая терновая ветвь, зацепив меня на полете, исколола правое ухо и больно зашибла голову, так что надо было перевязать. Полк наш, сражаясь отчаянно, очевидно исчезал. Много офицеров было раненых и многие, перевязав раны, возвращались в бой. Наконец уже к вечеру Ланиус с егерями, а генерал Дохтуров с своею колонною ударили на неприятеля с тылу, и он весь частию потоплен, частию забран был в плен. С нашей стороны

убитых и раненых только в одной бригаде Милорадовича, бывшей в самом пылу сражения, много. Сия победа не стоила бы нам так дорого, если бы генерал Дохтуров мог зайти ранее с тылу, но дороги по горам совсем неудобопроходимы. У французов взяли мы знамена, пушки и генерала Грендоржа. Несколько французов, между коими находился и сей генерал, хотели спасти себя на лодке, которую быстрым течением воды занесло к палям (на коих стоял мост), где она так завязла, что не могла никак с места двинуться. Поручик Шкларевич, Апшеронского мушкетерского полку, с несколькими гренадерами поехал на лодке к неприятельскому судну и привез генерала и двух полковников на берег.

В сем сражении, между прочим, из нашего полку пал князь Сибирский, молодой любезный человек, имевший чин подполковника: он стоил многих слез своему достойному брату*. Еще убит недавно выпущенный из гвардии поручик Дмитриев. Получив две раны, он не переставал сражаться и в третий раз сражен пулею. Отличились в Апшеронском полку офицеры: Морозов, Албинский, Воронец, Скальской и Шушерин. Справедливость требует, чтоб не умолчать здесь об отличном подвиге и рядового Музен-Каца. Апшеронского мушкетерского полка, гренадерского батальона, роты капитана Морозова, гренадер Музен-Кац, находясь в стрелках в виноградном саду, отрезан был от своих товарищей. Французский офицер с четырьмя рядовыми нападают на него. «Сдайся» (пардон) кричат ему со всех сторон. Но храбрый гренадер не хочет понимать их требования, надеясь управиться со всеми пятью. Первым выстрелом убивает он офицера. Четыре солдата с бешенством на него бросаются. Начинается рукопашный бой. Музен-Кац колет штыком и бьет прикладом. Все четыре сопротивника его один за другим валятся бездыханны к его ногам. «Ура! — воскликнул Музен-Кац,— с нами Бог! злодеев нет!» и покрытый шестью ранами возвратился к своей роте, ввиду которой с таким мужеством совершил свой подвиг.

---

* Который после под Аустерлицем, сражаясь весьма храбро с полком своим, был покрыт ранами и взят в плен.

Государь император произвел Музен-Каца в унтер-офицеры и приказал выдать ему единовременно сто рублей. Сей анекдот можно назвать: храбрый апшеронский гренадер, или один на пятерых.

Октября 31-го

Вчерашний день был я окружен тысячью различных смертей, видел беспрестанно льющуюся кровь, слышал свист пуль — и остался жив. Сегодня рано поутру ходил на место сражения: шум умолк; мертвая тишина царствовала в долине, солнце медлило восходить: оно, казалось, страшилось воззреть на место, где гремела брань. И как не ужаснуться? Целый берег Дуная покрыт трупами! Там лежат они кучами, в другом месте порознь, иной держится за раздробленную голову, другой схватился рукою за грудь, из которой жизнь его излилась вместе с кровию. Все чувства возмущаются при воззрении на побиенных. О! сколь ничтожен в сию минуту кажется род человеков! Тысячи лежат повержены во прахе, подобно непотребным животным, тяготившим собою землю. Иной надеялся кончить жизнь на пышном ложе, под пурпуровым покрывалом, но, сраженный роком, пал на голую землю и обагрился кровию. Другой, менее мучимый честолюбием, льстил себя надеждою умереть в мирной хижине, в недрах своего семейства, в объятиях милой подруги, узреть вокруг себя любезных чад, возвести последний взор на небо и, прельстясь сияющею в нем благостию творца, сомкнуть глаза: о сколь сладостна смерть сия! но и он пал на поле брани. Место сражения было не пространно: конница и артиллерия, несколько раз проезжая взад и вперед раздробили почти все трупы. Иной лежал без головы, другой разбит на две половины, некоторые скатившимися с гор каменьями так были стиснуты, что едва на людей походили. Все покрыты густою черною пылью. В разных местах разные растерзанные члены в крови дымились. С глухим ропотом Дунай, устрашась собственных берегов своих, омытых кровию, бежал, кажется, быстрее обыкновенного в страны благоденствия. Никогда на долинах своих не видал он столько златых снопов и гроздьев виноградных, сколько ныне трупов человеческих и сокрушенного оружия.

Пораженный сим печальным позорищем, которого вчера в жару ратном не мог заметить, спешил я чрез изломанное оружие на вершины гор. По мере отдаления от места ужаса казалось, что новая жизнь вместе с свежим воздухом вливалась в мою грудь. Унылый ветр свистал в ущельях скал, жалостный вопль раненых, возносясь из ближних хижин, стоявших во глубине кровавой долины, мешался с ним. С высоты гор взглянул я еще раз на долину, где видно было торжество ликующей смерти. Казалось, что она попирала стонами все величие мирское: знатные и убогие, сильные и слабые, сраженные десницею,— все равно погребены были во прахе. Одни только имена и деяния славных героев, возносились превыше гибели, и благодарное потомство готовилось запечатлеть их в сердцах.

Ноября 10-го под Ольмуцем, поутру

Не правда ли, что положение наше было самое неприятное: под Кремсом разбили мы неприятеля в пух, а сами должны были отступить до самого Бринна, что в Моравии, и далее: потому, что Вена сдалась и неприятель стал у нас с крыла. Если бы мы опоздали притти одним днем в Кремс, то французы, переправившиеся в Линце и нами разбитые, успев притти прежде нас, сожгли бы мост в Кремсе и чрез то принудили бы нас оставаться на другом берегу на произвол судьбы. Но мудрый наш Кутузов предупредил их намерение, и мы спаслись. Наконец 6 Ноября в окрестностях Бринна соединились мы с небольшим корпусом цесарцев и избавились от преследования французов, которые и тут хотели пресечь нам путь. Оттуда пошли далее до крепости Ольмуца, где теперь, пройдя от Кремса до трехсот верст, соединились с новоприбывшими войсками под начальством генерала Буксгевдена и великого князя Константина Павловича.

Ноября 10-го, ввечеру

Сего числа, пополудни в три часа, все наши войска были выстроены в боевой порядок. Государь император осматривал их: с одной стороны стояли войска, пришедшие с генералом Буксгевденом и гвардия, вся

в новом чистом одеянии, которое на них сияло и светилось, напротив того наши полки составляли великую противоположность с ними. Пройдя до семи сот верст от Браунау до Ольмуца и претерпя всевозможные нужды, нам, конечно, нельзя было равняться в опрятности с новоприбывшими. Государь император подъехал к нам и весьма милостиво благодарил за верную службу победителей под Амштетеном, Кремсом и Шен-Грабеном. О! сколь счастлив народ, которого монарх сам испытывает трудности военные, утомленных от подвигов геройских оживотворяет он присутствием своим. Российские герои забывают все претерпенные тягости, все горестные нужды при воззрении на обожаемого ими государя, милосердный монарх льет сладчайшее утешение в сердца своих подданных и творит их блаженными.

Я забыл упомянуть еще об одном важном случае в нашей ретираде, о деле Шен-Грабенском. Когда сверх всякого чаяния Вена сдалась и неприятель, устремясь к Голабруну, едва не окружил нас совсем, тогда для избежания угрожавшей опасности, принуждены были несколько суток сряду, день и ночь, итти без малейшего роздыха, по проселочным, почти неудобопроходимым дорогам. Наконец, миновав Голабрун и, следовательно, опередя неприятеля, пошли мы за Шен-Грабен, при коем оставлен был князь Багратион с арьергардом, а главная часть войск прошла далее за двадцать верст. Лишь только арьергард остановился лагерем, как вдруг появился в расстоянии на пушечный только выстрел принц Мюрат с шестидесятью тысячами французов. Он успел обмануть стоявшего впереди австрийского генерала Ностица, и со всею своею силою внезапно напал на наш арьергард, состоявший тогда не более как из пяти тысяч. Казалось, что войскам сим должно было погибнуть, и в самом деле то случилось бы если б в арьергарде были не русские, но в геройских сердцах россиян дух мужества тем более возвышается, чем опасность увеличивается. Истинная вера и несомненная надежда на Бога, им поборающего, соделывает их необходимыми. Сражение при Шен-Грабене оправдало сие. Пять тысяч россиян, сражаясь с шестьюдесятью тысячами французов, отняли у них знамя, убили генерала и с

немалым числом пленных офицеров и рядовых, присоединились к прочим войскам тогда, когда их должно было почитать погибшими. Триста спартанцев побили двадцать тысяч персов в неприступном проходе Фермопильском, а пять тысяч россиян отразили шестьдесят тысяч французов на чистом поле! Но там был Леонид, а здесь князь Багратион. Исполать героям русским!..

Ноября 19, в 9 часов поутру

Под Ольмуцем простояли мы четыре дня, и когда все войска соединились, то двинулись вперед. Теперь по тридневном походе остановились лагерем на возвышенных горах, за местечком Славковым. Уже мы недалеко от Бринна, в котором стоит вся французская сила.

Ноября 19, в 12 часов ночи

Сейчас только кончили мы весьма трудный переход и остановились на возвышенных местах. Неподалеку от нас в долине виден город Аустерлиц, а на противоположных горах лагери всей французской армии. Глубокая темнота ночи не освещается ни одним из светил небесных, какая-то ужасная тишина царствует в окрестностях. Утомленные солдаты наши с свойственным только русским спокойствием духа, крепко спят вокруг угасающих огней; одни стражи недремлющим оком, проницающим темноту ночную, и, подавая друг другу извещательный голос, бодрственно охраняют погруженных в сон героев, собратий своих, от внезапного нападения коварного врага. Напротив того, неприятель, упившись виноградным вином, торжествует: тысячи костров из сухих виноградных кольев ярко пылают, и багряное пламя их рассеивается в сгущенных мраках осенней ночи, у них слышны музыка и песни *.

---

* После узнали мы, что причиною сего торжества было прибытие свежих пятидесяти тысяч войск, приведенных Бернадотом. Наполеон говорил войскам речь, которою старался возбудить в них дух мужества, а сверх того на каждого солдата велел раздать по лишнему против положенного участку мяса и хлеба и по большей мерке вина.

Город Голич на границе Венгрии,
Ноября 23-го

Уже прошло три дня, как мы имели главное сражение под Аустерлицем. Армия наша была растянута на пятнадцать верст, а потому и не могу сказать тебе, любезный друг, ничего подробного об Аустерлицком сражении. Авангард наш, под начальством князя Багратиона, стоял у Позорицкой почты, противу левого неприятельского крыла, а левое наше крыло противу Турасского лесу, заслонявшего правое неприятельское крыло. Французов было сто тридцать тысяч, а нас всего с австрийцами только семьдесят. Притом же наши войска во все время претерпевали крайнюю нужду в съестных припасах, а французы не только были в изобилии, но и имели все излишнее. Однако ж победа колебалась чрез целый день, и уже по наступлении ночи мы отступили к пределам Венгрии. Опишу тебе только то, чему сам был очевидным свидетелем, то есть что происходило в нашей четвертой колонне, находившейся в самой средине армии. Там сражение началось тем, что генерал Милорадович отрядил вперед Новгородского мушкетерского полку два батальона с полковником Манахтиным и спустя несколько времени послал капитана Морозова с гренадерским Апшеронским батальоном, брать находившуюся впереди деревню.

Все сие происходило пред очами неустрашимого монарха нашего, который в сие время находился на ближнем возвышенном кургане. Полковник Манахтин, пройдя поле, увидел вдруг вышедшие из-за гор пять неприятельских колонн, храбро ударил на них в штыки, но был опрокинут, получа сам контузию. Апшеронский гренадерский батальон, встретясь также внезапно с двумя большими колоннами, принужден был отступить. Вскоре вся четвертая колонна вступила в бой, воздух помрачился от пуль, кровь брызнула с обеих сторон, и земля задрожала от сильной пальбы бесчисленного множества огнестрельных орудий. Наконец Новгородского мушкетерского полку шеф генерал Репнинский был ранен, и полк его расстроился. Малороссийского гренадерского полку шеф генерал Берг, недавно излечившийся от полученной им при

Амштетене раны, нося сам знамя, долго удерживал полк свой, близ него убили его адъютанта и много офицеров. Пришед в изнеможение, он велел водить себя под руки и заклинал солдат стоять твердо, но, получа две контузии, упал замертво и достался неприятелю в плен. Оставшийся после него полковым командиром храбрый майор Криштофович также был жестоко ранен, и весь полк пришел в неустройство. Сей храбрый майор после 25-летней службы в офицерском чине, бывший в турецких, шведском и французском походах, получа еще несколько ран, теперь, когда письма сии печатаются, произведен в генералы. Апшеронский полк, лишась большей половины лучших солдат и многих офицеров, весьма ослабел. К вечеру генерал Милорадович, под картечными выстрелами собрав рассеянную свою колонну, повел оную в Аустерлиц для приема патронов, которые все уже были расстреляны. Говорят, что против сей четвертой колонны, состоявшей не более как из четырех тысяч, французов было более десяти тысяч и сам Бонапарте, ибо он желал пробиться сквозь середину. Наиболее отражали мы неприятеля штыками, и хотя были весьма расстроены, однако ж удерживали место почти чрез целый день. После того, соединясь с князем Багратионом, прикрывали отступление всей армии, и в течение трех дней имели еще несколько малых стычек.

В сражении под Аустерлицем ранен смертельно зять главнокомандующего граф Тизенгаузен, прекрасный молодой человек. Движимый духом мужества, он стремился в самые опасные места. Когда пуля пробила ему грудь, он упал с лошади, генерал Милорадович послал к нему адъютанта Аракчеева с несколькими рядовыми, но лишь только подняли его на ружья, как наступившая весьма близко французская колонна, открыв батальный огонь, засыпала пулями тех, кои несли, и принудила их оставить графа. Неистовые неприятели, набежав, сорвали с него аксельбанты, недавно полученный им орден и в бешенстве били еще прикладами. Наконец, когда наши прогнали их назад, то и граф был взят почти полумертвый и чрез несколько дней скончался. Такова участь смертных! Что значит знатность рода? что пышность и величие? Пустой звук слов — смерть не страшится их. Зять

главнокомандующего во цвете юных лет, обласканный счастием, пал от пули так же, как и простой воин.

Теперь вступили мы в Венгрию. Между нашими и французскими войсками заключено перемирие на неограниченное время, и, как говорят, скоро настанет совершенный мир.

БЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Друг мой! проходя по окрестностям, прежде процветавшим, а ныне опустошенным огнем и мечом неприятелей, часто мечтаю я, для чего все народы земные не могут увидеть ужаснейших бедствий погибающих собратий своих — бедствий, человеками причиненных? О! сколь ужасное позорище представилось бы им! Целые области, претворенные в степь, адские пожары, пожирающие великолепные города и смиренные села, смерть в ужасных образах болезней и язв, блуждающая по развалинам обителей избиенных смертных, вот что явилось бы очам жителей мира сего! Ужели бы сердца их не смягчились! Но это одна мечта. Однако ж, многие чувствуют живо бедствия войны, нежные матери, горестные супруги! не напрасно в час полуночи страшные сны возмущают покой ваш, не напрасно сердца ваши занывают, они предчувствуют падение любезных вам: сердце часто бывает вернейшим вестником злополучия!

Смотря на огромные обозы с различными имуществами несчастных, при которых старцы, жены и сироты печально идут, невольно вспомнишь о случавшихся в глубокой древности переселениях народов, но тогда гнев природы, потоп, мор и глад тревожили обитателей земных, а ныне рассвирепевшие народы вооруженною рукою, так сказать, сталкивают друг друга с лица земли и плавают в крови собратий своих! Побежденные с горестию убегают из родины своей, победители, вместе с смертью, пируют в их жилищах.

МИР

Приди от стран благословенных, из обители тишины и вечных радостей, приди от краев эфирных, где ты предстоишь лучезарному престолу миры творяще-

му; приди! и тихо по лазоревым зыбям спустися на землю — жилище суеты и горестей; священный мир! Ты приятнее светлой зари, когда она после бурной ночи светлеет на ясном своде небес, ты сладостнее благодатного весеннего солнца. Тебя приветствуют седовласый старец в бедной хижине своей, и малые сироты убиенного на брани сына его перестают плакать, видя спокойствие на его челе. Тебя приветствуют вельможи в великолепных чертогах своих, покой и веселие возвращаются к ним. Божественный мир! к тебе воссылают сердечные хваления все те, которые чтут священную добродетель, тебя с восторгом встречают благоговеющие пред тобою народы.

Наконец Бог услышал стоны и моления народов — и война прекратилась. Войска наши идут в Россию, а французские возвращаются к своим пределам.

ВЕНГРИЯ

Как приятно путешествовать по сим местам! какая картина! Длинные цепи Карпатских гор: издали голубые верхи их синеют сквозь прозрачную завесу белого тумана. Подходишь ближе, и тысячи прекрасных разнообразных видов и удивительно приятных изменений природы представляются вдруг и очаровывают прелестию своею восхищенного странника. Частые перелески, зеленые полянки, виноградные сады придают много прелести дикой красоте гор. На самых возвышенных скалах видны древние опустелые замки с гордыми башнями, а внизу у подошвы смиренные хижины. Между гор бывают обыкновенно деревни, тут на долинах поселяне сеют хлеб, косят сено и разводят сады. Быстрые потоки с ревом стремятся с гор и, претворяясь в светлые ручьи, тихо льются по долинам. В Венгрии отменно много картинных видов и прекрасных мест: извне это бесподобная земля, тебе надо сказать о ее внутренности.

Венгры, народ воинственный и вольный, свято хранят права свои. Известно, с каким необоримым мужеством защищали они права свои под предводительством храброго вождя своего графа Емерика Ткелли. Это было в 1685, 86 и 87 годах. Около сего времени то есть в 1654 году с таким же мужеством малорос-

сияне под предводительством знаменитого Хмельницкого отбили у поляков права и свободу свою. Венгры также имеют знатных господ, графов, князей и баронов, но у них на место феодального существует право поземельное.

Помещик, имеющий много земли, отдает ее внаем крестьянам, которые там поселяются, обрабатывают поля и платят условную по договору подать. Ежели ж крестьянин не пожелает жить у одного господина, то может перейти в другую округу и поселиться на земле избранного им помещика, но прежде нежели станет переходить, обязан он заплатить тому господину, с чьей земли сходит, годовую условную подать за десять лет вперед и тогда свободен. По прошествии же каждых десяти лет делается по всему государству ревизия, и крестьяне записываются за теми господами, на чьей земле их застают. Венгрия разделяется на губернии, уезды и порты. Несколько деревень вместе имеют своего начальника и составляют отделение, называемое портом, несколько портов составляют уезд, и так далее. Портовым начальникам поручено узнавать качество земли, каким рукодельем или какого роду промышленностию достают пропитание жители их портов, также наблюдать вообще за их нравами и поведением и о всем том доносить уездам, а те относятся в губернии. В случае же наборов начальники портов собирают солдат и представляют их в уезды. Все губернаторы во всем относятся к высшему начальнику Палатину.

Палатин есть посредник между народом и королем, он обязан защищать права народные противу самого короля, если бы сей вздумал их нарушать. Когда король присылает какие повеления, он рассматривает их и, если находит, что они не противны коренным законам венгерским, то спешит выполнить, а если случатся повеления, противные законам, а король настоит в исполнении оных, тогда Палатин собирает сейм и рассуждает о возможности выполнения требований короля, не соответствующих законам.

Палатин при коронации своей всегда находит под короною особенные права Венгрии, кои клянется свято хранить и защищать. Все дела решит он вместе с семью сенаторами, которые выбираются ему от наро-

да венгерского в помощники. Для избрания нового Палатина, король представляет несколько кандидатов, из которых народ выбирает одного по желанию своему. Венгры, кроме поземельной платы помещикам, не платят никому податей. Палатин пользуется положенным ему годовым жалованьем, и король получает доходы с соляных заводов, рудокопен и всех казенных фабрик: доходы сии слишком важны. Военная сила Венгрии весьма велика. Она может в случае нужды без крайнего изнурения обывателей, то есть, оставя довольное число для обрабатывания полей, выслать до двух сот тысяч конницы и пехоты, а если нужда потребует защищать границы свои, то и более.

О ТАКТИКЕ ИЛИ ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ ФРАНЦУЗОВ

Рассматривая, каким образом французы ведут наступательную войну, и видя, что главный успех оной зависит, кроме порядка и устройства в войске, от поспешности, внезапности и быстроты, с каковою они наступают на неприятеля и с трех разных сторон, то есть с крыльев и середины, стараются его поражать, легко подумаешь, что они учились сражаться у российского Марса, бессмертного Суворова, ибо последуют всем его правилам. Желая упомянуть о тактике Суворова, расскажу следующий анекдот. Воин, незабвенный для россиян, генералиссимус Суворов в знак особенного своего благоволения к генералу Милорадовичу, которого он весьма отличал и любил, позволил снять с себя портрет в самом малом виде и подарил оный сему генералу.

Сие малое изображение весьма живо представило великого человека. Генерал Милорадович вставил его в перстень и на четырех сторонах оного в четырех словах написал всю тактику Суворова. Сии многозначащие слова суть: быстрота, штыки, победа, ура! Когда генералиссимус увидел сей перстень с изображенною на нем лаконически тактикою в четырех словах, то сказал: что к ним должно прибавить еще пятое и между словами «штыки» и «победа» включить слово «натиск». «Тогда тактика моя,— говорил он,— содержалась бы совершенно в сих пяти словах». Что такое

натиск? Сильный удар штыками в твердыни неприятельские. Строи русские, подобно быстрокрылым орлам, должны грудью налететь на врагов, натиснуть штыками, проломить твердыни враждебных сил, опрокинуть, попрать и в знак победы воскликнуть торжественно ура!! Вот самое краткое изъяснение сих пяти слов, но всякий видит, что они заключают в себе обширный и высокий смысл. Часто герой италийский говаривал любимым своим генералам в поучение следующие краткие изречения: «будьте быстры, неутомимы, прозорливы и подвижны! Неприятель думает, что вы за сто верст, а вы, удвоив, утроив богатырские шаги, нагряньте на него врасплох. Неприятель перестал заботиться, он ожидает вас с чистого поля, а вы из-за гор крутых, из-за темных лесов, как снег на голову налетите на него, поразите, стесните и, опрокинув, гоните без устали... Более всего не давайте врагу одумываться: испуганный неприятель уже вполовину побежден. У страха глаза велики, и один покажется за десятерых!»

Французы как будто слышали все сии наставления, ибо совершенно им последуют: быстрота видна во всех их движениях, в походах они неутомимы, идут день и ночь излучистыми путями, обходят, окружают и внезапным появлением изумляют устрашенного неприятеля. Два только способа, которыми русские во времена Суворова сильно вредили неприятелю, французами почти не употребляются, а именно: штыки и ночные нападения. К сим последним у нас весьма способны наши казаки: наскакав с различных сторон, ужасным криком и воплем прерывают они глубокое молчание мрачной ночи, вздремавший неприятель просыпается и умирает под острием их копий. Но зато французы стреляют превосходно, почти всякий из их солдат есть искусный стрелок, заряжают они отменно скоро, и пули из рядов стреляющих батальным огнем сыплются как дождь.

Должно заметить, что ружья их гораздо исправнее и лучше наших. Артиллерия французская действует также отменно исправно и метко. При начале сражения большая часть молчит, но коль скоро неприятель обращается в бегство, то целый ад разверзается за ним, все батареи начинают стрелять и

ужасным громом наводят на бегущих панический страх *, не дающий им ни минуты к размышлению.

Французы наступают и отступают всегда колоннами, в том и другом движении производят беспрерывный огонь, охотники рассыпаются перед головами колонн, и первые вступают в перестрелки с неприятелем. Каждый генерал французской армии имеет при себе множество гидов (колонновожатых), которые, рассеявшись на быстрых лошадях, весьма искусно и скоро, верным глазомером снимают совсем незнакомые местоположения, представляют план генералу, который вмиг учредив по оному боевой порядок, велит вести колонны и назначает места, где им вытягиваться в строй. Конница французская весьма многочисленна и довольно хороша, только лошади несколько тяжелы, люди прекрасные, а особливо конные гренадеры и кирасиры, покрытые непроницаемыми латами. Более же всего отличается она конными егерями, которые весьма искусно стреляют с лошадей. Что ж касается до содержания передовых постов и искусства в так называемой малой войне, то французы должны уступить российским казакам и венгерским гусарам.

В заключение должно заметить, что нынешняя тактика в рассуждении многолюдства совсем различествует от той, которую употребляли их Конде и Тюренн. Те с армиями двадцати пяти тысяч делали чудеса, а ныне таковые армии почитаются отрядами, и десять полков ставятся вместо одного. Оттого-то в прежние времена сражения, на которых с обеих сторон выходило по тридцати и по сорока тысяч, не могли быть столь кровопролитны, как нынешние. Тогда заботились более о потере полков, нежели ныне о гибели армий, и тогда выигрывали искусством, а ныне берут все силою и множеством.

Перемена французской тактики последовала со времен революции, когда Робеспьер и лютые сообщники его среди убийств и мятежей на трупах согра ж-

---

* Говорят, что Пан, славный древний завоеватель, с малым числом при звуке бранных орудий, напал на сильного неприятеля ночью, который пришел в такой трепет, что без бою сдался. С тех пор внезапно наведенный трепет стали называть Паническим. Бессмертный Суворов подражал часто Пану.

дан утверждали гибельное для Франции владычество свое. Трибун Карно вне оной учреждал бесчисленные армии и сам из Парижа двигал ими столь же способно, как прежде двигали полками. Так, сие глубокомысленное изобретение располагать и водить целые армии, вытягивать их для боевого порядка на тысячах верстах и начинать сражение вдруг в двадцати и более местах принадлежит, бесспорно, французам: но сколь пагубно изобретение сие для рода человеческого!..

Не ужаснется ли воображение, когда представит себе огромные ополчения, включающие до полумиллиона воинов! Сколь ужасно бранное шествие их! Оно уподобляется течению двух бурных морей, исторгнувшихся из берегов своих и катящих яростные волны на ужасное борение, гибельное для человечества! Реки крови проливаются, тысячи сильных падают во прахе, и судьбы царств решаются. Если Гомер в Илиаде представляет Бога Богов, возлагающего на весы жребий малого числа дарданцев и греков, сражавщихся за один город Трою, то не должно ли и нам помыслить, что творец с высот превыспренних взирает на брань, так сказать, одной половины рода смертных, спорящей с другой о владычестве на лице земном? Но нет, плачевное позорище сие не есть достойно бесконечно благого! Природа содрогается, зря падение чад своих и внемля стону разрушающихся народов, и творец отвращает отеческий взор свой от шара земного, обагренного кровию заблужденных обитателей его.

О СТРЕЛКАХ

Нам, россиянам, прослывшим непобедимыми, всегда должно надеяться побивать французов: ибо то, в чем они искуснее нас, мы перенять можем, а того, что преимущественно свойственно россиянам, французы никогда иметь не будут. Французы никогда не будут мужественно и твердо стоять противу российских штыков, они тотчас бегут, рассеиваются и умеют только прекрасно действовать врассыпную, каждый стрелок прячется за камень, за куст и из всякого удобного места бьет русского, который стыдится укло-

ниться, идя всегда прямо на врага: русские привыкли брать все грудью. Под Кремсом высланы были у нас в стрелки гренадеры высокого росту с длинными султанами, и французы дробные, малые, били их из-за камней, как хотели. Русский гренадер, сильный, рослый, могший итти с штыком на десятерых неприятелей, падал мертв от пули, пущенной из-за куста бессильным французом. Но из сего нельзя заключить, будто бы русские солдаты не способны стрелять: они превзойдут и французов, если их легко одеть и выучить. Мысль о сем предложена была еще за сто лет пред сим Иваном Посошковым боярину Федору Алексеевичу Головину, он говорит: «Если б государь (Петр I) изволил собрать тысяч пять или десяток и научить их таким твердым стреляньям, чтоб ни один пули даром не потерял, то по чему б ни похотел стрелять, по тому б и попал». И далее говорит: «То чаю, что те десять тысяч лучше пятидесяти тысяч у дела будут: то б нашему великому государю самая достохвальная слава и радостная война была, чтоб с малыми людьми многолюдного неприятеля побеждал». (Смотри книгу «Россиянин прошедшего века», изданную в Москве Ф. Розановым).

Посошков сказал самую истину: русские будут непобедимы, если их выучить стрелять, а научиться могут они всему. И противу конных стрелков, которыми французы так много гордятся, Россия имеет кого противопоставить. Известно, что гребенские казаки и прочие племена, воюющие у нас на линии весьма искусно, гораздо превосходнее французов стреляют с лошади на всем скаку. Еще повторяю, что русские, если захотят, во всем могут превзойти французов, а французы никогда не сравнятся с ними в мужестве, крепости телесной, в искусстве поражать штыками, делать ночные нападения и наконец в том, чтоб драться за православную веру, царя и Отечество*. Французы сражаются или за мечтательную свободу, или из рабского повиновения. От того храбрость их непостоянна, она как скоро возрождается, так быстро и проходит, должно только уметь пользоваться их

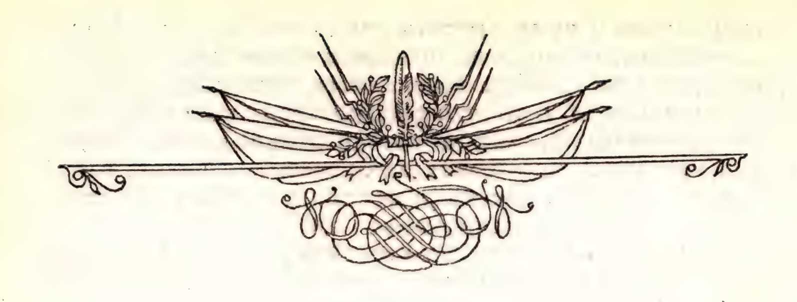
---

* 1812 год показал свету, как сражаются русские под отечественным небом и на родной земле!

расстройкой и не давать им опамятоваться, одним словом, явись Суворов, и мнимо непобедимые войска французские побегут неоглядкою. При сем не бесполезно заметить и то, что русские столь же способны к оборонительным, как и наступательным действиям. С Суворовым они летали на врагов, как вихри, с Кутузовым стояли, как твердые стены. Часто одна стойкость россиян расстраивала все глубокомысленные планы вождя галлов, тысячи пылких французов, летевших на крыльях ярости и отчаяния, падали мертвы пред стонами неколебимых российских строев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот, любезный друг! все, что я имел тебе сказать. Шесть месяцев скитаясь по свету, видел я разные народы и разные земли и в эти шесть месяцев приобрел более опытности, нежели сколько мог бы приобрести в шесть лет, сидя дома. Познакомившись коротко с нуждою и пройдя (по большей части пешком) около шести тысяч верст, возвратился наконец опять с полком в Россию и теперь занимаюсь мыслями о прошедшем и спокойно ожидаю будущего. Все претерпенные труды и тысячи происшествий кажутся сном. Время поистине можно почесть Летою, ибо оно погружает нас в забвение всего. Утешаюсь и тем, что в девятнадцать лет имел уже так много случаев познать свет и людей. Прощай!

ОПИСАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ДО ИЗГНАНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ ИЗ РОССИИ И ПЕРЕХОД ЗА ГРАНИЦУ В 1813 ГОДУ

Мая 10, 1812. Село Сутоки

Природа в полном цвете!.. Зеленеющие поля обещают самую богатую жатву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отчего сердце мое отказывается участвовать в общей радости творения. Оно не смеет развернуться, подобно листьям и цветам. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущает нас перед сильною грозою, сжимает его. Предчувствие какого-то отдаленного несчастья меня пугает... Но, может быть, это мечты!.. «Недаром, говорят простолюдины, прошлого года так долго ходила в небесах невиданная звезда; недаром горели города, села, леса, и во многих местах земля выгорала: не к добру все это! Быть великой войне!» Эти добрые люди имеют свои замечания. В самом деле, мы живем в чудесном веке: природа и люди испытывают превратности необычайные. Теперь в ведомостях только и пишут о страшных наводнениях, о трясении земли в разных странах, о дивных явлениях на небе. Мы читаем в Степенных книгах, что перед великим нашествием татар на Рос-

сию солнце и луна изменяли вид свой, и небо, чудесными знамениями как бы предуведомляло землю о грядущем горе... Нельзя не согласиться со знаменитым Махиавелем, что мыслящие умы тоже легко предузнают различные приключения в судьбе царств и народов, по известным обстоятельствам, как мореплаватели затмение светил и прочее по своим исчислениям.

Известно, до какой степени маркиз Куева де-Бедмар, описанный Сен-Реалем, силен был в науке предузнавать!.. К чему, в самом деле, такое притечение войск к границам? К чему сам государь, оставя удовольствия столицы, поспешил туда разделять труды воинской жизни? К чему, как не к войне!.. Но война эта должна быть необыкновенна, ужасна!.. Наполеон, разгромив большую часть Европы, стоит, как туча, и хмурится над Неманом. Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; грудь русская есть плотина, удерживающая стремление,— прорвется — и наводнение будет неслыханно! — О, друг мой! Ужели бедствия нашествий повторятся в дни наши?.. Ужели покорение? Нет! Русские не выдадут земли своей! Если недостает воинов, то всяк из нас будет одной рукой водить соху, а другой сражаться за Отечество!

Кого не мучит теперь любопытство, чтоб разгадать загадку будущего? — Я читаю славную Гедеонову проповедь на разрушение Лиссабона, и живо представляется воображению моему, как величавый муж, сей в священных сумерках пространного храма, где голос его в таинственных отзывах повторяется, перед лицом императрицы Елисаветы, описывая бедствия колеблющейся природы и страшную гибель Лиссабона, смело укоряет блестящий сонм вельмож в отставлении праотеческих нравов, в неге и роскоши, которым предаются, и вдруг устами боговдохновенного пророка гласит им в последнее наставление сии священные слова: «И егда услышите голос его, не ожесточите сердец ваших». Прощай! Я иду в свой садик поливать цветы и слушать громкого соловья — пока это еще можно! «Жить невидимкой — значит быть счастливу!» — говорит славный философ Декарт. Еще раз: прощай!..

16 Июля 1812. Смоленск

Сейчас приехал я в Смоленск. Какое смятение распространилось в народе!.. Получили известие, что неприятель уже близ Орши. В самом деле, все корпуса, армию нашу составляющие, проходя различными путями к одной цели, соединились в чрезвычайно укрепленном лагере близ Дриссы и ожидали неприятеля. Полагали, что он непременно пойдет на то место, чтоб купить себе вход в древние пределы России ценой сражения с нашими войсками; ибо как отважиться завоевывать государство, не разбив его войск? Но дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего. Народ у нас не привык слышать о приближении неприятеля. Умы и души в страшном волнении. Уже потянулись длинные обозы; всякий разведывает, где безопаснее? Никто не хочет достаться в руки неприятелю. Кажется, в России, равно как и в Испании, будет он покорять только землю, а не людей. До сих пор Смоленск совершенно опустел бы, если б не успокоило встревоженных граждан его присутствие государя. Проезжая из армии в Москву, он удостоил посещением своим наш город. При Высочайшей Особе Его Императорского Величества находились: граф Аракчеев, министр полиции Балашов и Александр Семенович Шишков, который недавно написал столь превосходное творение о любви к Отечеству. Я узнал от живущих на большой дороге, что государь, проезжая там вчерашний день, ласково разговаривал с поселянами, заходил в церкви, молился и приказывал народу молиться. Не так ли поступали древние цари, отцы народа?

Я поспешил было в город, чтобы взглянуть из толпы людей на государя, но город от меня 45 верст, и я не застал уже его!..

17 Июля. Смоленск

Мой друг! настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный после двухсотлетнего сна, пробуждается, чуя грозу военную. Губернский предводитель наш, майор Лесли, от лица всего дворянства, испрашивал у госу-

даря позволения вооружить 20 000 ратников на собственный кошт владельцев. Государь с признательностию принял важную жертву сию. Находящиеся здесь войска и многочисленная артиллерия были обозреваемы самим государем. К ним по высочайшему повелению должны немедленно присоединиться идущие из Дорогобужа и других депо рекрутские батальоны. Уже передовой отряд под начальством храброго генерала Оленина выступил к Красному. Старый генерал Лесли, поспешно вооружив четырех сыновей своих и несколько десятков ратников, послал их присоединиться к сему же отряду, чтоб быть впереди. Вчера принят Е<го> И<мператорским> В<еличеством> из отставки в службу г<енерал>-м<айор> Пассек и получил начальство над частию здешних войск. Земское ополчение усердием дворян и содействием здешнего гражданского губернатора барона Аша со всевозможною скоростью образуется. Смоленск принимает вид военного города. Беспрестанно звенят колокольчики; скачут курьеры; провозят пленных, или шпионов. Несколько польских губерний подняли знамя бунта. Недаром они твердили пословицу: «Слышит птичка весну!» О заблуждение! Они думают воскреснуть среди всеобщего разрушения!.. Обстоятельства становятся бурны. Не знаю, буду ли с тобою видеться, но письменное сношение заменяет половину свидания — так говорит персиянин Бек-али, я верю ему и буду стараться к тебе писать. Прощай!..

18 Июля, 1812. Село Сутоки

Наконец поля наши, покрытые обильнейшею жатвою, должны будут вскоре сделаться полями сражений. Но счастливы они, что послужат местом соединения обеих армий и приобретут, может быть, в потомстве славу Полтавских: ибо Первая Западная армия, под начальством Барклая де Толли, а Вторая — князя Багратиона после неисчислимых препятствий со стороны неприятеля соединились наконец у Смоленска. Г<енерал> Платов прибыл сюда же с 15 000 Донского войска. Армия наша немногочисленна, но войска никогда не бывали в таком устройстве, и полки никогда не имели таких прекрасных людей. Войска получа-

ют наилучшее продовольствие, дворяне жертвуют всем. Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам, которые горят желанием сразиться у стен Смоленских. Некоторые из них изъясняют желание это самым простым, но, конечно, из глубины сердца исходящим выражением: мы уже видим седые бороды отцов наших, говорят они: отдадим ли их на поругание? Время сражаться!

19 Июля. Там же

Я имел удовольствие обнять брата моего Григория, служащего в Либавском пехотном полку. Общество офицеров в сем полку прекрасное, солдаты отменно хороши. Объехав несколько полков, я везде находил офицеров, которые принимали меня как истинные друзья, как ближайшие родные. Кто же такие эти прекрасные люди? — спросишь ты.— Общие наши товарищи. Кадеты! О! как полезно общественное воспитание! Никакие уставы, никакие условия обществ не могут произвести таких твердых связей между людьми, как свычка ранних лет. Совоспитанники по сердцу и душе встречаются везде с непритворным сердечным удовольствием... Многие из товарищей наших уже полковниками и в крестах, но обхождение их со мною точно то же, какое было за 10 пред сим лет, несмотря на то, что я только бедный поручик! Как сладко напоминать то время, когда между богатыми и бедными, между детьми знатных отцов и простых дворян не было никакой разницы, когда пища, науки и резвости были общими, когда, не имея понятия о жизни и свете, мы так сладостно мечтали о том и другом!.. Помнишь, как, повторяя бессмертные слова Екатерины, что корпус кадетский есть рассадник великих людей, мы любили воображать себе, что все до одного будем полезны Отечеству. Но сколько из юных растений сего рассадника, поверженные в бури случаев, утратили способности свои от бездействия, сделались бесполезными от несправедливости людей и увяли от бедности или в тени неизвестности, лишенные спасительных лучей ободрения!..

Вчера армии двинулись от Смоленска вниз по течению Днепра к окрестностям озера Катани. Авангард

пошел к Рудне: оттуда ожидают неприятеля, который теперь толпится на пространстве между Двиною и Днепром. Это наступательное движение войск наших много обрадовало народ. Всякий стал дышать свободнее!..

Дай Бог нашим вперед! помоги Бог оттолкнуть дерзких от древних рубежей наших!.. Однако ж, идя вперед, кажется, не забывают о способах, обеспечивающих и отступление... На сих днях военное начальство требовало у гражданского губернатора надежного и деятельного дворянина для особенных важных поручений. Зная из многих опытов усердие и деятельность брата моего Ивана, губернатор представил начальству его. Тотчас поручено было ему со всевозможною скоростью, без лишней огласки устроить сколько можно более переправ на Днепре у Соловьева, что на большой московской дороге. Мосты спеют с удивительною поспешностью. Работают день и ночь. Великие толпы народа, бегущие из разных занятых неприятелем губерний, переправляются беспрестанно. Но неужели и войска пойдут чрез них? Ужели и Смоленск сдадут? Солдаты будут драться ужасно! Поселяне готовы сделать то же. Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании. «Повели, государь! все до одного идем!» Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтоб не потерять вольности. Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, дозволяющей сбираться, вооружаться и действовать, где, как и кому можно. Дозволят — и мы поселяне готовы в подкрепу воинам. Знаем места, можем вредить, засядем в лесах, будем держаться — и удерживать, станем сражаться — и отражать!..

Августа 4 дня.
Село Сутоки, в 2 часа заполдень

В сии минуты, как я пишу к тебе дрожащею рукою, решается судьба Смоленска. Неприятель, сосредоточив где-то великие силы, ворвался вчера в Красное; и между тем, как наши смотрели на Рудню, он полетел к Смоленску, чтоб овладеть им внезапно. Ди-

визия Неверовского принесла сегодня французов на плечах, а храбрый генерал Раевский встретил их с горстью войск и не впустил в город. Сегодня все обыватели высланы, батареи расставлены. Неприятель с двумястами тысяч наступает на Смоленск, защищаемый 150 000 наших. Покровская гора еще в наших руках. Теперь сражение горит под самыми стенами. Когда получишь эти строки, то знай, что чей-нибудь жребий уже решился: или отбит Наполеон, или — дверь в Россию отперта!..

Я сейчас иду помолиться в последний раз на гробах родителей и еду к старшему брату Василию: от него видно сражение. Прощай!

Августа 8. Село Цуриково

Я видел ужаснейшую картину — я был свидетелем гибели Смоленска. Погубление Лиссабона не могло быть ужаснее. 4 числа неприятель устремился к Смоленску и встречен под стенами его горстью неустрашимых россиян. 5 числа с ранней зори до позднего вечера 12 часов продолжалось сражение пред стенами, на стенах и за стенами Смоленска. Русские не уступали ни на шаг места, дрались как львы. Французы, или, лучше сказать, поляки, в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный противоборствием наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. Злодеи тотчас исполнили приказ изверга. Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазейны, церкви. И дома, церкви и башни объялись пламенем и все, что может гореть,— запылало!.. Опламененные окрестности, густой, разноцветный дым, багровые зори, треск ломающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, упадающий на колени с воздетыми к небу руками: вот что представлялось нашим глазам, что поражало слух, и что раздирало сердце!.. Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь, одни спасали жизнь, другие несли ее

в жертву. Длинный ряд подвод тянулся с ранеными...

В глубокие сумерки вынесли из города икону Смоленской Божьей Матери. Унылый звон колоколов, сливаясь с треском распадающихся зданий и громом сражения, сопровождал печальное шествие сие. Блеск пожаров освещал его. Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту ко мраку и ужас к ужасу. Смятение людей было столь велико, что многие выбегали полунагими, и матери теряли детей своих. Казаки вывозили на седлах младенцев из мест, где свирепствовал ад. Наполеон отдал приказ, чтоб Смоленск взят был непременно 5 числа, однако ж, русские отстояли его грудью, и 5 числа город не был взят. Но 6 — о превратности судьбы! — то, что удерживали с таким усилием, отдали добровольно!.. Главнокомандующий имел на то причины. Теперь Смоленск есть огромная груда пепла, окрестности его — суть окрестности Везувия после извержения. Наши поспешно отступают к Дорогобужу, но сейчас, то есть 8 числа к вечеру, приостановились недалеко от Бредихи. Третьего дня дрались, вчера дрались, сегодня дерутся и завтра будут драться! Злодеи берут одним многолюдством. Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто только может, гласит, наконец, главнокомандующий в последней прокламации своей. Итак — народная война!

Его Императорское Высочество Константин Павлович, усердно разделяющий с войском труды и опасности, был свидетелем кровопролитного боя и страшного пожара Смоленского. С душевным прискорбием взирал он на разрушение одного из древнейших городов своего Отечества. Жители Смоленска неутешны. Несчастия их неописанны. О, друг мой! сердце твое облилось бы кровью, если б ты увидел злополучие моей родины. Но судьбы Всевышнего неиспытанны. Пусть разрушаются грады, пылают села, истребляются дома, исчезает спокойствие мирных дней, но пусть сия жертва крови и слез, сии стоны народа, текущие в облака вместе с курением пожаров, умилостивят наконец разгневанные небеса! Пусть постраждут области, но спасется Отечество! Вот общий голос душ, вот искренняя молитва всех русских сердец!

Я и старший брат с нетерпением ожидали, пока выйдет брат наш Григорий из огня. Он был 12 часов в стрелках и дрался так храбро, как только может драться смолянин за свой отечественный город. В этом уверили нас все офицеры его полка. Бригадою их командовал генерал-майор Оленин и водил ее в самый жаркий огонь. Все жалеют о смерти отличного по долговременной службе, необычайной храбрости и доброте душевной генерала Баллы, который убит 5 числа в передней цепи стрелков. Кровопролитные битвы еще продолжаются. Мы ложимся и встаем под блеском зарев и громом перестрелок. Мне уже нельзя заехать домой, путь отрезан! Итак, еду туда, куда двинет всех буря войны!.. Сколько раненых! Сколько бегущих! Бесконечные обозы тянутся по полям, толпы народа спешат, сами не зная куда!.. Мы теперь нищие, с благородным духом, бродим уныло по развалинам своего Отечества. Бедный С..! в то время как брат его сражается, и отечественный город в глазах его горит, узнает он, что отец впал в жестокую горячку, а мать, испуганная приближением врага, умерла!.. Вот пример ужаснейшего положения, в котором находятся теперь многие! Повсюду стон и разрушение!.. Мы живем во дни ужаса!.. Прощай! Может быть, в этом мире уже навсегда!..

15 Августа

Итак, я теперь —

Наследия отцов и родины лишен,
Как птица без гнезда стал бурей унесен!..

Странствую по сгорающей земле, под небом, не внемлющим жалобам смертных. Всякий день вижу уменьшение Отечества нашего и расширение власти врагов. Каждая ночь освещается заревами пожаров.

Полнеба рдеет, как раскаленное железо. Я веду совершенно кочующую жизнь, переезжая из шалаша в шалаш, от огня к огню. В окрестностях Дорогобужа ехали мы некоторое время с конницею генерала Корфа. Старший брат мой, знающий там все тропинки, служил ей лучшим путеуказателем. Теперь пристаем чаще всего в дежурстве генерала Дохтурова. Нередко

хожу я и с гренадерами, которых ведет граф Строганов. Смотря на сего вождя, не подумал ли бы какой-нибудь себялюбец: имея неисчислимые способы к жизни, имея чины, заслуги, почести и дома у себя имея рай, зачем ему бросаться в бури, которыми дышит сам ад во дни наши, зачем наряду с простым солдатом, терпя истому, труд и голод, стремиться в опасности, на раны и смерть? — Но, вот что значит любовь к Отечеству!.. Потомки не уступают предкам. О, чувство благородное, чувство освященное! Обладай вечно сердцами россиян!..

Помнишь, как мы вместе читали Шиллерову трагедию «Разбойники», помнишь, как пугала нас страшная картина сновидения Франца Мора, картина, которую Шиллер с искусством Микель-Анджела начертал пламенным пером своим. Там, среди ужасного пожара вселенной, леса, села и города тают как воск и бури огненные превращают землю в обнаженную пустыню! Такие-то картины видим мы всякий раз, ложась спать! Каковы же должны быть сновидения? — спросишь ты. Их нет: усталость лишает способности мечтать. Уже и Дорогобуж и Вязьма в руках неприятеля: Смоленская губерния исчезает!.. Прощай!

Августа 16

Я часто хожу смотреть, когда он проезжает мимо полков, и смотрю всегда с новым вниманием, с новым любопытством на сего необыкновенного человека. Пылают ли окрестности, достаются ль села, города и округи в руки неприятеля, вопиет ли народ, наполняющий леса, или великими толпами идущий в далекие края России, его ничто не возмущает, ничто не сильно поколебать твердости духа его. Часто бываю волнуем невольными сомнениями: куда идут войска? Для чего уступают области? И чем, наконец, все это решится? Но лишь только взглядываю на лицо сего вождя сил российских, и вижу его спокойным, светлым, безмятежным, то в ту же минуту стыжусь сам своих сомнений. Нет! Думаю я, человек, не имеющий обдуманного плана и верной цели, не может иметь такого присутствия, такой твердости духа! Он, конечно, уже сделал заранее смелое предначертание свое, и цель,

для нас непостижимая, для него очень ясна! Он действует как провидение, не внемлющее простым воплям смертных и тернистыми путями влекущее их к собственному их благу. Когда Колумб посредством глубоких соображений первый предузнал о существовании нового мира и поплыл к нему чрез неизмеримые пространства вод, то спутники его, видя новые звезды, незнакомое небо и неизвестные моря, предались было малодушному отчаянию и громко возроптали. Но великий духом, не колеблясь ни грозным волнением стихий, ни бурею страстей человеческих, видел ясно пред собою определенную цель свою и вел к ней вверенный ему провидением корабль. Так, главнокомандующий армиями генерал Барклай де Толли, проведший с такою осторожностью войска наши от Немана и доселе, что не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потеряв почти ни одного орудия и ни одного обоза; сей благоразумный вождь, конечно, увенчает предначатия свои желанным успехом. Потерянное может возвратиться; обращенное в пепел возродиться в лучшей красоте. Щедроты Александра обновят края, опустошенные Наполеоном. Всего удивительнее для меня необычайная твердость ведущего армии наши. Смотря на него, я воображаю Катона и прекрасное место из Лукановой поэмы, где автор представляет сего великого мужа под пламенным небом Африки, среди раскаленных песков Ливии, превозмогающего зной, жажду и великую скорбь душевную. Тут же и прекрасный Горациев стих сам собою приходит на ум:

«И на развалинах попранные вселенной,
Катон, под бурями, неколебим, стоит!..»

17 Августа

С какою грустью оставляют они дома, в которых родились, возросли и были счастливы! Бедные жители злополучных стран!

В одном прекрасном доме, близ дороги, написаны на стене женскою рукою простые, но для всякого трогательные слова

Прости, моя милая родина!

Друг мой! Настают времена, когда и богатые, оставляя великолепные чертоги, равняются с бедными и умножают толпы бегущих... Война народная час от часу является в новом блеске. Кажется, что сгорающие села возжигают огонь мщения в жителях. Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оружия оборонительные, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются!.. Сегодня крестьяне Гжатского уезда, деревень князя Голицына, вытесненные из одних засек, переходили в другие соседственные леса через то селение, где была главная квартира. Тут перевязывали многих раненых. Один 14-летний мальчик, имевший насквозь простреленную ногу, шел пешком и не жаловался. Перевязку вытерпел он с большим мужеством. Две молодые крестьянские девки ранены были в руки. Одна бросилась на помощь к деду своему, другая убила древесным суком француза, поранившего ее мать. Многие имели простреленные шапки, полы и лапти. Вот почтенные поселяне-воины! Они горько жаловались, что бывший управитель поляк отобрал у них всякое оружие при приближении французов. Долго ль русские будут поручать детей своих французам, а крестьян полякам и прочим пришельцам?

Того ж числа

Теперь начальствует арьергардом и почти ежедневно сражается генерал-лейтенант Коновницын, воин почтенный летами, заслугами и подвигами. У него адъютантом и правителем канцелярии общий совоспитанник и друг наш Ахшарумов, с которым я иногда видаюсь. Быть бою кровавому, быть великому сражению! Всякий раз, когда, идя с солдатами во время ночных переходов, завожу с ними разговор или слушаю их разговаривающих, то во всех поступках их замечаю ревностное и пламенное желание стать и сражаться! Горящие окрестности, разоряемые церкви, поруганная святыня и стон жителей с неизъяснимою силою действуют на души их. О! Как добры и благочестивы солдаты русские! Чего нельзя с ними сделать? Никто не умеет так оживить и помнить храбрости офицера, как они. Один усатый гренадер, когда

я с ним вчера разговаривал и объявил свое имя, сказал мне: «Да не родня ли вам Глинка, в Либавском полку, что был под Смоленском в стрелках?» — «Это брат мой»,— отвечал я.— «Он прехрабрый, сударь, человек! — говорил гренадер.— С ним весело ходить вперед!» Вот нечаянное приветствие — и самое лестное! От часу более распространяется слух о скором прибытии к армии светлейшего князя, графа Голенищева-Кутузова. Говорят, что народ встречает его повсюду с неизъяснимым восторгом. Все жители городов выходят навстречу, отпрягают лошадей, везут на себе карету, древние старцы заставляют внуков лобызать стопы его, матери выносят грудных младенцев, падают на колени и подымают их к небу! Весь народ называет его спасителем. Государь сказал ему: «Иди спасать Россию!» — Россия, указывая на раны свои, вопиет: «Спаси меня!» Бессмертие уже готовит место на скрижалях своих, чтоб передать имя его в бесконечность времен. Помнишь, как мы восхищались неподражаемым местом в Мармонтелевом Велисарие, где он представляет сего великого мужа проходящим чрез те самые области, которые спас от гибели, и повсюду собирающим бесценные дани нелестного усердия народа. О, как различна слава бичей и спасителей народов!

18 Августа

Наконец прибыл сей лаврами и сединами увенчанный вождь! Некоторые из почетных гжатских купцов привезли его сами на прекрасных своих лошадях в селение Царево-Займище. Я сейчас видел светлейшего Голенищева-Кутузова, сидящего на простой скамье подле одной избы, множество генералов окружали его. Радость войск неописанна. У всех лица сделались светлее, и военные беседы вокруг огней радостнее. Дымные поля биваков начинают оглашаться песнями.

20 Августа

Как нетрудно понравиться солдату! Должно показать только ему, что заботишься о судьбе его, что вникаешь в его состояние, что требуешь от него необ-

ходимо нужного и ничего излишнего. Когда светлейший князь объезжал в первый раз полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться и строиться. «Не надо! ничего этого не надо! — говорил князь: — Я приехал только посмотреть, здоровы ли вы, дети мои! Солдату в походе не о щегольстве думать: ему надобно отдыхать после трудов и готовиться к победе». В другой раз, увидев, что обоз какого-то генерала мешает итти полкам, он тотчас велел освободить дорогу и громко говорил: «Солдату в походе каждый шаг дорог: скорей придет, больше отдыхать будет!» Такие слова главнокомандующего все войско наполнили к нему доверенностью и любовью. «Вот то-то приехал наш «батюшка»! — говорили солдаты,— он все наши нужды знает; как не подраться с ним; в глазах его все до одного рады головы положить». Быть великому сражению!

Все обстоятельства предвещают сражение, долженствующее решить судьбу Отечества. Говорят, что в последний раз когда светлейший осматривал полки, орел явился в воздухе и парил над ним. Князь обнажил сединами украшенную голову: все войско закричало ура! В сей же день главнокомандующий приказал служить во всех полках молебны Смоленской Божией Матери, и для иконы ее, находившейся при армии, сделать новый приличный кивот. Все это восхищает солдат и всякого! На сих днях смоленский помещик Реад привез двух сынов, прекрасных молодых людей, и просил определить их в службу*. Другой смолянин, ротмистр Клочков, оставя прекрасную жену и пятерых детей, приехал служить и определился к почтенному генералу Лихачеву, который, от тяжкой боли едва передвигая ноги и почти совсем не владея руками, ездит на дрожках при своей дивизии и бывает в сражениях.

Вот что значит война Отечественная!..

21 Августа

Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится. Мы живем

* Три старших сына этого почтенного дворянина были уже прежде в службе. В продолжение войны четверо из них ранены.

под тучами дыма и в области огней. Смерть все ходит между и около нас!.. Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видал ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землею!.. Сегодня смеемся с другом, завтра плачем над его могилою!.. Тут целыми обществами переходят из сего на тот свет так легко, как будто из дому в дом! Удивительно, как привыкли здесь к смерти, в каких бы видах ни являлась: свистит ли в пулях, сеется ль в граде картечь, или шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб,— ее никто не пугается. Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель. Так умирают сии благородные защитники Отечества! сии достойные офицеры русские. Солдаты видят их всегда впереди. Опасность окружает всех, и пуля редкого минует!..

22 Августа

Никогда, думаю, не молились русские с таким усердием, как сегодня! Поутру полки расположились около Колоцкого монастыря. Там еще остались два или три поседелых монаха. Целый день церковь была отперта и полна. Я был у вечерни. Унылый стон колокола, тихое пение, синеватый сумрак, слегка просветляемый томною лампадою и несколькими свечами, которые чуть теплились пред древними иконами: все это вместе чудесным образом располагало душу к молитве. Глубокое молчание почивало в храме. Никто не смел нарушить его. В сии мгновения души и сердца русских были в тайной беседе с Богом. У некоторых только из молящихся избыток грусти вырывался в тихих рыданиях, мешаясь с дрожащим голосом убеленного сединами старца.

Вид пылающего Отечества, бегущего народа и неизвестность о собственной судьбе сильно стеснили сердце. Я вышел и смотрел на заходящее солнце, которое усиливалось сохранить блеск свой в мутных облаках, гонимых холодным ветром. Ужли, думал я, и древняя слава России угаснет в бурях как оно!.. Нет! восстал дух русской земли! Он спал богатырским сном и пробудился в величественном могуще-

стве своем. Уже повсюду наносит он удары злодеям. Нигде не сдается, не хочет быть рабом. Он заседает в лесах, сражается на пепле сел и просит поля у врага, готовясь стать и биться с ним целые дни.

Все признаки великого сражения час от часу более становятся видимы. Неприятель, совокупляя силы свои, каждый день с большею дерзостию надвигает. Силы его несметны!.. Они ширятся вправо и влево, и темнеют как дремучие леса, или ходят как тучи, из которых по временам стреляет гром!..

23 Августа

«Тут остановимся мы и будем сражаться!» — думал каждый, завидя высоты Бородинские, на которых устроили батареи. Войска перешли Колочу, впадающую здесь же, в селе Богородице, в Москву-реку, и установились на протяжении холмов, омываемых слиянием сих двух речек. Стало войско — и не стало ни жатв, ни деревень: первые притоптаны, другие снесены. «Война идет и метет!» Так говорится издавна в народе. Может ли быть бедствие лютейшее войны?..

Наступает вечер. Наши окапываются неутомимо. Засеками городят леса. Пальбы нигде не слыхать. Там, вдали, неприятель разводит огни, ветер раздувает пожары, и зарево выше и выше восходит на небеса! По последнему расположению войск у нас на правой руке Милорадович, на левой князь Багратион, в средине Дохтуров. Глава всех войск князь Кутузов, под ним Барклай де Толли. Ожидают неприятеля и сражения. Прощай!

24 Августа

Отдаленный гром пушек приветствовал восходящее солнце. Генерал Коновницын с передовыми полками схватился с неприятелем под стенами Колоцкого монастыря. Вот идут они: один искусно уклоняется, другой нагло влечет гремящие тысячи свои прямо на нас. Толпы его, тянувшиеся по дороге, вдруг распахнулись вправо и влево. Смотрите, какая необозримость сих движущихся стен!.. Поля дрожат, кажется, гнутся под множеством конных, леса засыпа-

ны стрелками, пушки вытягиваются из долин и кустарников, и в разных местах, разными тропами пробираясь, на холмы и пригорки взъезжают. Многочисленное войско неприятельское колеблется: кажется в нерешимости. Вот пошатнулось было влево, и вдруг повалило направо. Огромные полчища двинутся на левое наше крыло. Русские спокойно смотрят на все с укрепляемых высот своих. Пыль, взвившаяся до небес, уседается. Даль яснеет. Неприятель к чему-то готовится. Посмотрим, к чему?..

24 Августа. Поздно к вечеру

Неприятель, как туча, засинел, сгустившись против левого нашего крыла, и с быстротою молнии ударил на оное, хотя все сбить и уничтожить. Но князь Багратион, генерал Тучков, храбрый граф Воронцов и прочие, призвав на помощь Бога, укрепясь своим мужеством и оградясь штыками русскими, отбросили далеко пехоту, дерзко приступавшую к батареям. Пушки наши действовали чудесно. Кирасиры врубались с неимоверною отважностью. Раздраженный неприятель несколько раз повторял свои нападения, и каждый раз был отражен. Поле покрылось грудами тел. Во все время, как мелкий огонь гремел неумолчно и небо дымилось на левом крыле, князь Михайла Ларионович сидел на своей деревянной скамеечке, которую за ним всегда возили, у огня, на средине линий. Он казался очень покоен. Все смотрели на него и, так сказать, черпали от него в сердца свои спокойствие. В руках его была нагайка, которою он то помахивал, то чертил что-то на песке. Казалось, что весь он превратился в слух и зрение, то вслушиваясь в гремящие переходы сражения, то внимательно обозревая положение мест. Часто пересылался с ним Багратион. Ночь прекратила бой и засветила новые пожары. Прощай до завтра!

25. Утро

Все тихо. Неприятель отдыхает, перевязывает вчерашние раны и окапывает крыло свое. И наши не дремлют — готовятся.

25. Сумерки

Я почти целый день просидел на колокольне в селе Бородине. Оттуда в зрительную трубку все как на ладони! Они роются, как кроты, в земле, строят преогромные редуты, а пушек и сказать страшно! На одном только окопе насчитал я — сто! Но не один я задержан был любопытством на колокольне: многие генералы всходили туда же. Общее мнение было, что неприятель для того огораживает левое крыло свое, чтоб свести все войска на правое и сугубым усилием ударить на левое наше. На средину также ожидали нападения. Но вот уже сумерки! Ветер подымается с воем и гудит по шалашам. Французы отаборились и засветили огни. Я забыл сказать, что почти целый день шайки их стрелялись с нашими егерями: наши не давали им пить из Колочи. Прощай — темно! — иду доставать свечи.

С 25 на 26. Глубокая ночь

Все безмолвствует!.. Русские, с чистою безупречною совестью, тихо дремлют, облегши дымящиеся огни. Сторожевые цепи пересылают одна другой протяжные отголоски. Эхо чуть вторит им. На облачном небе изредка искрятся звезды. Так все покойно на нашей стороне.

Напротив того: ярко блещут устроенные огни в таборах * неприятельских, музыка, пение, трубные гласы и крики по всему стану разносятся. Вот слышны восклицания! Вот еще другие!.. Они верно приветствуют разъезжающего по строям Наполеона. Точно так было пред Аустерлицким сражением. Что будет завтра? Ветер гасит свечу, а сон смыкает глаза. Прощай.

29 Августа. Окрестности Москвы

Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Так началось беспримерное сражение Бородинское 26 Августа. Туча ядер, с визгом пролетевших над шалашом нашим, пробудила меня и товарищей. Вскакиваем, смотрим — густой туман лежит между нами и ими.

* Табор, значит, кажется, бивак.

Заря только что начинала зажигаться. Неприятель подвез несколько сот орудий и открыл целый ад. Бомбы и ядра сыплются градом. Треск и взрывы повсеместны. Одни шалаши валятся, другие пылают! Войска бегут к ружью и в огонь. Все это происходило в середине, а на левом крыле нашем давно уже свирепела гроза в беспрерывных перекатах грома пушек и мелкого оружья. Мы простились с братом. Он побежал с стрелками защищать мост. Большую часть сего ужасного дня проводил я то на главной батарее, где находился светлейший, то на дороге, где перевязывали раненых. Мой друг! я видел неимоверно жестокое сражение, и ничего подобного в жизнь мою не видал, ни о чем подобном не слыхал, и едва ли читывал.

Я был под Аустерлицем, но то сражение в сравнении с этим — сшибка! Те, которые были под Прёйсиш-Эйлау, делают почти такое же сравнение. Надобно иметь кисть Микель-Анджела, изобразившую страшный суд, чтобы осмелиться представить сие ужасное побоище. Подумай только, что до 400 тысяч лучших воинов, на самом тесном по многочисленности их пространстве почти, так сказать, толкаясь головами, дрались с неслыханным отчаянием: 2000 пушек гремели беспрерывно. Тяжко воздыхали окрестности — и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся. Французы метались с диким остервенением, русские стояли с неподвижностью твердейших стен. Одни стремились дорваться до вожделенного конца всем трудам и дальним походам, загрести сокровища, им обещанные, и насладиться всеми утехами жизни в древней знаменитой столице, другие помнили, что заслоняют собою сию самую столицу, сердце России и мать городов. Оскорбленная вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопили о мщении и мужестве.

Сердца русские внимали священному воплю сему, и мужество наших войск было неописанно. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах с огнем и громом на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Седые облака клубились над левым крылом нашим и

заслоняли средину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило немало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее. Сколько потоков крови! сколько тысяч тел! «Не заглядывайте в этот лесок»,— сказал мне один из лекарей, перевязывавший раны: «Там целые костры отпиленных рук и ног!» В самом деле, в редком из сражений прошлого века бывало вместе столько убитых, раненых и в плен взятых, сколько под Бородином оторванных ног и рук. На месте, где перевязывали раны, лужи крови не иссыхали. Никогда не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и размозженные руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей...

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули, а сколько здесь пролетело пуль! Но это сражение неописанно: я сделал только абрис его. По счастию, на то самое место, где случился я с братом, привели уже около вечера брата нашего Григория. Он был ранен пулею в голову. Рана опасна, но не смертельна. Искусный лекарь перевязал ее. Вечер наступал, и неприятель начал уклоняться. Русские устояли! Мы благословляли небо и поспешили проводить раненого в Можайск.

30 Августа

«Так восходило оно в день Аустерлицкого сражения!» — сказал Наполеон пред строем войск, указывая на восходящее солнце. Надменный вождь хотел заранее читать победу в небесах? но предвещания его не сбылись. О, мой друг! какое ужасное сражение было под Бородином! Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек и потеряли 40 генералов! Наша потеря также очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. «Оценка людей,— говорит Екатерина,— не может сравняться ни с какими денежными убытками!» Но в войне Отечественной и люди — ничто! Кровь льется как вода: никто не щадит и не жалеет ее! — Нет, друг мой! Ни берега Дуная и Рейна, ни

поля Италии, ни пределы Германии давно, а может быть, и никогда еще не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровожденного сражения! Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом, и стояли на родной земле.

Однако ж, Наполеон не остановился в Бородине: он влечет пронзенные толпы свои прямо к Москве. Там Милорадович, начальствуя передовыми войсками, приемлет все удары на щит свой. Здесь составляется совещание об участи Москвы.

Что будет? — Богу знать!

П. П. Я бы писал к тебе более и пространнее, но от нестерпимой головной боли едва могу мыслить. В течение всего этого времени имел всегда постелью сырую землю, я сильно простудил голову. Лучшее описание Бородинского сражения получишь разве со временем. Прощай!

2 Сентября

Мы привезли раненого брата в Москву. Вот уже другой день, как я в столице, которую так часто видал в блестящем ее великолепии среди торжеств и пирований и которую теперь едва-едва могу узнать в глубокой ее печали. О, друг мой! что значит блеск городов, очаровывающий чувства наши? Это самая тленная полуда на меди, позолота на пилюле! Отняли у Москвы многолюдство, движение народа, суету страстей, стук карет, богатство украшений — и Москва осиротела, пустая, ничем не разнится от простого уездного города! Все уехало или уезжает! Вчера брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и детей своих. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу Отечества против зараз французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России. Я забыл сказать тебе, что государь в последний приезд свой в Москву, пожаловал ему Владимирский крест при следующих словах: «За любовь вашу к Отечеству, доказанную со-

чинениями и делами вашими». Мы было все пять братьев съехались в Москву, но пробыли вместе не более дня. Брат мой Иван уехал к князю Лобанову-Ростовскому, который взял его к себе в адъютанты... Уже враг в Москве! Уже французы в священных стенах древнего Кремля... А мы, вслед за русскими войсками, пробираемся на Рязанскую дорогу. Древняя столица севера после двухсотлетней свободы должна опять почувствовать тяготу оков иноплеменных!

4 Сентября. Боровский перевоз

Москва в слезах, Москва уныла,
Как темная в пустыне ночь!

Так говорил я вместе с одним из превосходнейших поэтов наших, стоя на высоком Мячковском кургане у Боровского перевоза на Москве-реке. Я видел сгорающую Москву. Она, казалось, погружена была вся в огненное море. Огромная черно-багровая туча дыма висела над нею. Картина ужасная!.. Войска наши предпринимают какое-то очень искусное движение влево. Потеря Москвы не есть еще потеря Отечества. Так скажет История, и так говорит главнокомандующий: таков есть голос всего войска, готового сражаться до последней капли крови! Ты знаешь, что в 1571 году при царе Иване Васильевиче вся Москва разорена и предана была пламени набежавшим с ордою татар крымских ханом Дивлет-Гиреем в 24 день Мая. «Все улицы наполнены были кровью и трупами, и Москва-река мертвых не пронесла!» — так повествует летописец. В 1612 году она терпела почти такую же участь и славно избавлена Пожарским!

Один знаменитый писатель* говаривал часто, что время настоящее беременно будущим. А посему-то, видя в настоящем всеобщее вооружение, воскресший дух народный, твердость войск и мудрость вождей, я предчувствую, что будущее, рожденное счастливыми обстоятельствами настоящего, должно быть некоторым образом повторением прошедшего: оно должно возвратить нам свободу, за которую теперь, как и прежде, все ополчается. Друг мой! будем молиться и надеяться!

---

* Лейбниц.

С какими трудами, неприятностями и препятствиями сопряжено всеобщее бегство!.. По Рязанской губернии в нескольких местах переправляются через одну только Оку и ни в одном месте нет порядочной переправы! Ни к чему негодные паромы, на ветхих канатах, едва могут поднять десять лошадей и несколько человек, тогда как сотни проезжающих ожидают на берегу. Раненые офицеры больше всего при этом страждут. Целые семейства живут здесь на пустом берегу в ожидании очереди переправиться. Жена одного знакомого нам московского жителя, который простоял на переправе трое суток, разрешилась от бремени. Положение отца было самое печальное, ибо негде было взять никаких средств для вспоможения болящей и младенцу. Я еще в первый раз в здешних местах и в первый раз вижу, что Россия здесь так мало населена. Какие обширные поля и как мало жилищ! Кажется, что вся населенность в России сдвинулась к ее границам. Если б можно было сделать противное, чтоб народ стеснился ближе вокруг сердца своего Отечества, а степи отделили бы его от чуждых стран, чтоб разврат и оружие иноплеменников не так легко проникли в него!

Что сказать тебе более о нашем странствовании? Мы проехали Коломну, очень порядочный город; пониже которого сливается Москва-река с Окою. Я едва успел взглянуть там на древние развалины очень красивых башен, вихрь всеобщего смятения умчал и нас с собою далее. Мне очень хотелось найти здесь подполковника артиллерии, двоюродного брата моего и друга Владимира Глинку, который, помнишь, был с нами вместе в корпусе, но он уже ушел с ротою куда-то за Оку. Мы проезжали Зарайск, прелестный городок на берегу светлой реки Осетра, впадающей в Оку. Там осмотрел я старинную крепость, называемую Кремлем. Говорят, что предки наши были непросвещенны, однако ж, они умели выбирать самые выгодные места для своих Кремлей. Зарайский Кремль служит доказательством. Стоя на возвышенном месте, он преграждает переправу на реке и может действовать орудиями далеко по дороге, извивающейся по чистым

и гладким полям, по которой прихаживали туда татары. Почти вся Рязанская губерния полиста и безгорна: кое-где холмится. В каждой лощине хутор или деревенька. Ручей в рощице суть сокровища в сей стороне. Земля отменно хлебородна. Женщины здешние ходят в шушунах, и на голове носят остроугольные кички, которые придают им необыкновенный рост. Они говорят проезжим: «добрый господин, касатик», одна другой говорит: «подруга, ластушка». Мужчины великорослы, свежи, белотелы, в обращении несколько суровы. Об Рязани по причине краткого в ней пребывания не скажу тебе ни слова. Я заметил только, что лучший и огромнейший из всех домов в ней есть дом откупщика. Как разживаются у нас откупщики и французы учители!.. Мы полагали, что в таком городе, как Рязань, будет приют для раненых, но им велят убираться в Касимов, мы едем с братом туда. И здесь все волнуется. Бог знает отчего! Народ суетлив!

Сентября 11

Не припомнишь ли ты в прошлогоднем Вестнике Европы одной очень остроумной статьи? Это было какое-то сновидение, которое теперь можно назвать пророческим. Человек, писавший этот отрывок, сквозь целый год будущего видел сбывающееся ныне. Он видел, говорит он, во сне, что будто на Россию сделалось нашествие, и Москва окружена татарами! Стон и вопли повсеместны. Но победоносный хан Узлукузлу смягчается слезами нежного пола. Он позволяет каждой женщине вынести на себе то, что ей всего дороже. Зритель во сне с нетерпением ожидает, что или кого станут выносить?.. Наконец открылись заставы и повалили толпы женщин. У большей части из них ноши были легки: они несли шляпки, шали, ленты, кружева и прочие освещенные модою безделки. Иные тащили кипы романов, другие уносили любимых постельных собачек, кошек, попугаев, кучи сладких записочек и раззолоченных альбомов. Вдруг мелькает знакомое лицо: жена любопытного зрителя.

С помощию нескольких дюжин горничных девушек тащит она на себе преогромный короб. Вот тут-то верно спрятаны дети мои, думает чадолюбивый отец, и

бежит вслед за женою. Молодая супруга останавливается, бережно опускает короб, с нетерпением открывает его, и оттуда выскакивает француз-учитель!!! Бедный муж ахнул и проснулся! А теперь не проснешься, видя подобные случаи, ибо видишь их наяву!.. С каким старанием сии скачущие за Волгу увозят с собою французов и француженок! Берегут их, как родных детей! Какое французолюбие! Несчастные! Выезжая из чумы, везут с собою вещи, напоенные ядом ее!.. Не совсем-то хорошо и то, что по той же самой дороге, где раненые солдаты падают от усталости, везут на телегах предметы моды и роскоши. Увозят вазы, зеркала, диваны, спасают купидонов, Венер, а презирают стоны бедных и не смотрят на раны храбрых!!

Гремит гром, но не всякий еще крестится!..

21 Сентября.
Село Льгово — недалеко от Рязани

Мы уже были в Касимове, но не более двух дней. Три перевязки, сделанные искусным лекарем, встретившимся нам на дороге, облегчили рану брата. Он не захотел тесниться в городе, наполненном великим множеством раненых, и почувствовав себя в состоянии лечиться при полку, решился ехать к армии. В Касимове любопытно видеть древнее кладбище татарских ханов и читать надписи на обломках великолепных надгробников, но я не успел ничего видеть. Я только видел большие барки, на которых благородные семейства со всем домом, с каретами, лошадьми и прочим, тянулись вниз по реке. Все уплывает, уходит или уезжает! Вот времена! Дай Бог, чтобы они скорее кончились и никогда не возобновлялись!

Как странна упряжь уезжающего! Часто подле прекрасной английской верховой лошади видим мы запряженную водовозную клячу, видим людей богато одетых в крестьянских телегах! Теперь люди испытывают то, о чем прежде едва ли и слышали. Очень редко видим едущих к Рязани, везде оглобли и дышла повозок, и головы лошадей обращены в противную сторону.

Сейчас гулял по берегу Оки и смотрел, как буря играла синими волнами ее и гнала их в далекое пространство открытых степей. В разных местах приметны на берегах Оки огромные горы сыпучего песку: кто насыпал их? Века или наводнения. Песчаные берега, осененные темно-зелеными елями, под туманным небом представляют унылые Оссияновские картины.

Здесь в Ольгово есть монастырь на превысокой скале над Окою. Отшельник, живущий в нем, может смотреть в одно окно на Европу, в другое на реку и степи, идущие к пределам Азии. С одной стороны слышит он шум страстей и стон просвещенных народов, с другой — представляется ему молчаливая природа в величественной важности своей. Полудикие племена, кочующие в дальних степях, не имеют великолепных городов и пышных палат, но зато незнакомы с заботами и горестями, гнездящимися в них!

26 Сентября. Город Таруса

В Рязани простились мы с братом Сергеем: он поехал отыскивать жену свою и семейство, которое составляло все утешение, все счастие трудами и бурями исполненной жизни его. Кажется, Плутарх сказал, что брат есть друг, данный нам природою: мы испытали это, особенно в теперешнем странствии.

От Рязани проехали опять Зарайск, потом Каширу и Серпухов.

Какие прелестные места!.. Здесь берега Оки унизаны селениями, расположенными на прекрасных холмах между зелеными рощицами. Почти на всякой версте видим красивые господские дома, каменные церкви, больницы и сады. Какое приятное соседство! Как счастливы должны быть здесь люди, если только они так хороши, как их природа! Женщины здешние имеют живой, алый румянец на белом лице, белокуры и вообще очень хороши собою. Здесь верно проводят приятные летние месяцы в хозяйственных занятиях, во взаимных друг друга посещениях, в прогулках по светло-голубой Оке и живописным берегам ее. Зимою здесь верно пользуются таким близким соседством, катаются на легких санях, или бегают на коньках по светлому льду из дому в дом. Занимаются

приятными разговорами, музыкою, полезным чтением, и важность бесед, услаждая невинными забавами, живут в дружбе, любви и простоте, вовсе не заботясь о шумных городах и о большом свете. Так думаешь, но совсем не то находишь. К сожалению, с того времени, как французские моды вскружили головы французских питомцев, на Руси изредка стали заглядывать в поместья свои. Собрав сельские доходы, тотчас спешат приносить их на алтарь мод в храмах, воздвигнутых ею в Москве. Французские торговки и рассеянная жизнь все поглощают!.. Питомцы французов, не заботясь о наследии отцов, входят в долги, читают французские романы и не могут поверить, что в стране своей родной с счастьем можно в селах знаться!

Опустелые каменные дома и различные заведения свидетельствуют, что здесь некогда люди пользовались выгодами и приятностями сельской жизни. Может быть, теперь вразумленные пожаром Москвы, сожженной их любимцами, дети возвратятся к благим обычаям отцов своих.

Друг мой! Французы-учителя не менее опасны и вредны французов-завоевателей: последние разрушают царства; первые — добрые нравы, которые, неоспоримо, суть первейшим основанием всех обществ и царств. Рассказывают, что одна несчастная не россиянка по воспитанию, слюбившись с французом, воспитателем ее детей, выгнала из дому доброго, честного и генеральский чин уже имевшего мужа своего. Она могла это сделать: ибо, к несчастию, все имение принадлежит ей. Нежный отец украдкою только видается с детьми своими. Когда велено было всех французов высылать за границу, то этот назвался прежде итальянцем, а потом жидом!!! Каковы французы! Нет брани, которой бы не стоил этот превратный и развратный народ!

Теперь здесь побережье Оки совершенно пусто, все господа уехали в степи от французов, так как прежде, заражаясь иноземною дурью, ездили в Москву и в Париж к французам.

Признаюсь тебе, что сколько я ни люблю прежних французских, а особливо драматических писателей, однако желал бы, чтоб язык их менее употреби-

телен был у нас. Он такой же вред делает нашему, как ничтожный червь прекрасному величественному древу, которого корни подтачивает.

Крайне прискорбно видеть и в армии язык сей в излишнем употреблении. Часто думаешь, что идешь мимо французских биваков. Я видел многих нынешнего воспитания молодых людей, которые прекрасно говорят и пишут по-французски, не умея написать правильно нескольких строк на своем природном языке. Я приметил, что люди эти умны только по-французски. Послушай их говорящими по-русски — и вся ловкость, все обороты, вся замысловатость исчезают! Это очень легко объяснить. Ты знаешь, что у французов почти все умники суть фразеры, которые умны чужим умом. Память их испещряется выражениями разных писателей, и они беспрестанно повторяют то в разговорах, что затвердили в книгах. Множество каламбуров, пословиц и памятных стихов придают разговорам их какую-то пестроту и приятность... на первый только раз! Однажды спросили у Дидерота, каких он мыслей о том человеке, с которым недавно проговорил целый час? «Он умен»,— отвечал Дидерот. Но те, которые знали его коротко, начали смеяться и доказали, что он дурак. «Ну! так я не виноват,— возразил Дидерот,— что он на один только час запасся умом!» Стало, у французов можно запасаться умом! По-русски совсем иначе: надобно сочинять свой разговор, изобретать выражения, а для этого нужен не заемный ум. Суворов знал прекрасно французский язык, а говорил всегда по-русски. Он был русский полководец!

27 Сентября

Я бы сделал великое преступление, если б в то время, как загружаю некоторые письма мои к тебе разными подробностями, не упомянул о деяниях одного из знаменитых соотечественников наших. Эти деяния, весьма полезные теперь, прочтенные во всякое время и драгоценные для истории, пролагают сами себе верный путь чрез благородные сердца современников в память и сердца потомков... Я говорю о подвигах доброго, человеколюбивого генерала графа Воронцова. В самых молодых летах, получа одно из ве-

личайших наследств в России, он не уснул на розах. Напротив, по стезе трудов и терний пошел за лавровыми венцами. Не стану распространяться о его храбрости — она известна. Но не могу не разделить с тобою удивления моего тому, что ни богатство, в котором так легко черствеют сердца, ни блеск воинской славы не могли отвлечь его внимания от страданий ближних.

Никто больше его не вникал в нужды бедных офицеров, и никто не был ближе к принесению им помощи. Он привлекал к себе любовь подчиненных и славился ею еще в то время, как водил отряд свой по вертепам Балканских гор. Отгремев на берегах Дуная, явился он в войсках Второй Западной армии. В день ужаснейшей Бородинской битвы долго отстаивал с преданными ему гренадерами место свое на левом крыле. Наконец покрытый ранами и славою, с потерею крови и памяти унесен с поля. Теперь остановясь в одном из своих поместий, лежащем на одной из больших дорог, ведущих из Москвы в глубь России, он открыл весь дом свой к помещению, а сердце к просьбам несчастных. Все раненые офицеры, солдаты и бесприютные странники русские заходят к нему, как в собственный дом. Всем приличное содержание, пища и кров. Многих благотворительность его оделяет втайне и деньгами. Слухи о сем, доходя до сих мест, восхищают всех истинно русских. А я сердечно рад, когда могу золотить письма мои немерцающим блеском отечественных добродетелей. «Где девал ты свое имение?» — спросил некогда царь Иван Васильевич у боярина своего Шереметева. «Чрез руки бедных отправил к Богу!» — отвечал он царю. Вот лучшее употребление богатств, употребление достойное русских вельмож! В царствование Елисаветы, когда проповеди начинали уже становиться необходимыми к умягчению дебелевших в роскоши сердец, Гедеон в одной из прекраснейших, произнесенной им в день Сошествия Св. Духа, жарко вступается за бедных. Он сильно и красноречиво доказывает, что богачи суть люди, которых Бог удостоил быть блюстителями сокровищ земных, не для чего иного, как для вернейшего подела оных бедным собратиям своим. Ударит последний час, те и другие явятся с отчетом: первые в

раздаче, последние в получении. Молитвы бедных отворят врата райские богачам.

Богачи нашего времени! какой ответ дадите вы, если глас царя небесного или голос Отечества спросит у вас: «Где деваете вы свои имения?» Горе тем, которые, указав на льющееся море роскоши, скажут: «Там утопают они!» Не думаете ли вы, питомцы неги, пресыщаться спокойно отрадами жизни, когда пройдут грозы и вы по-прежнему в домах расставите ломкие сокровища — зеркала и фарфоры свои? Нет! тогда громкие стоны бедных, которые роями притекут к пеплу пожарищ своих, заглушат все песни вашей радости!..

29 Сентября

Наконец, среди опустошенных селений, по лесистой проселочной дороге, соединяющей большую Тульскую с Калужскою, прибыли мы к Тарутину. Небольшие отряды, рассеянные для фуражирования, служили нам проводниками. Обширное зарево, пылавшее на горизонте, еще издалека указало место, где стояла армия на биваках. Выезжаем из леса и видим пространное поле, ряды высоких укреплений; вправо крутые берега Нары, далее представляется множество огней, ярко светящихся в вечерних сумерках, и многочисленное воинство, стройно расположенное в соломенных шалашах по обеим сторонам большой дороги. Веселые клики, повсеместное пение и музыка, в разных местах игравшая, ясно доказывали, что дух войск не был еще удручен печалию. Здесь-то остановились наконец храбрые тысячи русских, безропотно следовавшие за своими вождями, беспрестанно сражавшиеся и при всегдашней победе уступавшие села, города и целые области хищному неприятелю. Здесь остановились они для того, чтобы всем до одного умереть или нанести смертельный удар нашествию.

Около ста тысяч войск, чудесно укрепленное местоположение и большое число пушек составляют в сем месте последний оплот России. Но войско наше кипит мужеством, но любовь к Отечеству овладела сердцами всего народа, но Бог и Кутузов с нами — будем надеяться!

На месте, где было село Тарутино Анны Никитишны Нарышкиной и в окрестностях оного явился новый город, которого граждане — солдаты, а дома — шалаши и землянки. В этом городе есть улицы, площади и рынки. На сих последних изобилие русских краев выставляет все дары свои. Здесь сверх необходимых жизненных припасов можно покупать арбузы, виноград и даже ананасы!.. тогда как французы едят одну пареную рожь и, как говорят, даже конское мясо! На площадях и рынках тарутинских солдаты продают отнятые у французов вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Казаки водят лошадей. Маркитанты торгуют винами и водкою. Здесь между покупщиками, между продающими и меняющими, в шумной толпе отдохнувших от трудов воинов, среди их песен и музыки забываешь на минуту и военное время, и обстоятельства, и то, что Россия уже за Нарою!..

Отдых, некоторая свобода и небольшое довольство вот все, что тешит и счастливит военных людей!

1 Октября

Брат мой, у которого рана еще не зажила, явясь на службу, был принят очень благосклонно генерал-майором Талызиным и дивизионным начальником своим почтенным генерал-лейтенантом Капцевичем. Я приехал сюда также с тем, чтоб непременно определиться в полк. Но мне надобно было найти генерала, который, зная прежнюю мою службу, принял бы бедного поручика хотя тем же чином, несмотря на то, что все свидетельства и все аттестаты его остались в руках неприятеля и что на нем ничего более не было, кроме синей куртки, сделанной из бывшего синего фрака, у которого от кочевой жизни при полевых огнях полы обгорели. Я пошел к генералу от инфантерии Милорадовичу, живущему в авангарде впереди Тарутинской позиции. Он узнал меня, пригласил в службу, и я уже в службе — тем же чином, каким служил перед отставкою и каким отставлен, то есть поручиком, и имею честь находиться в авангарде, о котором теперь гремит слава по всей армии *.

* В это время состояли (в качестве адъютантов) при Мило-

4 Октября. Село Тарутино

Сегодня генерал Милорадович взял меня с собою обедать к генералу Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву, который имел свои биваки за правым крылом армии. Обед был самый великолепный и вкусный. Казалось, что какая-нибудь волшебница лила и сыпала из неистощимого рога изобилия лучшие вина, кушанья и самые редкие плоды. Хозяин был очень ласков со всеми, и прекраснейший стол свой украшал еще более искусством угощать. Гвардейская музыка гремела. Итак, твой друг, в корень разоренный Смоленский помещик, бедный поручик в синей куртке с пустыми карманами имел честь обедать вместе с тридцатью лучшими из русских генералов. К большому удовольствию моему, я познакомился здесь с любезным молодым человеком графом Апраксиным, адъютантом генерала Уварова.

7 Октября. Тарутино

Еще звенит в ушах от вчерашнего грома. После шести мирных лет я опять был в сражении, опять слышал шум ядер и свист пуль. Вчерашнее дело во всех отношениях удачно. Третьего дня ввечеру генерал Бенигсен заезжал к генералу Милорадовичу с планами. Они долго наедине советовались. Ночью знатная часть армии сделала, так сказать, вылазку из крепкой Тарутинской позиции. Славный генерал Бенигсен имел главное начальство в сем деле. Генерал Милорадович командовал частию пехоты, почти всею кавалериею и гвардиею. Нападение на великий авангард французской армии под начальством короля Неаполитанского сделано удачно и неожиданно. Неприятель тотчас начал отступать и вскоре предался совершенному бегству. 20 пушек, немалое число пленных и великое множество разного обоза были трофеями и плодами этого весьма искусно обдуманного и счастливо исполненного предприятия. Движениями

радовиче: П. Д. Киселев — министр госуд. имуществ, посол в Париже; Граббе — граф, атаман войск донских; барон Сакен <Дмитрий Ерофеевич> — генерал от инфантерии, защищавший Одессу и Севастополь.

войск в сем сражении управлял известный полковник Толь, прославившийся личною храбростию и великими познаниями в военном деле. Предупреждаю тебя, что все описания мои с сей поры будут очень кратки: в авангарде нет ни места, ни времени к пространным письменным занятиям. Подожди! Когда-нибудь при удобнейшем случае я сообщу тебе подробнейшее описание действий войск под начальством генерала Милорадовича. Не знаю, почему большая часть знаменитых подвигов этого генерала не означена в Ведомостях, но он, как я заметил, нимало этим не огорчается. Это значит, что он не герой Ведомостей, а герой Истории и потомства.

Скажу тебе, что генерал сей, принявший по просьбе князя светлейшего начальство над арьергардом после страшного Бородинского сражения, дрался с превосходным в числе неприятелем с 29 Августа по 23 Сентября, т. е. 26 дней беспрерывно. Некоторые из сих дней как-то 29 Августа, 17 Сентября и 20 и 22-го того же месяца ознаменованы большими сражениями, по десяти и более часов продолжавшимися. Известно ль это у вас?

9 Октября.
Дача Кусовникова близ Тарутина

Как живуч может быть человек!.. Сегодня поехал генерал Милорадович и мы все за ним осматривать передовые посты, оставшиеся на том самом месте, где было сражение. В разных местах валялись разбросанные трупы, и между ними один, весь окровавленный, казалось, еще дышал. Все остановились над ним. Этот несчастный за три дня пред сим оставшийся здесь в числе мертвых, несмотря на холодные ночи, сохранял еще в себе искру жизни. Сильный картечный удар раздробил ему половину головы, оба глаза были выбиты, одно ухо вместе с кожею и частию черепа, сорвано, половина оставшейся головы облита кровью, которая густо на ней запеклась, и за всем тем он еще жил!.. Влили ему в рот несколько водки, игра нерв сделалась живее. «Кто ты?» — спрашивали у него на разных языках. Он только мычал. Но когда спросили: не поляк ли ты? Он отвечал по-польски: «Да!» — «Когда ранен?» — «В последнем деле», то есть треть-

его дня.— «Чувствуешь ли ты?» — «Бывают минуты, когда чувствую — и мучусь!» — отвечал он с тяжким вздохом и просил убедительно, чтоб его закололи. Но генерал приказал дать ему опять водки и отвезти в ближайшую деревню. Нет, друг мой! Славный Гуфланд еще не все изъяснил нам в красноречивых умствованиях своих о жизни. Надобно было ему увидеть этого несчастного, чтоб понять, сколь долго сей тончайший духовный спирт * может держаться в полураздробленном скудельном сосуде своем.

Вчера приехал к нам из пажеского корпуса сын Г. П. М...ча, о котором я тебе столько раз писал и которого благорасположение ко мне поставляю в великой цене. Сын его, племянник генерала нашего — прекрасный, благовоспитанный молодой человек. Я душевно рад, что он останется у нас. Теперь он был вместе с нами и в первый раз от роду видел поле сражения, где, хотя замолкли громы, но еще не обсохла кровь. Генерал приказывал ему смотреть на все внимательнее, чтобы привыкать к ужасам войны. В самом деле посинелые трупы, кровью и мозгом обрызганные тела, оторванные руки и ноги, в разных местах разметанные, должны возмущать мирные чувства кроткого юноши, пока не привыкнет он к таковым плачевным, но необходимым позорищам!

Мы теперь переместились со всем дежурством в один огромный каменный дом, который, по-видимому, был некогда убран богатою рукою. Теперь все изломано и разорено. На биваках у казаков сгорают диваны, вольтеровы кресла, шифоньерки, бонбоньерки, кушетки, козетки и проч. Что сказала бы всевластная мода и роскошные баловни ее, увидя это в другое время?

23 Октября. Город Вязьма

Среди дымящихся развалин города, под громом беспрерывно лопающихся бомб и гранат, повсюду злодеями разбросанных, в тесной комнате полусожженного дома, пишу к тебе, друг мой!.. Торжествуйте великое празднество освобождения Отечества! Враги

* Выражение из сочинений Гуфланда.

бегут и гибнут, их трупами и трофеями устилают себе путь русские к бессмертию. До сих пор я не имел ни одной свободной минуты. В течение 12 суток мы или шли или сражались. Ночи, проведенные без сна, а дни в сражениях, погружали ум мой в какое-то затмение — и счастливейшие происшествия: освобождение Москвы, отражение неприятеля от Малого Ярославца, его бегство, мелькали в глазах моих, как светлые воздушные явления в темной ночи. Печатные известия из армии, рассылаемые по губерниям, конечно, уже известили тебя подробно обо всем. Итак, я скажу несколько слов только о том, что при свободном досуге надобно бы описать на нескольких страницах. Еще повторяю, что о делах генерала Милорадовича (который почти всякий раз доносит главнокомандующему в двух или трех строках не более того, что он отразил или побил неприятеля там и тогда-то), я постараюсь доставить тебе подробнейшее описание, если останусь жив и записная книжка моя уцелеет.

Вскоре после Тарутинского дела 6-го Октября, князь светлейший получил известие, что Наполеон, оставляя Москву, намерен прорваться в Малороссию. Генерал Дохтуров с корпусом своим отряжен был к Боровску. Вслед за ним и вся армия фланговым маршем передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила собою врата Малороссии и была свидетельницею жаркого боя между нашим 6-м и 4-м французским корпусами при Малом Ярославце.

Генерал Милорадович, сделав в этот день с кавалериею 50 верст, не дал отрезать себя неприятелю и поспешил к самому тому времени, когда сражение пылало и присутствие его с войсками было необходимо. Фельдмаршал, удивленный такою быстротою, обнимал его и называл крылатым. В глазах наших сгорел и разрушился Малый Ярославец. На рассвете генерал Дохтуров с храбрыми войсками своего корпуса присоединился к армии, которая подвинулась еще левее и стала твердою ногою на выгоднейших высотах.

Генерал Милорадович оставлен был с войсками своими на том самом месте, где ночь прекратила сражение. Весь следующий день проведен в небольшой только пушечной и ружейной перестрелке. В сей день

жизнь генерала была в явной опасности, и Провидение явно оказало ему покровительство свое. Отличаясь от всех шляпою с длинным султаном и сопровождаемый своими офицерами, заехал он очень далеко вперед и тотчас обратил на себя внимание неприятеля. Множество стрелков, засев в кустах, начали метить в него. Едва успел выговорить адъютант его Паскевич: в вас целят, Ваше Превосходительство! — и пули засвистали у нас мимо ушей. Подивись, что ни одна никого не зацепила. Генерал, хладнокровно простояв там еще несколько времени, спокойно поворотил лошадь и тихо поехал к своим колоннам, сопровождаемый пулями. После сего генерал Ермолов, прославившийся и сам необычайною храбростию, очень справедливо сказал в письме к Милорадовичу: «Надобно иметь запасную жизнь, чтоб быть везде с Вашим Превосходительством!» Чрез два дня бегство неприятеля стало очевидно, и наш арьергард, сделавшись уже авангардом, устремился преследовать его. Темные, дремучие ночи, скользкие проселочные дороги, бессонье, голод и труды: вот что преодолели мы во время искуснейшего флангового марша, предпринятого генералом Милорадовичем от Егорьевска прямо к Вязьме. Главное достоинство этого марша было то, что он совершенно утаен от неприятеля, который тогда только узнал, что сильное войско у него во фланге, когда мы вступили с ним в бой, ибо до того времени один генерал Платов теснил его летучими своими отрядами. Вчера началось сражение, с первым лучом дня в 12 верстах от Вязьмы. У нас было 30 000, а вице-король итальянский и маршалы Даву и Ней выставили противу нас более 50 000. Неприятель занимал попеременно шесть выгоднейших позиций, но всякий раз с великим уроном сбиваем был с каждой победоносными войсками нашими. Превосходство в силах и отчаянное сопротивление неприятеля продлили сражение чрез целый день. Он хотел было непременно, дабы дать время уйти обозам, держаться еще целую ночь в Вязьме и весь город превратить в пепел. Так уверяли пленные, и слова их подтверждались тем, что все почти печи в домах наполнены были порохом и горючими веществами. Но генерал Милорадович, послав Паскевича и Чоглокова с пехотою, которые

тотчас и ворвались с штыками в улицы, сам с бывшими при нем генералами, устроя всю кавалерию, повел в объятый пламенем и неприятелем наполненный еще город. Рота конной артиллерии, идя впереди, очищала улицы выстрелами, кругом горели и с сильным треском распадались дома, бомбы и гранаты, до которых достигал пламень, с громом разряжались, неприятель стрелял из развалин и садов, пули свистали по улицам... Но, видя необоримую решимость войск наших и свою погибель, оставил он город и бежал, бросая повсюду за собою зажигательные вещества. На дымящемся горизонте угасало солнце. Помедли оно еще час — и поражение было бы совершеннее, но мрачная осенняя ночь приняла бегущие толпы неприятеля под свой покров. До пяти тысяч пленных, в числе которых известный генерал Пелетье, знамена и пушки были трофеями сего дня. Неприятель потерял конечно до 10 000. Путь на 12 верстах устлан его трупами. Генерал Милорадович остановился в том самом доме, где стоял Наполеон, и велел тушить горящий город. Сегодня назначен комендант, устроена военная полиция, велено очищать улицы от мертвых тел, разослано по уезду объявление, сзывающее жителей к восстановлению по возможности домов и храмов Божиих в отечественном их городе, исторгнутом ныне из кровавых рук нечестивых врагов.

Со временем благородное дворянство и граждане Вязьмы, конечно, почувствуют цену сего великого подвига и воздадут должную благодарность освободителю их города. Пусть поставят они на том самом поле, где было сражение, хотя не многоценный, но только могущий противиться времени памятник, и украсят его, по примеру древних, простою, но всеобъемлющею надписью: «От признательности благородного дворян сословия и граждан Вязьмы начальствовавшему российским авангардом генералу от инфантерии Милорадовичу за то, что он с 30 000 россиян, разбив 50-тысячное войско неприятельское, исторгнул из рук его горящий их город, потушил пожары и возвратил оный обрадованному Отечеству и утешенным гражданам в достопамятный день 22 Октября 1812 года». В одержании победы участвовали: известный генерал граф Остерман, князь Сергей Николаевич Долгорукий, ко-

торый, отличаясь прежде на поприще дипломатическом, горел желанием служить в Отечественной войне и променял перо на шпагу. Но служа в поле, он не перестает украшать бесед своих тою же неподражаемою остротою ума, которою блистал некогда при дворах государей. Русские ко всему способны!.. Генералы: Ермолов, Паскевич, Олсуфьев и Чоглоков храбростию и благоразумием своим содействовали к совершенному поражению врага. Полковник Потемкин, с свойственным ему мужеством, как начальник Штаба по авангарду, наблюдал за движениями наших войск в опаснейших местах. Перновский и Белозерский полки и батарейная рота Гулевича отличились.

P. S. В это самое время, как я пишу к тебе, генерал Вильсон, бывший личным свидетелем вчерашнего сражения, описывает также оное соотечественникам своим. Из Петербурга нарочный отправится с известием о сей победе в Лондон.

26, в два часа пополудни.
Дорогобуж

Вот сейчас только кончился штурм крепостного замка в Дорогобуже. Мы вырвали его из рук французов, захватили город, который они уже начали жечь, и провожали их ядрами, покуда не скрылись из глаз наших, а теперь сильная буря, веющая к Западу, и генерал Юрковский с легкою конницею гонит их далее. Стужа увеличилась, метель потемнила воздух. Мы забрались в дом к протопопу, в котором уцелели окна и немного тепло. Я нашел старую чернильницу, отмочил засохшие чернила и пишу к тебе, как могу. Позамедлив несколько в Вязьме, я должен был скакать 30 верст, чтоб догнать войска наши, неослабно преследовавшие неприятеля. Я ехал вместе с генералом Вильсоном, который не отстает от авангарда и по доброй воле бывает в огнях. В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. На той самой дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мертвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в саже и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по

грудам конских и человеческих трупов. Голод, стужа и страх помрачили их рассудок и наложили немоту на уста: они ни на что не отвечают, смотрят мутными глазами на того, кто их спрашивает, и продолжают глодать конские кости. Так караются враги, дерзающие наступать на Святую Русь! Подобная казнь постигла татар, дерзко набежавших на Россию во дни малолетства царя Ивана Васильевича. «Великие снеги и морозы познобили татар, а остальных казаки добивали» — так говорит Царственная книга. Во все сии дни неприятель беспрестанно забавлял нас потешными огнями: он подрывал великое множество пороховых своих ящиков. Бог знает, каких только неистовств не делает этот неприятель? Он отряжает нарочные толпы для сожигания деревень, прикалывает наших пленных и расстреливает крестьян. За то и крестьяне не спускают им! Большими ватагами разъезжают они с оружием по лесам и дорогам, нападают на обозы и сражаются с толпами мародеров, которых они по-своему называют миродерами. По их толкам, это люди, обдирающие мир!

Генерал Вильсон говорит, что война эта подвинула Россию на целое столетие вперед на пути опытов и славы народной. Мой друг! молнии и зарницы электрическою своею силою способствуют зрелости жатв, молнии войны пробуждают дух народов и также ускоряют зрелость их. Таков порядок вещей под солнцем!..

В нескольких местах видели мы, что крестьянки и даже малые дети бесщадно секли розгами ползающих французов: так озлобили они противу себя русский народ!..

Я не сказал тебе еще о сегодняшних трофеях наших. Они состоят в 600 пленных и двух пушках. Все это досталось нам после довольно жаркого боя. Укрепленные высоты Дорогобужа должны мы были взять открытым штурмом, а из города выйти неприятеля заставил генерал Милорадович искусным направлением дивизии принца Виртембергского в обход слева. Пожар начал было распространяться и здесь, но густым снегом и усердием солдат наших потушен. Тут также оставляется комендант, которому поручено сзывать жителей на прежние их жилища. Надобно

видеть солдат наших, без ропота сносящих голод и стужу, с пылким рвением идущих на бой и мгновенно влетающих на высоты окопов, чтоб иметь понятие о том, как приятно освобождать города своего Отечества! 4-го егерского полка майор Русинов, получа рану в руку при начале штурма, велел поддерживать себя солдатам и продолжал лезть на вал; чрез несколько минут ему прострелили ногу, и солдаты принуждены были снести его в ров. Но храбрый офицер сей до тех пор не приказывал уносить себя далее и не переставал ободрять солдат, пока не увидел их уже на высоте победителями. Это тот самый, который вышел одним выпуском прежде нас из Корпуса.

Представь себе, друг мой! что я теперь только в 60 верстах от моей родины и не могу заглянуть в нее!.. Правда, там нечего и смотреть: все разорено и опустело! Я нашел бы только пепел и развалины, но как сладко еще раз в жизни помолиться на гробе отцов своих! Теперь сходен я с кометою, которая не успеет приблизиться к солнцу, как вдруг косвенным путем удаляется опять от него на неизмеримые пространства. Завтра мы идем отсюда, но не в Смоленск, а боковыми, неизвестными путями и дорогами, чрез леса и болота... После узнаешь ты о сем искусном и, конечно, гибельном для французов движении наших войск.

7 Ноября. На поле близ Красного

Видишь ли, какой мы сделали шаг! от Дорогобужа прямо к Красному. Смоленск и Днепр остались у нас вправе. Тихо подкрались мы к большой дороге из Смоленска в Красное. Неприятель полагал нас за тридевять земель, а мы, как будто из-под земли, очутились вдруг перед ним! Это впрямь по-суворовски! Теперь называют это фланговым или боковым маршем. 3 числа Ноября показались мы из лесов против деревни Ржевки. Неприятель шел по большой дороге покойно и весело: наставшая оттепель отогрела жизненные силы сих питомцев благодетельного климата их Отечеств. Великие обозы с северными гостинцами тянулись между колонн. Генерал Милорадович приказал тотчас нападать. Неприятель остановился, сыпнул в овраги и паростники множество стрелков, вы-

ставил между берез по высотам дороги легкие орудия, а тяжелой артиллерии и обозам в сопровождении конницы своей велел спасаться вперед. Наши наступили с обыкновенным мужеством — и дело загорелось! Но, несмотря на великое превосходство в силах неприятеля пред нами, он был мгновенно сбит с большой дороги, поражаем в полях и одолжен спасением одной только темноте ночной и ближним лесам, в которых скрылся. Знамена, пушки, пленные и множество обоза наградили победителей на первый раз за трудный фланговый марш. Впереди нас видна была деревня, генерал Милорадович хотел в ней провести ночь, ему говорят, что там еще французы. Он посылает казаков истребить их, и мы там ночевали. После сего 4, 5 и 6 числа, три дня сряду, проводили в беспрерывных сражениях. Всякой вечер отбивали себе у французов ночлег в нескольких верстах от большой дороги. С каждою утреннею зарею, коль скоро с передовых постов приходило известие, что колонны показались на большой дороге, мы садились на лошадей и выезжали в бой. Наполеону очень не нравилось, что генерал Милорадович стоит под дорогою и разбивает в пух корпуса его, но делать нечего!.. Последняя рана, нанесенная ему вчера, чувствительнее всех прочих. Вчера о! восхищайся, друг мой! столь знаменитою победою, вчера генерал Милорадович разбил совершенно тридцатитысячный корпус, под предводительством искуснейшего из маршалов Наполеона — Нея, недавно прозванного им князем Москворецким. Урон неприятельский чрезвычайно велик. Все четыре начальствовавших генерала убиты. Места сражений покрыты грудами неприятельских тел. В сии четыре для нас победоносные дня потеря неприятеля, наверное, полагается убитыми до 20 000, в плен взято войсками генерала Милорадовича: генералов — 2, штаб и обер-офицеров — 285, рядовых — сколько ты думаешь? — 22 000, пушек — 60!.. Поля города Красного в самом деле покраснели от крови. В одержании сих четверодневных побед много участвовали генералы Раевский и Паскевич. Храбрые войска их многие толпы неприятельские подняли на штыки. Отважными нападениями конницы предводительствовал генерал Уваров. Артиллерия оказала громадные услуги. Полковник

Мерлин начальствовал ею в авангарде. Его рота и рота отважного капитана Башмакова покрыли себя славою. Действия пушек искусного и храброго Нилуса под Смоленском и Гулевича под Вязьмою останутся навсегда памятны французам. Остальные 6000 из разбитого Неева корпуса, укрепившиеся с пушками в лесах, прислали уже поздно ввечеру переговорщика сказать, что они сдадутся одному только генералу Милорадовичу, а иначе готовы биться до последнего. Французы называют Милорадовича русским Баярдом, пленные везде кричат ему: Vive le brave General Miloradovitsch! Его и самые неприятели любят вероятно за то, что он, сострадая об них по человечеству, дает последний свой запас и деньги пленным. После всего этого ты видишь, что трофеев у нас много, лавров девать негде, а хлеба — ни куска... Ты не поверишь, как мы голодны! По причине крайне дурных дорог и скорого хода войск обозы наши с сухарями отстали, все окрестности сожжены неприятелем и достать нигде ничего нельзя. У нас теперь дивятся, как можно есть! и не верят тому, кто скажет, что он ел. Разбитые французские обозы доставили казакам возможность завести такого рода продажу, о которой ты, верно, не слыхивал. Здесь, во рву, подле большой дороги среди разбитых фур, изломанных карет и мертвых тел, кроме шуб, бархатов и парчей, можно покупать серебряные деньги мешками!! За сто рублей бумажками покупают обыкновенно мешок серебра, в котором бывает по сту и более пятифранковых монет. Отчего ж, спросишь ты, сбывают здесь так дешево серебро? Оттого, что негде и тяжело возить его. Однако ж куплею сею пользуются очень немногие: маркитанты и прочие нестроевые. Но там, где меряют мешками деньги,— нет ни крохи хлеба! Хлеб почитается у нас единственною драгоценностью! Все почти избы в деревнях сожжены, и мы живем под углами в шалашах. Как жалко смотреть на пленных женщин! их у нас много. Одна прекрасная немка с простреленною рукою лежит в ближней избе. Ей перевязали рану и за неимением хлеба кормят сахаром и корицею, отнятыми у французов. Наполеон вел в Россию целый вооруженный народ! Третьего дня видели мы прекрас-

ную женщину, распростертую подле молодого мужчины. Одно ядро лишило их жизни, может быть, в минуту последнего прощания. Тогда же, в пылу самого жаркого боя, под сильным картечным огнем двое маленьких детей, брат и сестра, как Павел и Виргиния, взявшись за руки, бежали по мертвым телам, сами не зная куда. Генерал Милорадович приказал их тотчас взять и отнести в свою карету. С того времени их возят в его коляске. Пьер и Лизета, один 7, другая 5 лет, очень милые и, по-видимому, благовоспитанные дети. Всякий вечер они, сами собою, молятся Богу, поминают своих родителей и потом подходят к генералу целовать его руку. Теперь эти бедняжки не вовсе сироты. Вчера между несколькими тысячами пленных увидели они как-то одного, и вдруг вместе закричали: «вот наш батюшка!» В самом деле это был отец их полковой слесарь. Генерал тотчас взял его к себе, и он плачет от радости, глядя на детей. Мать их немка убита. Рассказать ли тебе об ужасном состоянии людей, которые давно ль были нам так страшны?.. Но меня зовут к генералу. Прости, до первой свободной минуты!..

Оттуда и того же дня

Мой друг! В самых диких лесах Америки, в области каннибалов, едва ли можно видеть такие ужасы, какие представляются здесь ежедневно глазам нашим. До какой степени достигает остервенение человека! Нет! голод, как бы он ни был велик, не может оправдать такого зверства. Один из наших проповедников недавно назвал французов обесчеловечившимся народом: нет ничего справедливее этого изречения. Положим, что голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей, но может ли он принудить пожирать себе подобных. Они, нимало не содрогаясь, жарят товарищей своих и с великим хладнокровием рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса *! Зато как они гибнут: как мухи в самую позднюю осень!.. У мертвых лица ужасно

---

* Невольно вспомнишь, что во время революции, совсем не от голода, французы убили, сжарили и съели много своих мэров. Об этом не молчит их собственная история.

обезображены. Злость, отчаяние, бешенство и прочие дикие страсти глубоко запечатлелись на них. Видно, что сии люди погибали в минуты исступления, со скрежетом зубов и пеною на устах. На сих лицах не успело водвориться и спокойствие смерти*. Те, которые не совсем еще обезумели, беспрестанно просят есть, а накорми их досыта теплым кушаньем — умирают! Но большая часть из них совсем обезумели, бродят, как слепые. Вчера я видел одного, который в самом пылу сражения с величайшим хладнокровием мотал в клубок нитки и сам с собою разговаривал, воображая, что он сидит дома у своей матери. Но вчерашняя ночь была для меня самая ужасная! Желая немного обсушиться, мы оправили кое-как одну избу, законопатили стены, пробитые ядрами, и истопили печь. Сотни стенящих привидений, как Шекспировы тени, бродили около нас. Но едва почуяли они теплый дух, как с страшным воплем и ревом присыпали к дверям. Один по одному втеснилось их несколько десятков и не было места, которого бы они не заняли. Одни валялись под лавками и на полу, другие на верхних полатях, под печью и на печи. Мы принуждены были поместить себе несколько досок с лавки на лавку. Отягченные усталостию, уснули на них. Перед светом страшный вой и стоны разбудили меня. Под нами и над нами множество голосов на всех почти европейских языках вопили, жаловались или изрыгали проклятия на Наполеона! Тут были раненые, полузамерзшие и сумасшедшие. Иной кричал: «Помогите! помогите! Кровь льется из всех моих ран! Меня стеснили!.. У меня оторвали руку!..» «Постойте! удержитесь! я еще не умер, а вы меня едите»,—кричал другой. В самом деле они с голоду кусали друг друга. Третий дрожащим голосом жаловался, что он весь хладеет, мерзнет, что уже не чувствует ни рук, ни ног! И вдруг среди стона, вздохов, визга и скрежета зубов, раздавался ужасный хохот... Какой-нибудь безумный, воображая, что он выздоровел, смеялся, сзывая товарищей: бить русских! А вслед за сим слышен был в другом угле самый горестный, сердце раздирающий плач. Я слышал, как один молодой поляк, увидев, конечно

* Сие выражение принадлежит почтеннейшему А. С. Шишкову.

во сне, родину свою, говорил, громко всхлипывая: «Я опять здесь, о матерь моя!.. Но посмотри, посмотри, как я весь изранен! Ах! для чего родила на свет несчастного?»

Когда рассвело, мы нашли несколько умерших над нами и под нами, и решились лучше быть на стуже в шалаше. Между сими злополучными жертвами честолюбия случился один заслуженный французский капитан, кавалер почетного легиона. Он лежал без ноги под лавкою. Невозможно описать, как благодарил он за то, что ему перевязали рану и дали несколько ложек супу. Генерал Милорадович, не могший равнодушно видеть сих беспримерных страдальцев, велел все, что можно было, сделать в их пользу. В Красном оправили дом для лазарета, все полковые лекари явились их перевязывать, больных оделили последними сухарями и водкою, а те, которые были поздоровее, выпросили себе несколько лошадей и тотчас их съели *. Кстати, не надобно ль в вашу губернию учителей? Намедни один француз, у которого на коленах лежало конское мясо, взламывая череп недавно убитого своего товарища и с жадностию глотая горячий еще мозг его, говорил мне: «Возьмите меня, я могу быть полезен России — могу воспитывать детей!» Кто знает, может быть, эти выморозки пооправятся, и наши расхватают их по рукам — в учители, не дав им даже и очеловечиться...

10 Ноября. Местечко Баево

Вчера перенесли мы знамена свои за древние рубежи нашего Отечества. Перейдя речку Мерейку, мы вступили уже в Могилевскую губернию. Теперь главная квартира авангарда в местечке Баеве: что на одной высоте с м. Лядами, на большой дороге. Итак, ныне уже ясно и никакому сомнению не подвержено, что одно постоянное продолжение сей войны увенчивает ее столь блистательными успехами. Если бы заключили мир при Тарутине, как бы ни был он выгоден, Россия не имела ни лавров, ни трофей, ни драгоценнейшего для всякого уверения, что Наполеон

---

* 6000, сдавшиеся добровольно, препровождены были тотчас со всевозможными выгодами в главную квартиру. Им оставили даже повозки с грузом, бывшие при них, и все, кроме оружия.

уже никогда не возвратится разорять пределы ее. Теперь можем мы вздохнуть спокойно!.. Меч, висевший над главами нашими, исчез. Тучи, ходившие по русскому небу, быстро несутся назад. Мы видим над собою ясную лазурь безмятежного свода, отколе всевышний благословляет оружие правых на славном поприще его побед.

Известно, однако ж, что Наполеон, прежде нежели решился оставить Москву, источал все усилия для заключения мира. Мудрый Кутузов заводил в сети ослепленного страстями и гордостью этого нового Навуходоносора. Он старался выиграть время, доколе подоспеет к нам вернейшая союзница — зима!

Но твердость государя в сих смутных обстоятельствах достойна хвалы и удивления современников и потомства. Исполненный духом предвидения, он пребыл непоколебим, как гранитный утес среди мятежных морей!

«Я прежде соглашусь перенести столицу мою на берега Иртыша и ходить в смурном кафтане, чем заключу теперь мир с разорителем Отечества!»

Так отвечал монарх на предложение о мире. Слух о сем дошел к нам в армию. Такие изречения государей подслушивает история и с благоговением передает отдаленнейшим родам.

Мой друг! Настоящее повторяется в будущем, так как прошедшее в настоящем! Придут времена, лета обратятся в столетия, и настанет опять для некоего из царств земных период решительный, подобный тому, который ныне покрыл Россию пеплом, кровию и славою. Но когда поколеблются царства и потрясутся престолы, тогда государь, над главою которого зашумят бури, взглянет с доверенностию в бытия протекших времен; увидит лучезарное имя Александра I, возьмет с него пример твердой непоколебимости, и, спасая ею народы свои, возвеличит и в позднейших веках бессмертную славу монарха нашего.

14 Ноября. Город Борисов

Ушла лисица, только хвост в западне и остался!..

Никакой человеческий ум не может сделать соображений лучше тех, какие сделаны были князем Ку-

тузовым, и принять лучших мер, какие принял он для поимки Наполеона у реки Березины в городе Борисове. Одна непостижимая судьба могла спасти его, может быть, для того, чтоб карать им еще человечество! Адмирал Чичагов с армиею своею слева вниз, а граф Витгенштейн справа вверх по течению реки, сближались один против другого, дабы сомкнуть войска свои, как две стены в том месте, где мог переправиться неприятель, за которым шла армия Кутузова, и которого неослабно преследовали граф Платов с казаками, генерал Милорадович с авангардом, генералы Ермолов и Бороздин с летучими отрядами.

Все эти дни погода была самая бурная и ненастная. Морозы достигали до 20 градусов. Мы шли проселочными дорогами, артиллерия наша прорезывала пути по глубоким снегам, и конница пробиралась дремучими лесами, и при всем этом несколько переходов сделано по 40 верст в день. Не забудь, что в зимний день!

Дух великого Суворова, конечно, веселился, взирая с высот на столь быстрое шествие победоносных россиян. Сбылся и стих великого поэта:

Где только ветры могут дуть,
Проступят там полки орлицы.

Жаль, однако ж, что все наши труды были напрасны!.. Наполеон уже за Березиною!.. Граф Витгенштейн тем же самым громом, который бросал на Клястицких полях, отбил у переправлявшегося неприятеля один из задних его корпусов, и 12 тысяч, увидев себя окруженными, положили оружие. Мы остановились в разоренном и еще дымящемся от пожара Борисове. Несчастные наполеонцы ползают по тлеющим развалинам и не чувствуют, что тело их горит!.. Те, которые поздоровее, втесняются в избы, живут под лавками, под печьми и заползают в камины. Они страшно воют, когда начнут их выгонять. Недавно вошли мы в одну избу и просили старую хозяйку протопить печь. «Нельзя топить, отвечала она: там сидят французы!» Мы закричали им по-французски, чтоб они выходили скорее есть хлеба. Это подействовало. Тотчас трое, черные, как арапы, выпрыгнули из печи и явились перед нами.

Каждый предлагал свои услуги. Один просился в повара, другой в лекаря, третий — в учители! Мы дали им по куску хлеба, и они поползли под печь.

В самом деле, если вам уж очень надобны французы, то вместо того, чтоб выписывать их за дорогие деньги, присылайте сюда побольше подвод и забирайте даром. Их можно ловить легче раков. Покажи кусок хлеба — и целую колонну сманишь! Сколько годных в повара, в музыканты, в лекаря, особливо для господ, которые наизусть перескажут им всего Монто, в друзья дома и в учители!!! За недостатком русских мужчин, сражающихся за Отечество, они могут блистать и на балах наших богатых помещиков, которые знают о разорении России только по слуху! И как ручаться, что эти же запечные французы, доползя до России, прихолясь и приосанясь, не вскружат голов прекрасным россиянкам, воспитанницам француженок! Некогда случилось в древней Скифии, что рабы отбили у господ своих, бывших на войне, жен и невест их. Чтоб не сыграли такой штуки и прелестные людоеды с героями русскими!

16 Декабря. Вильна

В начале Октября был я несколько сот верст за Москвою, в Рязани, в Касимове, на берегах Оки. В Ноябре дрались мы уже на границах Белоруссии, а 16 Декабря пишу к тебе из Вильны. Так мыкается друг твой по свету! Такими исполинскими шагами шло войско наше к победам и славе!.. Но сколько неслыханных, невообразимых трудов перенесло войско! Сколько вытерпел друг твой! Однако ж я здоров! Чрез шесть дней буду в Гродно. Армия остается еще здесь, чтоб взять хотя малейший роздых. Авангард идет в Гродно, которая, со всеми магазейнами своими, сдалась партизану Денису Давыдову. Наполеон бежит к Неману.

На сих днях изволил прибыть сюда государь император. Победоносное воинство и отягченный лаврами князь Смоленский встретили его. Вскоре прибыл и цесаревич. Радость сделалась общею. Все окрестное дворянство стеклось в город и город заблистал разноцветными огнями освещений. Различные прозрачные

картины представляли Россию торжествующею, Александра, милующим преступных, Наполеона — бегущим. Известно стало, что эти картины рисовал тот самый живописец, который за несколько пред сим месяцев изображал те же лица, только в обратном смысле, для освещений в честь Наполеона. Тот же профессор, который протрубил теперь прегромкую оду в честь русским, славил прежде французов. Таковы люди!

Трудно достигнуть человеку до степени славы, какою озарен князь светлейший! Но еще труднее быть, как он, столько ж славну, как и любиму. Он позволил офицерам тепло одеваться в морозы и веселиться, где можно, и очаровал души! Недавно докладывали ему: не прикажет ли запретить офицерам сбираться в трактир, находившийся против самых его окон, где они привыкли играть, шутить и веселиться? «Оставьте их в покое,— отвечал князь,— пусть забавляются, мне приятно слышать, как они веселятся! Люди, освободившие Отечество, заслуживают уважения. Я не люблю, чтоб главная квартира моя походила на монастырь. Веселость в войске доказывает готовность его итти вперед!»

О! он знает сердце человеческое! Он знает, что одною ложкою меда больше можно сманить мух, нежели целою бочкою уксуса.

18 Декабря

Я два раза навещал одного из любезнейших поэтов наших, почтенного В. А. Жуковского. Он здесь в Вильне был болен жестокою горячкою, теперь немного обмогается. Отечественная война переродила людей. Благородный порыв сердца, любящего Отечество, вместе с другими увлек и его из круга тихомирных занятий, от прелестных бесед с музами в шумные поля брани. Как грустно видеть страдание того, что был таким прелестным певцом в стане русских и кто дарил нас такими прекрасными балладами! Мой друг! Сия война ознаменована какою-то священною важностию, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное, отцы вырывались из объятий семейств, писатели из объятий независимости и муз, чтоб стать

грудью за родной предел. Последние, подобно трубадурам рыцарских времен или бардам Оссияна, пели и под шумом военных бурь.

21 Декабря. На пути в Гродно

Не правда ли, что очень приятно найти прекрасный куст розы в дикой степи? Точно так же радует нас хороший дом в разоренной стороне. Мы испытали приятность такой находки, проезжая из Вильны в Гродно. Городня есть прекрасный сельский дом сестры покойного короля графини Тишкевичевой. Везде и во всем виден изящный вкус: в выборе места для дома, в расположении комнат и в уборке их, но более всего понравились нам картины.

Захочешь насладиться приятным утром — взглянешь на стену и видишь в картине все прелести его. Как синь и прозрачен этот воздух! Как легки сии дымчатые облака! Как хороши первые лучи солнца! Кажется, видишь, как эти лучи яснеют, как воздух становится светлее, туман редеет, цветки просыпаются, птички стрясают с крылышек жемчужную росу, и все в улыбке! В дополнение видишь невинность. В виде прелестной пастушки с свежим утренним румянцем на щеках и с пестрым стадом. Тут же вечер: как хорош! Не волшебник какой-нибудь собрал сизые тени вечерних сумерек и бросил их на холст? Они так живо изображены! Вот подлинник лучшего из польских живописцев. Вижу сражение, конный бой или, лучше сказать, жаркую схватку, в которой отличается один человек на дикой лошади, которая скачет чрез груды тел, бесится и, кажется, стремится опрокинуть и стоптать все, что ни встречает. Кто же этот человек, у которого епанча свалилась с плеч, который в бешенстве ратном растерзал на себе одежду и обнажил до половины тело свое? С длинным ножом в руке, которым бьет лошадь и неприятелей, скачет он, как безумный, сквозь пули и картечи, пена клубится у рта. Ясно видно, что судьба его зависит от выигрыша сражения. Он стремится во что бы то ни стало одержать победу. Герой покоен в бою: победа сама находит и венчает его лаврами, а это верно не герой, ибо силится сорвать венец награды, верно не полко-

водец, ибо, забывая себя, хочет победить одною неистовою храбростию. Кто ж это такой? Картуш! Кисть живописца прекрасна и смела, но краски, кажется, слишком блестящи, и вообще видна какая-то щеголеватость в картине. Нет простоты, свойственной великим художникам.

На стенах других комнат видны римские развалины, прекрасные виды, водопады, которые, кажется, брызжут на того, кто на них смотрит. В сем прелестном доме вижу я живописную Италию и теряюсь в сладких мечтах о ней. Я вижу страшную Этну, в черной ночи, в красных заревах, с желтыми оттенками, вижу, как блещут изломчатые молнии, как кипит свирепая лава, как огненное жерло стреляет вверх буграми, как трескают на воздухе громады и сыплется каменный дождь!.. Вижу и пугаюсь: так все это живо!..

Как прелестны искусства! Они обворожают смертных, они очаровали и нас, странников.

26 Декабря. Гродно

На сих днях графиня Орлова-Чесменская прислала генералу Милорадовичу меч или саблю, подаренную великой Екатериной покойному родителю ее графу Алексею Григорьевичу за истребление флота при Чесме. В то время, когда неприятель опустошал окрестности Москвы, генерал Милорадович, узнав, что вблизи находится имение графини Орловой, заслонил его своими войсками и, отразив врага, не допустил расхитить сел ее и попрать гроб знаменитого Орлова. Он сделал это, следуя порыву чувства уважения к заслугам Чесменского, убежден будучи, что могила храброго Отечеству священна! Но дочь, благоговеющая к праху родителя, приняла в полной цене подвиг сей и при лестном письме, прислала драгоценный меч герою, которому за несколько пред сим лет благодарный народ валахский поднес меч «за спасение Бухареста». Действительный статский советник Фукс с свойственным ему красноречием описал случай сей в нескольких строках, которые тебе и посылаю.

«Двора Их Императорских Величеств фрейлина графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская при-

слала к генералу от инфантерии Михайлу Андреевичу Милорадовичу саблю, всемилостивейше пожалованную в бозе почивающею императрицею Екатериною Алексеевною покойному родителю ее, графу Алексею Григорьевичу за истребление при Чесме турецкого флота при письме, лестных для него выражений исполненном, за спасение им в нынешнюю войну деревень ее, а особливо той, где погребен родитель ее. Меч сей дарован Великою Екатериною герою Чесменскому за истребление Оттоманского страшного морского ополчения на водах Азии, в виду берегов древней Эллады и Ионии. Там в первый раз возвеял флаг российский, гром с севера ударил, флот исчез и луна померкла. Сей меч, украшенный драгоценнейшими каменьями, щедротами бессмертныя монархини, есть бесценное знамение величия тогдашней России и неистлеваемый памятник в роде родов Орловых. Но дочь, благоговеющая к памяти родителя своего, к священному для нее праху его, подносит блистательный залог сей знаменитому воину, не допустившему нечестивого врага коснуться сей гробницы. Милорадович приемлет оный с глубочайшею, живейшею признательностию, но обещает ей извлечь оный токмо за пределами Отечества на поражение возмутителей спокойствия народов, буде провидению паки угодно будет избрать его орудием и не прежде возложить на себя, доколе не соделается достойным подарка, полученного из рук россиянки, пламенеющей любовию к Отечеству и к отцу».

28 Декабря

«Выступил, ушел, вырвался, убежал!» из Отечества нашего сей новый Катилина. Наполеон за Неманом! Уже нет ни одного врага на земле русской! Александр Первый готов положить меч свой, но Европа, упадая пред ним на колена и с воздетыми к небу руками, молит его быть ее спасителем и, подобно древнему Александру, рассечь мечом новый Гордия узел тяжелых вериг ее плена. Некогда монарх сказал Кутузову: «Иди спасать Россию!» Теперь, кажется, слышен в небесах глас самого Бога, вещающий Александру Первому: «гряди освобождать Европу!» Итак,

за чем приходил Наполеон в Россию? Вот вопрос, для разрешения которого будут писать целые книги. Удача в мире сем священнее всех прав!—думал вождь галлов; так думал и вождь татар! Батый и Наполеон по кровавому морю хотели приплыть к храму славы. Но кровь пролита, а храм славы заперт для них. Их мавзолей — проклятие народов!

Сам цесаревич, если б он воскрес теперь, не мог бы, кажется, лучше изобразить насильственного вторжения врагов в землю русскую, твердости государя, народа и ужасного гнева раздраженного Бога, постигшего сии разноплеменные орды среди торжеств и злодеяний их, как все сие изображено в Манифесте, обнародованном в Вильне. Он начинается сими словами: «Бог и весь свет тому свидетель, и проч. и проч. и проч.»

П. П. Новый порядок установляется в дежурстве нашем: всякий будет иметь свою определенную часть.

Храбрый полковник Потемкин, исправлявший должность начальника штаба, произведен в генералы и назначен командиром лейб-гвардии Семеновского полка, а начальником штаба по авангарду определен, по высочайшей воле, флигель-адъютант его величества полковник Сипягин, который еще в капитанском чине отличил себя во всех четырех сражениях при Красном.

1 Января, 1813. Город Гродно

Наконец минул сей 1812 год. Каким шумом, блеском и волнением ознаменовалось шествие его в мире! Ежели говорить языком стихотворцев, придавая всему лицо и существенность, то я воображаю, что сей год, обремененный славою и преступлениями, важно вступает во врата вечности и гордо вопрошает неисчислимые сонмы протекших годов: кто более его обагрен кровию и покрыт лаврами, кто был свидетелем больших превратностей в судьбах народов, царств и вселенной? Встают века древнего Рима, пробуждаются времена великих браней, славных полководцев, века всеобщего переселения народов... Напрасно! Древняя история, кажется, не найдет в себе года, который во всех многоразличных отношениях мог бы

сравняться с протекшим. Начало его наполнено мрачными предвестиями, томительным ожиданием. Гневные тучи сгущались на западе. Вслед за пламенною кометою многие дивные знамения на небе являлись. Люди ожидали будущего, как страшного суда. Глубокая, однако ж, тишина и тайна господствовали на земле. Но сия обманчивая тишина была предвестницею страшной бури. Взволновались народы, и все силы, все оружие Европы обратилось на Россию. Бог предал ее на раны, но защитил от погибели. Россия отступила до Оки и с упругостью, свойственною силе и огромности, раздвинулась опять до Немана. Области ее сделались пространным гробом неисчислимым врагам. Русский, спаситель земли своей, пожал лавры на снегах ее и развернул знамена свои на чуждых пределах. Изумленная Европа, слезами и трауром покрытая, взирая на небо, невольно восклицает: «Велик Бог земли русской, государь и народ ее!» «Велик Кутузов, полководец мудрый!» — говорит история, и вместе с именем его пишет на златых скрижалях своих «1812 год».

2 Января. Гродно

Вчера ввечеру было здесь так называемое касино, собрание по билетам. Дом собрания был освещен. Прекрасные патриотки, мнимые любительницы Отечества, сначала очень неласково смотрели на пригожих победителей своих — русских офицеров. Они хотели казаться страстными любительницами свободы, огорченными, томными вздыхательницами о потере ее, хотели плакать.., но заиграли мазурку, и все пустились кружиться. Кажется, польским женщинам менее всего должно бояться покорения: их ловкость, ум и прекрасные глаза издавна доставляли им победы над сердцами мужчин. Жаль, однако, очень жаль, что и польки поработились парижским дурачествам!

Января 4, местечко Гонендз

Гонендз, пограничное местечко в области Белостокской над рекою Боброю, имеет около 200 домов. Оно окружено обширными болотами и необозримы-

ми понизовыми местами. Теперь, зимою, здесь вид прекрасный, а летом все должно плавать в воде, кроме местечка, стоящего на огромном каменисто-песчаном возвышении. Большую часть жителей составляют евреи. Здесь-то назначено сборное место всему авангарду генерала Милорадовича. Он состоит из 6-го и 7-го пехотных, двух кавалерийских корпусов и летучего графа Палена отряда. Отряд генерал-майора Васильчикова также к нему принадлежит.

6 Января. Гонендз

Завтрашний день переходим мы за границу, завтра ступим на землю, никогда еще России не принадлежавшую. Вся армия вступает в герцогство Варшавское тремя большими колоннами. Сим колоннам дано столь искусное, верное и для нас выгодное направление, что движением их по разным путям в одно время займет вдруг все пространство от Данцига до Варшавы. Самая столица сия в случае сопротивления ее будет обойдена и мгновенно стеснена со всех сторон. Кто же есть тайною пружиною этого стройного, искусного движения войск? Тот же, кто был причиною столь быстрого и для нас счастливого оборота в великих происшествиях протекшего года: старец Кутузов. Сам государь неразлучен с ним, с войсками и с славою.

Гонендз. 7 Января поутру

При выступлении за границу, генерал Милорадович отдал приказ, чтобы во всех полках служили молебны в возблагодарение Богу, управляющему судьбою браней, за счастливое окончание Отечественной войны, моля, да осенит и прославит он и впредь оружие российское, подъемлемое на освобождение царств и народов!

7 Января. М. Радзилово

Мы уже за границей. Порядочные дороги чрез болота, каменные заборы в полях, изрядные крестьянские дома с прекрасными садиками и прочие заведе-

ния уподобляют сторону эту немецким краям. Здешние места вообще наполнены болотами и лесами. Почва земли камениста. От Гонендз до Радзилова 25 верст. Это также очень небольшое местечко на высоте среди болот.

Взгляни на хорошую топографическую карту и увидишь, что большая часть герцогства занята болотами. Летом, по неудобопроходимости мест, сторона сия весьма способна к оборонительной войне. Надобно быть русским и воевать в самую лютую зиму, чтоб проходить везде. Вся здешняя сторона населена мазурами. Люди сии подобны лесистой природе своей. Мужчины великорослы, сильны, пасмурны и бледнолики; женщины же вообще очень стройны и пригожи.

Любимый цвет мазуров синий. Они синеют с ног до головы. Не думаешь ли, что мы идем по неприятельской земле, как грозные завоеватели, что ужас предшествует нам и опустошение нас сопровождает. Нет! нас, по всей справедливости, можно назвать рыцарями. Их мужество и добродетели стали теперь нашими. Мы угрожаем сильным и защищаем слабых. Вера, законы и собственность народа для нас священны. Государю угодно было распространить благость свою даже на неприятелей. Изданы приказы и объявления, в которых главнокомандующий ручается за безопасность народа и приглашает светские и духовные начальства не оставлять ни домов, ни обязанностей своих, обещая всем и каждому помощь и защиту. Солдаты наши в полной мере исполняют волю государя. Львы в боях, они кротки, как агнцы, в хижинах безоружных поселян.

P. S. Сейчас получено известие об успехах оружия российского на Висле и далее. Кенигсберг и Мариенвердер взяты графом Платовым и генералом Шепелевым.

8 Января. Деревня Малый Плотск

Зимняя стужа и здесь весьма ощутительна. Надобно быть детьми севера, чтоб переносить суровость сего времени года с таким терпением, как наши войска. Завтрашний день авангард имеет здесь роздых.

Признайся, любезный друг, что до сих пор ты не имеешь еще ясного понятия о нашем движении. Куда мы идем? как? с каким намерением? Судя по кроткому обхождению нашему с жителями, кажется, что мы в самое мирное время переходим с квартир на другие. Но судя по тому, что вошли в неприятельскую землю, должно думать, что мы пришли воевать. Мы берем все должные предосторожности: имеем свой авангард, составленный большею частию из кавалерии, под командою барона Корфа, имеем арьергард и летучий отряд под начальством храброго графа Палена, надежно прикрывающий наше боковое движение. Я скажу тебе еще более: мы имеем перед собою и неприятеля. Нередко сталкиваемся с ним, вступаем в переговоры, спорим, шутим, ссоримся — но не деремся! Часто уже и ружья заряжены и штыки навострены — а сражения нет. Так воюем мы с австрийцами: и это-то называется бескровная, или политическая война. Но так могут воевать только два народа, сотворенные быть вечными друзьями и одною необходимостию вовлеченные в бурю всеобщего раздора. Однако ж сей род войны требует великой осторожности, терпения и большой способности к переговорам и переписке. Надобно прежде предлагать, потом убеждать, и наконец уже грозить, но чтоб это было все кстати, у места. Получа известие, что австрийцы заступают нам дорогу, тотчас посылают объявить им, что авангард российский идет в больших силах, хотя в самом деле он очень невелик, что вся армия готова подкрепить его: что сопротивление их будет совершенно бесполезно и кровь пролита напрасно и проч. Слова подкрепляются действием: обходят фланг австрийцев и они, имея чрез то достаточную тактическую причину к отступлению, совершают оное, несмотря на упорство надзирателей своих — французов.

P. S. От Радзилова до деревни Плотска места довольно открытые и холмистые. Остроленка остается у нас влево за Наревою. Около сего городка дремучие леса, известные под названием Остроленской пущи. Извещательные посты наши по сю сторону реки, неприятельские по ту.

Те, которые видели генерала Милорадовича в огне сражений пылким, неустрашимым, ужасным истребителем неприятельских полков, дивились его хладнокровию, искусству, прозорливости и великому благоразумию в сей новой для него и для России войне. Это подтверждает истину аббата Сабатье, что здравый ум может быть способен ко всему.

13. Деревня Худек

10, 11, 12 и 13 прошли мы чрез деревни: Хлудин, Станиславово, Дрозжево и Худек. Вся сия дорога вообще гориста и покрыта лесом. Здесь генерал Корф имел переговоры с австрийским генералом Фрелихом. Генерал Милорадович посылал также к ним с особыми тайными поручениями начальника авангардного штаба полковника Сипягина. Вследствие сих переговоров австрийцы уступили нам всю дорогу до самого местечка Прасниц и даже большой магазин в сем местечке, сдав оный во всей целости занимавшемуся на то время заготовлением впереди продовольствия для авангарда московского ополчения майору Павлову.

14 Января. М. Прасниц

Авангард вступил в Прасниц. Это местечко только в 80 верстах от Варшавы! Все здешние евреи с распущенными хоругвями, хлебом и солью встретили генерала Милорадовича. Их радость неописанна. Бедные! пленение французское не легче было для них, как для предков их Вавилонское!.. Теперь, по причине их повсеместности в Европе, они оказывают нам большие услуги, доставляя отовсюду весьма важные и верные известия.

Прасниц довольно изрядное местечко на одной из больших дорог из Пруссии в Варшаву.

Но что сказать вообще о герцогстве Варшавском? В короткое время пребывания своего под властию прусского правительства получило оно самое выгодное для себя образование. Повсюду встречаете вы плоды благотворительности этого умного и попечи-

тельного правительства. Везде видите по плану выстроенные деревни. У крестьян прекрасные светлицы с большими каминами, которые их освещают и греют. Отчего ж они здесь лучше, нежели во всей Польше? Кто строил их? Король! Хотите знать средства его? Вот одно из главнейших: каждый поселянин платит в казну от 3 до 5 злотых с избы, что составляет страховую пожарную сумму. В частности это почти ничего, в сложности — много. Из сей-то суммы каждый погоревший крестьянин получает по 500 злотых и строит себе прекрасный дом. Таким образом многие уже деревни и города в лучшем и прекраснейшем виде возродились из пепла после пожаров.

Герцогство Варшавское разделено на префектуры и департаменты. В каждом городе, если он не главный в префектуре, находится подпрефект, по-нашему исправник. Герцогство имеет свои деньги.

Прасниц, 15 Января

Сегодня генерал Милорадович осматривал проходившие войска 4-го и 7-го корпуса. Веселый вид солдат, их бодрость и свежесть лиц не показывали, чтоб они перенесли столь много неслыханных трудов, пройдя великое, необъятное пространство от Оки до Вислы в беспрерывных сражениях и победах, среди лютейшей зимы. Седьмой корпус обратил на себя особенное внимание. Генерал Паскевич при громком барабанном бое и веющих знаменах провел его быстрым и смелым шагом. В остатке этого корпуса виден был тот же жар и дух, с каким истреблял он колонны Нея под Красным. Артиллерия наша тянулась чрез местечко бесконечным гужом.

Сегодня получено известие, что Данциг, в котором заперся генерал Рапп, обложен нашими войсками. Кенигсберг, Мариенбург и Мариенвердер взяты, 15 тысяч пруссаков отклонились от французов к нам. Кажется, что Пруссия вся с нами. Ренье с 20 тысячами, составленными из французов, поляков и саксонцев, бродит около Варшавы, может быть, вздумает защищать ее. Но колонны нашей главной армии, ни на что не смотря, обходят Варшаву и спешат занять все герцогство.

16. Прасниц

В авангарде нашем последует некоторая перемена. За два перехода отсюда отделится от него часть издавна в нем находившихся войск, а присоединятся идущие из Венгрова корпуса генерал-лейтенанта Сакена и князя Волконского. Все это вместе составит до 30 000 войск, которые генерал Милорадович, переправя в разных местах чрез Вислу, введет в Варшаву со стороны, противолежащей Праге. Модлин, эта вновь сооруженная Наполеоном на выгоднейшем месте при слиянии Вкры с Бугом и Буга (принявшего у Серотска реку Нареву) с Вислою крепость, будет обложена. Часть польского народного ополчения, называемого Коссионерами, находившаяся в Плоцке, поспешно ушла за Вислу Калишской префектуры в город Пиотрков.

17 Января. Прасниц

«Теперь или никогда, в глазах целого света должны вы показать привязанность вашу к родной стране, любовь к свободе и то, что вы достойны имени поляков: имени, которое предки ваши с такою честию и славою носить умели». Так восклицает к народу Игнаций Ежевский. Генерал и Маршалок народного ополчения в департаменте Плоцком. Надобно знать, что в это время поляки, у которых и зимние бури не могли еще остудить голов, задумали сделать во всем герцогстве древнее Посполитое рушенье, то есть поголовное народное вооружение. Он продолжает: «Слышите ли, благородные поляки! звук трубы, зовущий нас под отечественные знамена для защиты родной земли!.. Друзья и братья! настала минута, в которую должно всем жертвовать, на все отважиться — минута кровавых боев... Стыд и горе тому поляку, который предпочтет спокойствие и цепи рабской жизни трудам и смерти за спасение растерзанного Отечества! Я в третий уже раз приемлю начальство над ополчением народным, и всегда в такое время, когда бури потрясают Отечество. Последуйте за мною! и проч., проч.» Но поздно!.. Это все равно, когда бы кто-нибудь сзывал народ спасать дом, в котором цела одна толь-

ко половица, на которой он стоит, а все прочее поглощено пламенем. Теперь уже не время играть рыцарские драмы. Полякам не на кого пенять в утрате государства своего, кроме самих себя. Тем ли думать о свободе, которые, раздвинув прежде на столь обширное пространство пределы земли своей, лежащей по несчастию в самой средине Европы, и огорчив чрез то большую часть держав, вдруг предались праздному бездействию извне и раздорам внутри? Роскошь, пороки нововведения нахлынули к ним со всех сторон. Древние нравы истлели. Твердость духа рассеялась вихрями нового образа жизни. Народ оцепенел. Вельможи уснули. Но государство, засыпающее на цветах, пробуждается обыкновенно бурями. Нет! не это земля свободы! Свобода хранится и цветет в области уединенной, немногонародной, за хребтами высоких гор, среди дремучих лесов. Мы любим слушать Галгака или Арминия. Первый на диком острове, под бурями Северных морей, не колеблется даже и в то время, когда варвары гонят его к морю, а море отвергает к варварам, когда приходится ему умереть или от воды или от железа. Другой, в древних лесах Германии дик, грозен, но тверд и величествен, стоит по колени в болоте, под мрачным склоном вековых дерев, и скликает полудикие племена на расторжение неволи. В горах краковских, в болотистых лесах герцогства Варшавского, могли бы еще поляки сберечь свободу свою, но это не теперь, а в давно прошедшем времени.

18 Января

Случалось ли тебе видеть, как знатные господа, промотавшие все свое имение, по старой привычке роскошничать заказывают еще обеды, пиры и праздники, не имев уже копейки в кармане? Так точно поступает Наполеон. Растеряв всю свою армию, насылает он из Парижа с нарочными курьерами повеления, куда итти корпусам, где зимовать большой армии, и проч. Он велит вооружать те области, которые давно уже нами заняты, защищать те города, которые в наших руках. Все большие дороги наполнены нашими войсками. Везде хватают парижских гонцов и громко

смеются над гордыми повелениями великого вождя невидимых сил. Известно, что Наполеон, доехав в Париж под почетным именем Коленкура, объявил Сенату большую часть своей потери, уверяя при том, что вся русская армия побита им наголову, а ему повредил один только суровый климат. Пусть он говорит, а мы будем делать. История и потомство рассудят.

Пусть он обманывает французов, но надолго ль?

Скоро, скоро нежные матери, отцы и друзья, не получая так долго вестей от милых сердцу своему, домыслятся и восстенают о погибели их. Напрасно юные жены под прелестным небом южной Франции томятся желанием увидеть супругов своих и часто в приятных мечтаниях утренних снов простирают к ним объятия, напрасно отцы наряжают великолепные дома для приезда сынов своих — уже не придут они: мертвые не воскресают. Они пали на кровавых полях от Оки до Вислы, и груды костей их тлеют в чуждой земле. Франция! наполненная шумом забав и песнями радости, готовься ныне к ударам смертной горести! Недостанет траура и слез для столь многих потерь. А ты, о Россия, о мое Отечество! торжествуй великое празднество твоего освобождения, покоясь на лаврах и трофеях спасителей своих! Долго не изгладится из памяти народов ужасная погибель дерзающих на тебя!

21. Местечко Плонск

Очень порядочное местечко. Здесь можно найти в лавках отличной доброты сукна и прочие хорошие товары, а погреба славятся прекрасными, беспримесными винами. Модлин, находящийся отсюда только в двух милях, решился защищаться. Вчера видно было большое зарево. Комендант сжег предместия и заперся в крепости. Генерал-майор Паскевич с 7-м корпусом пошел окружить ее. Горсть поляков, запершаяся в Модлине, конечно, не принесет никакой пользы своему Отечеству, не сделав ни малейшего помешательства и нашим движениям. Но, может быть, сии затворники хотят заслужить местечко в истории. Недавно был у них совет. Некоторые предлагали сдать

крепость, говоря, что русские могут ее сжечь. «Я тогда разве сдам ее,— гордо отвечал комендант,— когда платок в кармане моем загорится!»

22 Января

Мы все в Плонске, и еще, может быть, простоим: а причина? Австрийцы! Спорят, упрямятся, не хотят отдавать нам Варшавы. Впрочем, они не виноваты: Ренье и поляки не дают им покоя, представляя, что они бегут от горсти русских, что, совокупясь с ними, могут защищать Варшаву, что у Милорадовича не более 5 000 войск, а их наберется до 30 000. В самом деле авангард наш, отделя от себя некоторые полки, и не соединясь еще с Волконским и Сакеном, едва ли имеет 5 000.

23

Хитрость в войне необходима. Она то же, что механика в общежитии: ею заменяется слабость сил. Сегодня пустили мы порядочно пыль в глаза полякам. Понятовский вздумал прислать к нам своего адъютанта, будто для пересылки писем к пленным, а в самом деле для узнания силы нашего авангарда. Австрийцы намекнули нам о сем из-под руки. Генерал Милорадович приказал тотчас горсть пехоты своей рассыпать по всем деревням, вдоль по дороге лежащим, коннице велено переезжать с места на место, появляться с разных сторон и тем число свое увеличивать. А пушек у нас так много, что их и девать негде было. К счастью, в сей день, как нарочно, заехал к нам генерал Дохтуров, которого корпус неподалеку проходил. Накануне прибыли генерал-лейтенант Марков и князь Горчаков, последний привел с собою не более 400 человек. Тут же находился и генерал Уваров, командовавший кавалериею авангарда. Адъютант Понятовского, белокурый, бледный, тонкий молодой человек, в предлинных ботфортах и в прекоротком мундире прибыл к обеду. За столом сидело до десяти генералов. К крайнему удивлению, видя между ними четырех, которые, имея по три звезды на груди, всегда командовали большими корпусами и сделали

имена свои известными, адъютант Понятовского подумал, что все их войска тут же вместе с ними. Войска авангарда, искусно по дороге расставленные, и великое множество пушек утвердило его в этом мнении. И таким-то образом этот тайный посланник Варшавы возвратился с известием, что генерал Милорадович может устремить против нее по крайней мере 30 000 штыков, а русские штыки памятны Варшаве!

24

Я забыл сказать тебе, что на сих днях приехал к нам из главной квартиры известный дипломат наш барон Анштет. Сегодня имел он переговоры с австрийским полковником Латуром, присланным от князя Шварценберга. Дипломатика есть также война: спором и упорностью, нераздельною, однако ж, с благоразумием, многое можно к пользе своей выиграть. Чтоб быть хорошим дипломатиком, надобно иметь надежную память, острый ум, знать твердо политическую историю своего Отечества, историю Европы и целого света. Разумеется, что знание языков необходимо. Наконец Варшава сдается! Барон Анштет сделал условия сей сдачи. Генерал Милорадович утвердил их. Они весьма выгодны для нас. Все больные и раненые французы, которых в Варшаве считают более шести тысяч, должны достаться нам военнопленными. Все магазины, арсенал и все прочие заготовления сданы будут нам в целости.

Барон рассказывал за верное, что в Вене уже начинают пробуждаться умы. Те, которые верили всемогуществу Наполеона, выходят из заблуждения. Истина осмеливается возвышать голос свой, указывать на раны Германии, на собственные свои, представлять бедствие народов, разорение областей. Уже имя Наполеона произносится с негодованием. Ропот слышен в домах, народ шумит на улицах, общее желание — мир с Россиею, война врагам ее. Так мыслит народ: но двор еще молчит. Насмешники наводняют столицу карикатурами, жители утешаются ими. Некто прибил на вратах Соборной церкви в Вене следующее объявление: «Великий Наполеон по дороге от

Москвы к Вильне растерял 350 000 франков: кто найдет и представит в Париж хотя часть оных, будет щедро награжден!»

23. Поутру

Вчера к вечеру переправились мы чрез Вислу у деревни Вульки, где она в широте равняется с Невою. Берега Вислы в сем месте наполнены оврагами и скалами, высокими елями покрытыми. По тайному условию с князем Шварценбергом нам должно обойти Варшаву, стеснить ее со всех сторон, и таким образом принудить его к выступлению, а ее к сдаче. Посему мы продолжаем косвенное направление наше до деревни Бортженцин.

25. Ввечеру.
Деревня Бортженцин

Итак, мы увидим Варшаву, будем в ней и, конечно, остановимся отдохнуть. После столь многих трудов, после претерпения столь многоразличных нужд: стужи, голода и повсечасных беспокойств, как бы приятно для тех, которым в течение нескольких месяцев постелью была — влажная земля, покровом — бурное небо, отрадою — дымный полевой огонь, как приятно, говорю я, успокоиться в большом роскошном городе, в светлых домах, в обществе, где цветут еще приятные искусства, где после шума ветров и свиста пуль можно услышать прелестный голос женщины или очаровательные звуки музыки!.. Да! нам надобно отдохнуть в Варшаве, надобно потому, что все этого хотят. Впрочем, мы часто хотим того, что нам вредно. Все сие зависит от князя светлейшего: он наше земное провидение!..

26 Рано.
В двух милях от Варшавы

Утро было прекрасно. Уже несколько дней, как зима здесь ощутительно смягчилась. Солнце великолепно сияло на голубом небе. Снег таял, и в воздухе слышно было дыхание весны. Тайное желание уви-

деть, хотя издали, столицу Польши щекотало любопытство мое. Я вышел посмотреть на здешнюю природу и на Варшаву. Обширное, ровное поле расстилалось с сей стороны до самого города. Острые верхи башен, церквей и некоторые дома мелькали на горизонте. Дым из тысячи труб свивался в седые тучи. Нам нельзя было вступить в Варшаву, но воображение не знает оков невозможности, для него нет ни застав, ни караулов. Без позволения и билета очутилось оно в ней, теснилось в толпах народа, бродило по улицам, заглядывало в Прагу, искало следов великого Суворова, носилось над Вислою и любовалось великолепною мрачностию столицы. О! воображение великий чародей! Подивись нелюбопытству здешних поселян: живя в двух милях от Варшавы, они не бывают в ней по целым годам, а дочь хозяина моего, лет пятнадцати девушка, уверяет, что еще сроду в ней не была. Счастливая беспечность! Она есть надежнейшею оградою чистых нравов, для которых столица — гибель!..

26. Около вечера. Мокатово

Прекрасный замок вдовы фельдмаршала князя Любомирского, той самой, которой принадлежит Ландс-Гут. Дом убран с большим вкусом. В нем есть целые зеркальные комнаты, бронзы, мраморы и проч. Сады обширные с красивыми беседками и домиками. Вот несколько слов собственно о Мокатове. Теперь расскажу тебе о том важном и для истории незабвенном происшествии, которому мы сегодня здесь были свидетелями. Я хочу сказать о покорении Варшавы, приславшей сюда ключи свои. В первый раз еще в жизни был я при таком обряде. Суета, шум и волнение, сопровождавшие оный, имели в себе что-то похожее на свадебные сборы. С самого еще утра начали взаимно пересылаться, конные гонцы скакали взад и вперед. Анштет был в страшных хлопотах. Условливались о месте, часе и порядке вручения ключей. Принять их назначено в Мокатове в два часа пополудни. К сему времени все мы в нарядных мундирах собрались в небольшом садовом домике, где остановился генерал Милорадович. Тут было человек с 12 гене-

ралов. Пред крыльцом стоял в строю прекраснейший эскадрон Ахтырского полку: зрители пленялись его картинным видом. Ровно в два часа передовой посланный возвестил скорое прибытие депутатов. Любопытство подвинуло всех к окнам. Сперва показались вершники из польской народной гвардии, и вдруг богатая карета, восьмью английскими лошадьми запряженная, сопровождаемая отрядом сей же гвардии, загремела и остановилась у крыльца. Эскадрон отдал честь. Вслед за первою подъехала такая же другая. Эскадрон повторил приветствие. Префект Варшавы, мэр, подпрефект, два члена духовенства, бургомистр и еще пять или шесть человек в нарядных шитых мундирах, с разноцветными перевязями через плечо, собрались на крыльце. Двери настежь! и гости вступили в комнату. Между ними находился тот самый старик, который вручал ключи Суворову. Толпа отшатнулась. Генерал Милорадович выступил вперед.

«Столица герцогства Варшавского в знак миролюбивого приветствия победоносному русскому воинству, посылает сие,— сказал префект, поднося хлеб и соль.— Вот и залог ее покорности знаменитому оружию всеавгустейшего императора Александра Первого»,— прибавил мэр, подал знак, и старец вручил генералу золотые ключи. Все поклонились очень низко. У некоторых блеснули слезы на глазах.

Генерал Милорадович отвечал с свойственным ему благородством и красноречием. Он говорил между прочим, что для государя, который подъемлет меч только для расторжения оков, воюет для мира, и покорять народы желает одною благостию, ключи сии будут тем более драгоценны, что они не обагрены кровью. «Ваши храмы, законы и самые обычаи, продолжал он, останутся неприкосновенны. Жизнь, собственность и дома граждан не подвержены никакой опасности. Пища кроткой души императора — благотворение. Первым доказательством попечений его о Варшаве есть уже то, что он освобождает ее от постоя. Все войска расположены будут в окрестных селениях и на полях около города, но дабы не обреме-

нить участи поселян, городские жители постараются доставить войскам нужное продовольствие. О сем сделаем особое постановление. Так действует государь мой, говорил генерал. Мщение чуждо великой душе его. Он не желает проливать кровь за кровь и платить разрушением за разрушение и для самых виновных отложил он суд свой, карая их одною милостию. Александр Первый хочет жить для истории — прибавил дипломат Анштет — и все кончилось. Депутаты уехали, назначив завтра в 10 часов собрание в замке Виланове. Ключи тотчас отправлены были к государю с полковником Сипягиным, начальником Штаба по авангарду.

Мы пересекли все дороги из Варшавы и Модлина. Беспрестанно приносят с передовых постов в квартиру генерала Милорадовича чемоданы с письмами, отправленные по почте. Воинская осторожность велит читать все, что пишется из разных мест Франции, Италии и Германии. По надписям все почти принадлежит знаменитой покойнице — большой французской армии. Много в них есть смешного, жалкого. Вообще странно в окрестностях Варшавы узнавать все сокровенные тайны семейств, живущих в Париже, Вене или Касселе. Есть много прекрасных писем. Когда-нибудь я тебе пришлю их кучу. Между прочим попалась мне целая любовная переписка одной Шарлотты, жительницы Наполеонс-гиоге, что близ Касселя, с каким-то Людовиком, капитаном Вестфальской гвардии. Перехватные письма и глаза невидимок, которых рассылаем в разные стороны, доставляют нам весьма нужные сведения: мы узнаем задушевные тайны наших неприятелей. Недавно изумил я одного выходца из Модлина, рассказав ему, сколько в крепости улиц, сколько ворот, имена тех и других, сколько магазинов, с чем именно, чем они крыты, где хранится порох, сколько каких войск и каких полков, сколько у них колодцев, когда и в котором испортилась вода, в какие дни пекут они хлебы и когда терпят большой недостаток в воде. Наконец рассказал ему свойства коменданта, его занятия, его связи, даже имя любовницы его! Все это узнается чрез некоторые посредства. В войне необходимо иметь свои глаза и свои уши в стане неприятельском: чем вернее видишь и

слышишь, тем надежнее разишь. Распознав места и выщупав силы неприятеля, почти можно ручаться за успех.

27. Виланов

Приметил ли ты, как мы, имея Варшаву центром, движением нашим описывали около нее дугу, переходя из одного места в другое, делая приготовления, скрывая намерения свои и в город не вступая. Так ходит темная буря над селами и пугает земледельцев, грозя рассыпать губительный град. Австрийцы уже давно выступили из Варшавы, а мы еще не занимаем ее. «Для чего же мы медлим, скоро ли вступим? или еще не решена судьба Варшавы? Что будет с нею? Так все спрашивали, и никто не отвечал. «Что будет с Варшавою? — спрашивали у барона Анштета.— Один Бог и Александр знает про то»,— отвечал он с таинственным видом. Поляки все это знали, чувствовали и трепетали. Они видели, что мрачная туча носится над их головами, и не знали, благотворительным ли дождем, или палящими молниями разрешится она. Вчерашний день облегчил их от тяжкого бремени сомнений. Все это делано было, однако ж, очень кстати, ибо страх над волнующимися умами народа имеет действие стужи, сжимающей бурные волны рек и озер. Между перехваченными письмами нашли мы одно, в котором уведомляли, что весь арсенал варшавский роздан народу. К чему бы, например, это? Теперь велено сносить и сносят все это оружие в Виланов. Офицеры наши не иначе могут въезжать в Варшаву, как по билетам, и то с строжайшим запрещением в ней ночевать. Впрочем, Варшава, как говорят, очень нам рада и гораздо охотнее желала бы иметь войска наши в себе, нежели около себя. Но покуда отпрошусь в Варшаву, спешу осмотреть прекрасный здешний замок.

Виланов

Древний замок короля Собиеского, который в 1683 г. выручил осажденную турками Вену. Теперь принадлежит он молодому Станиславу Потоцкому. Это подлинно королевский замок! Какое величие в

расположении, в зодчестве, в уборах! Стенная живопись прекрасна. Лепной работы множество. Две больших галереи наполнены картинами, в числе которых есть прекрасные, драгоценные, например, Пуссеневы сельские виды, все семейство Собиеского, сам он на коне. Прелестная Собиеского жена представлена здесь в разных видах: в одном месте видишь ее прекрасною пастушкою, сидящей над чистым ручьем и в зеркале вод поправляющею свой цветочный наряд, в другой картине видите вы ее прелестным ангелом, летающим под голубыми небесами. Жаль, что нет здесь картины, представляющей самого Собиеского в торжественный час освобождения Вены. Здесь более всего портретов. Прекрасные женские лица стоят подле усатых, железными латами покрытых и лаврами увенчанных поляков. В таком наряде они были героями. Вместе с латами и кунтушами сложили они с себя древнее мужество и твердость душ.

Варшава

Обширный, садами окруженный и гуляньями наполненный город. Летом может она назваться цветущею. Есть много огромных палат, дворцов, но мало таких, которых бы наружность поражала блеском и великолепием. Следы времени не заглаживаются здесь старанием людей. Одно только мирное время сзывает искусства для украшения и обновы городов, а Варшава с давних уже лет, как древо на высокой скале, была жертвою бурь и непогод. Лучшие трактиры: Виленский, Гамбургский, Английский и Дрезденский. Все знатные оставили столицу, хотя русские и вошли в нее, как друзья. Днем народ толпится на площадях, по вечерам пустота и уныние пугают на улицах.

29

Сипягин возвратился с Владимиром на шее. Его служба достойна сей награды. Государь восхищен был сдачею Варшавы. Он обнимал князя светлейшего — войска кричали: ура! Генерал Милорадович по-

лучил вензеловые изображения имени государя на эполеты, с лестным правом находиться при особе его императорского величества. Князь светлейший сопроводил сей монарший дар приятнейшим письмом, в котором, в свойственных красноречию его выражениях, говорит между прочим, относясь к лицу генерала Милорадовича: «Великие заслуги ваши столь много сблизили вас со Всеавгустейшим императором нашим, что сие даруемое им вам преимущество находиться при особе его императорского величества сделалось необходимым для вас и для него».

Напрасно ожидали мы отдыха в Варшаве: войскам велено выступить в поход, чрез три дня поспешим и мы за ними. Расстаться с Варшавою, не насладясь ее удовольствиями: это все равно, что в жаркий день только прикушать воды из студеного колодца и не утоля палящей жажды, итти далее в знойный путь.

Вчера генерал Милорадович с великолепным конвоем проезжал Варшаву. Народ теснился в улицах и кричал ему: виват! Приятно было видеть, что в домах, на улицах и рынках все было покойно: никакие занятия, работы и упражнения не прерывались. Сами жители сознаются, что при французах, приятелях их, не так было.

Известный дарованиями своими действительный статский советник Фукс написал по случаю занятия Варшавы несколько следующих строк:

«И так паки повергает Варшава главу свою к стопам августейшего Александра Первого. Герцогство Варшавское принадлежит России. Те же ключи, которые поднесены были некогда бессмертному Суворову, подносятся ныне знаменитому сподвижнику Италийского Милорадовичу. Суворов, приняв их, возблагодарил Бога, что не орошены они были кровию, и Милорадович по полям, трупами усеянным, по кровавым токам туда притекший, приемлет ключи сии с такими же теплыми ко Всевышнему молениями. Век Екатерины сливается с веком Александра, и пророчество великого мужа свершается. Суворов сказал: «Милорадович будет славным генералом!».

30

Понимаю, для чего не оставляют войск в Варшаве. Она могла бы сделаться для нас тем, что Капуа для Аннибаловых. Прекрасные трактиры, театр, лазенки и всякого рода удовольствия могли бы очаровать, разнежить закаленных в боях и заставить их забыть, что война не окончилась: ибо Европа еще не спасена!

Варшава

Я был в театре. Он довольно велик для всякого другого города, кроме Варшавы: она столица. Ложи в пять ярусов. Лучший актер и содержатель театра Дмушевский. Я был в лазенках. Это бани или ванны, где купаются. Одни из них близ Пражского моста — на судах. Какая роскошь купаться в лазенках! Входишь в прекрасную комнату, убранную зеркалами и диванами, там приготовлено все нужное: полотенце, гребень, мыло, губка и даже подставка для удобнейшего снятия сапог. Погружаешься в глубокую, внутри свинцом обложенную ванну. Отворяешь кран — льется теплая вода, другой — брызжет прямо из Вислы студеная. Вы можете составить себе ванну, какую хотите, летнюю, осеннюю или зимнюю. Вода станет мутна, потяните за шнурок, и она исчезнет! Свежая льется из кранов. Теплой очень довольно, холодной — хоть пол-Вислы выпустите! и все это стоит 2 злота (120 коп. медью).

Я видел Вислу в прекрасную лунную ночь. Золотые лучи сыпались на хрустальный лед. На другом берегу, за длинным мостом, мелькала Прага. Висла прекрасная, широкая река, не у́же Невы. Жаль, что жители Варшавы менее всего занимались ею. Если бы берега сей реки одеты были камнем, как в Петербурге, если б какой-нибудь волшебник, собрав все лучшие 4-этажные дома, рассеянные по всему городу между лачужек и грязных переулков, выдвинул их на набережную, если б высокие холмы, на одном конце Варшавы лежащие, украсились хорошими строениями и садами: то Варшава была бы одним из первейших городов на свете!

Если б Висла, как Волга и Нева, покрыта была торговыми лодками, барками и галиотами, то Польша была бы счастлива. Торговля! торговля! сия душа царств не существует в герцогстве Варшавском: Наполеон задушил ее раздором своим с Англиею. Бывало, пшеница степной Украины, стада волов плодоносной Волыни и произведения Подолии шли в Данциг, который оплачивал винами, сахаром и прочими потребностями, сделавшимися необходимыми. «Прежде,— говорил нам один обыватель, нагрузив галиот свой в Варшаве пшеницею и поташом,— я ехал по Висле в Данциг и привозил оттуда чистое золото, а теперь все бедно!» Прежде Литва снабжала степи лесом, степи отдаривались лучшими из своих произведений.

Варшава была некоторым образом средоточием торговли. Оттого-то поляки были так богаты, несмотря на все разорения войны — богаты!.. Все это, однако ж, не так давно. Под правлением прусским торговля цвела — и Варшава благоденствовала. Наполеон все отнял! Жители герцогства стонут о потере своей торговли. Колониальные товары здесь ужасно дороги.

Как ведут себя русские войска в Варшаве? Как самые благородные рыцари Баярдова времени. Щедрость офицеров наших особенно удивительна. В трактирах сыплют деньги. Приходит, например, старик с дочерью: он играет на скрипке, она на арфе, сыграла, пропела несколько арий — и куча серебра очутилась пред нею! Приходит бедная монахиня, одна из сестер милосердия, просит, чтоб ей заказали какую-нибудь работу — и Милорадович * дает ей тысячу рублей и велит сшить себе три манишки!.. За то поляки дивятся русским: народ полюбил нас чрезвычайно. Подумаешь, что все офицеры у нас богачи, напротив, самая большая часть из них очень небогаты — но тороваты. Вчера генерал Вильсон, провождающий время по большей части у нас в авангарде, угощал прекрасным обедом генералов наших в трактире «Лондоне».

Я сказал, что народ нас любит, а вельможи? Называют северными варварами, а сами любят, чтобы их называли северными французами!!! Но теперь, кажется, то и другое можно почесть бранным словом. Бедные

* Ротмистр Мариупольского гусарского полка.

крайне сетуют здесь на богачей. «Они недовольны тем,— говорят они,— что слепое счастье отдало им все преимущества, которые должны быть равно поделены в обществе людей, они живут, как боги, в великолепных палатах, разъезжают в раззолоченных каретах, а мы гнездимся в дымных лачужках и скитаемся по улицам, как отверженные. Дети их родятся графами и князьями, рождение их празднуется великолепными пирами, их младенчество лелеется в шелках и богатых тканях: вырастут, и все почести, все преимущества, все выгоды жизни — их собственность. А наши дети родятся в горести, возрастают в слезах, нередко умирают от недостатка молока в груди матерей, голодом истомленных. Их удел — нищета, их жизнь — борение с нею! И к довершению всего вельможи подружились с разорителями Европы, вздумали воскрешать усопший край польский, даньми и налогами иссосали из нас последнюю собственность, сами разъехались, а нас оставили горевать, как мух без крыльев!» Так сетуют бедные на богатых и вельмож, хотя вельможи в Польше и довольно еще благотворительны, ибо они воспитывают на свой счет бедных молодых дворян, часто заменяют место отцов сиротам, не скупы на подаяния и устраивают много богоугодных заведений. На сих днях прибыл в Варшаву министр полиции Александр Дмитриевич Балашов. Для прочности здешнего порядка необходимо присутствие человека с его умом, деятельностью и опытностью.

1 Февраля

У вас, конечно, еще тонут в снегу, стены трещат от мороза, и в окна бьет вьюга, а здесь уже весна! Здесь солнце светит в полном блеске, сады начинают оживать, в домах открывают окна, и самый благорастворенный воздух нежит чувства. Варшава находится под 52° 14′ 28″ северной широты. Весна! весна! прелесть природы! Какая сладость разливается в мире! Как приятно жить и дышать в это время! Ах! если б я был на родине, с друзьями!.. Но родина далеко, а мы идем вперед, идем в Калиш, идем в Силезию, на Одер к крепости Глогау.

В Варшаве есть липовая улица, которая в летнее время должна придавать большую красу городу и освежать воздух. Прежняя Королевская улица удостоена ныне названием Наполеоновой!.. Здесь есть люди, которые живут в Новом свете—так называется одна из улиц Варшавских... Костелы варшавские извне огромны, высоки, но мрачны, внутри красивы и богаты. Церковное служение здесь пышно и затейливо, музыка сильно действует на чувства. На стенах видно много портретов усопших и надписей в честь их. Вот надпись одному вельможе, она заключается сими словами: «дай Боже ему небо, а Польше более таких граждан!»

2 Февраля

Итак, едва взглянув на Варшаву, едва коснувшись ее наслаждений, я уже должен сказать ей: прости! и, может быть, навсегда!.. Уже мы выезжаем из Варшавы, удаляемся от ее забот. Уже исчезает она, как великолепное сновидение, из глаз, но не из памяти!.. Все тает вокруг нас. Снега превращаются в воды, воды шумят по необозримым долинам. Мы едем на колесах, или, лучше сказать, плывем на бричках.

ДОРОЖНЫЕ ЗАПИСКИ

3 Февраля. С восходом солнца услышали мы голос жаворонка—вспомни, что это 3 Февраля!.. Мы ночевали в местечке Блоне. Очень порядочная площадь с колодцем и фонтаном: красивые дома, ее окружающие, ратуша, гостиный двор и башня с часами с первого взгляда доказывают, что это местечко не литовское, а той части Польши, которая в соседстве с Пруссиею и получила уже от мудрой соседки своей некоторое образование. Далее на дороге прекрасно обстроенное село Неборов, княгини Радзивиловой. В нескольких верстах оттуда ее же — Аркадия: достойна сего имени. На прекрасном месте прекрасный английский сад, украшенный развалинами. Из всех подделанных я от роду не видал лучше этих. Они готические и пусты и заросли травою, и совы гнездятся в них, и ветры воют. Кто-то выбрал себе один уголок сих развалин и отделал в нем одну комнатку. Неразбитое стекло с белою занавескою делает приятную противоположность с пустотою необитаемых

стен. Длинная мостовая в саду, с столпами, пирамидами и триумфальными воротами представляет бег или ристалище древних греков, описанное Гомером и Пиндаром воспетое. Лучше всего здесь сельский домик во всей простоте. На резных воротах представлены серп, коса и прочие полевые орудия. Войдите в него — первая комната проста: это хижина, но далее видно превращение. Какая-то волшебница, может быть, в благодарность за ласковое гостеприимство, захотела преобразить хижину в великолепнейший чертог. Она махнула жезлом — и чудо вполовину совершилось. Явились хрустальные стены и одна из величайшего цельного зеркала, явились мраморные столпы. Золото, серебро и фарфор украсили все прочее. Но в одном углу, среди зеркал, хрусталей, мрамора и золота, к удивлению, видите вы простые полусгнившие брусья, сквозь которые торчит солома и слышно воркованье горлиц. Что бы это значило? А вот что — Богиня или волшебница, превращая хижину в храм, заметила в одном простенке гнездо голубей, и, чтоб не обеспокоить сих невинных тварей, оставила гнездо и брусья, в которых оно заложено, неприкосновенными. И теперь среди великолепнейших предметов роскоши служит оно напоминанием прежней простоты и неложным знамением совершающегося чуда? Какова выдумка! Видно, что хозяйка имеет воображение. Такие же чудеса могут творить богачи! О! если б они делали такие же превращения с бедными хижинами своих соседей! Богач, имеющий вкус, есть уже человек, но богач-благотворитель — есть ангел! В одном из здешних гротов можно видеть собрание самых редких древностей из архипелага.

Далее по сей же дороге город Лович имеет также красивую площадь и очень хорошее каменное строение. Хозяин, у которого мы ночевали, рассказывал, что французы, возвращаясь из России, горько жаловались на судьбу свою и ругались над портретом Наполеона. Рассказывают, что король саксонский, приезжавший в герцогство Варшавское, плакал о погибели стольких тысяч войск польских и своих. Сколько отцов! сколько матерей! сколько невест вместе с ним плачут и клянут войну и завоевателей!..

4 Февраля. Получено известие, что граф Платов, обложивший Данциг, разбил сделанную из него большую вылазку. Часть герцогства за Вислою покрыта лесами, здешняя полиста. Почва земли по большей части камениста. Народонаселение немалое. Много господских домов мелькает около дороги. Город Лович, с целым округом своим, принадлежит, или, лучше сказать, принадлежал маршалу Даву. Он сдирал с него 700 000 злотых годового дохода. Почти все герцогство роздано было таким образом маршалам французским, и все серебряные источники Польши поглощались пучиною французской ненасытности. Наводнение здесь повсеместно. Дорога представляется рекою. Едущий из Варшавы примечает склонение плоскости земной к северу по течению Вислы. Может быть, тому причиною близость моря. Все сии места могут назваться понизовыми, наводнение же оных происходит от тающих снегов на лесистых горах близ Ченстохова. Весною артиллерии и даже легким войскам проходить здесь очень трудно. Удобнейшее время для войны в болотистом герцогстве Варшавском есть зима. Во всех даже беднейших домах видим портрет Костюшки.

5 Февраля. Мы обедаем в Пионтке (в Пятнице), а здесь есть Середа, Четверг и Воскресенье. Кому-то вздумалось поместить по этой дороге целую неделю.

5 Февраля. Ночлег в Бартковице. Прекрасный дом, окруженный садами и большим разлитием вод, принадлежит графу Залужскому, который живет здесь с семейством своим, и очень приветливо принимает русских офицеров. Войска наши беспрестанно идут по сей дороге — обыватели спокойны.

6. Ночлег в Унейове. Это местечко при реке Варте. Ренье, бегущий с остатком корпуса своего, сжег здесь большой мост. Лед тронулся, и в переправе великое затруднение. Обозы и полки обходят несколько верст левее на местечко Варту, где мост уцелел. На другой стороне развалины замка архибискупа Гнездненского. За несколько пред сим лет местечко это было очень богато. Здесь было много людей, живущих и приезжающих, были иностранные конторы, и деньги звенели в каждом доме. Догадываешься, что это было в благословенные времена торговли. По Варте гоняли лес и прочее в Пруссию, барыш с избытком награж-

дал труды и издержки. Прервалась торговля — и местечко опустело, праздность, уныние и пустота заступили место деятельности, шума и движения.

7. Дорога за Вартою чрез песчаные боры менее наводнена.

8. Город Калиш при реке Просне очень красивый, по большей части немцами населенный город. Здесь, за 4 пред сим дня сражался генерал барон Винценгероде. Две тысячи пленных, 8 пушек и два знамени были трофеи одержанной им над неприятелем поверхности. После сего сражения Ренье, как говорят, ускакал в Саксонию, а остаток войск его присоединился к Понятовскому, запершемуся в Ченстохове.

9. Движения войск останавливаются. Причиною этому здешние дороги, на которых все вязнет. Корпуса и отряды располагаются на временных, или так называемых кантонир-квартирах.

22 Февраля. Местечко Ярочево

Погода была прекрасная, воды шумели и окрестности расцветали, когда генерал и мы приехали верхами в это местечко. Все обещало нам весну, все надеялись наслаждаться ею. Но надежды обманывают часто. Вот уже десять дней, как мы стоим здесь, и десять дней скучаем. Ветры сливаются в бури, и бури воют в воздухе. Со всех сторон сходятся тучи, то сыплют снег, то льют дожди. Рыхлая здешняя земля везде расступается. Прощайте прогулки! грязь не дозволяет выходить из квартир. Я стою в маленькой комнате у ксендза, генерал в довольно большом, на образец голландских построенном господском доме. Железные печи нагревают его. Хочешь знать, как проводим мы здесь время? Довольно нескучно, при самой скучной погоде. По вечерам ходим к полковнику или сбираемся у генерала. Там читают, рисуют, чертят, говорят, шутят. Снисходительность начальника и приятная свобода в обращении украшают эти вечерние беседы. Не правда ли, что у вас очень часто какой-нибудь статский советник представляет лицо великого человека, требует всеобщего внимания, отличного уважения, и холодною важностию застужает беседы, где сердца хотят раскрыться для искренности и приязни, а здесь полный ге-

нерал, генерал саном и делами, славный в России, известный в Европе, так ласков, великодушен, любезен! За то всякой подчиненный его любит, уважает его в душе, и умереть с ним почитает за удовольствие.

Сам генерал Милорадович большую часть времени проводит в чтении. Во все это время перечитывал он Плутарха. Он встречается с великими людьми его, как с давними знакомцами, и много занимается их делами и участию. «Найди мне,— сказал он однажды,— хотя несколько великих полководцев, которым бы отдали полную справедливость прежде смерти и которые умерли бы без огорчений, довольны жизнию и судьбою своей!» Правда сказать, что с таким условием трудно найти и одного. Неблагодарность народов, несправедливость государей, зависть, клевета и происки сопровождают великих от колыбели до гроба. Жизнь их есть беспрестанное борение. Где ж награда? В потомстве, в истории!..

25 Февраля

После десятидневного заключения мы переменили квартиры и все дежурство наше переехало в Ждуни. Это очень маленький, но очень красивый и чистый городок на самой границе Силезии. Завтра генерал едет в Калиш благодарить государя за пожалованные ему вензеля на эполеты.

26 Февраля

Как они красивы, уютны, чисты все эти польско-немецкие городки. Издали на обширности полей они кажутся беседками, потому что сами здешние поля точные сады! Черноземные нивы, одетые пушистою сочною зеленью, искрещенные и окруженные просадьми из стройных острых тополей *, влекут и очаровывают взоры. Одна площадь, одна или две улицы — вот и весь городок! Смотришь в окно на площадь — видишь ратушу, торг и торгующих, смотришь, из того же дома, в другое окно — видишь поля и пахарей. Тут шумит говор людей, там звенит песнь жаворонка. Эти

---

* Острою тополью называю я тот род тополей, которого сучья сами собою подымаются вверх и представляют дерево заостренное.

городки можно назвать сельскими. Как опрятны немцы! чистят и метут городок свой как комнату.

Трудолюбие и деятельность пробуждаются здесь вместе с солнцем. Встаю нарочно рано, чтоб увидеть утреннюю картину здешней жизни. Подхожу к окну — заря догорает, солнце всходит. Площадь еще пуста, все тихо. Жаворонки свищут за городом. Вдруг распахнулась дверь, за нею другая! Начинают растворяться дома. Выбегают прекрасные молоденькие немочки в стройных кофточках, с ведрами и кувшинами, одна перед другою спешат к фонтану. Моются, плещутся и черпают воду. Они так легки на ногу: не бегают, порхают, свежи и румяны как весенние цветки. Но вот идут почтенные старушки. Расставляют лавочки, столики и шалаши. Сбираются продавцы и купцы. Площадь заселяется и оживает. В одном месте кричат: «по метлы! по метлы!» в другом: «лучшее свежее масло, сливки, сухари и проч.» Такая простота в жизни мне нравится, и я невольно срисовал абрис ее. В домах везде найдешь довольство и порядок, услышишь музыку и пение. Дочь хозяина моего, торгующего железом, играет на фортепиано с флейтами и читает немецкие стихи; разве этого мало!..

Марта 1. Город Фрауштат

Я ездил с генералом в Калиш, где имел удовольствие познакомиться с историком великого Суворова Егором Борисовичем Фуксом. Там же представился мне случай сделаться известным знаменитому графу Матвею Ивановичу Платову. Он удостоил меня особенного внимания и благосклонности своей. Из Калиша проехали мы прямо чрез красивый пограничный городок Равич в Фрауштат. Прекрасный город! Он без сомнения один из лучших в целом Варшавском герцогстве. Большая здешняя улица не уступает в красоте ни варшавским, ни бывшим московским, а это даже и не главный, но просто окружной город в префектуре Познанской. Тут остановится и, кажется, надолго, главная квартира авангарда генерала Милорадовича. Крепость Глогау отсюда в двух милях. Часть войск под командою князя Волконского и графа Сен-При облегла ее.

Марта 5

Здесь есть и театр! Каждый вечер наполняется он зрителями. Правда, что здешний театр мал как вертеп, но актеры на нем не куклы. Три актера и две актрисы не испортили бы ни на каком столичном театре в комических ролях. Католической костел по огромности, великолепию и древности заслуживает внимания путешественников. В сем костеле погребено семейство Гуровских. Против каждой могилы на стене надпись и портрет усопшего.

Таков здешний обычай! Между прочими портретами видите вы прекрасные лица, пленяетесь цветущею молодостию, красотою и невольно вздыхаете, вспомнив, что они уже — в гробу!.. Но от мрачного великолепия костела, пройдя прекрасную площадь и большую улицу, заглянем на мою квартиру. Вот прекрасная чистая комната, украшенная живописью, зеркалами и диванами. Хозяин одет очень опрятно, пьет по утрам кофе, имеет вкусный стол, ходит в театр, читает книги и судит о политике. Кто он таков? Угадай! Дворянин? Нет! Богатый купец? И то нет. Кто ж? Мещанин — цирюльник. Я предчувствую удивление твое и разделяю его с тобою. Разве у нас нет цирюльников, но они живут в хижинах, часто в лачужках. Отчего же здесь люди так достойны? Это тайна образа жизни немцев.

П. П. Вчера приехал к нам из Кенигсберга бывший адъютант графа Остермана, молодой Сакен, которого отец состарился и умер в службе.

10 Марта

У нас здесь танцуют и веселятся под громом Глогавских пушек. Вчера полковник Сипягин удивил и забавил город великолепным балом. Девушек было очень много, и много хороших, угощение прекрасное, и гости веселились до белого дня.

Жизнь авангардная при всех трудах и опасностях имеет свои наслаждения. В том месте, где голос смерти, раздаваясь с выстрелами, поражает часто слух и невольно напоминает о краткости жизни, в том месте дружба должна быть искреннее, откровенность не-

притворнее, все связи надежнее. В авангарде, конечно, более, нежели где-нибудь, спешат жить и наслаждаться, но там помнят также и то, что, как говорит Гораций, хороши только те наслаждения, за которыми не следует раскаяние, иначе в сладких напитках нашли бы горечь и не уснули бы покойно под звуком близкой стрельбы. Всякий день после развода и перед вечернею зарею играет у нас на площади музыка, народ толпится слушать ее. Великодушное снисхождение начальника удаляет строгую взыскательность. Приязнь и свобода украшают авангардную жизнь офицера.

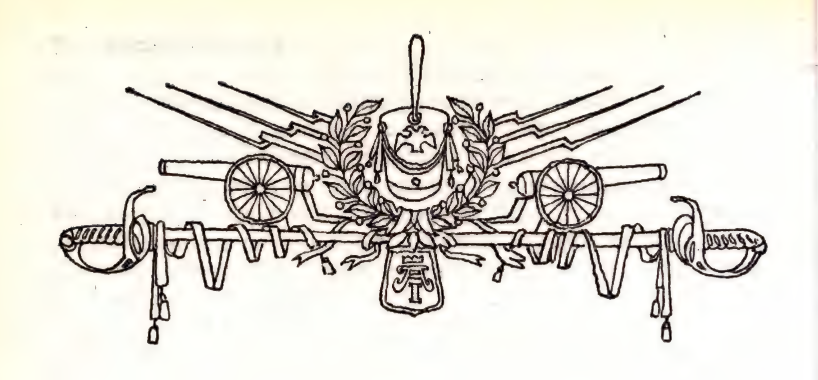
13 Марта

Я желал, чтоб ты был у нас вчера, и верно восхитился бы авангардным нашим празднеством. От хладных стран Сибири до Немана, Вислы и Одера праздновали вчерашний день повсеместно. Это был день восшествия на престол государя императора.

Войска и жители, без всякого предварительного условия, приготовились к общему празднеству. С восходом прекрасного весеннего солнца движение и деятельность зашумели в городе. Караул Кексгольмского полка готовился к разводу. В 10 часов сменил он караул Перновского. Прекрасные солдаты того и другого полка обратили на себя всеобщее внимание. Бодро и весело проходили они по улицам, наполненным зрителями. После развода все пошли в особый дом, где генерал Милорадович приказал приготовить великолепный обеденный стол на 200 особ. Русский полковой священник служил молебен. Кроме военных чиновников и почетнейшие из граждан присутствовали при оном. Я не могу описать восторга, который овладел сердцами, когда священник произнес молитву, чтобы Господь положил всех врагов под стопы государя нашего. Они уже лежат у ног его! — думал каждый — и слезы умиления сверкали у многих на глазах. Как сладко тем, которые за год пред сим видели грозные тучи бед на горизонте своего Отечества, видели бездну, к которой вихри ужасных случаев влекли его, которые с сердечным стоном предавали в жертву пламени матерь и красу городов своих, позво-

ляя врагу простирать хищность, меч и цепи даже до берегов Оки, как сладко, говорю я, было им мыслить, но и быть в сем уверену — и где ж? — стоя твердою ногою на берегах Одера!.. Все вообще с необычайным усердием преклоняли в сей день колена и молились вышнему блюстителю царей и царств. При петии многие лета государю рота полковника Мерлина палила из всех своих пушек. Глогавцы также сегодня стреляли. Гром их пушек сливался с шумом нашего торжества. Эти осажденные, равно как и Модлинцы, не щадят зарядов. Вскоре по отпетии молебна подпрефект, бургомистр и прочие чиновники города с немалым числом окрестных дворян, вместе с военными сели за стол. Офицеры угощали их. Около двадцати генералов, украшенных блистательнейшими знаками отличия, возвышали присутствием своим сие торжество. Изобилие щедрою рукою потчевало гостей. В продолжение обеда окна в доме были отворены и музыка гремела. Народ большими толпами собрался на улице. Офицеры вздумали повеселить его: наменяли мелких полусеребряных денег и начали бросать, говоря: «Молитесь за здоровье Александра Первого!» Ура! Громкие восклицания раздались по всем улицам: деньги беспрестанно сыпались, и народ неумолчно кричал: ура! Тут же представили подписку для поддержания здешнего театра. В несколько минут авангардная щедрость ссыпала такую сумму, которая удивила и осчастливила бедных актеров. Зато ввечеру они утешили нас удачною игрою в драме: «Государь, скрывающий сан свой». Предмет и содержание прекрасны. Переодетый государь, путешествуя с одним из вернейших ему министров, обозревает землю свою. Что представляется глазам его? Тьма несправедливостей!.. Сильные давят слабых, богачи играют судьбою бедных, добродетель влечется в заключение, порок смеется слезам ее, золото и происки кривят повсюду весы правосудия, невинность стонет, заслуга, покрытая сединами, томится в нищете, праздность отдыхает на шелковых перинах. Добрый государь пылает негодованьем, хочет все преобразить и многое исправляет. Каждый порыв его состраданья, каждое слово его приносит целение недугам государства. Государь, взирающий на народ свой только с высоты

престола, есть то же, что лекарь, пользующий заочно. Чтоб излечить раны, должно к ним прикасаться. В заключение драмы появился вензель Александра Первого, лаврами увенчанный и разноцветными огнями освещенный. Молодая актриса говорила поздравление. Беспрерывное рукоплескание одобряло усердие и игру актеров. С наступлением ночи весь город запылал разноцветными огнями. Множество плошек украшало дома и улицы. В разных местах блистали разные прозрачные картины в честь знаменитому дню. По всем площадям и улицам играла музыка. И немцы, у которых привычка гасить огонь в 10 часов вечера сделалась почти законом, расхаживали толпами по городу и учились у русских кричать: ура! Сон в сей освещенной ночи уступил место веселости и не прежде одержал над нею верх, как с утреннею зарею.

ОПИСАНИЕ ВОЙНЫ 1813 ГОДА ПО ИЗГНАНИИ НЕПРИЯТЕЛЯ ЗА ГРАНИЦУ

Марта 15, 1813

Я тебе еще очень мало говорил о Фрауштате, где мы стоим так долго. По-немецки Фрауштат, а по-польски Вохова, есть последний, или, как Ждуни и Равич, пограничный город в герцогстве Варшавском. За Одером начинается Силезия. В сем польско-немецком городе видишь смешение лиц, нравов и обычаев. Противоположность заметнее в женщинах. Эта томная, бледная, но веселая, острая, легкая, шутливая, роскошная, блестящая царица на балах, повелительница в обществах, крылатая в мазурке, страстная любовница и не совсем надежная жена — это полька! А эта полная, белая, румяная, степенная, благоразумная, но не остроумная, трудолюбивая, заботливая хозяйка, верная жена, добрая мать семейства — это немка! Ее вечно видишь в домашних трудах, на балах танцует она только тихий вальс. Даже и в малых детях видна эта разница. Тотчас можно отличить польку от немки. Впрочем, здесь, как видно, доставляют детям прекрасное воспитание. Десятилетние девочки восхищают своим умом и дарованиями.

Здесь самое лучшее время: совершенная весна. В поле так весело! воздух так свеж, так сладок! Его глотаешь как нектар. Пение жаворонков так и льется под небесами! Окрестности Фрауштата живописны. Открытые поля, холмы начинают зеленеть, гремящая Глогау, длинное протяжение синеющегося Одера, оттененного лесами — все это вместе составляет прелестную картину для глаз. Здесь начинают уже копать огороды и садить цветы. Как приятно гулять по здешним полям! Чистый воздух, картинная природа, уединение — все услаждает чувства, все нежит душу, все располагает ее к дружбе, любви и добру. Но, увы! можно ль предаваться сим нежным чувствам в то время, когда война сгущает громовые тучи и смерть машет над нами косою?

ФРАУШТАТ. ПОГРЕБЕНИЕ У ЛЮТЕРАН

Множество мальчиков, устроенных по два в ряд, впереди один с крестом, прочие каждый с книжкою идут за гробом, за которым следуют взрослые, а за ними толпа женщин. Все вместе поют. Кладбище в конце города: оно представляет вид четвероугольника, имеющего около ста саженей площади. Могилы очень часты, почти одна на другой. В старом Фрауштате* любили тесно друг подле друга жить и в тесном соседстве лежать на кладбище. Немцы не щадят надгробников. Вы читаете надписи на крестах, каменных досках, простых и полированных гранитах, из коих одни положены на землю, другие водружены в нее, многие вделаны в ограду. Почти каждая могила усеяна цветами и украшена портретом усопшего. Из этого можете видеть, как почтительны немцы к памяти ближних своих. Потомки, бродя по кладбищу, видят изображения предков, невольно предаются напоминаниям, мечтают и забываются... Многие эпитафии покажутся для иностранца очень странными. Например: «Здесь лежит почтенная... урожденная... родившаяся в

* Старый Фрауштат состоит из площади, окруженной домами, имеющими одну кровлю и тесно один с другим слепленными. Новый город построен недавно после бывшего пожара.

таком-то году, умершая тогда-то, жена сапожника, кузнеца или портного...». И над ней урна или пирамида!.. По большей части в сих надгробных славятся тихие семейственные добродетели. «Прохожий! — говорят почти все эпитафии.— Почти прах нежной матери, попечительной хозяйки и верной супруги!» Сопровождающие погребение разделяются на две части, мужчины особо от женщин. Те и другие садятся под навесами около ограды и поют погребальные песни, между тем как несколько человек опускают гроб в яму. Здесь есть надгробные камни от двухсот и более лет: они углубились в землю и заросли мохом. Дети, полные жизни и радости, беспечно бегают по вековым камням и срывают свежие цветы на костях прапрадедов. Разительное сближение жизни и смерти!..

22 Марта

Мы получили повеление идти в Бунцлау, за Одер, к Саксонии. Войска двинулись, обозы потянулись. Сегодня были в последний раз в театре. По окончании оперы «Сельский праздник» вдруг появились два гения, держащие щит, в котором вкруг вензеля генерала Милорадовича изображены были победы его в Отечественной войне и нарисован меч за спасение Бухареста. Внизу пылали слова: «Честь и слава победоносному российскому авангарду и знаменитому вождю Милорадовичу!» Вслед за сим появилась молодая актриса, прочла стихи и бросила генералу вязанку цветов с сими словами: «Незабвенному Милорадовичу!» Завеса поспешно опустилась, но громкие рукоплескания долго продолжались. Прощай в Фрауштате! Завтра рано отправляемся в Бунцлау. Многие из наших уже в пути. Генерал приказал мне ехать с ним.

ЗАМЕЧАНИЯ В ДОРОГЕ

23. Из Фрауштата чрез местечко Шлиссенгейм подъезжаем к Одеру и, переправясь чрез него, едем до Полковица, где ночуем, оттуда чрез Гайнау в Бунцлау.

Что это за прелестная сторона! Нет уголка, который бы не был осмотрен, обработан и украшен. Какое

волшебство превратило болотистые силезские долины в плодоноснейшие поля, провело возвышенные насыпные дороги, обсадило их липами, тополями и даже плодовитыми деревьями, какое искусство превратило дикие леса в рощи, рощи в сады, деревни в местечки, местечки в города? Все это сделалось трудолюбием жителей и деятельностью правительства.

Подле каждого почти дома, сельского и городского, вижу виноград. Он распускает ветви свои по всей стене, подымаясь до самой кровли. Выглянешь в окно, и полные виноградные кисти сами просятся в рот!

Посмотри на эти высокие каменные строения, с огромными конюшнями, скотными дворами, огородами, прекрасными садиками, цветущими беседками — как думаешь, что это? Верно, господские дома, дома князей и баронов? Нет! это деревня, где живут силезские крестьяне. Дивись, но верь!

Приехав 24-го в Бунцлау, мы пробыли там шесть дней. Это старинный город, очень недурной, имеющий высокие дома и две превысоких башни. Он стоит в яме. Один из здешних плотников сделал маленький механический театр, где представляются страсти Христовы. В другом месте показывают сделанный пред сим за 50 лет горшок вышиною в четыре аршина, куда входит 60 гарнцев круп. Вот редкости Бунцлавские.

Как умеют немцы всем пользоваться и угождать всем необходимым нуждам. Куда ни посмотришь, на площадях и улицах везде фонтаны чистой воды. В одних поят лошадей, другие доставляют городу воду, нарочно трубами проведенную.

Около всех почти огородов и садов городских проведены каналы, прегражденные заставками, каждый хозяин отворяет свои, и огород его наводняется. Здесь засуха не страшна.

Окрестности Бунцлау картинны. Множество деревень, местечек, каменных домов и несколько замков пестреют в отдаленности. Впереди дрезденская дорога, вправо покатые поля Пруссии, а влево величественнейшая картина — исполинские горы, сливающиеся с облаками и ярко блестящие белизною снежной одежды своей.

В 12 часов ночи закричали немцы: Feuer (Огонь), и все всполохнулось. Пожар был верстах в осьми за городом. Генерал захотел там быть, приказал оседлать лошадей и велел мне ехать с ним. Приезжаем и видим стены высокого дома, конюшни, скотные дворы, сараи: словом, огромное хозяйственное заведение, пылающее в огне. Чей это дом, не господский ли? Нет! это простого крестьянина Вильгельма Сакса. Порядок при потушении пожара удивительный. Три исправные трубы — заметьте, что это в деревне — брызжут ручьями воду. Сражение двух стихий ужасно — но огонь должен уступить усердию искусных немцев. На пожар сбегаются только те, кому назначено, прочие в нескольких саженях от горящего дома очень покойны. Отчего же они покойны? От уверенности, что все меры к помощи и безопасности уже приняты. И сам хозяин, который всего лишился, не стонет, и семья его не плачет, не вопит. Они как будто надеются, что дом их будет фениксом и возродится из пепла. Здесь такая надежда позволительна. Здесь всякий несчастный может полагаться на помощь соседей и правительства. Соседи примут пострадавшего от пожара с семейством его в свои дома, успокоят, утешат его, сделают на первый раз денежный сбор: а правительство построит ему прекрасный дом и вознаградит большую часть убытков. Где же правительство возьмет на все это денег? У поселян же. Каждый платит с дому известную подать, очень небольшую, из которых составляют пожарные и прочие суммы.

В Пруссии благодетельное правительство подобно в сем случае солнечным лучам, извлекающим влагу из земли для того только, чтобы после оживлять ее же благотворными дождями. Генерал приказал казакам, за нами приехавшим, помогать жителям тушить пожар, говорил много с пострадавшим Саксом, дал ему горсть червонцев, и мы уехали.

29 Марта. Бунцлау

Саксония, прелестная Саксония отворяет нам врата и объятия свои. Мы идем к Эльбе. Скоро, может

быть, встретимся с неприятелем и обагрим кровью расцветающие долины прекрасной земли.

Марта 31.
Саксонский город Герлиц

Восхищенный прекрасным местоположением Герлица, забыл я всю усталость, проехав рысью от Бунцлау досюда 40 верст верхом в 6 часов времени. Какой прекрасный городок!.. Он уже в тех местах, которых величественные, живописные виды восхищали нас в отдаленной картине, когда мы любовались ею, гуляли по окрестностям Бунцлау. Город на высоких холмах. Светлая река Нейзе, из обработанных, как сад, берегов своих, извивается у подошвы оных. По всей крутизне берега дома, одни над другими на уступах возвышения построенные, составляют прелестнейшую для глаз картину. Главная улица очень широка и, равно как и все прочие, вымощена камнем. Дома превысокие — в 4,5 и 6 этажей. Почти во всех свет входит с самого верху во внутренние коридоры, как будто с неба в глубокую пещеру. Женский пол здесь прекрасен. Поселянки с алыми повязками на голове, белизною лиц, румянцем и даже самою одеждою походят на наших приволжских красавиц. Из Бунцлау по дороге в Герлиц виды переменяются, как китайские тени. Сперва едешь полями, потом встречаешь леса, а слева беспрестанно видишь цепь исполинов.

В течение шести часов были мы в трех разных державах: в Силезии, Богемии и Саксонии. Прилежащая здесь часть Богемии лесиста и мало населена.

Лишь только успел я написать к тебе эти строки, как послышался на улицах страшный шум. Немцы звонили в колокола и кричали Feuer. Пламя вспыхнуло в предместии, и ветер начал раздувать его, но деятельность немецкая и бывшие тут ахтырские гусары вскоре утушили пожар. Генерал Милорадович особым приказом благодарил ахтырцев за расторопность и усердие. Между тем как Александр Первый идет потушить всеобщий пожар Европы, западными ветрами развеваемый, войска его гасят пожары городов и сел: подданные достойны государя!

По известиям видно, что наполеонцы отступают за Эльбу. Партизаны: Давыдов, Орлов и Гейсмар оттеснили неприятеля от Дрездена, и первый из них вступил в столицу сию с своим отрядом. Французы, кажется, дышат разрушением! Изящнейшие памятники искусств и художеств, пощаженные стихиями и временем, не избегают их злости. Даву велел подорвать прекраснейший в Европе Дрезденский мост. История напишет имя его на свинцовой скрижали подле имен Герострата и Омара.

Какое печальное известие! Говорят, что светлейший князь очень занемог и приостановился в Бунцлау. Но лучшие доктора при нем: известный искусством и опытностию Вилье, Гуфланд, так прекрасно писавший о возможности продолжать жизнь человеческую и прочие. О! да продлят врачи сии дни мудрейшего счастливейшего полководца наших времен! Россия и войска молят о сем. Сего желает Европа, а мы будем надеяться!

1 Апреля. Бауцен.

«Хочешь ли увидеть большую часть Саксонии и многие поля сражений семилетней войны у ног твоих?»—шепнуло мне любопытство при выезде из Герлица и повело на Ландскрон. Гора сия, за несколько верст прежде нами виденная, отстояла теперь от большой дороги не более версты. На самой вершине ее мелькало что-то похожее на пень или небольшой столп. Я своротил влево с дороги и поскакал к ней. Две высокие, довольно острые скалы, вверху разделившиеся, а подножием имеющие большой круглый холм, образуют гору. От нижней подошвы холма до подошвы скал ехал я полным шагом на лошади ¼ часа, а на скалы взбирался ползком 23 минуты. Вот основания, по которым на досуге можешь вычислить высоту Ландскрона. Не забудь только, что шаг лошади и человека изменяется по мере крутизны возвышения: он несравненно менее того, который делается на ровной плоскости. Труды мои совершенно вознаградились. Как весело возвышаться! С каждым шагом вверх новые очарования!.. Отдаленности исчезают, предметы сближаются, края горизонта подымаются как театральная завеса.

Невидимое становится видимым.

Чем выше всходишь, тем более унижаются окрестности. Герлиц, расположенный в горах, казался на гладкой равнине, все прочие холмы исчезли, и обманутому взору на далекое пространство представлялось повсюду гладкое поле. Одни только исполины и снежноглавые горы не хотели уступить Ландскрону и гордо неслись к облакам. День был пасмурен, это много мешало, иначе, как говорят, можно б видеть оттуда Дрезден почти за сто верст. То, что издали казалось на горе небольшим столбом, была высокая башня, на которую взойдя по крутой лестнице, еще далее видишь. На самой вершине сей горы прекрасный колодезь чистой воды обложен диким гранитом: вот чудо природы! Одна она умеет взносить воды на вершину гор. Воздух отменно свеж и даже студен. Некогда на высоте горы сей был замок. Воинственные толпы гуситов, предводительствуемые грозным полководцем своим, владели им. Война разрушила стены замка, а время истребило и следы его. Сколько раз земля Саксонии напитывалась кровью и устилалась трупами! Древние походы Карла Великого, тридцатилетняя брань и война семилетняя с свирепством опустошали эту прекрасную землю.

Дрезденская дорога очень неширока, но везде, где грунт не песчан, вымощена камнем. Сколько трудов!

Если б какая-нибудь волшебница захотела потешить вас и выдвинуть на дорогу, по которой будете ехать, как можно более господских домов, прекрасных городков, садов, прелестных деревень, картинных видов, то все это не было бы лучше Дрезденской дороги.

Поздно вечером приехали мы в Бауцен, также очень красивый город, имеющий более 5000 жителей. Граждане встретили генерала приветствием и прекрасною музыкою. Бауцен имеет 500 человек городской гвардии.

2 Апреля

Сегодня поутру является к нам городской гвардейский солдат в зеленом мундире и просит очень учтиво, чтобы отпустить четырех лошадей, которые привезли

вчера чемоданы наши, а на место их вызывается представить нам тотчас свежих, которые уже заготовлены в городе. Было ль бы кому-нибудь дело до обывательских лошадей в другой земле?

В Польше, например, об них совсем бы забыли, надобно самому кричать и требовать, а без того лошади и подводчик прежде умрут с голоду, нежели их переменят. А здесь солдаты обходят нарочно все квартиры и везде сами переменяют лошадей. Какая заботливость! какой порядок! Нет ни ссор, ни взяток, ни притеснений. Солдат, так много заботящийся о пользе и спокойствии гражданина, заслуживает уважение, хотя б и никогда не был на поле сражения.

В Саксонии теперь нет ни короля, ни министров: они все уехали, а все и без них идет так хорошо! во всем такой удивительный порядок! Отчего бы это? Об этом надобно писать пространные рассуждения, главная ж причина есть та, что всякий твердо знает должность свою и привык исполнять ее. Порядок в государстве то, что маятник в часах.

КАКОВО НАМ ЗДЕСЬ ТЕПЕРЬ?

Климат лелеет нас. По прекрасной дороге, среди прелестных видов, под пением птиц, едем далее и далее вперед. Нас встречают как избавителей. Входишь в дом, на квартиру — все готово. Добрые хозяева принимают нас, как любезнейших гостей, неотступно спрашивают: что угодно есть и пить, в котором часу прикажешь завтра будить себя, какой приготовить завтрак и на сколько особ? В комнатах все так порядочно, чисто! Прелестная хозяйская дочь играет на фортепиано, на гитаре, поет, показывает свой альбом и рисунки и вдруг потом очутится на кухне, помогает готовить кушанье. Таковы немки! У нас это странно, но к ним очень пристало: это делает прекрасных еще прелестнее. В самом деле в Саксонии нет почти женщины, которая не была бы прекрасна, если не лицом, то стройностью стана и множеством приятностей. Здесь пришлось к слову, и нельзя не заметить, что и предки наши, коренные русские, воспитывая дочерей своих в чистоте нравов и страхе Божием, приучали их с молодых лет заниматься хозяйством, заведовать всем домом, избегать праздности и

быть всегда в трудах. Прежде всякой надеялся найти в жене своей верную подругу, домовитую хозяйку и нежную мать, а теперь?..

В Бауцене течет Шпрея еще в младенчестве, ручейком, исток ее в Богемии, а в Берлине имеет она красу и величие реки. Почти во всей Саксонии на каждой квадратной миле считается по 400 жителей, каково население!

Наши заниматели квартир уже в Дрездене. Некоторые из адъютантов едут прямо в Дрезден. Иду сейчас просить у генерала позволение ехать туда же. Хочу взглянуть на столицу Саксонии прежде, нежели придут в нее войска и суеты.

Апреля 23, поутру рано. Дрезден

Дрезден, Дрезден хочу я видеть! — сказал я вчера сам себе, сел на быстрого донца и помчался вместе с другими по прекрасной дороге в столицу Саксонии. Перо и кисть выпадут из рук, если станешь описывать ближайшие окрестности Дрездена. Чтоб иметь о них понятие, представь, что сам Робертсон со всею своею фантасмагориею, летит перед тобою и раздвигает одну за другою прелестнейшие картины. Вот прекрасная роща! вот тучная, свежая долина! Вот пространное зеркало воды, спокойно лежащее на шелковой зелени луга! Вот овраг глубокий: берега его круты и скалисты, он наполнен прекраснейшими плодовитыми деревьями. Как восхищает здесь природа своею величественною угрюмостью, священною мрачностью, но искусство закралось в ее святилище: оно провело дорожки, и они белеют, постлало цветущие ковры зелени, и они улыбаются, разбросало по речкам и ручейкам красивые мостики, и они очаровывают взор! Прибавь к этому дворцы, палаты, в древнем и новом вкусе и будешь иметь, хотя очень темное понятие об окрестностях Дрездена, великолепному саду подобных. При въезде в город нет ни огромных старинных ворот, ни черных башен, ни стен, ни валов. Мы вошли в Нейштат, гуляючи, как в летний сад. Светлая луна, как будто любуясь прекрасною столицею, смотрела на нее полным лицом и щедро рассыпала серебряные лучи свои. Широкие улицы, дома, одни других прекраснее, и длинные ал-

леи каштановых и вишневых дерев манят нас к себе. Прелестная Эльба издали улыбается. Подходишь ближе и слышишь шум и ропот ее: она жалуется на жестокость французов, сорвавших самые лучшие перла из ее ожерелья. Вот этот удивительный мост! Из дикого гранита, на высочайших сводах, с железною решеткою. Сколько Эльба украшает окрестности Дрездена, столько мост сей украшает Эльбу. Но время кончить: кладу перо, едем встречать войска. Прощай!

ДРЕЗДЕН. КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Наконец и я увижу то знаменитое собрание картин, о котором так много писали иностранные и даже русские путешественники, которое известно в Европе, славно в Германии и не напрасно обращает на себя внимание знатоков. Вхожу, изумляюсь, восхищен, рассеян... Сколько изящного! сколько поучительного для художников! сколько редкого для знатоков! сколько прекрасного, поразительного для всякого, кто имеет глаза!.. Придя в себя от удивления, спешу рассматривать не по очереди, не по порядку, а просто, что больше приглянется. Вот ближе всех к нам какая-то историческая картина, завешенная куском прозрачной кисеи. Чтоб лучше рассмотреть ее, один из моих товарищей хочет вскрыть занавеску, но — она нарисована, и право, можно обмануться: так живо!.. Это работа Конто-ди-Ротари. Он рисовал что-то историческое, не удалось, поленился поправить и набросил занавеску. Такие картинки называются игрушками в живописи, как триолеты в стихотворстве. Но великое дарование сего живописца в полном блеске — вот здесь. Хотите ли видеть новорожденного Христа, видеть умиление, с каким невинная Дева Мария, чудесно ставши матерью, смотрит на божественного младенца, видеть удивленного и благоговеющего Иосифа: все это здесь в картине Конто-ди-Ротари. Вообще все превосходно, но что удивительно, неподражаемо — это сияние светлого нового месяца. Так! первая луна, явившаяся по сотворении мира, конечно, не была светлее этой.

Посмотрите только, как прелестно сияет этот полумесяц с голубого эфира, сквозь густую зелень ли-

стьев, из которых каждый особо различным образом посребряется! Он светит чрез лицо Иосифа прямо на младенца. Что это за сияние! как описать его вам? не знаю. Стою пред картиной — восхищаюсь, ухожу — дивлюсь, и сам себе не верю, точно ль видел я это на холсте.

Надобно думать, что живописец, может быть, с помощью какой-нибудь благодетельной волшебницы в прекраснейшую летнюю ночь схватил несколько самых прелестных лунных лучей, рассыпал их по картине и приковал к холсту красками, право, кажется, нельзя сделать такого чуда. Это точно тихий, небесный, сребро-палевый свет луны. Он превосходит пылание фосфоров в темноте ночной. Смотрите сами, как он все украшает, какую прелесть придает картине! Иосиф, у которого лучи его скользнули по лицу, становится величествен, Мария, которой они коснулись, небесною, святою супругою божества. Младенец мог бы казаться сыном человека, но эти лучи оботворяют его. Дитя, погруженное в столь чудесное серебряное зарево,— есть божество! Оно прекраснее самих ангелов, которые, вспорхнув с неба, парят или плавают над ним в лиловом отливе. Таково-то искусство освещать картины: оно есть душа их. «Кто не видал Корреджиевой Ночи, тот может иметь о ней понятие, смотря на эту картину». Так сказал нам один из надзирателей. Какова же должна быть Ночь Корреджиева?

Хотите ль видеть, как Людовик XIV езжал прогуливаться, на охоту, или, окруженный своими полководцами, министрами, придворными, великими художниками, славными авторами своего века и прекрасными женщинами, входил в покоренные им города? Взгляните только на картины Вандермейлена, который всегда сопровождал этого государя во всех его походах. Смотрите, какое множество лиц: но каждое у своего места, каждое имеет свои собственные черты: и все так хорошо окончено, так искусно выработано!

Здесь веселая толпа фламандских крестьян, да у них какой-то праздник. Как живы, выразительны их лица! какое простодушие! какая беспечность! Им ни

до чего дела нет! Кажется, что кубки их наполнены водою из Леты — пьют и обо всем на свете забывают! Вот тучные, зеленые луга, каких я мало видывал. Вот хоровод девиц и молодых людей, они пляшут, я это вижу, они и поют, послушаем. Но это ведь картина, голосу не может нарисовать и сам Теньер, который так превосходно рисует фламандцев.

Вот Рубенсовы картины. Вы видите лесистое местоположение, африканскую пустыню, где охотники сражаются со львами. Видите ли вы убитую львицу?.. В кровавой пасти ее молодой львенок, которого она хотела спасти. Но вот, о ужас! Лев бросается из-за кустов: делает прыжок, и он уже на лошади и схватил сзади охотника, и давит и терзает его!.. Вы хотите бежать на помощь к охотнику, но боитесь льва. Так живо изобразил то и другое Рубенс.

Вот его же: пьяный Геркулес с вакханками. Один только Рубенс, смелою кистию своею может написать огромного Геркулеса и заставить его балагурить с полупьяными красавицами. Смуглый козлоногий сатир, гуляющий в этой же пирушке, любуется своею кружкою и странною улыбкою смешит и собеседников, и зрителей.

Вот кухня. Сам Рубенс, бледный, сухощавый с острыми глазами в виде повара, а третья жена его, полная, свежая, румяная в виде кухарки придает вкус блюдам, готовя их своими белыми руками.

Иногда трагики пишут мелкие стихотворения, которые нравятся какою-то особенностию. В живописи бывает то же. Рубенс, будучи посланником в Испании, вздумал нарисовать вид окрестностей Эскуриала. Но кисть его не умеет рисовать улыбающейся природы. Деревья без зелени, луга пасмурные, горы угрюмые и туман, дымящийся в воздухе. Говорят, что эту картину рисовал Рубенс, какое ж ее достоинство? То, что всякий испанец, видевший ее между тысячью

других, восклицал: «вот наш Эскуриял!». Так верно умел снимать Рубенс!

Но положим, что он видел Эскуриял, и потому так верно нарисовал его. Где ж, скажите, мог он видеть, как Нептун усмирял бунтующие ветры на море? Разве не срисовал ли он этого с превосходнейшего древнего живописца — Виргилия? Посмотрите, посмотрите, как страшно волнуется море! Как сердиты волны: они ревут, шумят, одни других теснят, гонят, поглощают!.. Как пышут и бесятся кони нептуновы, запряженные в огромную морскую раковину, как крутятся вихрями пески, камни и чуды морские! Ух! Как всколыхались эти пенистые волны, кажется, хотят выплеснуть и затопить нас всех. Черная пучина ярится, и корабли, урча и клокоча, со щоглой поглощает. А ветры так свистят, так дуют, что кажется, скоро сорвут и унесут картину, но Нептун здесь! Он грозно потрясает трезубцем, и свирепость укрощается, и морские красавицы оставляют подводные пещеры свои, чтоб посмотреть на свет, и тишина улыбается сквозь разодранные тучи. Воображение любуется этою бурною картиною, но жалеет, что она стеснена рамами: это то же, что прекрасный стройный мужчина одет в короткое и тесное платье. Восколеблющиеся волны, кажется, ударяют в рамы, ропщут, шумят и просят пространства, которого в картине недостает. Впрочем, она лучшая из всех Рубенсовых в этой галерее. Смелость кисти и удивительное подражание природе суть печатию творческого духа этого живописца.

Вот и Жорданса, воспитанника Рубенсова, Симеон во храме. Тотчас видно, что он не Рубенс, но какова голова у Симеона, воздевшего очи горе, как хорошо она нарисована, с каким выражением, то вряд и сам Рубенс нарисовал ли бы такую.

А вот опыт голландского терпения. Взглянет на эту маленькую картинку, представляющую фламандского крестьянина в его избе. Надобно только смотреть не простыми глазами, а в увеличительное стекло. Не правда ль, что это удивительно выработано?.. Вы можете перечесть, до одной, все петельки в чулках,

даже видно, что они штопаны. Переводите стекло повыше: на фаянсовую кружку и подивитесь ей.

Каждый рубчик, каждый обручик и узор, который обыкновенно бывает на пивных кружках, отделан в ней удивительно. Вот что значит быть великим в мелочах!

Портреты Ван Дейковы удивят вас чрезвычайною выразительностию, живостию в лицах и мастерскою отделкою. Но Ван-Мейленовы не уступят им: он имел истинное в сем роде дарование.

Кто там в латах, с смуглым, сухощавым, бледным и мрачным лицом смотрит на нас такими глазами, которые показывают большую остроту ума и великую кичливость сердца, хитрость, свирепость и жадность? Это хищник короны — Кромвель. Кажется Ван Дейк писал его в те минуты, когда он, поправ престол королей, мечтал о покорении всей Англии.

Здесь что такое? Афинская площадь. Что за чудак на ней с нечесаными волосами с странным лицом, одет растрепою, с дубиною в одной руке и с фонарем в другой? Это Диоген. Прямой циник! В белый день ходит со свечою и ищет кого бы вы думали? Человека! Картина эта представляет опыт кисти Жака Жорданса, и он прекрасен! Я вижу, как народ толпится около циника, и он в целом народе не находит человека. Подходят жрецы, судьи, философы, ораторы, он видит в них лесть, корыстолюбие, притворство, надменность, подлость, ложь — и не гасит свечи. Видит скупых богачей, богатых плутов, чиновных невежд и не гасит свечи. Вот блестящая толпа! Подходят старейшины афинские, владеющие судьбою Афин, свеча не гаснет и для них. Но вот, наконец, скачет на бурном коне в блестящих латах, в лавровых венках прославленный народом, возвеличенный ораторами победоносный герой — ну, циник, это ль не человек? «Нет! это истребитель человеков! — думает Диоген.— Я вижу в нем беспокойный нрав, слепую страсть к громкой молве, стремление к честям, ухо его всегда открыто лести, сердце честолюбию, он жаждет крови и славы: это не мой человек!» И свеча

его горит. «Не богиня ли это?» — говорит страстный любовник, указывая на свою красавицу. «Если богини могут быть ветрены, злы, лукавы и вечно притворны»,— отвечает упрямец и не гасит свечи. Да погаси хоть из учтивости! Но тот, кто не хотел видеть Александра и кого сам Александр ходил посмотреть,— не знает учтивости — не гасит — и свеча горит до сих пор!

Живописец Роза, прозванный Тиволи, потому что жил долго в этом месте, насмотревшись на прелестные окрестности Рима, запечатлел в воображении все изящные виды Италии, рисовал прекрасно цветущие долины у подножия древних развалин, живописные берега морей, где солнце с высокого неба, бросая лучи свои на вечную зелень рощей итальянских, золотит плоды их, рисовал беспечных пастырей и пестрые стада. Смотря на картины его, хочется побывать в Италии!..

Вот прелестное дитя! Не ангел ли это за стеклом? Нет, это Менгсов Амур. Какая белизна в этом милом личике! Какой румянец играет на его полных щечках! Он так нежен, как самый приятный отлив зари на листках лилеи. Как прелестны эти синие васильковые жилки, искуснейшею кистию проведенные! А губы? их описать нельзя. Они полны, мягки, свежи, как первый весенний розан. Светлые голубые глаза миловидного ребенка возведены к небу, и не уступают ему в ясности. Полным беленьким пальчиком пробует он острие золотой стрелки, которую только что отточил на оселке, и думает, точно как говорит: «она уже довольно остра!»

Здесь великий маршал Сакский. Лиотар изобразил его прекрасно. Читайте похвальное ему Томасово слово: смотрите на сей портрет, и знаменитый покойник оживет для вас.

Но вот другое творческое произведение сего мастера: прекрасная шоколадница! Я говорю прекрасная: потому что она так стройна, бела, румяна, так

хорошо одета, так ловко подносит шоколад, и имеет такие свежие, карминные губы, что всякому хочется выпить шоколад и поблагодарить красавицу поцелуем.

Отделка сей картины совершенна. Платье и фартук так хорошо написаны, что кажется можно их осязать.

Вот изображения во весь рост в картинах самого большого размера, нечто благородное, нечто священное на лицах, яркие краски, искусное расположение, искусное смешение света с тенями: все это вместе представляет нам разные происшествия из Священного Писания. Мы видим их как наяву: хвала Павлу Веронезу.

Не оставьте без внимания и картины кузнеца Анверского. Она состоит из нескольких лиц, отменно выразительных, из коих каждое имеет свои особые примечательные черты, имеет на себе печать особых свойств и делает особую честь кузнецу-живописцу. Кто ж сделал его живописцем? — Любовь! Молодой кузнец влюбляется в дочь живописца, который иначе не хочет ее выдать замуж, как за человека одного с ним ремесла. Влюбленный кузнец оставляет наковальню, хватает кисть, призывает на помощь терпение, учится, трудится, успевает и наконец пишет картину, которая, сделав его счастливым супругом, перешла в потомство и привлекает теперь внимание любопытных путешественников в Дрездене. Любовь, которая так много чудесит в белом свете, сделала из кузнеца живописца. Кто был влюблен, тот верует в подобные чудеса.

А здесь что за несчастный в столь ужасных муках? За какое преступление казнят его или не страшную ли какую тайну хотят исторгнуть из глубины его сердца? Посмотрите, как мучится сей страдалец, по рукам и по ногам к столбу привязанный и поджигаемый снизу тихим огнем! Как страшно напружинились посинелые жилы его! Как выдались, как торчат кости и мускулы! Глаза несчастного закатились, пена на мертвых устах, зубы скрежещут, бледность на лице,

грудь высоко вздулась. Кажется, слышишь, как лопаются жилы и трепещат кости: так усильно напряжение медленно сжигаемого! В некотором отдалении нельзя поверить, чтоб это было в картине или, по крайней мере, эта картина была не лепная: так резки и глубоки черты, так превосходна рисовка, так смела кисть, так естественны все выпуклости. Кто же великий творец сей картины? Или я худо описал ее, или тотчас должно угадать, что она Микель-Анджелова...

Подивитесь искусству, с каким Гвидо-Рениевая кисть изобразила здесь страждущего, истомленного и терниями увенчанного Христа. Как истерзали его мучители! Он весь изранен, но кровь не течет уже более из его ран, она запеклась на них багровыми пятнами. Кажется, что он и страдать перестал, а смотрит только на небо в каком-то болезненном оцепенении. Заметьте, как кожа от чрезвычайного расслабления опустилась на руках его и лежит в длинных, бледных морщинах. Взгляд на этого Христа Спасителя подвигнет вас к ужасу, к жалости о нем и удивлению искусству великого художника.

Но хотите ль, наконец, видеть совершенную красоту — совершенную в полном смысле сего слова? Не ту, которая блестит в шумных кругах большого света, водит за собою толпы любовников и, гоняясь за наслаждениями, предается вихрям страстей и забав, блестя и исчезая, как светлое воздушное явление. Нет! Эта прелестная красавица убегает света, постигнув на заре жизни всю суетность его. Ни сладкий голос лести, ни пышный блеск мира, ни шум страстей не достигают глубокого ее уединения. Далеко от обольщений, приманок и сетей, живет она одна с Богом, природою и собою. Какое безмятежное спокойствие запечатлено в чертах ее лица! Кажется, что уединение угасило в ней пламя всех страстей. Мягкие златые волосы, сплетаясь с голубым покрывалом, лежат на белой груди ее, в которой покоится ангельское сердце. Теперь, как видите, отдыхает она на мягкой мураве у чистого ручья, услаждающего слух ее стройным журчанием. Прекрасная рощица склоняет над нею свежесть теней своих: она держит книгу и при-

лежно читает. Она задумалась — эта задумчивость придает ей новую неизъяснимо-очаровательную красоту. Кто ж эта прелестная дочь пустыни? Это Корреджиева Магдалина. «Но это, что вы видите здесь, самое слабое подражание, а подлинник вместе с Корреджиевою Ночью увезен от французов в Кенигштейн». Так сказал нам надзиратель. Чтоб заставить ценить подлинник сей картины, то для знатоков довольно сказать, что она Корреджиева, чтоб привести каждого, кто б он ни был, в восторг, довольно показать ее, а чтоб заставить удивляться ей и самых скупых богачей — невежд, то стоит только объявить им, что за эту очень маленькую картинку заплачено 13 000 полновесных червонцев: почти 150 000 наших рублей!

ГАЛЕРЕЯ СТАТУЙ В ДРЕЗДЕНЕ

Галерея статуй в Дрездене далеко не подходит к картинной: в последней подлинники, в первой только подражания. Есть тут, правда, группа Лаокоонова и Венера Медицис, но не те, которыми восхищался Дюпати. Венера, однако ж, прелестна и не в подлиннике: здесь видим ее тень, но и тень красоты прекрасна! Какая стройность! Какая улыбка! В каком сладострастном положении она стоит!.. Осязая статую, вы можете ощупать все выпуклости, которые должны быть на теле прекрасной женщины и которых глазами никак нельзя отличить. Эта Венера, кажется, стыдится, но стыдливость ее не есть стыдливость невинной Дианы. Венера Медицейская стыдится для того, чтоб привлечь более на себя взоров, отворачивается, чтоб показаться невинною, торопится будто закрыть одну часть тела, с тем, чтоб больше обнажить другую. Это хитрая прелестница, обворожающая взоры и воспаляющая чувства.

Галерея сия, по расположению своему, не совсем выгодна, притом и статуи не содержат в чистоте: густая пыль затмевает их белизну.

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА В ДРЕЗДЕНЕ

Тридцать комнат наполнены оружием всех времен и всех народов, начиная от первого пистолета, изобретенного Шварцом, до оружия нашего времени.

Здесь увидите вы также и конские уборы. Некоторые из них очень богаты, ибо украшены дорогими каменьями, бисером, жемчугом и проч. Всего любопытнее рыцари с их бронями. Поверите ли, что были люди, которые носили на себе латы во 150 и 200 фунтов и в пять аршин длиною перья на шишаках. Один саксонский герцог носил вседневно вместо бумажного колпака железный в 20 фунтов. Нам, питомцам неги, кажется это теперь невероятным, баснословным, но я видел в Дрезденском собрании естественных редкостей принадлежавшие драбантам герцога Августа II руки, которые пугают своею величиною, и после этого начинаю верить, что можно носить на себе 200 фунтов железа. Чтоб увидеть рыцарей в полном их облачении и со всеми причудами, то войдите в ту комнату, где представлен поединок Августа I Саксонского и Албрехта Австрийского. Оба обремененные 200-фунтовыми бронями, пятиаршинными перьями, с трехсаженными копьями, с головы до ног в черном выезжают на смертный бой. И сии богатыри, сии железные люди умели любить и быть нежными! Тут есть множество разновидных щитов, из которых на каждом надписи в честь любви и красоты.

СОБРАНИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ РЕДКОСТЕЙ В ДРЕЗДЕНЕ

Вот место, в которое вхожу с благоговением. Здесь собраны неисчислимые чудеса природы. Моря Европы, пустыни Африки, леса Америки, выслали сюда все, что имели редкого. Все, что открыто великим Линнеем, описано красноречивым Бюффоном и созерцаемо было глубокомысленным Боннетом, представляется здесь глазам. В роде пернатых можете вы здесь видеть всех, начиная от прелестной крошечки колибри, которая едва ли больше пчелы, до огромного страуса, бывающего ростом выше лошади. Подле каждой птицы видите гнезда и яйца ее. В роде животных можете видеть всю цепь оных от горностая до слона. Галерея, вмещающая сии драгоценности, пространна и светла. Сто огромных шкапов не вмещают еще в себе всех редкостей. Я видел здесь вторую природу во всей разнообразности и пестроте

ее. Не имев более часу времени для рассматривания, осмелюсь ли описывать подробно то, на что едва взглянул мимоходом? Нет! Я намекну только о том, что более привлекло на себя общее внимание зрителей.

Примечательные вещи:

1. Рисованные природою цветы, деревья и целые ландшафты на камнях. Камни сии, будучи еще в мягком состоянии, получили таковые впечатления от прилепу к ним листьев и проч.

2. Отменно большой магнит.

3. Окаменелый дуб, в окружности две сажени, открытый в земле близ Хемница в 1752 году. Сколько надобно было столетий для превращения в камень этого дерева!

4. Большой отломок окаменелой пальмы. Сие тем чудеснее, что пальмы вовсе не растут в Германии.

5. Крокодил (окаменелый). Найден в Штутгарте. Ужели и Германия была некогда землею пальм и крокодилов? Последний доказывает, что там, где он найден, было море. Так много есть доказательств тому, что большая часть Европы была дном океана. Было время, когда шумели моря в тех местах, где теперь блистают города и цветут долины. Едва ли самый дерзкий ум постигнет все изменения природы.

6. Четыре огромных статуи из кипарисового дерева. Прикосновение к ним сообщает благоухание рукам. Каждая стоит тысячу талеров.

7. Отаитские материи, подобные нашим кисеям, выбиты молотком из мягкого тамошнего дерева. Нужда творить чудеса!

8. Парадная лошадь Августа II, имеющая хвост длиною в 12 аршин, а гриву в 9.

9. Боа, или исполин змей — длиною в 19 локтей.

10. Большие коралловые деревья.

Здесь же в особой комнате с особенным любопытством рассматривали мы чудесный образец храма Соломонова, сделанный некогда в Гамбурге сенатором Шодом. Петр I измерял его своими руками и предлагал за него 60 000 рублей. Наследники Шода

продали редкость сию Августу Саксонскому за 18 000 талеров. Сторона квадрата в подлинном храме имеет 800 локтей, по уменьшенному размеру образца локоть принял за вершок, и сторона его имеет 800 вершков. И это немало для образца! Все части, даже самые мелочи, отделаны с наибольшим тщанием. Здесь же можно видеть все обряды иудейские и богослужение их в пустыне, представленное в лицах. Любопытнее всего собрание всех и даже самых мелких принадлежностей иудейского синагога. Если б когда-нибудь буря превратных случаев истребила весь сей народ, то здесь можно найти все его обряды и установления. Это стоит, однако ж, недешево! ибо за написание пяти только Моисеевых книг на пергаменте заплачено 2000 талеров.

Дрезден. 9 Апреля

Все лучшие картины и драгоценнейшие редкости увезены из Дрездена в известный по неприступности своей замок Кенигштейн. Я спешу в свободные от должности минуты заглянуть в лучшие здешние сады. Сегодня были мы в саду и доме кабинет-министра графа Марколини. Сад этот очень приятен, потому что очень прост. В нем отличается огромный водомет, украшенный колоссальною группою баснословных статуй: морские кони, дельфины и проч. льют и брызжут воду реками. Такая же группа, в малом размере, сделана из фарфора в стеклянной галерее дома. Дом министра украшен также преимущественно одним вкусом и простотою, роскошь изгнана из него. Под окнами огромные клетки с серебряными и золотыми фазанами, последние с пламенно-розовыми перьями на груди, с лазоревыми крыльями и золотыми гребнями прелестны. В одной зале нарисованы на стенах все важнейшие случаи в жизни самого Марколини. В одном месте видишь, как он застрелил дикого кабана, уже бежавшего растерзать его. В другом представлено опасное падение его с лошади, испугавшейся дикого зверя на охоте. Далее, в горах Италии Марколини, застигнутый разлитием вод, оставляя свои экипажи, с женою и прекрасною дочерью переправляется чрез горные протоки на мулах. Вот спо-

соб напоминать себе достопамятнейшие случаи своей жизни.

Народ саксонский принимает русских с почтением и сердечною радостию. Многие отцы приглашают русских офицеров крестить новорожденных детей своих. Словом сказать: тут не знают, как принять, почтить нас. О, добрый народ саксонский, как не сражаться за свободу твою!.. Все русское входит здесь в употребление. На многих домах надписи немецкие написаны русскими словами, а на иных и совсем по-русски, например: «Потешные палаты Его Королевского Высочества герцога Максимилиана». Это королевский брат. Неоспоримо, что слава народа придает цену и блеск языку его. Слава сия утверждается победоносным оружием. Теперь уже всякий саксонец имеет ручной российский словарь и скоро, скоро, может быть, как сладко мечтать о сем! Богатый язык великого Отечества нашего загремит на берегах Эльбы и там, где победа украшает лаврами знамена народа русского, станут читать русских писателей, станут дивиться Ломоносову, восхищаться Державиным, учиться у Шишкова, пленяться Дмитриевым, любоваться Карамзиным!..

Генерал Милорадович устроил так, что авангард наш в течение трех дней разными отрядами проходил чрез Дрезден, дабы тем увеличить число войск в глазах жителей. Отряд графа Сен-При, кавалерия и пехота, в три разные дня имели три торжественных входа в город. Сам генерал Милорадович каждый раз выезжал навстречу войскам, сопровождаемый блестящим и многочисленным конвоем. Жители бегали толпами и кричали: ура! Сие троекратное прохождение войск показало авангард наш весьма многочисленным. Но в самом деле дух, бодрость и свежесть войск не заменяют ли многочисленность?

Известный прусский генерал Блюхер, генерал Витгенштейн и все партизаны наши сосредоточиваются за Эльбою. Наш авангард займет Фрейберг и Хемниц. Наполеон уже опять при своих войсках — скоро может дойти до дела. Но покуда услышим вблизи рев смерти и свист пуль, сходим в великолепную католическую церковь послушать превосходной музыки. Сегодня их Страстная суббота.

ОРАТОРИЯ

Оратория была торжественна. Превосходный певец и более ста музыкантов составляли величественный оркестр. Пение удивительно, музыка прекрасна. Много было звуков знакомых, но некоторые совсем новые. Они уносили с собою дух мой к небесам, погружали ум в какую-то уныло-сладостную мечтательность и заставляли забывать все земное. Есть нечто очаровательное, нечто неизъяснимо утешительное для человека в поэзии, живописи и музыке. Поражаясь великолепным и разнообразным слиянием звуков, то треск громов, то воздыхание зефиров выражающих, я очень ясно понимаю, как Тимотей двигал чувствами завоевателя, которого не смягчали смертные стоны целых народов. Начинаю даже верить, что американский змей и африканская гиена могут умягчаться музыкою.

10 Апреля. Дрезден

Все войска авангарда уже ушли к Хемницу. Генерал Милорадович и мы все спешим вслед за ними. Завтра или через два дня прибудет сюда сам Государь с главною армиею. И светлейший князь, если ему сделается легче, не умедлит обрадовать народ и войско прибытием своим сюда же.

Я сейчас от генерала. У него завтракал министр Балашов. В разговорах о разных заведениях, свойствах и обычаях немцев он сделал одно весьма остроумное замечание о медлительности их в умственных соображениях. «Войдите в лавку к немецкому купцу, прекрасно одетому, и воспитанному в каком-нибудь университете, возьмите у него разных товаров на сто талеров, велите сделать счет и ему нужно четверть, а иногда и полчаса для вычисления: он считает и пересчитывает, тогда как русский бородач поводит перстами по щекам и в пять минут скажет вам, сколько ему следует». Нет ничего справедливее такого замечания.

Невольно отдашь справедливость и тому, кто сделал его. Всякий русский душевно порадуется, что министр его Отечества с таким вниманием всматривается

в нравы, образ жизни и учреждения чуждых народов, замечая все могущее быть полезным для своего. Бог одарил русских острым умом, а Россию всеми дарами своими. Она должна быть счастлива!

14 Апреля. Хемниц

Из Дрездена ехали мы чрез Герцогс-Вальд, Фрейберг, Одеран, Хемниц. Фрейберг, кроме бывшего при нем сражения в семилетнюю войну, достопамятен еще славными рудокопами. Горное искусство доведено там до высшей степени. Профессора преподают науку о ископании руд. Из разных частей света приезжают ей учиться. Здесь целый горный народ. Шесть тысяч человек беспрестанно роются под землею. Дети наследуют отцам в их искусстве и в болезнях; ибо всякий горный работник — бергман — в тридцать лет получает уже горную чахотку. Это доказывает, что для блага человека несравненно полезнее обрабатывать поверхность земли, нежели рыться во глубине ея!

Хемниц, прекрасный городок, славится редкими своими фабриками и красотою женщин. Здесь есть так же, как в Варшаве, ванны, но с тою выгодою, что можно купаться в какой вам угодно воде: в Теплицкой, Карлсбадской, Пирмонтской и проч. Сегодня сидели мы в морской ванне, завтра будем купаться в железной, а пьем всякий день Зельцерскую воду. Кто захочет, может купаться в ароматах. Но теперь не время нежиться: уже гремит труба, зовущая нас в огонь сражений. Правда, роскошные осаждатели Трои, как говорит Гомер, из купален ходили в бой, а после боя погружались в аромат ванны. Но то было время, если оно когда-нибудь было — а теперь иное! Грязное поле, труды и непогоды: вот наша участь!

15 Апреля. Хемниц

Я был в механическом мире. Что за чудеса искусства! Какое облегчение в ручных работах, какая польза от промышленности та прядильная машина, которую я сегодня видел. Огромнейшее здание в несколько

этажей занято этою машиною. Входите и удивляетесь, видя такое множество бездушных вещей в движении. Там крутятся колеса, там обращаются валы, там стучат берда и гребни, множество ремней, как облака, волнуются вверху, под потолком и помогают движению валов и колес. Сотни веретен в быстром кружении прядут очень тонко хлопчатую бумагу. Шум, треск, стук и скрип наполняют все здание. Здесь все шевелится, ходит, движется, живет, а причиною движения — большое горизонтальное колесо, весьма несильною водою, из небольшого озера вытекающею, в действие приведенное. Сие-то колесо заставляет крутиться в трех ярусах множество валов, шестерней, бесконечных винтов и тысячи веретен. Каждое отделение имеет по нескольку станов, каждый стан по нескольку десятков веретен и колесо движущее его. Здесь весят, бьют, очищают, прядут и подводят под пробу бумагу. Прекрасное заведение, прекрасная работа, но всего прекраснее — работницы! Это прелестные молодые девушки из Хемница! Каждая из сих трудолюбивых красавиц может получать до двух талеров в неделю: в два, три года может составить себе хорошее приданое. Вот редкая выгода для нравов! Вот способ для предохранения беззащитной невинности от нищеты, влекущей к разврату. Скромная девушка работает несколько лет на фабрике: получает чрез то приданое, выбирает молодого человека по сердцу, выходит за него по любви и, приученная к трудам, становится попечительною хозяйкою, верною женою и доброю, заботливою матерью семейства; праздность, роскошь и рассеянность не заражают ее своими отравами. Фабрика, нами виденная, принадлежит господину Бекеру. У него же и ситцевые, которые не уступают английским, фабрики. Везде торжество промышленности, труда, искусств и художеств.

Все движется!.. Главная квартира авангарда переходит в Пенниг, три мили вправо от Хемница, конечно, для того, чтоб сосредоточиться более с Блюхером, находящимся в Альтенбурге. Французские аванпосты между реками Салою и Эльстером. Маршал Ней в Веймаре. Наполеон сам при войсках своих.

Посмотри на карту, ты увидишь, что Хемниц, Пенниг и прочие саксонские городки означены небольшими, едва приметными кружками. Распространи их воображением своим, наполни прекрасными домами, садами, фабриками, обведи картинною цепью холмов и насели добрейшими людьми — тогда будешь иметь понятие о таких городках, из числа которых и Пенниг, где мы только ночевали.

Апреля 18. Альтенбург

Оставя в Пенниге все обозы, все тяжести, мы подвинулись еще вправо в Альтенбург с тем, чтоб, заняв близ него позицию, ожидать неприятеля. Альтенбург — пространный и великолепный город герцога Гот-Сакского. Всего примечательнее в нем огромный старинный замок на высочайшей скале, имеющей в основании целый холм дикого гранита. В сем замке показывают, в числе прочих редкостей, окно, чрез которое украдены были малолетние Алберт и Эрнест, дети герцога. Случай этот достопамятен в саксонской истории, ибо от них произошли две наследственные линии: Албертинская и Эрнестинская.

19 Апреля поутру. Альтенбург

Наконец сбылись мрачные предчувствия, оправдались печальные догадки: неумолимой судьбе или непостижимому провидению угодно было лишить нас великого человека!.. Его уже нет!.. В Бунцлау прекратилась жизнь мужа знаменитого. Давно ли, вызванный из глубокого уединения общим голосом народа, восстал он от бездействия и ополчился великим умом своим на защиту Отечества? Давно ли грады и области называли его спасителем? Матери несли младенцев и внуки вели дедов своих, чтоб удостоиться его лицезрения? Давно ли сам Государь назвал его светлейшим и фельдмаршалом? Еще не обсохла кровь врагов, пролитая им на полях Бородинских, еще не истлели трупы, которыми устлал он великое пространство от Оки до Немана, еще блестят трофеи, им собранные, зеленеют лавры, им пожатые, еще не

успела обтечь круг земной слава, гремящая о нем... А его уже нет!

Что ж значит в мире сем слава? Что значит величие людей?.. Песнопевцы земли русской! Передайте потомству стоны соотчичей своих в печальных звуках ваших лир!

ВЗГЛЯД НА ДВИЖЕНИЕ АВАНГАРДА ПРЕД ЛЮЦЕНСКИМ СРАЖЕНИЕМ

Около половины Апреля неприятель начал показываться в больших силах близ города Наумбурга, известного в 30-летней войне, когда оружие гуситов гремело в Германии. Отряды и передовые посты его распространялись между реками Салою и Эльстером. Намерение его устремиться на Лейпциг для расхищения славной ярмарки час от часу становится очевиднее, а посему и все российско-прусские войска сосредоточивались в окрестностях сего города. В это время авангард главной армии под начальством генерала от инфантерии Милорадовича из расположения своего при Хемнице предпринимает косвенное движение вправо. В течение нескольких дней, следуя сему направлению, и движением своим прикрывая все дороги в Дрезден, авангард рассылает вперед отряды до Цвикау, Плауена, Гофа, Лобенштейна и Геры для разведывания о неприятеле, а между тем постепенно приближаясь к Лейпцигу, занимает Пенниг, Альтенбург и Цейц, более или менее останавливаясь в каждом из сих мест.

20 Апреля, в 2 часа пополудни

С первым лучом зари выступили мы из Альтенбурга в Цейц. Едва прошли милю, как услышали пушечные выстрелы. Чем далее подавались вперед, тем слышнее становились они, наконец облака дыма на краю горизонта, блеск обширного зарева и все признаки великого сражения представились глазам нашим. Там, на дороге в Наумбург, близ Люцена, где уже один раз в 1652 году решалась судьба Германии, и где путешественники привыкли останавливаться под памятником великодушного Густава

Адольфа, там сражались теперь за жребий всей Европы. Наполеон с великими силами ломился к сердцу Пруссии. Российско-прусские армии под начальством графа Витгенштейна и генерала Блюхера встретили его и они сражаются!.. Авангард наш с поспешностию достигнув Цейца, стал в боевом порядке на выгодных высотах вокруг оного. Жители из города и окрестных деревень идут толпами к нам в лагерь, неся добровольно вареное кушанье и вина. Солдаты наши готовы сражаться за счастие таких добрых людей и за прекрасную землю их.

В 6 часов пополудни

С высоты древнего и величественного замка в Цейце смотрели мы на сражение, кипевшее на две отсюда мили. Долго гром рокотал на одном месте. Наконец дым и выстрелы начали отдаляться и все сердца наполнились приятнейшим предчувствием, что неприятель отступает. Генерал Милорадович во все это время не сходил с балкона, прилежно наблюдая в зрительную трубу и взглядывая на карту. Еще в первый раз в жизни смотрел он на сражение, не участвуя в нем. Несколько раз объезжал он полки, спрашивал солдат, хотят ли драться — и всеобщий голос был: ура! готовы, вперед! Я не знаю, для чего мы остаемся праздными свидетелями общего сегодняшнего дела: 15000 лучших солдат, восемьдесят пушек и генерал Милорадович могли бы сделать немалый перевес. Но говорят, что неприятель отрядил сильную колонну на ту дорогу, которую мы заслонили. Последствие все объяснит. Гром пушек опять усиливается, небо дымится! Народ и войска молят Бога, да благословит он оружие правых, да увенчает славою победы императора и короля.

В сию минуту получил генерал Милорадович от партизана полковника Орлова рапорт, который, стоя с отрядом своим на высотах близ деревни Вебау, видел все сражение и в коротких словах уведомлял, что неприятель, беспрестанно получавший подкрепления, принужден, однако ж, был уступить нам на целую милю пространства, но к нему подоспели еще свежие войска, и сражение воскипело с новым жаром.

12 часов ночи

На городской башне бьет полночь, но спокойствие не водворяется в городе. Все тоскует и волнуется. Войска готовятся к походу. Конница гремит по мостовым, проходя чрез город. Пехота еще в лагере. С наступлением ночи генерал Милорадович приказал развести большие огни, дабы внушить неприятелю некоторое опасение видеть на крыле своем новое войско. С нашей стороны — огни в лагере, с противной — пылающие окрестности Люцена все небо обагрили заревом. Лошади наши оседланы, мы готовы. Два часа дозволено нам сдремать, с рассветом должны быть в поле и в деле. Прощай!

22 Апреля.
Местечко Фробург. Рано утром

Весь вчерашний день провели мы в движении. Будучи послан в разные места, я проскакал более шестидесяти верст, и ввечеру едва не падал с лошади, которая и сама готова была упасть. В позднюю ночь уже войска наши, сделав весьма большой переход чрез горы, ущелины и леса, прибыли наконец к Фробургу, где неприятель не мог нас ниоткуда отрезать. Авангард становится опять арьергардом, ибо армии отступают.

Генерал-адъютант князь Волконский известил генерала Милорадовича, что государь поручает ему учредить вновь партизанскую войну для действий на сообщения неприятеля в гористом пространстве от Иены до Лейпцига. С этого времени не ожидай подробных описаний. Мы в арьергарде, следственно, в беспрерывных трудах и опасностях. Не сходить по целым суткам с лошадей, валяться на сырой земле, не иметь сна и хлеба: вот что нас ожидает и что нам уже не ново. Хотя Саксония и не менее прелестна, как древняя Капуя, но мы не растаяли в роскоши, как Ганнибаловы воины, и с прежнею бодростию готовы терпеть и сражаться.

22 Апреля, поздно.
Местечко Гейльд-Гейм

Соединенные армии отступают на Эльбу. Наполеон ведет с собою великие силы и теснит. Наша армия отступает довольно покойно: арьергард выдерживает

весь натиск. Покамест отделываемся кое-как перестрелками: скоро дойдет дело до сражения. Мой друг! самая бурная осень не так обнажает природу, как война опустошает цветущие области! Что сделалось с Саксониею? Мы не узнаем ее! Какая разительная во всем перемена! Дома пусты, лица мрачны, у нас голод, у жителей стон... Уже французы в Лейпциге!.. Опасность и тревога распространяются повсюду. Все ужасы войны постигают прекраснейшую из стран Германии. Нет больше сил писать — сон давит меня. Каждая минута дорога... Перо падает из рук, а друг твой на солому... Прощай!..

23 Апреля, вечер.
Город Вальдгейм

Сейчас только вышли мы из жаркого дела. Смерть так близко прошла мимо меня!.. Чуть было не взяла с собою! Отвезши одно приказание графу Сен-При, бывшему в сильной схватке с неприятелем, и получа другое, чтоб провести несколько пушек на известное место, тихо ехал я подле оных. Недалеко случился генерал Мерлин. Некоторые товарищи мои были тут же. Неприятель открыл из лесу пальбу, и ядра запрыгали через, между и около нас. Мы ехали шагом. Я слышал шипение множества ядер, как вдруг одно, провизжав мимо самого уха, ринулось в землю у самых ног моей лошади! Теплый дух, как будто из бани, хлынул мне в лицо, и земля, брызнувшая вверх от сильного удара, засыпала меня всего!.. Я совсем не почувствовал великой опасности до тех пор, пока не услышал со всех сторон около себя криков и восклицаний.

Товарищам показалось, что меня уже не стало! Им со стороны полет рокового ядра был виднее.

Склонясь чуть-чуть вправо, оно оторвало бы у генерала руку, а с меня снесло бы голову!.. Но друг мой! Если и самая смерть так же неприметна, как приближение ее, то умереть, право, ничего не значит! Страшна смерть ожидаемая, и страх сей родится, кажется, более от тревоги в воображении или от затмения в совести, а смерть, налетающая невзначай, должна быть очень легка! Храбрый генерал Мерлин имеет семейство, думал я после: жизнь его нужна

для оного. К чему ж мою сберегло провидение? К отрадам или горестям, к бедам или утешению? Прольет ли в уста мои счастие хотя несколько капель радости из того сосуда, который позволяет иссушать до дна любимцам своим? Но все вопросы напрасны: завесы не вскроешь!.. Прости мне отступление, обратимся к делу. Пальба началась еще с самого утра. Неприятель стремился овладеть пространством, отделявшим нас от пруссаков и захватить Вальдгейм, где сходятся дороги. Генерал Милорадович быстрым расположением войск уничтожил намерения его. Отряд графа Сен-При, неся неприятеля на плечах, делал все, что только могут храбрые солдаты при благоразумном начальнике. Генерал Карпенко, всегда неразлучный с передовою цепью своих стрелков, удерживал неприятеля по лесам и в тесных местах. Киевский полк под командою неустрашимого полковника Писарева и некоторые батальоны других гренадерских полков несколько раз пролагали себе путь штыками сквозь колонны, оспаривавшие у них дорогу. Наконец неуступчивость нашего арьергарда и удачное действие пушек полковника Нилуса остановили неприятеля версты за две от Вальдгейма. Потеря его весьма значительна, наша неприметна. Все обозы и артиллерия тянутся за город, дабы заранее высвободиться из тесных ущелий. Прочие войска обночлежились пред городом. Ярко пылают огни на полях. Добрые саксонцы дают нам последние куски зачерствелого хлеба: голод приправляет самую скудную пищу, а удовольствие победы заставляет забывать о всем претерпевшем. Что покажет завтрашний день? Отзовется ль громом сражения? Сегодня слава Богу! Прощай!..

24 Апреля, в сумерки

Сегодня принц Евгений Виртембергский, начальствуя передовым отрядом, выдержал жаркий бой близ деревни Этсдорфа и опрокинул несравненно превосходнейшего в силах неприятеля. Принц этот, конечно, один из храбрейших и любезнейших принцев в Европе. Помня о службе и обязанностях своих, он, кажется, вовсе не помнит о сане, чине и высокой по-

роде своей. Он умен — следственно, не горд. Часто разговаривать с солдатами, ласкать офицеров и жить у полевых огней: вот обыкновенное дело его.

24. Очень поздно.
Мыза близ Носсена

Неприятель остановился отсюда верст за пять. Генерал Милорадович, генерал Уваров, командующий кавалериею, английский генерал Вильсон, который ездит прогуливаться в сражения и не пропускает ни одного почти авангардного дела,— все вместе заняли пространный, прекрасно убранный дом. Адъютанты всех генералов были тут же. Будучи послан далеко с приказанием, я приехал несколько позже других. Все наши радовались светлой и покойной квартире. Одни играли на фортепьянах, другие смотрели библиотеку. Я подумал было, что это дом если не князя, то по крайней мере какого-нибудь барона, но мне сказали, что владелец его даже не дворянин! Крайне бы удивился сему, если б это было в Саксонии. Две прекрасные девушки, Вильгельмина и Шарлотта, играли на фортепьянах, пели, показывали свои рисунки, альбомы и в то же время суетились по хозяйству: сами накрывали на стол генералам, заботились о кухне и везде поспевали. Они разумели французский язык, читали лучшие книги на своем и сверх того были так добры, так любезны, что нельзя было не восхищаться воспитанием этих недворянок! С невинной простотою спрашивали обе сестры у генералов: будет ли завтра здесь сражение? Будет, отвечали им, и очень жаркое. Так мы на заре убежим к нашей тетушке в горы, говорили они, и просили только охранной бумаги.

25, в 8 часов утра

Уже раздалась пушечная пальба (обыкновенный, ежедневный вызов к бою), и мирные окрестности застонали. Дождь ливмя льет. Наши богатые домоседы в такую пору и на охоту не выезжают, а мы должны ехать — на сражение. Бедная Вильгельмина и Шарлотта, получа охранный лист, бегут в горы: так спасаются невинные горлицы от лютых ястребов! Все в

доме плачут, поселяне с имуществом скрываются в леса, матери уносят детей: все спасают жизнь, а мы спешим — жертвовать ею. Прощай!

25, ввечеру. Город Вильсдруф

Все платье на нас хоть выжми! Целый день были под дождем. Неприятель с самого утра начал сбивать передовые посты. Мы предполагали защищать тесные ущелья по дороге, но он не шел ими, а тянулся вправо по полям. Ему удалось поставить батарею на правом нашем крыле, орудия его были морские, и ядра хватали ужасно далеко. Мы уступали сражаясь, до самого Вильсдруфа. Почти при начале сражения стрелки французские ворвались в ту мызу, где мы ночевали, и начали все грабить и жечь.

26 Апреля. Дрезден. Вечер

Вот мы опять в Дрездене, или, лучше сказать, в Нейштате. Колонны авангарда разными дорогами быстро продвигались к Дрездену, неприятель преследовал слабо. День был прекрасен, солнце сияло в полном великолепии. Быстро обскакали мы Дрезден, спеша переправиться чрез понтонный мост, ибо большой горел. Каштановые аллеи цвели, в воздухе разливалось благоухание. Великолепный Дрезден, увенчанный цветами и зеленью садов, уподоблялся жертве, обреченной на заклание!

Около 2-го часа пополудни французы толпами ворвались в город и, как вода, разлились по улицам; прибежали к мосту и, казалось, хотели перескочить через Эльбу, чтоб грабить Нейштат, который мы охраняли. Но злость не дает крыл. Они остановились и начали стрелять. Наши егери, засевшие в развалинах моста, отвечали им, и перестрелка не умолкала. Вскоре раздался по всему Дрездену колокольный звон и возвестил прибытие Наполеона. И так в сию минуту владычество Александра и противника его разделяла только одна река. По сю сторону благословляли добродетельного защитника прав Европы, по ту со стоном покорялись врагу. Французские офицеры, богато одетые, расположа в разных местах музыку, прогу-

ливались в набережном саду с дрезденскими женщинами. Они, конечно, хотели осуществить мечту о золотом веке и доказать, что тигры могут гулять с агнцами! Хотя с их и с нашей стороны стреляли только вдоль по мосту: однако пули и картечи хватали далеко через и свистали по улицам. С нашей стороны на конце моста возвышен был земляной траверс. Пули жужжали, как пчелы, везде носилась смерть. Можно было быть убиту на гулянье, у окна, переходя из улицы в улицу, сидя в кругу мирного семейства, за столом, за стаканом мороженого...

Опасность была одинакова для обеих сторон. Многие из французских офицеров, подходившие на линию выстрелов, упадали мертвые к ногам своих красавиц. Музыка мешалась с пальбою, стоны умирающих с песнями веселящихся, жизнь со смертию. Многие граждане, даже женщины и малые дети, ранены: вот в каком состоянии была прелестная столица Саксонии!.. К вечеру, когда пальба начала несколько затихать, вздумали мы взойти на мост, где так часто наслаждались весенними сумерками, но едва дошли до половины, как французы открыли по нам огонь, пули засвистали... Мы присели на каменную скамью подле сквозной железной решетки, щедрые приятели на каждого из нас троих выпустили десятка по два пуль, большею частию они летели через, иные, однако ж, попадали в решетку подле самых голов наших. Наконец смерклось, все утихло, месяц начал посребрять город, и мы пошли в свою квартиру. Однако ж и там не менее безопасны были от пуль и картечи, ибо дом, где стоял генерал Милорадович, был на самом берегу. Ему старались дать о сем заметить, но генерал, хранимый своим ангелом, надеющийся на Бога, как Суворов, не знал страха и спал спокойно под тучею смертей. За великие труды, понесенные им в течение последних дней, к нему по всей справедливости можно применить стих одного из лучших стихотворцев наших, что:

Светило дня и звезды ночи
Героя видят на коне...

Бессонница и заботы подействовали на его здоровье. Он заболел, известил о сем главнокомандующего графа Витгенштейна, созвал всех генералов и

сдал начальство над арьергардом старшему по себе князю Горчакову. И так мы на несколько дней будем спокойны. Ночь и безмолвие уже повсеместны, свеча догорает, полно писать: задремлем, пока еще возможно!..

27 Апреля, 4 часа пополуночи

Сейчас дунул в растворенное окно свежий весенний ветерок, окурил комнату ароматами расцветающего сада, и я проснулся! Утро прекрасно, солнце только что взошло, неизъяснимая сладость распространяется в воздухе. Спят люди, спят страсти их и перуны молчат. В ближней улице поет соловей. Смотрю в окно — вижу Эльбу спокойную и природу величественную. Боже! Как прелестно творение твое! Но для чего так мятежны люди! Отколе сие смешение добра и зла? Для чего прекрасная весна твоя вместе с розою и соловьем оживляет ядовитого змея?.. Спешу насмотреться на сии прелестные картины, спешу запечатлеть их в памяти и сердце моем. Душа с жадностию наслаждается ими. Никто, никто не отымет у нее сего мгновенного и единственного наслаждения.

Жизнь и деятельность пробуждается в городе. В разных местах показываются граждане и поселяне, а французы еще спят! Но вот идет один с коротким ружьем и будит других на зеленом окопе близ моста. Они встают один за другим, хватают ружья и приветствуют утро стрельбою и кровопролитием... Вот и около пушек засуетились!.. Вот выстрел! другой картечью. Шумят ядра... Небеса дымятся и бледнеет жизнь и природа!.. Вот густые облака пыли движутся по течению Эльбы, верно, французы идут туда переправляться. Пальба усилилась. Генерал Милорадович услышал и забыл болезнь свою! Он велит седлать лошадей, и все мы едем в дело. Оно будет жарко. Прощай!

28. Деревня Вейсиг

Вчера имели мы жаркое сражение. Оно началось тем, что французы под прикрытием сильного картечного огня с бастиона, на их стороне находившегося, нося фашины и доски к пролому большого моста, по-

казывали вид, будто хотят переправиться в городе, и до тех пор толпились на мосту, пока несколько удачных наших выстрелов не смели их дочиста с оного. Эта переправа была ложная. В самом же деле Наполеон, подвинув армию свою за четыре версты влево, вниз по течению реки, приказал ей переправляться в глазах своих под покровительством великого множества пушек, которыми унизан был высокий в том месте берег. С нашей стороны граф Сен-При с отрядом оставлен в самом городе, а прочие войска небольшого арьергарда нашего поспешали сопротивляться многочисленным войскам Наполеона. Роты артиллерии Нилуса и Башмакова подоспели туда же и сражение загорелось. Неприятель засыпал нас бомбами, гранатами и картечью. Наша артиллерия действовала искусно и удачно. Солдаты дрались с неимоверною храбростию. Оторванные руки и ноги во множестве валялись на берегу, и многие офицеры и солдаты, лишась рук и ног, не хотели выходить из огня, поощряя других примером своим. Целый день кипело сражение, Наполеон истощил все усилия, но не переправился. К вечеру бой укротился, и мы возвратились по-прежнему в Нейштат ночевать. Мы бы могли еще держаться, но в общем плане положено не удерживать, а только замедлить переправу французов. Посему-то, отступив, стоим теперь верстах в десяти от Дрездена в деревне Вейсиге. Французы не беспокоят нас сегодня. Передовые посты молчат.

Вчера, во время самого жаркого дела, поселяне ближайших окрестностей пахали землю. Еще страннее: едучи в город с приказанием, я видел в одной аллее, очень недалеко от того места, куда падали ядра, порядочно одетого человека, спокойно читающего книгу под страшным громом сражения. Должно быть, очень любопытная книга!

Оттуда ж

Несколько из наших адъютантов заняли пустую избу. Все поселяне, боясь французов, скрылись в ближние горы, но, узнав, что не французы, а русские к ним пришли, многие хозяева возвратились в дома, в том числе был и наш. Добрый Вильгельм

принес с собою хлеба, достал спрятанное в землю масло, кофе, потчевал нас с непритворным усердием. Вчера я сам слышал, что, когда солдаты наши, утомленные сильным жаром, просили у жителей воды, добрые люди говорили им: «У нас есть еще для вас пиво, с русскими готовы делиться последним: вы наши защитники!» Вот как обходятся с нами саксонцы! Между прочими книгами в крестьянской библиотеке нашего хозяина нашли мы одну книжку, под заглавием: Политические разговоры европейских государей. Она была написана немецкими стихами и в лицах. Разумеется, что Наполеон занимал здесь первое место, все государи благоговели пред великим могуществом великого народа и великой армии. Вот какими средствами действует Наполеон на души и умы всякого состояния людей. Хозяин наш прочитал нам почти всю эту книжку наизусть, однако ж, он не считал Наполеона великим, а только страшным.

29. В окрестностях Бишефс-Верды

Сегодня в час пополудни неприятель начал затрагивать наши передовые посты. Часа с два продолжалась перестрелка, потом великими силами начал он теснить отовсюду наш арьергард. Мы отступали по узкой и мощеной дороге, имея справа и слева лес, холмы и болота. Артиллерия наша занимала каждую выгодную высоту, и неприятель чувствовал искусное действие ее. Вопреки всем его усилиям он подвигался вперед только на такое пространство, какое начальник арьергарда, по довольном защищении, за благо рассуждал уступать ему. Стрелки неприятельские в великом множестве, как ртуть, растекаясь в густоте леса, обходили наши фланги и нередко заставляли даже резервы вступать в дело. Но сии храбрецы лесные останавливались при первой полянке: русский штык и поле всегда им страшны.

1 Мая. Деревня Рот-Наустиц

Вчера дрались мы целый день, защищая дорогу. Истоща все усилия сбить нас с одной высоты, неприятель вздумал было обойти ее долиною. Покушение

дорого ему стоило. Генерал Милорадович, показывая, будто не примечает его движения, сделал все, что нужно было. Едва спустилось несколько колонн в лощину, как вдруг, дозволя им пройти, со всех сторон открыли по ним страшную пальбу из потаенных и открытых батарей. Расстрелянные колонны, потерпев великий вред, тотчас рассыпались и побежали в леса. Неприятель, полагая, что мы будем держаться в Бишефс-Верде, пустил на нее тучу бомб и гранат — и вмиг несчастный городок претворился в огромный столп огня и дыма. Сегодня мы опять покойны. Неприятель перевязывает вчерашние раны.

Вчера неустрашимый полковник наш Сипягин, занявшись обозрением мест за городом и проезжая потом чрез оный, вдруг был отрезан толпою ворвавшихся со стороны французов. За ним ехал Александрийского гусарского полка поручик Пороховников и Лубянского гусарского корнет Григорьев. Две колонны пустили по ним батальный огонь: они были в дожде пуль и остались невредимы! Это, однако ж, нередко случается в войне.

По словам пленных, неприятель потерял очень много убитыми и ранеными в последние два дня. Равномерно, по сказанию их, весьма важна потеря, которую претерпел он, почти в повседневных делах, с 21 Апреля по 1 Мая.

СЛОВА ПЛЕННЫХ

«Противу нас командуют Макдональд и вице-король Итальянский. Войска имеют они в своем авангарде сорок тысяч, да сверх того большие колонны вправо и влево».

Передовые караулы наши и отряд графа Сен-При пред местечком Бишефс-Верде, а в четырех верстах за оным и весь небольшой арьергард наш расположен при деревне Рот-Наустиц.

2 Мая. Там же

Здесь жители не так смелы, как в Дрездене, все ушли в горы. Села опустели. У нас все покойно: неприятель стал воздержаннее в преследовании нас и до

сих пор ничего еще не предпринимает. Со времени выступления нашего из Дрездена в целые пять дней неприятель, невзирая на великое превосходство сил его, не мог отодвинуть нас более четырех здешних миль или двадцати осьми наших верст: следственно, мы уступали ему не более пяти верст в день... Притом, несмотря на повседневные сражения с 21 Апреля и по сие время, арьергард имел самый малый урон, в людях и во множестве тесных проходов по самым трудным путям не потерял ни одной повозки из своих обозов. Посему можешь судить, как искусно пользовался местоположением, как храбро сражался и с какою твердостию отражал все усилия неприятеля арьергард наш. Такой арьергард, доставляя всевозможные выгоды, время и спокойствие армии, которую он отстаивает грудью, приобретает полную благодарность и, обращая на себя внимание даже самого неприятеля, по всей справедливости заслуживает место в воинских летописях будущих времен.

2 Мая. Там же

Сейчас привезли генералу Милорадовичу высочайший рескрипт, в котором его императорское величество за важные услуги Отечеству всемилостивейше жалует его и с будущим потомством графом Российской Империи. Рескрипт наполнен лестнейшими выражениями, какими только может великодушнейший из монархов осчастливить вернейшего из подданных. Один Суворов получал такие рескрипты от Великой Екатерины в блистательный век Ея *.

Итак, генерал, отличенный знаменательными заслугами, получает теперь новый блеск с новым достоинством. Весь арьергард радовался этому как собственному благополучию. Солдаты окружали нового графа и кричали ему: ура!..

---

* Рескрипт сей вместе с подробным описанием всех авангардных и арьергардных дел, напечатан будет в особой книге под заглавием «Подробное описание действий аван- и арьергарда армии в 1812 и 1813 годах». Там объяснятся все затруднительные случаи, в которых войска сии находились и как благоразумие, мужество и военный глазомер начальствующего ими доставляли им победы.

В шесть часов поутру на передовой отряд наш учинено нападение. По упорной перестрелке неприятель сильными колоннами начал обходить оба фланга его, имея, однако ж, более направления на левый. Передовой отряд, сходственно с повелением, уклонился к выгодной позиции арьергарда, где неприятель встречен перекрестными выстрелами всех наших батарей, действием которых и остановлен. Он опять было устремился на левый фланг наш к горам, но стремление его не имело никакого успеха. Генерал-майор Юзефович с частию кавалерии ударил в правый фланг неприятеля столь счастливо, что тотчас опрокинул его. Такой же успех имели и на правом фланге кавалерийские атаки князя Трубецкого и генерал-майора Лисаневича. Вообще вся кавалерия под начальством генерал-адъютанта Уварова показала в сей день, какой великий вред может претерпеть неприятель от блистательной храбрости ее в стремительных, смелых и удачных нападениях. Харьковский и Каргопольский драгунские полки наиболее отличились. Истребленные колонны и много пленных были плодами кавалерийских атак. Известный отличною своею службою генерал-майор Эммануэль, действуя в сей день из-за гор в правый фланг неприятеля, взял также пятьсот пленных, сверх коих много переколото. Получа новое подкрепление, неприятель с большим стремлением начал развивать сильные колонны свои вправо и влево, угрожая опять обойти наши фланги. Уступая превосходству сил, но сражаясь, однако ж, за каждый шаг земли, арьергард медленно отступал к городу, пред которым расположился на биваках, заставив и неприятеля сделать то же. По словам пленных в одном из их пехотных полков урон простирался до трехсот человек, вся же потеря неприятеля в сей день достигала до четырех тысяч. С нашей стороны урон не превышал двухсотпятидесяти человек. Вот выгоды оборонительного отступления: уступая пространство, сохраняешь людей. Смотря теперь на солдат наших, отличающихся не одними минутными порывами храбрости, но постоянным мужеством, твердостию духа и безропотным тер-

пением, нельзя не признаться, что война образует войско.

В течение священной Отечественной войны и настоящего похода за границу, солдаты совершенно привыкли к трудам и опасностям. Они бодры, терпя голод и нужду, в самом пылу сражения под ядрами и гранатами наблюдают совершенную стройность в движениях и, отступая, уверены в победе. Всего важнее то, что солдаты наши вовсе перестали бояться французов. В сражении 3 Мая полковник Керн хотел было сменить цепь стрелков, бывших уже несколько часов в деле. «Не сменяйте нас! — кричали солдаты.— Мы еще можем стоять до вечера, пришлите только патронов!» При многих атаках кавалерии пехота спешила бегом подкреплять ее и довершала истребление неприятельских колонн штыками. Штык и сабля теперь в совершенном согласии. Сражение 3 Мая сдружило пехоту с конницею. Таким образом, опыт, пример и внушения храбрых и благоразумных начальников действуют к возвышению духа и усовершенствованию солдат. И после этого можно уже понять, отчего горсть войска, составлявшая арьергард, могла быть столь страшною для неприятельской армии. Я забыл тебе сказать, что главная армия наша давно уже стояла за Бауценом, отдыхала и укреплялась на высотах.

4 Мая, 5 часов пополудни

Итак, мы опять в Бауцене, в том прекрасном Бауцене, где я имел такую покойную квартиру, такого ласкового хозяина, который разговаривал со мною о тридцатилетней войне, о гуситах... Но вот выстрел!.. Еще другой!.. Пальба! Видно, неприятель наступает. Бросаю перо и сажусь на лошадь. Прощай!

Там же. Вечером

Неприятель сделал только попытку, или, говоря военным языком, он сделал усильное обозрение левого нашего крыла и средины. Колонны его подходили на пушечный выстрел к городу и некоторые батареи наши действовали по ним.

3 Мая. Бауцен

Чрез целый день с обеих сторон все было покойно. Примечено только в войсках неприятельских беспрестанное движение. Колонны их тянулись то вправо к Каменцу, о чем извещал партизан Давыдов, то на левый наш фланг к горам. С нашей стороны занимались устроением батарей на правой стороне города.

6 Мая

Лишь только старая хозяйка наша принесла нам кофе и хотела наливать, как раздался гром пушек, окна в доме затряслись, у доброй старушки задрожали руки, и кофейник выпал из рук. Между тем народ суетился, конные взад и вперед скакали по улицам, мы тотчас на лошадей и за графом к батареям. Но дело кончилось ничем: неприятель выглянул и опять скрылся за гору. Движение в войске его не прекращается, он затевает дело не на шутку. По вечерам видны большие огни и слышна музыка и песни. Соседи наши живут весело, только не слишком сыто: по словам пленных, они крайне нуждаются в хлебе и фураже. Разные сборные дружины в войске наполеоновом крайне неохотно ходят в дело. Многие, как сказывают, сами себя ранят, чтоб иметь причину выйти из рядов. Кроаты уходят целыми ротами.

7. Там же под вечер

В четыре часа пополудни весь авангард наш стал в ружье, некоторые батареи изредка действовали, и стрелки заводили перепалку. Все сие было сделано для того, чтоб привлечь на нас внимание неприятеля, и тем способствовать генералу Барклаю де Толли поражать идущий на соединение к своим корпус Лористона, далеко от нас вправо. Сегодня насладился я приятнейшим зрелищем: в первый раз видел короля, которого народ любит, как отца. Король прусский еще не стар, свеж, бодр и имеет весьма приятное лицо. Рядом с нашими и своими офицерами стоял он, опершись на батарею и пристально смотрел

в трубу на движение неприятеля, немало не заботясь о том, что ядра летали над самою головою его. Вот государь, о котором, пройдя всю Южную Пруссию, нигде, начиная от хижины и до палат, не слыхал я худого слова!.. Везде называют его добрым государем, отцом или другом народа. Как пленительны в монархе кротость и благость душевная! Исчезнут с лица земли грозные цари завоеватели! Они прейдут в ничтожество, как призраки окровавленные!.. История оценяет дела государей по пользам и счастию их народов. Пройдет слава грозных, как буря мимошумящая, а в зеркале потомства отзарится слава одних мудрых и добрых государей.

8. Рано поутру

Среди беспрерывной работы в авангарде мы заросли бородами: сейчас цирюльник-немец выбрил, остриг и причесал нас. Вдруг слышим выстрелы!.. Велим подавать лошадей. Итак, мы сегодня ненарочно подражали великому Ксенофонту, который всегда щегольски одевался перед сражением. Но, может быть, дело кончится опять военным обозрением: пушечною пальбою...

15 Мая. Д. Зейхау

Вот где уж отозвался я тебе! Пять дней молчал: четыре дня были мы в самых жарких сражениях. Ад, со всеми огненными бурями своими, свирепел около нас. Голод, бессонье и усталость отнимали у меня способность мыслить, не только писать. Теперь мы в тишине, в деревне, я сижу под липами у светлой воды и могу писать. Как очутились мы здесь, о том речь впереди, а теперь опишу по порядку то, что было. Нет! Не военное только обозрение, не перепалка была 8-го числа у Бауцена, но самое жаркое, упорное сражение. В 9 часов утра множество колонн французских вдруг из-за горы двинулись к Бауцену: одни бросились штурмовать город, другие обходили его. Ядра и гранаты посыпались, как самый сильный град.

Граф Милорадович имел предписание от главнокомандующего, чтобы, не давая окружать себя в го-

роде, оставить оный и уклониться к твердой позиции главной армии, наводя на нее неприятеля. Так было сделано пред великим сражением Бородинским. Наши и здесь вызывали французов на общее или генеральное сражение. Вскоре неприятель, овладев однюю высотою на правом фланге, выставил большое число орудий и начал действовать вкось. Другие батареи открылись за городом, и выстрелы сделались перекрестными, и не было места, где бы не падали ядра, где бы не разрывало гранат. Я еще теперь не могу надивиться, как мы уцелели. Несмотря на все это, арьергард отступал медленно и в обыкновенном порядке. Около половины дня государь император сам изволил выехать и стать на одном высоком холме, чтоб быть очевидным свидетелем сражения. Между тем неприятель взвез пушки на одну высоту, которую мы ему только что уступили, и ядра начали доставать до того места, где стоял император. «Уехал ли государь?» — спросил граф. Нет, отвечали ему, он стоит неподвижно под ядрами. Можно ль было допускать далее опасность? «Вперед!» — закричал граф и во всю прыть своей лошади поскакал к самым передним колоннам. Вскоре миновали мы картечный выстрел и очутились в пулях у стрелков, и граф стал на одной черте опасности с прапорщиком. Но какое неописанное действие производит присутствие генерала! Я видел артиллерийских офицеров, у которых пыль и порох запеклись на лицах, которые едва стояли на ногах от усталости, вдруг оживотворившихся как бы новою силою и подвигавших пушки свои вперед. Я видел, как раненые возвращались назад и становились в ряды, слышал, как кричали офицеры и солдаты: «Граф велит итти вперед, посмотрите, он сам здесь!» Его ли здесь место? — говорили многие, и цепи стрелков, одни других перегоняя, крича: ура! бежали вперед, артиллерия подкрепляла их. В эту минуту всеобщего исступления, можно б было взять Бауцен штурмом, но это совсем не нужно было. Граф велел стрелкам остановиться. С длинным султаном на шляпе, окруженный конвоем, долго разъезжал он под страшным дождем пуль и картечи, и сражение кипело на одном месте. «Стойте крепко! — кричал граф солдатам.— Государь на вас смотрит». Они

стояли, и неприятель не мог выиграть ни аршина земли. Во все это время государь император не оставлял прежней высоты. Когда начали падать ядра, он приказал свите удалиться, а сам остался! Народ русский! Как содрогнутся сердца твои, когда ты узнаешь, что государь, надежда твоя, столь великим опасностям подвергает жизнь свою! Усугуби моления и жертвы твои во храмах Божиих: да сохранит десница Всевышнего неоцененные дни отца народа, друга человечества, освободителя царств! Около третьего или четвертого часа пополудни неприятель приостановился, и сражение начало угасать. Вспорхнул жаворонок, вылетел из дымного облака и запел прекрасную песнь свою в высоте. За час на сем месте свистали пули. В стороне, где стоял наш лагерь, выехал крестьянин обрабатывать поле. Бедный! Думал я, обманутый мгновенною тишиною, ты не знаешь, что скоро опять загремят перуны и нива твоя потонет в крови!.. Французы в целодневном сражении обыкновенно приостанавливаются на час времени, чтоб с сугубым потом стремлением возобновить нападение. Так затихает огнедышащий вулкан, готовясь поглотить целую область! К вечеру большие колонны их засинелись у подошвы гор на левом нашем фланге. Намерение неприятеля было овладеть горами, с высоты которых он мог бы стрелять вдоль главной нашей позиции и сбивать целые полки. Семилетняя война, Гохкирхенское сражение и сами собой горы сии показывали, сколь они важны. Там поставлен был небольшой корпус принца Виртембергского. Но неприятель потянулся к горам, как грозная туча, с силами ужасными, и граф Милорадович должен был послать еще несколько полков в подкрепление нашим, растянув между тем по всем противолежащим холмам батальоны пехоты и эскадроны конницы. Известно, что издали каждый батальон, стоящий на гребне холма, может показаться колонною, и это называют французы: выдвинуть толпы, чтоб показать, что у нас много!.. Часто мера сия останавливает неприятеля в дерзких его намерениях обходить фланги и проч. Граф Милорадович, привыкший сражаться с французами, нередко поражает их их же оружием. В горах началось самое жаркое дело. Спустились

сумерки, и мелкий огонь заблистал в них. Гром то возвышался, то сходил вниз по мере, как неприятель занимал высоты, или наши сбивали его. Наконец нашла мрачная ночь и стала между теми и другими. Сражающиеся с обеих сторон, так близко одни от других расположились на ночлег, или, лучше сказать, от усталости попадали на землю, что одна только темнота разделяла их. Граф остановился на биваке в Лубенском, храброго генерала Меллисина полку, которым на то время командовал полковник Давыдов. Развели огни, и мы без сил попадали около них. Кусок хлеба был тогда великою драгоценностию. Привели пленного. Граф велел мне расспросить его, и этот сержант 7-го линейного пехотного полка объявил, что в горы послано вдруг восемь больших колонн, что они впотьмах стреляли по своим, что потеряли в одном этом месте до пяти тысяч и, наконец, что Наполеон сам провожал сии колонны, разъезжая на маленькой белой лошадке в простой солдатской шинели с красным воротником. Этот же пленный уверял, что они целые восемь дней не имели хлеба (слова сии подтверждал он, с жадностию пожирая полусырые картофели, бывшие у огня), он прибавил, что войска не хотели драться, что Наполеон распустил слух, что заключил перемирие, вывел их будто для общего смотра, обещая хлеба, и вдруг, указав на Бауцен, сказал: «Возьмите его!».

9 Мая было у нас общее большое сражение, о котором подробное описание будешь ты читать в газетах и потом в журнале о действиях большой армии, когда оный будет сочинен. Я не распространяюсь даже и в описании отличных действий, покрывшего себя в сей день блистательнейшею славою левого фланга, которым командовал командир граф Милорадович, ибо и об этом будет особо напечатано. Но я не могу вытерпеть, чтоб не заплатить дани удивления неимоверной храбрости графа Остермана, командовавшего войсками в горах. Генерал сей, известный своею неустрашимостью, превзошел самого себя в сей день. Не выходя из опасности, забыв о смерти, ни на шаг от цепи стрелков, а часто даже опережая оную, он дорого продавал неприятелю каждую сажень земли. Будучи тяжело ранен в пле-

чо, он не дал даже порядочно перевязать себе раны и с пулею в теле сражался еще три часа, пока его вывели полумертвого. Генерал-майор князь Сибирский, находясь во все время при нем, участвовал в опасностях сражения и в славе победы. В начале дела граф Милорадович, объезжая полки, говорил солдатам: помните, что вы сражаетесь в день Святого Николая! Сей угодник Божий всегда даровал русским победы и теперь взирает на вас с небес!.. В самом деле, левый фланг стоял с необыкновенною твердостию. Дело, бывшее на сем фланге, может почесться отрывком Бородинского сражения. Фланг сей, отразив все усилия неприятеля, готов был сам итти, опрокинуть его и разбить. Уже граф Милорадович заготовлял большую колонну, которую сам с бывшими тут генералами хотел вести прямо на город... Неприятель с своей стороны показывал великое искусство и точность в действиях. Многочисленные строи его сближались, разделялись или заходили один за другой, как будто движущиеся стены. В одном месте толпы сгущались, в другом редели. Казалось, что всем этим управляла какая-то невидимая рука и двигала людьми, как куклами. В самом же деле все это производилось посредством ракет. На центре подымалась ракета, на левом фланге понимали ее, отвечали таковою же и потом исполняли, что следовало: приступ, отступление и проч. Протяжение целого строя было, по крайней мере, верст за десять: следственно, сношение посредством адъютантов было бы слишком медлительно. Но ракеты служили тут воздушными маяками. Надобно признаться, что французы большие мастера драться в общем сражении, однако ж, Веллингтон и Кутузов изобрели другого рода тактику, против которой они устоять не могут. Теперь нередко малая война побивает большую. На учебных маневрах только можно видеть такое стройное отступление, какое совершили войска наши в белый день в глазах неприятеля. Так уклоняется лев от толпы охотников.

Графу Милорадовичу опять поручено было остаться в арьергарде и прикрывать отступление армий. Колонны наши пошли боковою дорогою на Ле-

бау, чтобы выйти потом у Рейхен-Баха на большую Герлицкую дорогу. Мы проходили Гох-Кирхен, и достопамятное 1758 года сражение живо представилось воображению нашему. Другие колонны шли большою дорогою, которая прямее: их прикрывал известный генерал Раевский с гренадерами.

К ночи неприятель совсем остановился, мы от него далеко ушли. Граф Милорадович уехал к государю, который вблизи оттуда находиться изволил. Французы зажгли свои биваки и окрестные деревни. Все небо обложилось багрянцем. Пехота наша медленно тянулась, мы могли нагнать ее во всякое время, голод мучил нас, недалеко в стороне показался неразоренный господский дом, и мы вчетвером решились заехать туда попросить куска хлеба. По счастию, хозяин, добрый саксонец, имел еще кое-что более. Он дал нам бутылку вина и миску картофельного супу. Надобно не есть два дня, чтоб почувствовать, в какой цене приняли мы этот дар. Бедные лошади наши приводили нас в жалость: двое суток они ничего не ели, кроме гнилой соломы с старых шалашей и двое суток, день и ночь, были в езде. Сострадательный хозяин вынес и им охапку сена, мы остались на час покормить. Между тем усталость наша так была велика, что всякий, как будто от какого волшебного прикосновения, кто где сидел, так и уснул. Различные смешанные сновидения: кровь, огонь, гром пушек и поля сражений представлялись встревоженному воображению моему. Вдруг раздался треск, необыкновенный свет блеснул в глаза — и я проснулся. Вышел на крыльцо, я увидел, что ближайшая деревня загорелась, и по всем окрестностям Бауцена пламя разливалось, как море!.. Народ, выбежав из домов, стоял толпами. Мужчины с пожитками, матери с грудными детьми на руках, старцы, белеющие в сединах, и кучи малых детей в каком-то ужасном оцепенении, без воплей и без слез смотрели на сгорающую землю и раскаленное небо. Глубокая ночь, повсеместный пожар, войска, проходящие мимо, как тени, и длинный ряд блестящих вдали штыков, представляли какую-то смешанную картину ужасов.

Я пошел опять в дом разбудить товарищей, чтоб ехать, заглянул нечаянно в боковую комнату и оце-

пенел от удивления!.. Прекрасная, очень молодая девушка, сидя на стуле и положа обе руки и голову на стол, спала самым приятным сном. Русые волосы, рассыпанные по плечам, не закрывали белой груди, которая тихим колебанием показывала, что сон ее был покоен, как сон невинности. Щеки алели, на губах порхала улыбка. Среди ужасного пожара целой области, в виду тающих окрестностей, невинность спит покойным сном, и в минуты всеобщего разрушения чистая совесть забавляет ее веселыми мечтами! Бедное дитя! Думал я, ты спишь на краю пропасти, не имея понятия об опасности. Невинный, кроткий агнец! Убегай скорей отсюда!.. Скоро, скоро ворвутся алчные волки, и жизнь твоя угаснет!..

В это время треск пожара раздался еще сильнее, несколько домов вдруг рухнули — и уничтожились!.. Старая женщина, испугавшись, выбежала из другой комнаты, молодая красавица проснулась. Тут увидел я ее прелестные голубые глаза, слезы сверкнули на них. Раздался голос тихий и приятный, я услышал: «Боже, как пылает Отечество наше! — так говорила молодая девушка старухе, продолжая: — Чем повинны бедные саксонцы, что король их впал в заблуждение? Министры, министры совратили его с пути истины!.. О, король наш! несчастный король! Для чего мирное и долголетнее царствование твое оканчивается такими ужасами?.. Для чего омочил ты седые волосы свои слезами и кровью твоего народа?» — Вот собственные слова девушки. Они и теперь отзываются в ушах моих. Можешь судить, в какое удивление пришел я от них тогда. До сих пор меня не видали. Но тут не вытерпел я, вошел и спросил старуху: кто эта молодая девушка, которая с таким очаровательным умом и красноречием говорила о судьбе своего Отечества? «Это бедная сиротка, живущая здесь в доме и трудами рук своих получающая себе пропитание»,— отвечала старуха. Лицо молодой девушки облилось румянцем скромности. «Сколько вам лет?» — спросил я.— «Четырнадцать»,— отвечала она. Суди же, друг мой! о воспитании прекрасного пола в Саксонии, когда четырнадцатилетняя бедная саксонка умеет говорить с таким пленительным благоразумием. Между тем товарищи мои проснулись. Мы советовали

женщинам уйти скорее в горы: они хотели убраться туда на заре. Потом распростились с хозяином и под блеском зарев, пробираясь между лесистыми горами, достигли головы передовой колонны нашей.

10 Мая

Хотя по распоряжению главнокомандующего, графу Милорадовичу и можно было оставаться в Лебау до половины дня и соединиться с Раевским у Рейхен-Баха около вечера, но граф, рассмотрев внимательнее карту и поговорив с жителями, почувствовал, что неприятель, а особливо такой, как французы, может прервать неверное сообщение его с большой дорогою и отрезать его от нее. Посему, не теряя времени, повел войска, привыкшие не знать с ним усталости. Путь от места сражения при Бауцене на Лебау почти вдвое далее прямой дороги, оттуда же чрез Вюршен в Рейхен-Бах.

Счастливое соображение было спасительно для арьергарда и корпуса Раевского, неприятель точно покусился разделить их и отрезать. Наполеон, как говорят пленные, взбешен будучи столь малым успехом великого Бауценского сражения, укорял маршалов, для чего не взяли они у нас ни одного даже значка, ни одной пушки, и в горячности сказал им: «Я вам покажу, как бить русских и отнимать у них трофеи!» Сказал и повел сам отборные войска. Гвардейская кавалерия его, вовсе не участвовавшая во вчерашнем деле, пущена была вперед. Перестрелка началась с рассветом. Генерал Раевский отражал по возможности превосходные силы неприятеля, но, будучи сильно утеснен при Вейсен-Берге, ускорил несколько отступление свое, и потому не мог уже быть на одной высоте с графом Милорадовичем. Но сей между тем, сближаясь к пункту соединения, удаляясь от опасности быть отрезанным, ничего не зная, что делается с Раевским, арьергард наш, состоящий из корпуса принца Виртемберского и кавалерии князя Трубецкого, пришел к Рейхен-Баху около полудня, начал располагаться на отдых в глубокой долине, от которой высота горы заслоняла большую дорогу. Вместе с некоторыми из наших адъютантов взъехал я на гору, чтоб взглянуть

на город и на дорогу, и как удивились мы, увидя так рано корпус Раевского уже подле нас! Все показывало какое-то смятение. Войска поспешно проходили. Храбрый полковник Криштофович *, покрытый пóтом и пылью, ведя свой Екатеринославский полк, остановился и рассказал нам, что они несут неприятеля на плечах, что генерал Раевский, со всею храбростию и благоразумием своим, едва мог избегнуть, чтоб не быть окруженным. А это что за кавалерия скачет по долине? «Это французы! — говорил он,— они несколько раз уже старались перерезать нам дорогу». Наполеон послал эту кавалерию с повелением втесниться между двух дорог и, укрываясь под закрытием лесистых гор, пробраться к самому Рейхен-Баху, чтоб захватить его прежде нас. Намерение было хитро и дерзко, но неудачно! Граф Милорадович, сведав о прибытии Раевского, дает ему знать о себе и в минуту делает распоряжение. Кавалерийские полки наши, расположившиеся для отдыха, поспешно садятся на лошадей, кричат ура! скачут вперед и опрокидывают неприятеля, который увидел тогда, что и сам попал в западню! Войска становятся в ружье. Всю пехоту взводят на высоты, на выгоднейших для них ставят батареи. Неприятель остановился в самом жару своего стремления. Город Рейхен-Бах вовсе не удобен к защищению. Все войска переведены за оный на лучшие высоты. Корпус гренадер поставлен в резерве.

Солнце было еще высоко. Неприятель, беспрестанно показываясь в новых силах, тянул слева пехоту свою по лесам, а кавалерию вел по долинам. По всем обстоятельствам ожидали великого дела и в ожидании не ошиблись. Оно началось сильным с обеих сторон действием батарей. Неприятель, сосредоточивая орудия, ставил по сорок и более пушек вместе. Бомбы вредили даже резервам нашим, гранаты и ядра осыпали высоты. Арьергард, упорно мало-помалу отступал, занимая каждую высоту, и на каждом месте выдерживая жаркий бой. По словам пленных, три сильных корпуса при личном присутствии самого Наполеона, дрались в сей день против нас. Но, невзирая

---

* Он теперь произведен в генерал-майоры за сражение при Кульме, где был ранен двумя пулями в руку.

на стремительное наступление свежих войск, на жестокий огонь многочисленной артиллерии, на быстрое движение колонн, беспрестанно обходивших наши фланги, арьергард выдержал весь натиск и остановил неприятеля в шести верстах от Герлица, вопреки всем усилиям его, чтоб занять этот город. В пылу самого жаркого боя Наполеон, раздраженный неуступчивостью наших войск, спросил с сердцем у своих: «Кто командует русским арьергардом?» «Генерал граф Милорадович!» — отвечали ему. Он нахмурился и начал доказывать маршалам, что нас можно было отрезать. Но в сие самое время ядро, пущенное с батареи нашей, коснулось маршала Мармона, вырвало живот герцогу Фриульскому (Дюроку) и зашибло до смерти одного дивизионного генерала. Так рассказывали пленные, и то самое подтвердил после французский бюллетень. С нашей стороны ранен храбрый генерал князь Сибирский. В сей достопамятный день конница наша покрылась ранами и славою. Многие отличнейшие офицеры в виду всех водили отряды свои в атаку. Ротмистр Орлов с эскадронами разных полков, несколько раз делал смелые нападения, рубился с французскими офицерами и получил тяжелые раны. Другой брат его лишился ноги в битве Бородинской. Третий брат их — известный партизан, а четвертый адъютант его императорского высочества Константина Павловича, находился с нами при графе во всех арьергардных делах. Все эти Орловы с прекрасным воспитанием и дарованиями, поддерживают славу имени своего. Большое число лошадей досталось победителям, пространное поле сражения покрыто трупами, и два эскадрона лучших гвардейских гусар в богатых красных мундирах взяты в плен. Сегодняшнее сражение, начавшееся в 6 часов утра, продолжалось почти беспрерывно до 10 вечера: следственно, 16 часов. Все мы третьего дня, вчера и сегодня были в огне, не сходя с лошадей, всякий день слишком по 12 часов!..

Поздно уже замолкло сражение. С наступлением ночи полил сильный дождь, и мы приехали в Герлиц. Я зашел с товарищами к прежнему хозяину, который с такою же добротою, как и прежде, принял нас к себе. С нами стал вместе Денис Васильевич Давыдов и

читал нам свои стихи. Приятные звуки лиры его заставили всех забыть усталость и шум сражений, пленяться ею.

Между тем для избежания тесноты по узкой дороге и в улицах города граф Милорадович приказал войскам тихо сняться и перейти на ту сторону города и реки Нейса. Впереди оставлены одни только отводные караулы и генерал Корф с легкою конницею.

11 Мая

С первым лучом света выбрались мы из Герлица. С нами ехал полковник Давыдов и показывал нам подробную топографическую карту тех мест. На ней означены были все поля сражений 7-летней войны. Мы отыскивали и нашли близ Герлица ту продолговатую гору, на которой дрался генерал Винтерфельд. Путешественники отыскивают следы древних зданий и городов. Умный и чувствительный Мориц искал в Италии места жилищ Горация, Цицерона и Виргилия, а мы отыскиваем места, где лилась кровь!.. Все почти поля сражений означаются на военных и исторических картах двумя накрест положенными шпагами. Скоро, кажется, вся карта Германии испестрится такими знаками, ибо нет почти места, где бы в ней не дрались. При одном Ландсгуте, где так славно защищался несчастный Финк, стоят три знака сражений, там дрались: в 1745, в 1757 и 1760 годах. Сколько крови усырило тамошнюю землю!.. Германия есть классическая земля военных действий, так как Италия земля древностей. Читая творения славного Жомини и смотря на те места, которые мы теперь проходим, можно живо воображать семилетнюю войну — училище военных людей.

Неприятель сегодня стал наступать очень рано, но не с тем уже жаром, как накануне. Передовые посты, подкрепленные артиллериею, достаточны были к удержанию его. Около первого часа колонны французские стали обходить город вправо и занимать оный, но генерал граф Милорадович успел уже в сие время передвинуть войска, фланговым маршем с Бунцлавской на Лаубанскую дорогу. Защищение

большой Бунцлавской дороги предоставлено прусским войскам. Они должны итти: на Бунцлау, Гайнау, Лигниц, Яуэр и Стригау, а российские войска следовали кратчайшею, параллельною сей дорогою чрез Лаубан, Левен-Берг, Гольд-Берг и далее. Целию всеобщего движения и точкою соединения армий есть известная разоренная французами крепость — Швейдниц.

12 дрались мы еще в последний раз у Лаубана, а оттуда граф Милорадович, у которого глаза совсем опухли от трудов и бессонницы, поехал в главную квартиру, где государь император весьма милостиво приглашал его провести несколько дней в покое. Начальство над арьергардом принял отличный воинскими дарованиями своими граф Пален. И вот каким образом после 20-дневного пребывания под ядрами очутились мы при главной квартире, где все покойно и где бури передовых битв слышны только издалека. Не могу описать тебе, как приятна была та ночь, в которую я мог скинуть мундир и надеяться, что никакая тревога не прервет уже сна!..

Свист полевых птиц после свиста пуль казался райским пением. Немудрено было заболеть и графу! Он каждые сутки переменял по 6 лошадей, и каждая доходила под ним до крайней усталости. Один он, казалось, не уставал.

Не правда ли, что у вас роскошные господа и на охоту не ездят по двадцати суток сряду, а мы с лишком двадцать суток провели в сражениях!! Но малейший отдых заставляет забыть величайшие труды! Теперь, как я тебе сказал уже вначале, сижу я под цветущими липами у светлого ручья и, вынув из кармана целую Германию*, вспоминаю по ней о прошлых тягостях и опасностях, как Улисс о своем странствии по морям. Наконец и военное перо мое, при всей грубости своей иступилось. Прощай! И не пеняй на слог: право, некогда повторять риторики и правил.

---

* Это значит карта Германии, напечатанная на платке, которую можно носить в кармане и мыть.

Рейхен-Бах.
Мая 25. Дни перемирия

Перемирие утверждено. Всякий спешит отдыхать после неописанных трудов сей войны. Граф уехал в Теплиц. Государь пожаловал ему на дорогу 1000 червонных. Начальник штаба полковник Сипягин отправляется туда же. Наши все, кто куда, кто в Альт-Вассер, кто в Ландек, иные в окрестные деревни дышать свежим воздухом и любоваться картинными видами гор.

Я сижу в тесном Рейхен-Бахе и роюсь в пыльных бумагах. Мне поручено составить описание действий авангардных и арьергардных войск в прошедшей и нынешней войне. Проводя дни в беспрерывных трудах, хожу и я по вечерам за город восхищаться величественною природою. Спешу также пользоваться близким соседством, в котором теперь случай поместил на время людей различных чинами, состоянием, дарованиями и свойствами. Мы все здесь — один подле другого. Нередко бываю у почтенного Егора Борисовича Фукса и, беседуя с ним, живо воображаю величайшего из героев. Вижу Суворова на высотах альпийских, в борьбе с бурными стихиями, с врагами Отечества и с страстьми собственных врагов своих. Видаюсь с земляком нашим А. В. Энг<ельгартом>. Я почитаю этого человека за то, что он, имея все средства покоиться на розах и приобретя полное на то право с лишением одной ноги, продолжает, однако ж, служить неутомимо и ревностно. Но чаще всего делю уединение мое с человеком, которого приязнь, к неописанному удовольствию моему, недавно только приобрел. Я уже писал тебе о нем. Ты легко угадаешь, что я хочу сказать об Александре Ивановиче Данилевском. В таких молодых летах, как он, нельзя соединить вместе более ума, опытности, учености и любезности.

Он разумеет почти все европейские языки и почти всю Европу объехал с замечанием. Но чаще всего говорим мы с ним об Италии. И все то, что изображала кисть Розы-Тиволи, перо блестящего Дюпати и славного Морица нахожу я в живописных и умных его рассказах. Кажется, полетел бы знакомиться с итальянскою природою в цветущих садах ее долин, на бере-

гах величественных озер и на хребтах поднебесных гор ее. С таким восторгом обозрел бы я древние области, прославленные историками и стихотворцами!.. Но мне ль, рыцарю пустого кошелька, мечтать о сем! Где способы, где средства? Недаром некоторые живописцы изображают бедность в виде крылатого человека с гирями на ногах! Вместе с Александром Ивановичем Данилевским живут Щ<ербинины>, служащие при генерале К. Ф. Толле. Это умные, любезные молодые люди. Здесь нашлись и кадеты, наши милые, добрые товарищи и прекрасные офицеры: почтенный Алек. Григ. Краснокутский, исправляющий важную должность при графе М. И. Платове, Н. В. Сазонов, братья Г. и проч. и проч. С нетерпением ожидаю сюда прибытия Д. И. Ахшарумова, его дружба еще более украсит мое уединение. Покамест прощай! Не пеняй на нескладный слог.

Мая 30. Город Нимч

Я был сегодня на прощальном обеде и прощался с почтенным человеком. Генерал Фукс отъезжает в Санкт-Петербург. Чиновники, служившие под начальством его, осыпанные его ласками и получившие чрез посредство его знаки отличий, смолвились сердцами провожать отъезжающего несколько миль и угостить его на дороге обедом. Что может быть приятнее, как видеть начальника, приемлющего дань сердечной благодарности от подчиненных своих? По приглашению добрых приятелей я был свидетелем сегодня такого зрелища. Я видел слезы благодетеля и облагодетельствованных: слезы удовольствия и благодарности. Счастлив тот начальник, который при отъезде своем не видит ни длинных лиц, ни нахмуренных бровей, его спутник — благословение осчастливленных им! Но много ль найдется таких? Распростясь с почтенным Егором Борисовичем, я уговорился с другими взобраться на Цобтен, которого вершина вон там, чуть-чуть не касается облаков.

Побуду там и опишу тебе гору эту.

ЦОБТЕН

Угадай, откуда, с какого места прусской Силезии вижу я необозримую долину до самого Бреславля и

за Бреславль, к Одеру и за Одер. Вижу тысячи деревень, множество городов, крепостей, местечек, башен, церквей и палат. Вижу величественный Одер и светлую Нейсе. В отдаленной картине вижу Варту, Глан и горы, межующие Силезию от Моравии. С другой стороны, к Западу вижу волнистую цепь возвышений, начинающуюся холмами, которые, становясь выше и выше, достигают наконец степени высочайших, называемых Исполинами гор. Самая отдаленная и высоко за облака унесшая верх свой есть снежная гора. Догадываешься ли, что я стою на Цобтене. Так, Цобтен есть одна из высочайших гор между Бреславлем, Швейдницем и Рейхенбахом. В нескольких словах расскажу тебе нашу поездку на сию гору. Мы поехали из Нимча чрез Иорданс-Мюле в маленький городок Цобтен, где обыкновенно путешественники берут проводников. Тот, которого мы взяли, повел нас самою отлогою и покойнейшею дорогою, по которой совершаются крестные ходы два раза в год. Вся эта дорога разделена на 12 притин. В них расставлены иконы, страсти Христовы изображающие. Каждый из богомольцев перед каждою из сих икон становится на колена, читает три раза Отче наш и потом уже идет далее. Французы, в бытность свою в сих местах, поступали совсем иначе: они били камнями и стреляли из ружей в эти образа. Большая часть из них и теперь еще стоят расстрелянными, доказывая нечестие врагов веры и возбуждая против них справедливое негодование в набожном народе. Впрочем, всходя на Цобтен, нельзя не отдохнуть по крайней мере 12 раз. В продолжение пути проводник рассказывает истории или, лучше сказать, басни о сей горе. Но всего лучше во время роздыха любоваться видами. Посмотришь к Бреславлю — он весь как на ладони, смотришь на Швейдниц — и восхищаешься разнообразностию его окрестностей, взглянешь на Исполинские горы и содрогаешься пред величеством дикой природы. Три горы: Штульберг, Мительберг и Энгельберг кажутся снизу равны Цобтену, а с нее представляются ничтожными холмиками. Жаль очень, что во всех местах сплетение дерев не позволяет наслаждаться прелестными картинами природы. Надобно, чтобы вкус, вооруженный секирою, прошел по Цобтену и открыл

лучшие виды. Во многих местах густота дерев окружает вас темнотою ночи: вы идете ощупью и вдруг нечаянно вправо, или влево, сквозь раздвинутые ветви видите океан сине-лазуревого света! Взойдя наверх, мы подумали, что уже достигли неба. Великое пространство земли, подобно обширной картине с реками, ручьями, озерами, лесами, городами и селами распахнулось пред нами. Как все кажется мало, когда смотришь с высоты! Замки казались — хижинами, палаты — карточными домиками, а люди — муравьями! И самый Рейхенбах казался тогда точкою!.. Мы видели Гольдберг, Неймарк, Лигниц, Яуэр и прочие за демаркационною линиею французами занимаемые города. Но французов не видать было, ни их генералов, ни их фельдмаршалов, ни всех их великих людей! Цобтен не превышает еще облаков, а люди уже так малы с него кажутся! Каковы же должны они казаться жителям неба?.. Эти бурные движения народов, их ссоры, кровопролитные брани, это бросание вооруженных страстей не должно ли казаться небожителям движением, подобным тому, которое мы видим в муравейнике или столпе комаров? Что ж после этого весь гром подлунной славы, все великие дела тех, которые прочат себя только для здешнего мира, что сам Наполеон!.. Теперь верю, что жители высоких гор должны иметь мысли и понятия возвышеннее. Пустынник на вершине Цобтена легко может позабыть все земное. Страсти бушуют у ног его. Спокойствие сияет над ним в лазури небес. Чтоб быть счастливым, должно воображать, что стоишь на Цобтене, и видеть вещи таковыми, как они с высоты его кажутся. Тогда ни знатность, ни величие, ни блеск украшений, не возбудят в сердце твоем бури, называемой завистью. Ты будешь доволен внутренним чувством, что разгадал загадку земного величия мечтаний, надежд и счастия людского. Чтоб наслаждаться чистым воздухом, должно всходить на высокие горы, чтоб вырваться из вредного тумана страстей, предрассудков и заблуждений, должно привыкнуть возвышаться духом. Стоя на Цобтене, невольно предаешься мечтаниям о древних переворотах мира. Сии необозримые долины, которые по справедливости можно назвать сухими морями, напоминают о том мрачном периоде времен, когда боль-

шая часть Германии была морем, а Цобтен, сохранивший и поныне наименование великой скалы, может быть, плавал в пучинах. Где слышен был вечный свист вихрей — там раздается теперь пение птиц, где свирепствовали бурные волны — там пасутся стада! Вот как все изменяется! Тацит представляет нам Германию, покрытою дремучими лесами и болотами, а нынешнего времени историк назовет ее цветущим садом, но увы! Орошенным кровью! Что сказать исторического о Цобтене? В XII столетии некто датчанин Петр Пфласт получил гору сию в подарок от герцога Бреславского, построил на ней замок и жил со своею женою. По-видимому, был он великий любитель природы и картинных видов. После смерти замок его достался монахам, которые, не стерпя зимней стужи, переселились к подошве горы в селение Гуркау. Замок опустел. Хищные рыцари засели в нем и производили долгое время набеги на окрестности, пока наконец бреславские и швейдницкие жители, соединясь вместе, осадили гору, взяли замок приступом и превратили его в развалины. Теперь едва-едва приметны следы сих развалин. За 200 пред сим лет один аббат поставил на самой высоте церковь, которая и теперь существует, несмотря на то, что высота Цобтена достойна быть украшена гораздо красивейшим зданием. Но вершину сию украшают облака, вокруг нее ходящие, и зарницы с молниями, в них играющие. В древнейшие времена на Цобтене был языческий храм и гора сия называлась тогда Суботка. В 1335 году Польша уступила Силезию королям Богемии. От них вместе с их собственною землею перешла она к австрийцам, а от сих последних досталась Фридриху, и была причиною семилетней войны. Вот все историческое, что только было мне известно. По мере, как мы сходили вниз, Штульберг, Мительберг и Энгельберг, смиренно лежавшие у наших ног, возвышались более и более. Наконец, когда мы очутились совсем внизу, они по-прежнему заслонили от нас Цобтен и казались равны ему. Не так ли и в обществе людей мелкие страсти заслоняют великие добродетели? Не так ли ничтожные способности затеняют высокие дарования?

Они прелестны, умны, скромны и просвещенны. Следовательно, совершенны, скажете вы. Да, я бы лучшему из друзей моих посоветовал жениться на саксонке. Не стану говорить о блестящем круге знатности: она знакома с роскошью и модою, следственно, раззнакомилась с простотою нравов, несмотря на то, что здесь, более нежели где-нибудь, и она им придерживается. Но чтоб удивить вас, то войдем, например, в дом мельника какой-нибудь деревни. Вы видите чистый, опрятный, светленький домик, много цветов под окнами и на окнах, несколько картин, представляющих прелестные виды их земли. Видите стенные часы, календарь, небольшую библиотеку, фортепиано и гитару. Какая-нибудь прекрасная Эмилия или Роза, в легком корсете, садится за фортепиано, играет приятно, нередко чистым, звонким голосом сопровождает игру свою. Говорит с вами не о погоде, говорит об истории своей земли, о красотах природы ее. Вы восхищаетесь и думаете, что это какая-нибудь княгиня или графиня. Входит отец ее весь в муке, мать зовет ее доить коров или стряпать на кухне, она оставляет фортепиано, спешит помогать ей в хозяйстве, и вы узнаете, что это дочь мельника. Отчего же саксонки так хорошо воспитаны? Оттого, что здесь в каждой деревне, школа, в каждом городе училище для девиц. О, Россия! Отечество мое тысячекратно пространнейшее и могущественнейшее Саксонии, когда придет время, что ты будешь столь же многолюдна, цветуща и просвещенна, как сей прелестный уголок Европы? Теперь ты одна из могущественнейших, тогда будешь ты счастливейшею из держав! Скоро ли чад французского воспитания выйдет из воспаленных голов и перестанет заряжать невинные сердца? Скоро ли воспитание наше будет таково, чтоб девушка, будучи умною, просвещенною умела избегать шумных забав света и не отказывалась бы от священных обязанностей матери семейства и хозяйки дома?

Но я уже вижу прелестную зарю будущего... я вижу ангельскую кротость в образе матери и супруги Александра I, заботящихся о воспитании россиянок!..

1 Июля. Альт-Вассер

Вчера вздумали мы побывать под землею. Здесь, в Альт-Вассере, можно это сделать, ибо тут копают так называемые горные или земляные уголья. Мы садимся в лодку и вплываем в отверзтый свод, сквозь дикий камень прорубленный и в подземелье ведущий. Проводник наш вместо весел действует руками, упираясь о стены, и лодка бежит. Мы прощаемся с светом, постепенно от нас отстающим, и видим мрак, бегущий к нам навстречу. Взятые с нами ночники и свечки слегка только разгоняют темноту. Видим красноцветную воду — она купоросная. Невысокий и не более 4-х аршин в широте имеющий свод похож на наши киевские пещеры. Плывем версту, плывем и другую, все под землею!.. Там и там встречаются горные люди с краснопламенными факелами. Одни провозят лодки, нагруженные углем, другие вырубают уголь из земли. Везде скрипят веревки, гремят цепи, движется механика. Вот один черный человек вертит колесо, другой врубается в черную стену. Внутреннее устроение в сих подземельях точно как в рудокопнях — те же и трудности. Для чего ж когда и кем сделан этот подземный свод? Один немецкий граф за 25 лет пред сим, возвратясь из Англии, привез с собою план и тайну для устроения сих подземных сообщений, которые делают гораздо успешнейшими горные работы. Прежде и теперь в том месте, где достают уголь посредством машин прямо из-под земли на поверхность, всякий работник при всех усилиях может выставить не более сорока мер в день, тогда как посредством сего канала вывозит до 160 мер: это вчетверо! Целые горы уголья лежат на поверхности подле ям. Безлесная Германия все расхватывает и пожигает. Разумеется, что это приносит несметный доход владельцу, а что получают бедные работники: по два злота в сутки! Однако ж берхманы и сим довольны, и целые семейства охотно посвящают себя этой трудной работе, сопровождаемой всегда болезненною старостью. Часто случается, что брат, дядя и отец задавлены глыбами или умерли от горной чахотки, а сын идет по их же следам: таковы люди!..

Трудно описать чувство, произведенное в нас появ-

лением света, когда мы опять к отверстию приближались. Он очаровал, восхитил и усладил нас. Издали представился он нам в виде серебряной луны, которой длинные лучи глубоко в подземелье проникали. С приближением нашим лучи сокращались, а круг света, возрастая, уподоблялся солнцу. Как приятно увидеть свет после тьмы и сквозь тьму: это вовсе необыкновенный свет! Такого нигде не увидишь, кроме картин Корреджио и Конто-ди-Ротари. Невольник, выходящий из темницы, может только иметь понятие о таком свете.

2 Июля. Альт-Вассер

С величайшим трудом, взбираясь вверх более двух верст, достиг я вершины горы, где стоял главный маяк против Альт-Вассера. Какой обширный горизонт!.. Цепи гор, снежные вершины, Яуэр, Швейдниц, даже Бреславль среди необозримых равнин своих: все видно! Всхожу наверх — горы унижаются предо мною, схожу на низ — они растут, высятся и кажется хвастают своею высотою. Не так ли царедворец, карабкаясь из мрачной ничтожности на высоту честей, видит, как упрямые вельможи и вся окрестная знать унижается его возвышением? Одно слово — гордый временщик быстро скользит с вершины вниз и в падении своем видит, что все перерастает, все становится выше его, даже и те, которых он не примечал у подножия своего, гордятся, высясь, над его головою!..

7 Июля.
Фюрштенштейн и Фюрштенбург

В пяти верстах от Альт-Вассера с версту от большой швейдницкой дороги, можно и должно видеть древний замок Фюрстенштейн. Посмотря на здание замка и на местоположение его, вы недолго будете в нерешимости, чему отдать преимущество: тотчас последнее предпочтение первому. Какие виды! Какая природа!.. За несколько десятков лет пред сим, надменное искусство со всеми приманками, затеями и вычурами своими явилось бы здесь, чтоб под видом украшения, перестроить и перерядить по-своему природу. Но при-

рода громко возопила противу сего. Явно возроптали столетние дубы, увидев уничижительные орудия, готовые отсекать их древние ветви, сетовали густые рощи и скорбели из черных пропастей до светлого неба достигающие скалы. «Мы выросли в счастливейшие времена Германии. Мы были свидетелями беспримерного величия ее, мы покоили под тению своею людей, с которыми ныне никто не посмеет сравниться ни в крепости сил, ни в твердости духа, ни в чистоте нравов и обычаев: людей, которые не имели даже понятия о том, что значит таять в роскоши и можно ль быть рабом, будучи германцем! Мы не хотим надеть на себя позлащенных цепей искусства, чтоб пленять взоры питомцев неги. Нет! Лучше пусть огни небесные пожгут нас, или бури разрушения искоренят!» Тут нечего было делать. Искусство уступило природе. Оно предложило ей только услуги свои с тем, чтоб дать средство любопытному путешественнику удивляться диким красотам ее. Например, искусство сделало несколько тысяч ступеней, чтоб ходить по крутизне скал, провело множество дорожек сквозь частые перелески, настроило мостиков, расчистило полянки, рассеяло по местам цветы и насадило плодоносные деревья среди вековых елей и дубов. Оно коснулось огромных скал, и загремели ключи, и брызнули водопады... Вот что сделало здесь искусство. Оно только раскрыло природу. Посмотревши на огромный новый замок, имеющий 365 окон, вы увидите насупротив развалины Фюрстенбурга и непременно захотите побывать на том месте, где люди жили за 500 пред сим лет. С лестницы на лестницу, с уступа на уступ, среди плодоносных дерев, множества цветов, мимо оранжерей спускаетесь вы ниже и ниже, и места становятся мрачнее и дичее. Во глубине рва переходите ревущий ручей и змеистые дорожки ведут вас на противолежащую крутизну. Вы видите скалу, висящую над вами... Несколько минут, и вы уже на ней! То проходите вы около самой бездны, то уходите от нее вверх, то между тем, как цветы улыбаются вокруг вас, нависшие громады скал хмурятся и грозят рассыпаться над главою вашею... Но я чувствую, что рассказ мой совсем холоден, не живописен, не похож на то, что я видел и хотел выразить. Для чего я не волшебник? Для чего не могу схватить и бросить на холст сих гор-

ных ручьев, чтоб можно было видеть, как быстро они текут, как растут от дождей, как сердитеют от препятствий, как сражаются с камнями: то с стоном пробираясь под разрушенную скалу, то с шумом и пеной летя через нее!.. Для чего я не могу нарисовать всех прелестных видов Фюрстенштейна? Чтоб замок казался под облаками тогда, как я стою в глубоком рве, которого каждая отлогость есть — сад. Или, чтоб сей новый замок очутился у ног моих и заплатил бы за труд взбираться на старый Фюрстенбург. Пройдя рощи, переправясь чрез ручьи, следуя по дорожкам то вверх, то вниз, то сквозь отверстия, пробитые в скалах, вы наконец достигаете своей цели в приятной усталости. Взойдем чрез сей подъемный мост в этот древний готический замок. Издали мы полагали его необитаемым и крайне удивились, увидя противное. Престарелый смотритель предлагает нам показать весь замок — пойдем за ним. Вот зала, гостиная, ряд комнат в точном вкусе XII века. Все уборы того времени: обои, кресла, люстры — из оленьего рога, по углам большие серебряные подсвечники. Вот присутственная зала. Стол, покрытый красным сукном, и 12 кресел показывают вам место, где некогда рыцари совершали страшный суд истины. Взойдите по двум крутым лестницам в верх башни: там любопытство ваше будет рассматривать и дивиться, хотя небольшому, но редкому собранию оружия. Древние луки, пищали, ружья и пистолеты без кремней, трением огонь производящие, все рыцарские доспехи, а более всего 100 и 200-фунтовые латы удивят вас. Были же люди, которые носили их! Углубляясь в рассматривание сих остатков древности, невольно переносишься мыслью ко временам рыцарства. Воображение рисует картины домашней жизни сих необыкновенных людей... В холодный осенний вечер, когда ветры свистели в скалах и целые леса шатались над пропастями, когда буря, восставшая от севера, чрез необозримые леса и пустыни древней Германии протекшая, свирепым дыханием своим, казалось, сдувала солнце с горизонта, гася свет лучей его и распуская по небу черные тучи,— гостеприимный замок рыцаря представлял надежнейшее убежище от бурь. Заглянем в него. Множество свеч теплются в высоких серебряных подсвечниках, огни пылают в каминах

и древний рыцарь, которого голова поседела под тяжким шлемом, в кругу семейства своего, цветущего здоровьем и красотою, не чувствует непогоды. Вдруг слышится звук рога. Из сторожевой башни дают знать о прибытии рыцаря-гостя. С громом опускается подъемный мост и входит странник. Все узнают рыцаря, живущего за сто верст: это почиталось тогда недальним соседством. Приветливость встречает его. Он снимает черный шлем, верхние латы по сто фунтов и садится в кругу веселого семейства. Белогрудая дочь рыцаря, цветущая свежестию и красотою, подносит ему сок винограда, на южных долинах растущего, или потчует пенистым медом, которого соты в пустотах древних дубов и в ущельях скал, дикими пчелами приготовляются, а рыцарь между тем рассказывает о дремучих лесах, чрез которые проезжал, о свирепых реках, которые переплывал, о лютых зверях, с которыми сражался. Он рассказывает о замках хищных рыцарей, о юных красавицах, которых молодость и красота увядает в заключении. Съезжаются другие рыцари. Заседают в судилище, рассуждают о добродетелях рыцарей, избирают молодого витязя к освобождению страждущей красоты. Другому поручают прервать неволю великодушного защитника невинности, томящегося в подземном заключении. Или все вместе назначают, в забаву себе, охоту на дикого зверя, распространившего ужас среди окрестных поселян. Скачут по безднам и оврагам чрез горы на поля. Вой псов сливается с воем ветров, и отзывами стонут леса. Но если иноплеменник дерзал угрожать свободе Отечества, если гремела труба военная, то в то же мгновение тысячи рыцарей на бодрых конях своих, составляли величественные строи. Грозно звучали их копья и брони, и прелестно волновались радужно-цветные перья на шлемах. Так жили сии древние сыны Германии, защитники невинности, добродетели и красоты. Фюрстенбург существует уже 500 лет. Время и война обратили его в развалины, но теперешний граф *** вновь отделал верхнее жилье. Мы, однако ж, видели подлинные остатки пятивекового здания, сходя под самые нижние своды. Тут можно видеть в саду и террасу, где некогда, может быть, сражались рыцари, и где за 13-ть пред сим лет прелестная Луиза, королева Прусская, присутст-

вовала на карусели, представлявшей подражание древним забавам рыцарей. И теперь еще видны места, где сидела королева с знатнейшими женщинами своего двора. Окрестности Фюрстенштейна прекрасны. Взгляд на долину близ Фрейбурга восхитителен. Взоры теряются в необозримости сей прелестнейшей долины, множество ручьев, домиков и целые рощи плодовитых дерев испещряют ее.

ГОРОД НЕЙРОДЕ

Из Рейхен-Баха в Нейроде дорога чрез горы. Между деревнями Штейн-Кунцендорфом и Гаусдорфом должно проходить по узкой и каменистой дороге, высочайшую гору. Но подоблачные здешние горы отменно живописны, обработаны и населены. Нейроде приятный, чистый городок, и как ни мал, но все лучше больших польских городов. Тут есть прекрасные суконные фабрики.

Здесь опять надобно дивиться искусному обхождению горных жителей с водами. Версты за две не доезжая Нейроде, слышите вы подле дороги шум и журчание, но не видите воды: это подземный ручей. Он имеет причину прятаться: ибо едва только покажется на свет, как жители хватают его, обуздывают насыпью по берегам, замыкают в латоки и водят туда и сюда по пространству двух или трех верст. В средине города видите вы большую мельницу на три постава, день и ночь действующую. На какой она реке? — спросите вы, и вас не поймут. Ибо здесь мельницы не на реках, а на ручейках. Тот самый ручей, который попался мельникам в руки еще за городом, проведен ими сюда по латокам. Будучи возвышен на две и больше сажени от горизонта, он движет собою всю огромность мельницы. Но ручей сей полезен не одним мельникам. Боковыми латоками отводят воды его на огороды, сукновальни, сукнодельни и красильные фабрики. Если б дети богатых наших господ ездили путешествовать единственно для пользы себе и своему Отечеству, то вместо того, чтоб ринуться в блеск и разврат Парижа, они заезжали б в эти горы. Здесь научились бы они, что можно сделать прилежанием и трудом. Здесь увидели бы, как один рабочий ручеек может быть полезнее больших

рек, праздно в дачах их протекающих. Здесь увидели бы они, как всякое почти семейство имеет свою фабрику. Отец с сыном сидят за станом и ткут по осьми аршин в день сукна. Мать прядет шерсть на ручной прядильной машине, две малолетних дочери обрабатывают шерсть. У них есть все потребные снадобья для обрабатывания, чески и очищения шерсти — и вот все!.. Купцы здешние весьма благородны в обращении. Они имеют свой театр. На площади прекрасный фонтан, куда в ясные летние вечера сходятся брать воду и беседовать молодые девушки из всего города после дневных своих трудов на суконодельнях. В горах воздух и нравы чище, нежели в долинах. Но это все не Саксония!..

РЕКРУТСКИЙ НАБОР В СИЛЕЗИИ

Что это за торжество? — спросил я у поселян, проезжая мимо одного дома, подле которого развевались знамена, украшенные разноцветными лентами, и в котором веселились. «Из этого дома берут в рекруты»,— сказали мне. Вот как здесь это дело делается; набиратели приходят в дом к хозяину и объявляют, что сыну его по очереди достается итти на службу государю, на защиту Отечества. Обрадованный отец выставляет лучшее вино на стол, и все празднуют избрание молодого человека в защитники Отечества.

Таким образом здесь все вооружается. Я видел молодых людей, от 15 до 20 лет, весело играющих новым оружием своим. Я видел в Нейроде целую седоглавую колонну — 900 инвалидов, служивших еще с Великим Фридрихом, несмотря на бремя ран и лет, подняли теперь древнее оружие свое.

Так стремятся пруссаки защищать свое правительство!.. И как не защищать этого кроткого, на мудрости и точности основанного правительства? Представьте, что здесь не имеют даже понятия о взятках и о том, как можно разживаться должностью, и как кривить весы правосудия за деньги!.. Несмотря на все мятежи военные, здешнее правительство исправнее и правильнее в домашних делах своих, нежели мои французские часы в ходе.

Перемирие отсрочено до августа. Воспользуемся сим и съездим еще раз в Альт-Вассер, только чрез горы: дорога по полям скучна. Едем — Швейдниц остается у нас вправо. Мы сворачиваем в горы. С первого взгляда они кажутся совсем пусты: гранитные скалы и высокие сосны, торчащие на них, придают всему дикий и мрачный вид. Но как удивишься, увидя среди сих скал и лесов во глубине диких оврагов прелестнейшую обитаемость. Деревни здесь очень часты. Каждая из них по причине узкого пространства в тесноте гор, бывает от одной до двух верст длиною, и все вместе составляют почти беспрерывную цепь селитьбы. Вот мы въезжаем в одну горную деревню. Глубокий овраг, так сказать, насыпан прекраснейшими домиками. Некоторые из них как будто утонули в зелени кустов; одни только раскрашенные кровли мелькают. Другие разбросаны по скалам: иные под навесом оных, а большею частию расположены они по обоим скатам оврага на берегах ручья, который при малейшем дожде становится рекою. Множество красивых мостиков перегибаются с скалы на скалу, с берега на берег. Горные ключи журчат и брызжут из-под скал, голубые волны ручьев прыгают по камням, и все это вместе составляет полную картину лучшего Английского сада. Чем далее в горы, тем они выше: с обеих сторон видишь горы на горах, леса, нависшие над лесами. Сердитые воды с шумом перебегают дорогу. Пещеры зияют из-под скал. Вейстриц есть, может быть, прекраснейший из горных ручьев: как быстро течение, как чиста лазурь волн его! Это точно Оссияновский ручей!

Кстати о здешних ручьях. Здесь каждая речка приносит удивительную пользу. Немцы дружны с гидравликою. Речка, протекающая близ селения, становится совершенно рабою жителей его. Ее сворачивают с природного течения и разделяют на множество ручьев, которые всякий употребляет по надобностям и произволу своему. Иной ведет свой ручей чрез огороды и отпирая заставки, наводняет их. Другой пускает воды на поля. Разные ручьи вертят колеса разных машин и мельниц и окропив сады, нивы, луга, наполнив все домашние фонтаны, вырываются наконец из селения, но удержа-

ны будучи большою плотиною, образуют озеро и ворочают огромные колеса мельницы, пильни, сукновальни или бумажной фабрики. Большая река в другом крае не приносит столько пользы, как здесь безыменный ручей: вот польза искусств и трудолюбия!

Рейхенбах, Июля 25

Исполняю просьбу твою. Вот несколько образчиков слога и содержания того занятия, над которым трудился я почти во все время перемирия. Целое покажется в свое время, теперь взгляни покамест на части. Я выбрал нарочно такие места, которые, изображая разные обстоятельства Отечественной войны, могут быть занимательны и понятны для всех и каждого в кругу твоем. На слог не пеняй! Ему ли цвести в военных записках при знойном дыхании войны!.. Препровождаемые тебе выписки могут послужить немалым объяснением и для всех прежних моих описаний.

ВЫПИСКИ, СЛУЖАЩИЕ ОБЪЯСНЕНИЕМ ПРЕЖНИХ ОПИСАНИЙ 1812 ГОДА

ОТСТУПЛЕНИЕ АРМИИ К ВЯЗЬМЕ, ГЖАТСКУ И ДАЛЕЕ. ДУХ НАРОДА, ВОЙСК И ПРОЧ.

Отступление армий наших продолжалось далее и далее. Все пространство между Вязьмою и Гжатском отдано неприятелю, который час от часу становился дерзостнее и наступал сильнее. Все окрестное дворянство, оставляя поместья свои, удалялось большей частию в замосковские губернии. Великолепные дома стояли пусты и самые поселяне, покидая в жертву неприятелю мирные хижины, в которых родились, и драгоценнейшее наследие предков, нивы, обогащенные обильною жатвою, удалялись с семействами своими от мест их родины. Многие из сих прямо русских поселян соделали себя в полной мере достойными благодарности Отечества. Целые селения, укрываясь в густоту лесов и превратив серп и косу в оружия оборонительные,

без искусства, одним мужеством отражали наглые нападения врагов. Ужас предшествовал неприятелю, опустошение сопровождало его. Каждая ночь освещалась ужасными заревами: неприятель истреблял все мечом и огнем. С горьким, неизъяснимым чувством прискорбия солдаты наши видели землю русскую, объятую пламенем, видели храмы Божии разрушаемые, иконы и алтари обесчещенные и веру отцов своих поруганною. С горестию видели они себя принужденными уступать хищному неприятелю села, города и целые области. Они разделяли скорбь, повсюду распространявшуюся, они видели уныние и слезы сограждан своих, и слышали обеты и моления их к Богу, управляющему судьбою браней. Обе армии одушевлены, преисполнены были единым желанием — желанием стать твердою ногою на одном месте и выдержав решительный бой, умереть или спасти Отечество. Есть случаи, в которых люди охотно жертвуют своею жизнию! Жертва сия тем важнее и благороднее, чем более клонится к пользе и спасению сограждан. Так и во время отступления армий каждый воин желал лучше умереть, нежели заслужить укорительное нарекание потомства.

ОПИСАНИЕ НОЧИ, ПРЕДШЕСТВОВАВШЕЙ БОРОДИНСКОМУ СРАЖЕНИЮ

С 25 на 26 Августа 1812 года, ночь, предшествовавшая великому сражению, проведена была совершенно различно в наших и неприятельских армиях. Солдаты наши, спокойные в совести, уверенные в помощи Бога, защитники правых, одни после жаркого вчерашнего боя, другие от дневных трудов, спокойно отдыхали при потухающих огнях. Глубокое безмолвие ночи, по всему протяжению стана русского, ничем не прерывалось, кроме протяжного отзыва часовых и глухого стука работающих на окопах.

Напротив того: ярко пылали удвоенные огни в стане неприятелей: музыка, пение, трубные гласы и крики наполняли отзывами окрестности. Чрез целую ночь продолжалось у них движение. Известно, что в сию ночь Наполеон, осматривая все свое войско, объявлял ему, что намерен дать решительное сражение, и говорил речи, в которых обещал мир и отдохновение в

Москве, преисполненной забав и роскоши. Армия Наполеона, составленная из различных народов, разных обычаями, наречием, нравами и верою, завлеченных в дальние пределы чуждых стран не для защиты Отечества, не для возвращения свободы, но единственно по ослеплению чрез хитрости честолюбивого вождя,— такая армия имела нужду в убеждениях. Должно было льстить страстям и потакать распутству. Наполеон не щадил ни вина, ни улещений. Обещанием победы и неиссчетных выгод оной умел он очаровать многочисленное воинство свое и поощрить его к отчаянному нападению.

ПРИБЛИЖЕНИЕ АРМИЙ К МОСКВЕ

Между тем главная армия находилась уже в ближайших окрестностях Москвы. В виду сей древней столицы собран военный совет, в коем присутствовал сам светлейший князь со многими другими генералами для совещания о участи ее. Возможность не соответствовала пламенному желанию русских сохранить мать и красу городов своего Отечества, ибо столь огромный город, как Москва, не имеющий ни укреплений, ни выгодных мест для боя, почти совершенно неудобен к защите. Всякий подобный город легко может быть обойден и отрезан от сообщений вместе с армиею, которая вздумала бы защищаться в нем. А важнее всего то, что в случае отступления войск во время бою они легко бы могли разойтись по всем тем разным дорогам, на пресечении которых стоит Москва, тогда как единственное средство в то время для надлежащей обороны было совокупление сил вместе. Вот причины, которые с первого раза могут представиться всякому рассуждающему о сдаче Москвы, причины же, принятые в совете, о которых, конечно, упомянуто будет в истории Отечественной войны, суть без сомнения несравненно сих важнее. Впрочем, Москва опустелая, мрачная, унылая, не была уже тем блестящим, многолюдным, великолепным городом, которым привыкла славиться Россия. Все вельможи, все богатые люди выехали в дальние губернии, большая часть сокровищ увезена. Оставшееся купечество и толпа народа готовы были еще защи-

щать священные стены древних зданий, храмы Божии и гробы царей российских, но, видя отступающую армию, оставляя все, следовали за оною. Многие показали такие примеры пренебрежения собственных выгод и преданности к общей пользе, которые удивляли нас только в истории: эти усердные сыны Отечества сжигали собственные дома свои, дабы не дать в них гнездиться злодеям.

МОСКВА ЗАНИМАЕТСЯ НЕПРИЯТЕЛЕМ БЕЗ БОЯ

Между тем наступал решительный час, в который сия российская столица в течение двух столетий не только в стенах, но даже и в окрестностях своих не видавшая врагов иноплеменных, должна была перейти в чуждое владение. Неизменна воля свыше управляющего царствами и народами. В пламенном, сердечном уповании на сего правителя судеб, россияне с мужественною твердостию уступили первейший из городов своих, желая сею частною жертвою искупить целое Отечество. Около вечера неприятель, вступая с большою осторожностью и на каждом шагу останавливаясь, начал распространяться по улицам и занимать город.

ДЕЙСТВИЯ КУТУЗОВА ПО ОСТАВЛЕНИИ МОСКВЫ

Светлейший князь, оставя петербургскую и прочие дороги, которые из разных застав Москвы ведут в разные концы России, избрал среднюю между ими Рязанскую. Полководец не столь искусный, вероятно, устремился бы защищать и оспоривать у неприятеля дорогу Петербургскую, открыв чрез то набегам его все прочие области России, из которых армия пользовалась всеми жизненными средствами и получала подкрепления, но Кутузов как вождь, летами и опытом умудренный, сделал движение, совершенно тогдашним обстоятельствам приличное, ибо, если бы неприятель и вздумал итти на Петербург, то вся армия, ступя шаг вправо, стала бы у него в тылу, а движением влево (разумеется, когда все войска стоят

лицом к Москве), войска наши могли совершенно заслонить от всех покушений неприятеля изобильнейшие губернии России.

Последствие, исполненное счастливейших для нас успехов, оправдало во всех отношениях сие искусное движение, которое, будучи спасительно для жителей, вышедших из Москвы, прикрывало также и все государственные и частные сокровища, по сей дороге отправленные.

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ; КУТУЗОВ СКРЫТНО ПЕРЕДВИГАЕТ ВОЙСКА, НАПРАВЛЯЯСЬ К НЕИЗВЕСТНОЙ ДЛЯ НЕПРИЯТЕЛЯ ЦЕЛИ

5 Сентября. Уже два дня владеет неприятель столицею. Армия наша кажется ему отступающею по Рязанской дороге, ведущей за Оку, Волгу и далее в беспредельность России.

Дорога С.-Петербургская обороняется отрядом барона Винценгероде, Владимирская частию отступающих по ней войск, Можайская совершенно во власти неприятеля, Тульская и обе Калужских открыты ему.

Теперь увидим, на что решится Наполеон и что предпримет Кутузов. Чтоб судить о последствиях, должно определить главную причину действий. Для сего предстоят два предположения: пришел ли Наполеон в Россию с тем, чтобы завоевать и покорить ее, или не с тем ли пришел он, чтобы, наполнив Европу громом сей единственной войны, опламеня ею многие области России и захватя наконец самую столицу, предписать выгоднейший для себя мир, не простираясь далее в завоеваниях?

Известия о состоянии армии неприятельской, уверения пленных и все прочие соображения оправдывали совершенно последнее из этих двух предположений. Наполеон оставался в Москве, и Москва, обагренная кровию, наполненная злодеяниями, неистовством и грабежами его войск, исчезла в глазах его, как великолепный призрак среди неугасимых пожаров. Что же предпринимает в сие время Кутузов? Все то, что глубокая проницательность, долговременная опытность и хитрость воинская внушить полководцу могут.

Он спешит передвинуть войска на Тульскую и Калужскую дороги, дабы прикрыть сии города как врата обильнейших областей России, из которых в то время двинулись навстречу армии большие обозы с продовольствием и много старых и вновь набранных войск.

ТАРУТИНО

23 Сентября армия, совершив благополучно все движения свои, достигнув цели, преднамеренной искусным вождем, остановилась за рекою Нарою при селе Тарутине, принадлежащем Анне Никитишне Нарышкиной.

Армия, расположенная лицом к Москве, по обеим сторонам большой дороги на правом берегу реки, имела все выгоды пространного стана, и сие есть одно из преимуществ местоположения Тарутинского пред Бородинским, в котором войска крайне стеснены были.

Крутые берега Нары, которая здесь почти такова же, как река Москва у Бородина, доставляли в некоторых местах природную оборону, а весь стан укреплен был искусством превосходным образом. Нара, текущая от Можайской чрез старую и новую Калужские дороги, близ Серпухова впадает в Оку. Если б вместо речки Нары была тут другая большая в широте и глубине река, то воинский стан при Тарутине мог бы почесться неприступным. Однако ж все меры для соделания его таковым были приняты. Все пространство на правом крыле армии до самой Оки, пересекающей Тульскую, Каширскую и Рязанскую дороги, оберегаемо было цепью легких отрядов, ополчения всех губерний, лежащих между Волгою и Окою, выдвинуты на правый берег сей последней и расставлены в ближайшем расстоянии от реки, составляя сторожевую линию от Серпухова к Кашире, оттуда к Коломне и далее к Рязани. Извещательные стражи и маяки по берегу устроенные готовы были тотчас развестить по всему пространству о появлении неприятеля в каком-нибудь одном месте.

Этих предосторожностей слишком довольно было для правого крыла: ибо нельзя было ожидать, чтоб

неприятель сделал теперь то, чего он с самого Немана еще не делал, то есть чтоб решился обходить нас справа: он потерял бы тогда в неизмеримости русской земли, которую русские готовы были превратить в пустыню до самой Волги для того только, чтоб соделать ее гробом враждебных тысяч. Итак, оставалось заботиться о левом крыле. Взглянем на него. Село Тарутино почти на одной черте с Боровским на новой Калужской дороге и с Георгиевским, что на дороге Медынской. Извещательные отряды должны были тотчас дать знать при появлении неприятеля в этих местах, и, коль скоро открылось бы покушение его прорваться в Калугу, фельдмаршал удобно мог передвинуть косвенным путем все войска влево и силам неприятельским противопоставить свои.

В таком-то положении были русские при Тарутине. Армия, отовсюду обеспеченная, под щитом благоразумия, наслаждалась столь нужным и полезным для ее отдохновением, укрепляясь самым бездействием своим и становясь час от часу могущественнее и страшнее без пролития крови, без боя и сражений.

Около сего времени возникла другого рода война, полезная для нас и гибельная для неприятеля.

Здесь говорится о малой войне или действиях наездников.

Эти наездники (партизаны), начальствуя летучими отрядами, из разных войск составленными, имеют все способы переноситься с места на место, нападать внезапно и действовать то совокупно, то порознь, вдруг с разных сторон, или пересекая черту сообщений. Они же могут доставлять армии подробнейшие сведения о всех скрытых и явных движениях неприятеля. Сей род малой войны, доставляя случай молодым людям поверять опытом приобретенные ими познания, и открывая воинские способности их, образует отличных офицеров. Во время пребывания армии в Тарутине она имела два отдаленных отряда: 1) генерала Винценгероде, действовавший по С.-Петербургской, Ярославской, Дмитровской и Владимирской дорогам, разъезды сего отряда двигались: около Можайска, Рузы, Волоколамска и Воскресенска. 2) Генерал-майора Дорохова, взяв приступом укрепления Вереи, действовал к Можайской дороге вперерез

оной. Генералу Шепелеву поручено было, составив особый отряд, прикрывать Брянск от нападения неприятеля, начинавшего уже показываться в Рославле. Известнейшими наездниками в то время были: 1) подполковник Денис Давыдов: он давно уже жил и весьма удачно действовал между Гжатском и Вязьмою, 2) Сеславин около Боровска, 3) князь Вадбольский у Вереи, 4) князь Кудашев между Серпуховскою и Коломенскою дорогами, а 5) Фигнер, прославившийся своею отважностию, появлялся в ближайших окрестностях Москвы, проходя неоднократно даже тесное пространство между армиею французскою и передовою ее стражею. Вообще всем отрядам предписано было держаться реки Нары. Впрочем, множество повсюду рассеянных казачьих разъездов, хотя проселками, избирали каждый для себя направления, обстоятельствам приличные.

Таким-то образом со всех сторон окруженный пламенем и войсками гордый завоеватель Москвы увидел себя вдруг осажденным в развалинах ее.

И между тем как французские ведомости, наполняя Европу шумом и молвою о непобедимой армии своей, возвещали повсюду, что гром пушек французских уже слышен в пределах Азии, что войска России истреблены уже мечом, а народы ее поражены грозным именем Наполеона, сей самый Наполеон и страшные легионы его должны были терпеть все нужды, все ужасы строжайшей осады, и простой хлеб считать выше всех драгоценностей, во множестве ими награбленных. Напрасно разные полки по разным дорогам из Москвы высылаемы были искать не побед, не лавров, но пропитания. Все они, встречая повсюду вооруженных крестьян, пики донцов и штыки русских солдат, принуждены были с горестным стоном возвращаться назад и ожидать решения судьбы своей на тлеющем пепле столицы.

Но совсем противное было в Тарутине. Войска наши, огражденные окопами, видя себя усиленными чрез ежедневно прибывающие подкрепления и чувствуя успокоение после продолжительного отдыха, час от часу становились бодрее и довольнее положением своим. Какое-то тайное предчувствие, уверяя всех и каждого, что Россия не увидит неприятеля за Нарою,

возрождало прелестнейшие надежды о свободе Отечества. Радость заступила место грусти, веселые песни раздавались в полках. Вскоре открылись обильные рынки. Окрестные поселяне во множестве привозили хлеб, овощи и плоды, маркитанты торговали винами и прочими припасами, солдаты и казаки продавали лошадей и множество дорогих вещей, отнятых у неприятеля. Простые соломенные шалаши час от часу становились обширнее и покойнее. Некоторые из них имели в себе даже камины и все прочие выгоды комнат. Словом, укрепленные высоты Тарутина среди веселых отзывов музыки и пения, освещенные необозримыми рядами вечерних огней, представляли вид не простого воинского стана, но некоего великолепного города.

НАПОЛЕОН, ОБМАНУТЫЙ В МЕЧТАХ СВОИХ

Как жестоко обманулся честолюбивейший из полководцев в дерзких мечтаниях своих! Ему казалось, что он все предусмотрел, все предуготовил к успеху исполинского предприятия своего.

Уже язык французский слышен стал во всех пределах и во всех состояниях России, уже вместе с ним водворялись повсюду обычаи и нравы французские, вредною роскошью и развратом сопровождаемые. Французы взяли полный верх над умами, для них отворялись палаты и сердце дворянства. Французам вверено было драгоценнейшее сокровище в государстве: воспитание юношества, и французы, обращая все во зло для нас, извлекали из всего возможнейшую пользу для себя. Наполеон не прежде решился итти в Россию, пока не имел там тысячи глаз, вместо него смотревших, тысячи уст, наполнявших ее молвою о славе, непобедимости и мудрости его, тысячи ушей, подслушивающих за него в палатах, дворцах, в домашних разговорах, в кругах семейственных и на площадях народных. Таким-то образом, подрывая коренные свойства народа, заражая нравы, ослепляя умы и соблазняя сердца лестию и золотом, одерживал он знатные победы в сей тайной, но всех других опаснейшей войне.

Одно только обстоятельство, сделавшееся впоследствии чрезвычайно важным, упущено было им из

вида. Легкомыслие скрытых врагов Отечества нашего с давнего времени взирало с презрением на состояние земледельцев или крестьян, составляющих самую большую часть народа в России. Французы думали, что люди сии, будто бы удрученные ярмом рабства, при первой возможности готовы будут восстать против всех законных властей и что пламя бунта столь же легко разольется по России, как пламя сожигаемых ими селений и городов.

Но сии-то люди, казавшиеся им ничтожными в скромной простоте своей, явили себя истинными героями этого времени. Вера, верность и любовь к родине составили многочисленные ополчения и вооружили их непреодолимою твердостию. Нет ничего полезнее для государства и ничего ужаснее для врагов его, как восстание целого народа.

Французы пренебрегли дух народный, в бездействии дремавший. Но пробуждение его было пробуждением уснувшего льва. Одни и те же причины в то же самое время производили одинаковые действия в России и в Испании. Наблюдатель превратностей в судьбе царств и народов с любопытством будет смотреть на сию эпоху времени, ибо прежде воевал Наполеон только с государями, теперь народы вступились за государей. Он воюет с народами и чувствует уже тяготу сей священной войны, в которой миллионы готовы пролить всю кровь свою для спасения свободы, алтарей, престолов и древних своих прав. Но обратимся к Тарутину. Уже наступил Октябрь месяц, а погода была еще ясная и дни довольно теплые. Скоро, однако ж, скоро все должно перемениться; и что будет с завоевателями России, когда они узнают суровость ее зимы? Скоро нестерпимый холод разольется в воздухе, скоро завоют осенние ветры, надвинутся темные тучи, земля покроется снегами, и лютые морозы русские ополчатся за землю свою...

ПРИБЫТИЕ 20 000 ДОНСКИХ ВОЙСК К ТАРУТИНУ

В сие время между прочими ополчениями прибыли в Тарутино 20 казачьих донских полков. Войска сии составлены были из престарелых казаков, выслу-

живших уже срочное время, и молодых людей, еще не достигших зрелости лет. Они двинулись с берегов тихого Дона по предварительному зову своего атамана и внезапным прибытием много обрадовали самого светлейшего князя, который о воззвании их ничего дотоле не ведал. Приятно было видеть ополчения сии, в рядах которых бодрые юноши являлись между воинами, заслугами, ранами и сединами украшенными. Отцы встречали тут детей и даже внуки находили дедов. Целые семейства переселились с Дона на поле брани. Прибытие их сделалось тотчас известным и страшным неприятелю. Армия французская увидела себя, так сказать, осыпанною многочисленными роями конницы, которая с быстротою ветра носясь вокруг нее, смерть и страх повсюду рассеивала.

КАРТИНА ФРАНЦУЗСКИХ БИВАКОВ ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ 6-ГО ОКТЯБРЯ

Войска наши неослабно преследовали неприятеля, забирая на биваках его множество повозок, награбленных корыстьми навьюченных. Несколько церквей, бывших в руках неприятеля, представляли разительный вид поруганной святыни. Престолы были разрушены, иконы ниспровергнуты, в алтарях спали солдаты, а на помосте храмов стояли лошади, наполняя ржанием своим те стены, в которых раздавалось дотоле одно благоговейное пение в честь божеству. Лики святых употреблены на построение шалашей.

Ужасно опустелые места, где гнездились сии поборники злочестия, представляли самую мрачную картину опозоренного человечества и все ужасы дикой пещеры разбойников.

В одном месте лежали груды тлеющих трупов французских, погребения не удостоенных, в другом разбросанные церковные утвари, изломанные оклады с образов, далее скелеты издохших лошадей, которых мясо съедено голодными завоевателями. Предметы, пышную роскошь и крайнюю бедность представляющие, вместе тут глазам представлялись. Целые головы сахару, вина и прочие лакомства брошены были подле жареного конского мяса и пареной ржи. Бо-

гатые одежды, зеркала, бронзы, обрызганные кровью, и члены человеческие валялись вместе с членами убитых скотов.

Множество больных, всякого призрения лишенных, разбросанные по полям бледные, обезображенные, умирали в мучительных терзаниях совести, наполняя воздух стоном и проклятиями.

Между несчастными жертвами честолюбия было много женщин и малых детей.

Невинные младенцы, не находя пищи в груди мертвых матерей своих, с жалостным воплем умирали на охладевших телах.

ОСТАВЛЕНИЕ ВЫСОТ ТАРУТИНСКИХ

Итак, укрепленные высоты Тарутина остались необагренными кровью!.. Да пребудут до позднейших времен сии твердыни, заслонившие сердце России, знаменитым памятником ее спасения и вместе священнейшим мавзолеем для всех, великий подвиг сей совершавших!.. Да не коснется их разрушение от руки человеков, доколе тяжелые стопы лет и столетий, медленно преходящих в вечность, не изгладят их. Когда мирный земледелец поздних времен, возделывая нивы на тихих берегах Нары, с благоговейным содроганием взирать будет на сии громады древних лет: пусть каждый просвещенный отец семейства с восторгом указывает их питомцам своим, пусть, раскрыв книгу бытописаний, напоминает им о днях мрака, бурь и треволнений, когда дым, пламень и кровь покрывали землю русскую, когда скорбь, рыдания и смерть были общим, круговым горем. Пусть напоминает им о днях неслыханных битв, повсеместных ополчений и великих пожертвований. Пусть, с сердечным умилением, указывает опять сии же высоты, как места священные, где занялась первая заря свободы плененного Отечества, где первый луч надежды, посланник небес, осветил сердца вернейших сынов России, где первое ура! возвестило бегство неприятелей и первая улыбка радости блеснула на лице полков. Пусть, наконец, представит им, сколь велик Бог, спаситель земли нашей, сколь тверд был государь ее, сколь мужествен народ, сколь мудры полководцы и как храбры войска, истребившие неисчислимых врагов!

ВИД МАЛОГО ЯРОСЛАВЦА ПОСЛЕ БОЯ

Малый Ярославец, занятый войсками генерала Милорадовича, представил глазам их позорище еще ужаснейшее того, которое видимо было на биваках французских после сражения 6 числа.

Улицы, кровью политые, усеяны обезображенными трупами. Сотни французских раненых, умерших и умирающих, раздавлены и по членам раздроблены проездом собственных их пушек. Все церкви ограблены и поруганы. На одной из них читали надпись: конюшня генерала Гильемино!

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ КОСВЕННЫМ (ФЛАНГОВЫМ) ПОХОДОМ И ТРУДНОСТИ ОНОГО

Быстрота и неутомимость необходимы были для достижения неприятеля. Для сего должно было забыть о пище, отдыхе и сне.

Генерал Милорадович, разъезжая пред войсками, ободрял их примером и речами, напоминая всем и каждому прежние походы с Суворовым, трудные пути Альпийских гор, поощряя чрез то преодолевать всякое препятствие, забывать всякую нужду, помня только о единой славе и свободе Отечества. Такие увещания не были напрасны, солдаты с удовольствием внимали им — и темные осенние ночи, влажные студеные туманы, скользкие проселочные дороги, томительный голод и большие переходы не могли остановить рвения войск, кипевших желанием настичь бегущего врага. Солдаты наши дышали мщением, но мщение становится страстью благородною и похвальною, когда оно имеет целью обиды Отечества. При том и сладкая надежда о скором возвращении прежней славы немало подкрепляла передовые войска среди неописанных трудов их.

ОКОНЧАНИЕ БОЛЬШОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ ВЯЗЬМЕ, ОКТЯБРЯ 22 ДНЯ

Уже город Вязьма ввиду, неприятель беспрестанно тесним и поражаем на пространстве 15-ти верст. Кровопролитное сражение решается в пользу нашу.

Победа явно к нам благосклонна... Пушки наши во множестве гремят. Войска наполняют воздух восклицаниями‹ ура! и толпы неприятеля бегут... Но день меркнет и темная осенняя ночь готова сокрыть бегущих.

Победители сетуют, для чего нет власти, могущей сказать солнцу: постой! Но краткость времени заменяется быстротою: 11 и 26 отделение войск, под начальством генерал-майора Паскевича и Чоглокова вместе с Белозерским полком, сомкнув строи свои, стремятся выбить запершегося в городе неприятеля. Перновский пехотный полк, впереди всех стоявший, с распущенными знаменами и барабанным боем первый врывается в город очистить по трупам неприятельским путь другим. С другой стороны генерал Милорадович сам с некоторыми генералами вводит все полки конницы в объятый пламенем город Вязьму.

Неприятель стреляет еще из домов, разбросанные бомбы и гранаты с громом разряжаются в пожаре, горящие здания упадают, пылающие бревна с треском катятся по улицам: но ничто не сильно остановить ревности войск и мужества начальников.

Неприятель прогнан — и еще один отечественный город, в котором имел он твердое намерение держаться и который в неистовстве своем стремится обратить в пепел, вырван из хищных его рук.

ПОРАЖЕНИЕ НЕЯ ПРИ КРАСНОМ, НОЯБРЯ 6 ДНЯ

6 Ноября поутру получил генерал Милорадович известие, что маршал Ней с 30 000, закрывая отступление французской армии из Смоленска к Красному, показался перед сим последним городом. Желая нанести чувствительнейший удар неприятелю, Милорадович не удовольствовался беспокоить его только со стороны, но отрезал ему совершенно путь, став твердою ногою на дороге и расположа войска по обеим ее сторонам. Войска генерал-лейтенанта Раевского стали по правую сторону, князя Голицына по левую, князя Долгорукого на самой дороге, генерал-лейтенант Уваров начальствовал конницею, устроенною за пехотою. Глубокий ров простирался перед всею нашею

линиею. Генерал-майор Корф со 2 кавалерийским корпусом сильно беспокоил неприятеля с тыла.

Таково было положение маршала Нея. Может быть, в первый еще раз в жизни, исполненный громкой воинской славы, видел он себя в столь тесных обстоятельствах. Тут не было средины. Должно положить оружие и лавры многих лет к ногам победителей, или найти славную смерть в отчаянном сражении. Не трудно угадать, что маршал Ней решается на последнее. Построя в густые колонны многочисленное войско свое, он поощряет его примером и речью. «Неприятели,— говорит он,— теснят нас с тылу, Наполеон ожидает впереди. Сии толпы русских, дерзающие представиться глазам вашим, тотчас рассеются, исчезнут, побегут, сколь скоро вы решитесь ударить на них с мужеством, французам свойственным. Не взирайте на гром неприятельских пушек, они страшны только для малодушных. Победим русских их же орудием — штыками. Я вижу мановение победоносной длани императора нашего, зовущего нас на соединение с ним. Французы! Смерть и плен позади вас: Наполеон и слава впереди, маршал Ней с вами: вперед!!!»...

Генерал же Милорадович, покрывший уже себя славою в течение трех предшествовавших дней, в самое это время среди смерти и ужасов сражения спокойно занимался обозрением мест и, проезжая мимо полков, по обыкновению своему, ласково с солдатами разговаривал. Войска кричали ему: ура!..

Генерал, твердо уверенный в победе, благодаря полки за приветствие тем из них, которые наиболее отличили себя славными подвигами, дарил заранее выступавшие из лесов колонны неприятельские. Такие подарки принимаемы были с новым восторгом и новыми восклицаниями ура! Твердая уверенность вождя в победе мгновенно сообщалась войску, оно кипело мужеством и ожидало только знака к нападению. Все это происходило под страшным громом наших пушек, при взаимном действии неприятельских, в лесах укрытых.

Между тем и маршал Ней войска свои, речью его ободренные, отчаянием теснимые и пробиться надеждою подкрепленные, при громком барабанном бое и веющих знаменах, ведет четырьмя большими колон-

нами с артиллериею в голове, невзирая на убийственный огонь всех пушек наших. В грозном виде выступили из густоты тумана войска неприятельские. С приближением их пальба умолкает. Глубокая тишина распространяется по всем линиям, все безмолвствует, ожидая решительного конца. Конец сей должен быть доказан, чья пехота первая в свете: французская ли, победами многих лет прославленная и в тот час отчаянием и храбрейшим из полководцев своих предводимая, или российская, столь мужественно ему противоставшая. Генерал от инфантерии Милорадович поручает храброму генералу Паскевичу с 26 дивизиею привлечь колеблющуюся победу к знаменам нашим и решить столь важный спор о преимуществе пехоты. Тотчас неустрашимые войска сего генерала, быстро двинувшись навстречу идущим без выстрела, ударяют в штыки. Победоносное ура! гремит в туманах, и прежде нежели отзыв губительно для неприятеля восклицания сего успел наполнить собою все окрестности и возвестить прочим войскам торжество наше, колонны неприятельские были уже поражены, гонимы и в бегстве истребляемы.

Из 4 больших колонн одна на месте положена. Прочие покусились было снова устроиваться за своими пушками; но лейб-гвардии уланский полк бросился на них, взял пушки со всеми артиллеристами и всю оставшуюся толпу рассеял и побил.

В сие же время приказал генерал Милорадович и князю Голицыну ударить на правое неприятеля крыло, но едва успел он подвинуться вперед, как встретил уже идущие на него новые французские колонны. Павловский гренадерский полк бросается в штыки, бьет и обращает их назад. Дивизионный генерал Ланшантен, стараясь остановить бегущих, ранен и взят в плен. Генерал Разу убит. Тут бегство неприятеля становится общим. Но не видя и в оном спасения, 12 000 кладут оружие, а сам маршал Ней, с слабыми только остатками переправясь за Днепр, укрывается от преследования повсюду разосланных за ним отрядов.

Потеря неприятеля в сии дни: убитыми 15 000, в плен взятыми: генералов 2, штаб- и обер-офицеров 285, рядовых 22 000, пушек 56 и чрезмерное количество всякого обоза.

Общий беспорядок и уныние в бегущих остатках французской армии были важнейшим последствием сих побед.

Тотчас по одержании оных известный статский советник Фукс писал к его императорскому высочеству Константину Павловичу следующее:

«Ваше Императорское Высочество!

Сейчас входит к фельдмаршалу Михаил Андреевич Милорадович и повергает ему победы свои. Весь корпус генерала Нея истреблен. Его самого ищут. Отягченный лаврами Кутузов бросается в объятия победителя. Сей спешит писать донесения и поручил мне донесть Вашему Императорскому Высочеству, что уланский полк покрыл себя блистательнейшею славою. Счастливым он себя почитает, доставив ему Георгиевские знамена: ибо шеф оного полка великий его благодетель; счастлив и я, что очевидец опять славы России!»

ВСТУПЛЕНИЕ ВОЙСК В ПОЛЬШУ

С самого вступления войск в древние пределы Польши, светлейший князь в особенном приказе объявил армиям волю государя, чтобы солдаты наши, укротя дух мщения и забыв все прежние обиды, обходились с жителями с свойственным русским великодушием.

Здесь-то изящнейшие качества монарха России явились в полном блеске своем. Напрасно виновные жители Литвы, совестию тревожимые, трепетали в мечтаниях, ужасом порожденных, что мщение предходить будет русским полкам, что разрушение от меча и огня запечатлеет следы победителей и что кровь преступников польется в стране их... Великодушные ополчения российские, победою предводимые, спокойно вступили в пределы Польши. И как удивился бурею мятежа восколебанный народ сей, увидя дома свои целыми, права не уничтоженными, к законам почтение, а храмам благоговение оказываемое. Словом, везде, где только развевались знамена русские, тишина и утешение водворялись.

О ПОЛЬЗЕ ВОИНСКИХ НАГРАД

Ничто так не полезно на военном поприще, как награждение заслуг. Честь составляет главнейшую пружину в монархическом правлении, а посему и знаки ее должны быть непременною наградою достоинства. Офицер, проведший несколько месяцев сряду в открытом поле, среди непостоянства стихий, на снегах, в непогодах осенних и в лютой зимней стуже, участник во многих сражениях, покрытый ранами, с сердечным удовольствием приемлет знаки монаршей милости. Сии награды приносят с собою целение его ранам, утешение томному духу и прежнее стремление к подвигам. Он возвращается на родину, и новый блеск, грудь его украшающий, рождает улыбку радости на лице престарелого отца, извлекает слезы благодарности из очей нежной матери и часто для всего семейства бывает предметом приятнейших разговоров о славе отечественного оружия, о стране и времени, где увенчивалось оно свежими лаврами, о имени и достоинстве вождя, под предводительством и чрез посредство которого сии знаки отличия им заслужены и получены.

НЕСЧАСТНОЕ СОСТОЯНИЕ БЕГУЩИХ ФРАНЦУЗОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ ДОРОГОБУЖА

23 Октября передовые войска двинулись вперед для преследования неприятеля по большой Смоленской дороге. Остатки разбитого накануне войска представляли ужаснейший вид страждущего человечества.

На грудах убитых и умерших лежали кучи умирающих. Стон и отчаяние были повсеместны. Тысячи издохших лошадей валялись по дороге, служа скудною пищею, если не от оружия и голода, то от стужи вокруг них издыхающим.

Всего ужаснее бесчувствие и самого отчаяния жесточайшее, поразившее сих несчастливцев. Великое множество вовсе полумертвых, шатаясь толпами или бродя поодиночке, лишены были всех чувств и всякого понятия. Они ничего не говорили, ни на что не отвечали, глотали лошадиное мясо или грызли тела умерших товарищей своих. Каждый огонек служил приманкою. Выползая из кустов и оврагов, они толпились

около него, сидели в оцепенении, не заботясь о поддержании ни себя, ни огня, и жизнь их угасала вместе с пламенем, доставлявшим им минутную теплоту.

Много женщин и малых детей, сосавших кровь вместо молока, умирали одинакою с прочими смертью. Наполеон ввел в Россию целый вооруженный народ.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД НА БЕДСТВИЯ ФРАНЦУЗОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ ВИЛЬНЫ

Бросим еще в последний раз взор на толпы сих несчастливцев, воспитанных под ясным небом южной Франции или роскошной Италии и ныне разбросанных по снегам русского севера. Невозможно изобресть достаточных выражений для изображения ужасного состояния сих злополучных жертв честолюбия.

Презренные и брошенные надменным вождем своим в странах, столь удаленных от их Отечества, в климате, для них убийственном, между людьми их ненавидящими, обремененные усталостию, изнуренные голодом, в крови и в ранах, везде шатаются они как тени. Леса, большие дороги и остатки сожженных ими селений наполнены сими бродящими мертвецами. Те, которые еще не вовсе лишились сил, собираются вокруг раскладенных огней и с жадностию терзают мясо издохших лошадей. Другие, обремененные ранами, укрываясь от стужи, ползают по раскаленному пеплу сожженных домов, обжигают нагое тело свое, а нередко и совсем сгорают, бросаясь в огонь в исступлении ума.

Многих видели пожирающих товарищей своих и оспоривающих друг у друга их обгорелые трупы. Вообще все сии разноплеменные толпы кажутся совершенно лишенными ума: вероятно, что чрезмерная усталость и отчаяние повреждают рассудок их. Я описал здесь положение тех только, которых не считаем мы военнопленными, ибо они, не будучи взяты в бою с оружием, сами собою рассыпаются повсюду, отставши от армии своей, которая и вся, по словам очевидцев, совершенно походит на огромную толпу изнуренных и полунагих нищих.

P. S. Вдобавок к этим статьям посылаю тебе еще истолкование того, о чем ты так часто у меня спра-

шивал. В этом отрывке в виде разговора ты найдешь объяснение о фланговых или косвенных маршах.

Больше писать некогда: работы много! Прощай!

РАЗГОВОР О ФЛАНГОВЫХ МАРШАХ

В. Что значит фланговый марш?

О. Фланговый марш значит боковое движение, то есть движение войск не прямым, а боковым путем, труднейшим, но кратчайшим.

В. Для чего такое движение предпринимается?

О. Для того, чтоб опередить неприятеля, или, по крайней мере, стать у него во фланге (с крыла).

В. Когда наиболее употребляется оно?

О. При преследовании неприятеля.

В. Почему стараются стать у неприятеля сбоку? Стало это выгоднее?

О. Несравненно выгоднее, нежели теснить его с тылу: ибо тыл свой прикрывает он обыкновенно арьергардом, который всегда настороже. Напротив, обойдя неприятеля сбоку, можно напасть на армию неожиданно, истребляя обозы, тянущиеся обыкновенно в средине войск, можно отрезать у него арьергард, и вообще выгодно таковое нападение потому, что неприятель поражается внезапностью и страх увеличивает число нападающих врасплох.

В. Какое отличительное достоинство флангового марша?

О. Тайна. Отряд, идущий фланговым маршем, должен следовать за неприятелем невидимкою. Иначе неприятель, почуяв сбоку у себя такой отряд, может взять меры, может устроить особый летучий отряд для прикрытия своего фланга и тогда дело испорчено!

В. Где удобнее производить фланговые марши?

О. В земле ровной, плоской, где мало гор и рек, а много лесов удобнопроходимых.

В. Стало, Россия к этому способна?

О. Более, нежели другие земли.

В. Чем более нанесено вреда неприятелю в Отечественной 1812 года войне?

О. Фланговыми маршами.

В. Кто первый употребил фланговый марш?

О. Кутузов. Он повел сперва армию по Рязанской дороге и вдруг, склонением вправо, очутился на Калужской и заслонил всею армиею врата Малороссии. Он поступил в сем случае как искусный шпажный боец, легко уклоняющийся от смертоносного удара противника.

В. Кто потом употребил фланговый марш?

О. Генерал Милорадович, который из села Георгиевска, что на Медынской дороге, скрытым фланговым маршем достиг дороги Можайской, и близ Вязьмы разбил большое неприятельское войско, напав на него нечаянно с флангу в то время, когда оно, отступая, тянулось по большой дороге Смоленской.

В. Какие потом деланы были фланговые марши?

О. Кутузов вознамерился опередить неприятеля и повел армию от Вязьмы прямо на Ельню. Но сие движение сделано только для того, чтоб войска имели лучшее продовольствие в неразоренной стране, а впрочем армия была от неприятеля далеко и в бой с ним не вступала.

В. Кто ж был в это время оберегателем армии, совершая трудный и искусный фланговый марш, между неприятелем и ею от Дорогобужа влево мимо Смоленска прямо к Красному?

О. Авангард.

В. Какие были успехи этого марша?

О. Величайшие. Генерал Милорадович 3, 4 и 5-го Ноября, нападая сбоку, разбивал неприятельские корпуса, а 6-го, став поперек дороги, истребил арьергард французской армии, тридцатитысячный корпус Нея.

NB. После деланы были еще разные фланговые марши в обход неприятеля справа и слева большой дороги до Борисова и Вильны, но они не так важны, как прежние.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ИЗ СИЛЕЗИИ В РОССИЮ

Дорожный дневник

ПУТЬ ОТ РЕЙХЕНБАХА К ОДЕРУ

Надписи на памятниках, воздвигнутых в честь немцев при жизни их, или на их могилах, доказывают, что здесь уважают семейственные добродетели и мирные свойства более, нежели движение бурных страстей и кровавые воинские подвиги. В деревне Китлау, подле Нимча, в саду на пирамиде читаете вы с одной стороны: «Карл Севий Гольдфус», а с другой: «Он был честен, благоразумен и деятелен. Он сделал поля свои плодоносными, детей довольными, подданных счастливыми: не умер он для сердец наших». Памятник сей поставили дети отцу.

Выехав из Нимча на Бреславскую дорогу, мы очутились в той необозримой долине, которая развивалась перед глазами нашими с высоты Цобтена. Здесь плуг и пастушеский посох берут верх над веретеном и бердом. Хлебопашество и овцеводство принадлежат особенно жителям плоской земли. Они доставляют в горы хлеб и шерсть. От Бреславля к Бригу все еще видите довольство в селах и обилие в полях,

проезжая по прекрасным насыпным дорогам, но тут нет уже того очарования, которое пленяло вас в горах. Бриг, известный большой город на левом берегу Одера. Растянутый вдоль по берегу, с башнями, церквями, высокими белыми домами и мачтами, украшенными веющими флагами, составляет он издали прекрасную картину. Одер сам по себе красив и полезен, ибо судоходен.

27 Июля

Проезжая Бриг, мы видели тысячи работников, строящих большое мостовое укрепление. Громадные вагенбурги со съестными припасами толпились около Одера. Из дальнейших стран Польши и Малороссии привозят сюда хлеб и прочее. Казаки — подводчики, большею частию во французских мундирах, рыщут на конях своих, принимая вид настоящих солдат. Так-то справедливо, что военное время всякого военным делает. Обстоятельства изменяют самые закоренелые свойства. Завоеватели, пользуйтесь, но не употребляйте этого во зло. Напротив, солдаты наши, отложа громы во время перемирия, подружась с хозяевами и хозяйками своими, работают с ними вместе на нивах.

Где русская сила водит косою — то поле горит!.. Шаг за Одер — и какая ужасная перемена!.. Прощайте, высокие подоблачные горы, прелестные виды на долины, картины по скатам! Прощайте, величественные буки, стройные тополи, плодоносные рощи! Прощайте, воды, брызжущие из скал, журчащие в ручьях среди кустарников или глухо воющие под землею! Прощайте, искусства гордые! Прощайте, бердо, веретено, молот и колеса, производящие чудеса, крутые стези водящие по садам Природы! Яркая зелень, свежий воздух и чистые нравы — прощайте! Переезжаю в Бриге за Одер и вижу унылую пустыню. Пространная болотистая долина, дремлющая в вечной тени густых дерев, представляется здесь глазам моим. Население, довольство, искусства и художества остались там — за Одером! Мы ночуем верстах в 10 от Брига, но места здесь так плоски, что он еще очень ясно виден. Бросаю последний взгляд на чер-

ные леса, на синеватый Одер, на белеющий Бриг и иду в избу. Воздух очень влажен, погода студена, закутываюсь в бурку, сажусь у окна, которое дрожит от ветра, слушаю свист его в камине и начинаю читать: «Освобождение Нидерланд», сочинение Шиллера.

Вижу землю, только что вышедшую из-под морей, едва обсохшую от болот, вижу новый народ, новую природу. Вижу самовластие, с страшными силами нападающее. Вижу дух народный — ополченный и свободу — торжествующую. Свобода! как приятна ты даже и в книгах!.. Приятно читать о свободе под шумом бурь. Волнение стихий изображает треволнение народов, борьбу независимости с вооруженным честолюбием.

28-го

Пробираемся на большую Бреславскую дорогу. Как лесиста, болотиста и пуста здешняя сторона!.. Кучи хижин называются здесь деревнями. Здесь нет ни замков, ни садов, ни мельниц, ни видов...

Женщины здешние плотны, дородны, с ярким на лице румянцем. Вот они, одетые очень опрятно в синие платья, идут в церковь. У них праздник, работы никакой нет. Каждая имеет в руках свой молитвенник. Здесь и в бедных избах учатся читать и читают... Намслау, последний прусский городок, окружен старинными окопами.

29

Въезжаем в Кемпен, первый польский город — толпы жидов нападают на нас! Всякий старается услугами, просьбами и обманами выманивать деньги.

1 Августа.
Большая Варшавская дорога

Как пуста здешняя сторона! Сколько бы народу можно еще в ней поместить! Обширные поля расстилаются пред глазами и где, где видишь деревеньки. Большие деревни: Чернозелы г-на Бржостовского, Нельборов Мальчевского и местечко Уязд графа Острожского походят еще на что-нибудь. В них есть каменные дома и сады. Город Петрикау, известный в на-

чале сего года тем, что вся знать, по занятии Варшавы в него переселилась, представляет также вид развалин.

Пресечение торговли и отсутствие помещиков суть главнейшие причины печального запустения сей части герцогства Варшавского, ибо, судя по полям, покрытым наилучшею жатвою, земля должна быть довольно плодородна. Есть, однако ж, и здесь место, где можно найти трудолюбие, порядок, устройство и нравы немцев. Это большое селение Отльбуш в сторону от дороги, не доезжая Петрикова за 4 мили. За несколько пред сим лет чехи, вышед из Моравии, купили здесь землю и поселились. Они секты гуситов, имеют свои особенные права и правила и живут прекрасно! Несчастные крестьяне польские удивляются им, но не подражают.

Французы, проходящие здесь, говорили языком дружбы, а грабили руками разбойников. Все почти здешние земли розданы были французским генералам. Арендари, или державцы, превращая кровавый пот и слезы крестьян в серебро и золото, отсылают в Париж.

Господа польские вообще привержены к французам. Крестьянам у них худо! Почти вся сия дорога песчана. Дни отменно жарки, но зато ночи прелестны. Когда вечерние росы падают на раскаленные степи, с одной стороны разливается пурпур на западе. а с другой плывет полная светлая луна, тогда, дыша прохладою в сребристых сумерках, чувствуешь какое-то неописанное наслаждение! О, природа! Удивительно, что по всей этой дороге мы нигде не слыхали птиц. Ужели и они чувствуют общую грусть людей? Мы обедали в местечке Раве. Содержательница небольшого трактира, немка, рассказывала, что муж ее был почтмейстером на границе вестфальской, что король прусский провел у них несколько дней пред Энским сражением и что потом французы убили ее мужа и выгнали ее, совсем ограбив. Недавно писала она о своей бедности к королю прусскому. Король отвечал ей ласково, прислал довольно значительную сумму и упомянул в милостивом письме своем, что если война сия кончится благополучно, то он не забудет ее, равно как и всех пострадавших от французов. О! война

сия, конечно, кончится благополучно! Справедливое небо не укоснит увенчать блеском победных торжеств государя, столь милосердного и столь внимательного к нуждам своих подданных!

3 Августа

Мы ночевали в доме графа Острожского. Молодой граф женат был на прелестной графине Морской, которая украшала некогда блестящие общества Ландсгута, где мы провели несколько таких дней, каких в этой жизни завистная судьба никому не дает в другой раз! И эта прекраснейшая женщина, добродетельная супруга, нежная мать семейства — недавно умерла! Муж в отчаянии уехал бродить по свету. Здесь все неутешно о ней. Увы! Ни красота, ни знатность, ни богатство не защитили ее от смерти!..

Смерть, как говорит одна французская сочинительница, истребляет лучшие цветы в цветнике жизни!

4 Августа

Мы встречали большие обозы с сухарями из Молдавии. Конечно, каждый сухарь будет стоить то же, что белый хлеб, купленный на месте, но волы могут очень пригодиться для войска, но это показывает, какие великие средства имеет Россия!

Около самой дороги видно много опустелых селений: жители их вымерли, здесь пахнет смертью!

С сей стороны окрестности так пусты, что кажется, будто едешь к какому-нибудь уездному городку, и вдруг въезжаем в Варшаву! Бенигсен и Дохтуров пошли с войсками в Калиш. Все пусто и уныло здесь! Эти высокие, мрачные дома так угрюмо на нас смотрят!.. Кажется, что радость умерла здесь. Варшава вздыхает.

Я смотрю на Польшу как на славного шпажного бойца, покрытого ранами. Но это не те раны, которые возбуждают удивление, любовь и почтение, как раны Испании и России!

ВЗГЛЯД НА ПРАГУ

Мы поехали посмотреть на Прагу, которая за 20 пред сим лет не уступала в красоте, великолепии и даже в обширности и богатстве самой Варшаве. Переезжаешь Вислу, едешь чрез Прагу и не видишь ее!

Тут только одни пространные поля, засеянные хлебом, разрушенные окопы и бедные дома. Где же Прага? Ее нет: она высилась, как кедр ливанский, прошел мимо герой, и странник не находит места, где она была! Суворов, победя отдаленность и все неслыханные препятствия, принес, так сказать, в горсти небольшое число уматерелых в победах воинов под самые стены Варшавы и стер Прагу с лица земли. Уже прошел Суворов все пространство от Волыни и до Вислы. Быстро было шествие героя. Слава предтекала великому, победа сопровождала его. Внезапность, быстрота и штыки были его орудиями. В разных местах разбил он разные польские войска и вел полки свои прямо в Варшаву. Бурно было движение умов в сей столице. Одни, страшась справедливой казни за вероломно пролитую кровь русскую, другие, стремясь к необузданному своевольству, а некоторые из прямой любви к свободе, соединяются все вместе, и общими силами воздвигают земляные громады на правом берегу Вислы, полукружием согбенные, дабы оградить вместе Прагу и Варшаву. Скоро общие силы народа устроили грозные валы. Высота укреплений, глубина рвов и множество пушек соделывали оплоты сии неприступными. 30 000 войска и весь народ варшавский решились умереть, защищая их. Суворов имел только 15 000 в трудах и победах обдержанного войска. С быстротою палящей молнии летел он вслед за бегущими. Они скрылись в окопах, он запал в лесах. Чистое поле расстилалось между ним и укрепившимися. Проходит несколько дней: Суворов из лесов не показывается. Никто не знает, сколько с ним, как и когда грянет. Никто не знает, что он делает и сколько имеет войска: оно темнеет в дремучих лесах, как густое облако, из которого должен грянуть ужасный гром. Мало-помалу страх слабеет, а доверенность поляков к их окопам возрастает. Думают, что Суворов не посмеет на них напасть. Иные разглашают даже, что Суворов уже бежит назад, а Суворов, выбрав темную ночь, окружась горстью своих войск, послав пред собою воинскую хитрость *, быстро и внезапно как

* Суворов послал вперед русских, совершенно знавших польский язык и в польские мундиры переодетых, которые тотчас сорвали передовые пикеты без выстрела.

буря на лес, налетает на беспечного неприятеля. Передовые стражи сорваны вмиг. Поляки узнают о приближении русских только в ту минуту, когда они уже начинают приступать. Ничто не могло удержать привыкших к победам. В 4 часа начат приступ, а до рассвета судьба Праги свершилась. Ужасна была картина разрушения сего города. Под страшным громом пушек русские врываются со всех сторон, как бурные воды. В разных местах вспыхивает пламя и вместе с бурею разливается по всему городу... Багровое зарево рдеет на небе и в Висле. В сей ужасный час никому нет пощады. Каждый штык наносит множество смертей, город горит, подкопы разряжаются, огромные глыбы взлетают на воздух. Пожар и разрушение повсеместно. Шум, треск и вопли наполняют окрестности. Мост на Висле разведен, и всякое сообщение с Варшавою прервано. Положение жителей неслыханно. Те, кои жили у моста, бегут вперед и погибают от штыков, другие, убоясь штыков, бегут к мосту и тонут в реке. Поражение было совершенно. Восходящее солнце осветило героя, сидящего на развалинах разбитых окопов. У ног его истлевала Прага. Гордые послы Варшавы, по грудам тел войска и народа своего достигшие, униженно просили его о пощаде. Я видел и другие окопы в Праге, за 5 только лет пред сим сделанные народом по воле Наполеона. Они стоили Варшаве миллионы злотых, и теперь истреблены!!! Отсюда вид на Варшаву наилучший. Громада зданий в амфитеатре, на берегу светлой и широкой реки, прекрасно рисуется в воде и нравится глазам.

ВАРШАВА. КОРОЛЕВСКИЕ ЛАЗЕНКИ

Если захотите иметь понятие, как может жить король, имеющий деньги, вкус и ум, то сходите в Варшаве в так называемые Лазенки. Положим, что вы уже там. Тенистые рощи, светлые пруды, шум водометов при посребренных луною сумерках настраивают воображение ваше к мечтательности. Забудем на минуту существенность и предадимся мечтам. Видите ли вы, как великолепно сие жилище роскоши, любви и наслаждений. Ищите в воображении своем чего-нибудь подобного, и только один Армидин замок может

сравниться с ним. Какое очарование для глаз, слуха и обоняния. Вы идете по цветам — легкие ветерки отовсюду навевают на вас благоухание. Скрытые хоры музыки разливают сладчайшие звуки по всему пространству над зелеными долинами, в тени рощей и по светлым водам. Сии волшебные звуки, переливаясь из отзыва в отзыв, кажутся тайными вздохами в отдаленных гротах и цветущих переулках сада. Видите ли, как прелестны эти пруды! Они так чисты, так светлы и так покойны, что кажутся огромными зеркалами, на свежей земле положенными.

Берега их унизаны тысячами разноцветных огней. На сих-то водах, не на земле, щедрость, искусства и художества, истоща все свои усилия, воздвигли и украсили прелестнейший дворец, который, как Нарцисс, вечно глядится в чистые воды, любуясь сам собою и других заставляя собой любоваться. Посмотрите! Посмотрите! Какой собор красот! Они выходят из кристальных палат на зеленый луг. Какая приятность в лицах, в речах, в воображении! Какая ловкость в движениях, в приемах! Это польки, составляющие двор любезного, умного и роскошного Понятовского. Как грации, богини, в легких из ветра истканных одеждах, едва касаясь земли, как будто порхая по зелени лугов, гуляют они по садам. Но что останавливает эту блестящую толпу и привлекает всеобщее внимание? Это открытый театр вроде древнего римского. Вы видите здесь столпы — конечно, маленький отрывок, уголок какой-нибудь огромной сцены, но он освещен и там играют. Несколько каменных ступеней в виде амфитеатра, полукружием согбенного, занимаются зрителями. Открытое небо служит сводом. Лески и рощицы, приятно освещенные, умножают очарование декораций. Но всего необыкновеннее тут, что сцена от зрителей отделяется водою. Играют волшебную оперу: театр представляет реку, и она льется не на кулисах, а в самом деле. Морское сражение — два корабля, ярко освещенные радужно-цветными огнями, каждый везя свою богиню, выплывают на бой. Лели и Купидоны пускают тучи золотых стрел и проч. и проч. Вот слабая картина того, что бывало здесь за 20 пред сим лет. Но полно мечтать! Остановите свое воображение! Теперь ничего этого уже нет. Теперь увидите вы в Ла-

зенках только светлые пруды, прекрасный дворец, развалины театра, развалины беседок, гротов и прочие развалины, освещенные бледным лучом задумчивой луны. Однако же, бывши в Варшаве, стыдно не побывать в королевских Лазенках. Унылый ветр в ущельях развалин и в сумерках опустелых рощей в пустынной песни своей, кажется, говорит вам: как быстро все проходит в мире, как скоро исчезает роскошь, величие и блеск!

ЛАЗЕНКИ

Войдя в небольшой летний двор в Лазенках, я не скажу: какая пышность! Какое великолепие! Но поневоле должен воскликнуть: какой вкус!.. Здесь все на своем месте и все нравится глазам, уму и сердцу. В первой комнате направо рассмотрите портреты всей фамилии последнего короля. Вот отец и мать углубляются в чтение книги о воспитании. В сыне своем готовят они полезного гражданина обществу. Провидение дарит в нем Польше короля. Нежные сердца родительские не предчувствуют будущего величия его. Может быть, они содрогнулись бы и облились кровию, если б кто-нибудь открыл им будущее, и если б могли они предвидеть, что бури мятежей потрясут престол и сорвут корону с главы их сына!.. Ах! Если б и сам король мог предвидеть будущее, то скипетр и дворец свой, конечно, променял бы он на посох и шалаш пастушеский. Трон польский во время Понятовского был то же, что дом, построенный на вершине Этны. Трудно согласиться быть его господином. В этой же комнате стояли портреты и других обоего пола особ из родни королевской. Отсюда чрез несколько комнат, убранных картинами, мраморами, фарфором и мозаикой, войдите в каплицу и полюбуйтесь простотою украшения. Над серебряным престолом стоит один образ Спасителя. На правой и левой стороне висят на стенах изображения Иосифа и Марии. Прекрасная мозаичная работа делает картины сии драгоценными. Входите в большую светлую залу — и поражаетесь блеском живописи. Здесь видите красоту во всех видах и со всеми ее очарованиями. Живописец истощил все свое искусство, чтоб представить красавиц разных времен и

народов в исторических и баснословных картинах. Более всех привлечет и остановит внимание ваше большая картина из жизни Соломона. Вы видите мудрого государя уже в преклонных летах на западе жизни.

В чертогах кедровых, среди садов прекрасных
В объятиях сирен

Какое собрание красавиц! Все прелести Азии помещены в этой книге: но одна величественная, стройная, белокурая красавица затмевает всех ее окружающих. Она вся наполнена страстию: страсть пылает в сапфирных ее очах, страсть колеблется в полной ее груди, и в быстром движении алой крови кипит страсть. Это в совершенстве красавица. Какая белизна и нежность в теле! Какой свежий румянец в лице! Роскошь и нега взлелеяли ее и посвятили любви. Самая тонкая ветротканная одежда, кажется, тяготит ее. Небрежность в одежде возвышает и прелести. Вот Соломон, старый по летам, но юноша по страстям. Он внемлет законы из уст своей владычицы. Сия дочь заблуждений повелевает ему преклонить колена пред бездушным истуканом. Буря страсти возмущает рассудок. Исчезает монарх и мудрец, и в Соломоне виден человек. Он забывает властителя миров, потрясающего вселенную громами гнева своего, и падает пред истуканом!.. Приятно видеть такие картины в чертогах государей: они напоминают им, сколь легко и опасно быть игралищем страстей! Но вот комната, в которую не входит ни один поляк без особенного сердечного содрогания. Здесь поставлены в четырех углах мраморные изваяния четырех славнейших из польских государей: Стефана Батория, Сигизмунда Великого, Казимира и освободителя Вены Иоанна Собиеского. Их собрал сюда Понятовский, конечно, в намерении научиться в них быть великим.

Тот же король, который построил Лазенки, соорудил на одном из возвышеннейших мест Варшавы прекрасные и величественные казармы.., и он же поставил монумент Собиескому. Освободитель Вены бурным конем своим подавляет толпы свирепых мусульман.

В Варшаве всякий может удовлетворить страсти сорить деньги, как бы велика она ни была. Толпы нищих и жидов осаждают вас, но из всех тех, которые поют, играют на гитарах, коверкаются, ломаются по улицам, достойнее всех наград те люди, которые зарабатывают хлеб, провожая иностранцев в темные ночи с фонарями по улицам.

ВАРШАВА

Отдадим справедливость выбору пьес, на здешнем театре представляемых: они все служат или к возбуждению любви к Отечеству, или к порицанию разврата, или заключают в себе сатиры на нынешнее воспитание и похвалу стародавним обычаям. Сколько я заметил, во французском фраке выпускают на сцену всегда или плута, или развратника, или, по крайней мере, шалуна и ветреника, а в польском кунтуше — человека честного, твердого, любящего Отечество, древнюю славу его, добродетели предков.

ВАРШАВА

Я имел приятнейшее удовольствие встретить здесь князя А. В. Сибирского. В 1805 году перешел он из нашего Апшеронского полка в Нарвский. Вместе с прочими офицерами, которые были к нему душевно привязаны, простился с ним в Браунау. С тех пор, проведя несколько лет в плену во Франции и отличась потом в Финляндии, произведен он в генерал-майоры, а заслуги его в Отечественной войне награждены многими лестными знаками отличия, но после всех случившихся с ним выгодных перемен он принял меня с прежнею благосклонностию. Теперь лечит он тяжелую рану свою: правая рука его сильно повреждена картечью. Я видел золотые часы, бывшие в кармане его в то время, когда он ранен в руку, картечь совсем исковеркала их. Вероятно, что они отвратили смертоносность другого удара, ибо князь получил еще сильную контузию в бок в том самом месте, где лежали часы.

Палац, или замок Сакский украшен прекрасным садом, в котором очень приятно прогуливаться, и тем приятнее, что там можно видеть почти всю публику варшавскую и встречаться нечаянно с знакомыми. Вчера встретился я там с общим нашим совоспитанником Байковым. Оба мы обрадовались так, как кадеты, не видавшиеся более десяти лет. Я увидел у него в петлице Георгиевский крест, он получил его за взятие маршальского жезла Даву 5 Ноября под Красным. Он гнался за самим Даву и даже стрелял по нем. Теперь служит в гвардии.

Сегодня был я весьма обрадован нечаянным свиданием с К. Н. Батюшковым, который едет в армию. Марс беспрестанно отнимает у муз любимцев их. Ты не раз пленялся прекрасными произведениями Батюшкова. Ревностное желание пожать лавры в войне за общие права человечества влечет его из мирной тишины в шумные поля браней. Как жалко видеть прекрасное плодоносное дерево во власти бурных ветров, но еще прискорбнее видеть изящнейшие дарования в том месте, где один золотник свинца может отнять их у света! Мы провели несколько часов вместе в приятнейшей беседе. Потом он поскакал на курьерских в Силезию, а я пошел бродить по развалинам Праги.

10 Августа

ДОРОГА К БРЕСТУ ЛИТОВСКОМУ

Местечко Окунев самое скудное местечко. Дорога к нему прорублена сквозь дремучий болотистый лес. Где делась Варшава? Исчезла, как сон!.. Прелестная Висла, громада зданий, высокие мрачные костелы, унылые палаты и прекрасные цветущие сады, смесь зелени с пестротою зданий — все это осталось, как картина, только в воображении. Окрестности Варшавы пусты! За три мили, не более, вы даже не предчувствуете, что находитесь близ столицы! Кажется, что какая-нибудь волшебница вдруг поставила совсем готовую Варшаву среди диких пустынь и лесов.

Здесь, кажется, только что прошла война: как свежи следы ее!.. Как ужасны следствия войны и как горестно покорение!.. О русские! Благословляйте руку, даровавшую вам свободу! Благоговейте пред теми, кто пролил за нее кровь! Смотря на здешние места, я невольно восклицаю из глубины сердца: о! Как счастливо Отечество мое, что оно свободно! Здесь едешь все дремучими лесами и встречу с человеком почитаешь редкостию.

Мы ночевали в деревне Невисках. Смотрю на стену и вижу на картине бедную Марию. Стерн, нежный, умный, чувствительный Стерн с неподражаемою прелестию слога своего, живо представляется воображению моему. Я вижу, как он старается пролить целебный елей на раны растерзанного сердца бедной девушки, для которой вся природа кажется только картиною теней, которая уже не может выйти из тесного круга своих мечтаний, не может наслаждаться существенностию. Светильник разума ее погас, но сердце еще пылает чувствительностию — и она несчастна!

В то время, когда углубляюсь в рассматривание картины, узнаю, что госпожа дома также помешана.

Она была прекрасна, многие искали руки ее: одному удалось получить. Страстный супруг, испивший наслаждение из полной чаши радости, беспечно предался приятному сну в объятиях прелестной супруги и в сладком уповании проснуться столь же счастливым, как счастлив был накануне. Но судьба смеется надеждам смертных! Свершился роковой удар: то самое солнце, которое оставило юную чету среди блаженства, застало наутро молодого супруга в отчаянии и слезах — жена его проснулась сумасшедшею! И вот уже 20 лет, как она живет, лишена будучи лучшего украшения в жизни — ума! Сия несчастная из фамилии Осолинских. Она богата и знатна. Осолинский, предок ее, был великим канцлером при короле Иоанне Казимире в 1654 году, в то достопамятное время, когда славный Зиновей Богдан Хмельницкий, освобождал Малороссию от ига польского. К немалой ее отраде служит то, что она совершенно равнодушна ко всему в настоящем, о будущем не имеет никакого понятия, одно прошедшее занимает ее. Она сидит перед зерка-

лом и очень покойно, а иногда даже весело разговаривает сама с собою о том, что было за 20 пред сим лет. Итак, все превратности Польши и Европы для нее как не бывали!.. После этого не назовешь ее более несчастною, и невольно скажешь: не счастливее ли она всех чувствующих, мыслящих, а следовательно, и страждущих существ?

Пустой замок, сумасшедшая женщина и проч. и проч. — вот содержание для романа вроде Радклифиных, которые так дорого ценятся продавцами и покупщиками книг!.. Счастье, если пожар Москвы очистил столицу от французов, русалок и Радклифиных романов! Тогда вместе с Панглосом можно сказать: «Все к лучшему»!

12 Августа мы проезжали местечко Седлиц, в котором есть несколько каменных домиков.

13.

Белая, изрядный старинный городок. Во время Отечественной войны, прошлого 1812 года, когда большая наша армия готовилась к боям и победам, стоя за Нарою, славный генерал граф Ламберт с отрядом своим доходил до сих мест, распространяя ужас до самой Варшавы. Страна эта гремит подвигами этого генерала. Жители здешние уважают его, а солдаты любят, как отца!

Всякий генерал, желающий быть славным, старается заслужить имя друга и отца солдат.

Этот городок Белая принадлежит Доминику Радзивилу, который, показав себя неблагодарнейшим человеком пред великодушнейшим государем, находится и до сих пор во французской службе. Говорят, что вторая жена его совратила этого питомца счастия с истинного пути. Когда женился он на первой жене, прелестной и добродетельной Мнишковой, то в один день с собою венчал несколько пар влюбленных, которым бедность препятствовала быть счастливыми, между прочим, он женил и любимца своего Михаловского на прекрасной Кашенской, подруге жены его. Одной этой чете дано в приданное 100 000 злотых!.. Чего не могут сделать богачи, если они захотят быть благотворителями?

13 Августа

От Белой к Кодне земля, освежаемая наводнениями, имеет много соков. Болота здесь пространны.

14.

Брест очень разорен: все представляет в нем вид бедности. Здесь застава. Проезжающих из-за границы и за границу останавливают для узаконенного обыска. Но верно ни один из проезжающих не пожалуется на сверхзаконную строгость или прижимки, которые обыкновенно в таких местах случаются. Директор Брест-Литовской таможни так честен, добр и учтив, что всякий за удовольствие почтет открыть ему не только все чемоданы, но даже сердце свое. Здесь зашли мы в старинный русский монастырь и насладились удовольствием, которого почти целый год не имели, удовольствием молиться в русской церкви. Прискорбно видеть русский монастырь в развалинах среди великолепных католических костелов.

15 Августа

Большая дорога, кажется, плавает в воде, по сторонам ничего более не видишь, как болото и лес. Сторону эту должно прежде осушить, потом населить, а там уже просветить.

Ратно. 18 Августа

Я вижу здесь столетние строения, столетние деревья и почти столетних людей, с современными молодости их обычаями. Здесь все точно так, как было пред сим за сто лет: то же провождение времени, те же уборы, обряды, а что всего важнее — те же добродетели. Местечко это принадлежит графине Сосновской, матери княгини Любомирской, которая имеет на Волыни городок Ровно. Графине Сосновской уже около ста лет, но необыкновенный ум и доброта суть отличительнейшие свойства ее по сие время. В других местах имеет она великолепные замки, а здесь в Ратном живет сама в старинном доме, совершенно по-старин-

ному. Вероятно, что сей старинный, бесшумный и беззаботный образ жизни причиною и долголетия. Здесь так все привыкли к своим углам, что многие находящиеся в различных должностях у графини живут по 50 лет в одной комнате. Странно и вместе приятно видеть здесь, так сказать, сколок протекшего столетия в то время, как роскошь и нововведения наводняют всю Польшу и Европу. Стол графини украшается всегда старыми винами, а домашнее общество молодыми девушками. Почтеннейшая хозяйка любима всеми у нее в доме и близживущими. Самые животные привыкли к ее голосу и ласкам. Бедные получают из щедрой руки ее помощь, а разные птицы — пищу. Нет ничего приятнее, как видеть ее в кругу благодетельствуемых ею тварей. Она выходит из комнат, и всех родов собаки, кошки, куры, голуби и прочие птицы и летят, и бегут, и сбираются к ней, отворяют конюшню, и молодые игривые жеребята спешат прыжками есть хлеб из рук ее. Она приходит в сад, и кролики, белки и павлины толпятся около нее. Лебеди, послышав голос ее, плывут к берегу, везя на хребтах между крыл малых детей своих. Все кормится, дышит и живет ею. В последнюю войну оказывала она различные вспомоществования нашим раненым и отдавала всех лучших своих лошадей под больных.

22 Августа. Местечко Любашев

Мы проехали проселком пространство, отделяющее большую дорогу из Дубна в Брест-Литовский от дороги, из Волыни в Пинск и далее идущей. Лесистая и крайне болотистая здешняя сторона весьма выгодна для оборонительной войны: с одною пушкою и горстью людей можно защищать надежно большие пространства от превосходнейшего неприятеля. Два больших канала, Огинского и Королевский, могут доставить здешней стороне великие выгоды для внутренней торговли, только должно их несколько прочистить и поисправить.

Здесь-то генерал Тормасов, защитник Волыни, весьма искусно и благоразумно производил свои движения и воинские обороты. Здесь и граф Ламберт славился с летучим отрядом своим, снискав любовь солдат и

жителей. По этой здешней стороне водяное сообщение могло б быть в наилучшем состоянии. Любашев на прекрасном месте и может некогда быть прекрасным городком. Отсюда плавают в Пинск и далее. Но тут нет ни хорошей пристани, ни порядочных лодок. Берега реки Припяти заросли осокою, и жители, как будто дикие, вовсе не имеют понятия о выгодах внутренней торговли. Все зависит от владельцев. Поляки, теряясь в романтических мечтах о свободе, забывают существенные пользы свои и своего Отечества.

Здесь, в Любашеве, должность ключ-войта занимает добрый, престарелый отставной солдат. Как бы хорошо было, если б все такие места отдавались заслуженным и честным воинам!..

25. Город Пинск

Нельзя не пожалеть, подумав, чем бы Пинск мог быть и чем он есть теперь. Он бы мог быть прекрасным городом, иметь красивые дома, богатых граждан, трактиры, постоялые дома, магазейны и проч. и проч. Все бы это могло быть, потому что Пинск может быть средоточием важной торговли. В окрестностях Пинска льются и сливаются до десяти рек: Пина, Стырь, Щара, Припять, Горень и проч. и проч.

Из Кременчуга, Киева и разных мест Волыни можно плыть сюда, а отсюда пробираются даже до Немана и Вислы. Лесистые окрестности Пинска могли бы дарить приднепрские степи лесом, те отдарились бы солью и другими произведениями, а наипаче пшеницею, которую довольно удобно спроваживать отсюда даже в Данциг. Таким образом, произведения отдаленных стран обменивались бы в Пинске. Что же он теперь? Простой уездный городок, как и все такого разбора. Однако и теперь приходят сюда по нескольку сот байдаков с солью. Проезжая Пинск, непременно надобно посмотреть русский собор, недавно сделанный из польского костела. Художник, имевший, конечно, самый изящный вкус, прикоснулся к обгорелым развалинам древнего польского костела, и явился прелестный новый фасад. Извне понравится нам прекрасный вид и мастерская отделка, внутри готическая огромность невольно располагает к благоговению: это в полном смысле храм!

26 Августа

Сердце обливается кровью и радостию, когда вспомнишь об ужасной сече и счастливейших последствиях Бородинского сражения, ровно за год пред сим ужаснувшего и спасшего Россию. Поля Бородинские останутся вечно памятными для россиян. Приятно мечтать, что сродники и друзья падших на сих полях соорудят на общих могилах их приличный месту и великому подвигу храм. Каждый год, 26 Августа, совершаться будет поминовение героев. Имена их впишутся в памятных книгах, как имена тех, которые пали на за-Донском побоище, в обширном Куликовском поле. В селе Бородине будет гостиница, которой не проминет ни один из путешественников чуждых стран и нашего Отечества. Каждый остановится там с тем, чтоб, рассмотрев внимательно подробный чертеж великого сражения и прочитав подробное описание оного, итти потом бродить по тем местам, где грудь русская устояла против тысячи громов, где бился Божий меч. Не раз полная луна в прекрасный осенний вечер освещать будет прелестных россиянок, в унылом сетовании осыпающих цветами гробы супругов, братьев и женихов. Приятно мечтать, что все сие так будет. Посмотрим, существенность оправдает ли только или еще превзойдет эти мечты!

28 Августа

Несвиж очень порядочный город князя Радзивила. Он имел здесь прекрасный замок, облитый озерами, и великие сокровища. Первая жена его, скромная, нежная, страстная Мнишкова, была самым необходимым и неоцененным сокровищем для счастия его жизни, но сей любимец счастия не умел пользоваться ни богатствами, ни семейственною жизнию — не умел быть благополучным. Он развелся с добродетельною супругою и, ослепленный мечтами, ринулся во французскую службу. Один Несвиж приносил владельцу своему до 100 000 рублей серебром. Из разных имений привозили к нему целыми возами золото и серебро!

Местечко Сверженъ окружено озерами, имеет пристань. Здесь протекает Неман. Неман! Неман! Сколько напоминаний при виде сей реки!

Мы повстречали Московский казачий полк, который сформировал на собственное иждивение граф Дмитриев-Мамонов и сам ведет его к армии. Люди и лошади в этом полку прекрасны! Если б все русские богачи, вместо того чтоб расточать наследие предков в пользу роскоши, моды и иноплеменников, подражали почтенному графу Мамонову, то армия русская непременно удвоилась бы и мертвые частные капиталы сделались полезными общему благу России, Европы и человечества. Скупые богачи, замыкающие доходы свои в сундуках, похищают у общества часть его достояния. Некто сказал: «Богачи должны стоять на коленах пред бедными». Пусть не становятся они на колени, а только помогают им и усердствуют к пользам Отечества!..

29 Августа.

Мы проезжали Минск. Весь город приготовлялся праздновать день тезоименитства государя. Везде расставляли плошки. Прошлого года в этот самый день был я в Москве, и тогда в сей столице севера царствовало, как говорит знаменитый стихотворец:

Увы! молчанье вкруг глубоко
И меч висящий над главой!

Минул год, и русские на Эльбе, и Россия торжествует! Минск наполнен пленными французами. Они разгуливают везде по улицам, очень свободно, как домашние. Поляки с ними, как братья. Минск окружен лесами. Дорога к Борисову хороша, но крайне единообразна. Военных позиций почти совсем нет или очень мало.

2 Сентября. Город Борисов

Не узнаешь его! Прекрасное мостовое укрепление, по чертежу известного нашего генерал-инженера Оппермана, вдруг возникло у Березы. 1500 пленных фран-

цузов заняты здесь земляною работою. Нельзя употребить лучше французов! Улицы мостят камнем. Видно, из Борисова хотят сделать хороший город. Дай Бог! у нас так мало хороших городов. Недавно случилось здесь любопытное происшествие. Русский, немец и француз шли по мосту во время грозы. Ударил гром — русский шел бодро, немец и француз упали. Но первый скоро встал, а последний остался мертв. «Тьфу пропасть! — говорят французы,— нас и земные и небесные громы поражают!»

В деревне Натче было 200 дворов, теперь нет 200 колов, так обработали ее французы!

Мы проехали чрез местечки: Крупки, Бобр, Толочин, Копыс, где прошлого года переправлялся чрез Днепр авангард Милорадовича. Потом чрез Дубровну и Ляды приехали наконец в Красное. Вот место, где разбит был Ней! — невольно воскликнул я, проехав Красное. Но там нет доселе никакого памятника, свидетельствующего о сем великом подвиге. Даже те места, где похоронено великое множество тел неприятельских, покрыты чуть приметными холмиками. Предки наши были в подобных случаях благоразумнее. Кости татар и поляков, вторгшихся в Россию, покрыты высокими курганами, которые, предохраняя от заразы, служат и поныне лучшими памятниками геройства россов победителей. Памятники необходимы. Поля Красенские-Вяземские и Бородинские достойны быть увенчаны памятниками.

Мы повстречали новый немецкий легион, составленный полковником Дебичем из пленных. Прекрасно одетые, прекраснейшие люди, шли распеваючи сражаться за свободу Европы.

Наши рекруты, идущие из Вятки в армию, также отлично хороши. Любо смотреть на сих белотелых, плотных и свежих людей!

В армию русскую, стоящую на Эльбе, Молдавия посылает сухари, Вятка — рекрут. Области, разделенные тысячами верст расстояния, соединяют силы и способы свои для одной общей цели. Сколь велики средства великого Отечества нашего!

О сколь монарх благополучен,
Коль знает Россами владеть!
Он будет в мире славой звучен
И всех сердца в руке иметь!

Великий стихотворец в стихах сих предрек блистательнейшую славу Александра I.

Сентября 10, 1813. Смоленск.

Мой друг! Что такое любовь к родине? Откуда происходит это сильное, живое и для самих нас непонятное стремление к тому месту, где мы родились? Часто случается, что, лишась виновников бытия своего, потеряв всех милых, всех друзей и даже знакомых, не имея уже никаких причин, никаких предлогов заглядывать на родину, все еще стремимся к ней, как к самому милому другу. Свидание с родиною есть праздник для сердца. Мы это чувствуем: а почему?.. Кто знает и кто возьмется объяснить? Умы людей с давнего времени силятся постигнуть и растолковать причины всех наших ощущений, но труд их напрасен! Как знать причину, почему чувствуешь, когда очень часто не умеешь выразить того, что чувствуешь. Мы несравненно богаче чувством, нежели выражением. Согласись, друг мой! Что менее всего знаем мы то, что от колыбели до могилы всегда с нами, всегда в груди нашей: менее всего знаем мы свое собственное сердце. Если б мы знали, отчего, когда и как и почему оно радуется, грустит, умиляется, наслаждается небесным вдохновением добродетели, или по вихрю страстей стремится в туманную область порока... Если б мы все это знали, то имели бы полное познание о самих себе. Но нет, познание самого себя, говорит древний мудрец всех веков — опыт, труднее всех знаний на свете. Остроумный Вовенарг, которого читал я на сих днях, объяснил многие свойства, способности и действия ума, но сердце все еще остается для нас страною неизвестною.

Тайна, на которой основывается любовь к родине, еще не объяснена. Отчего, думает холодный ум, после прекрасного солнца полуденных стран, после цветущих областей земель чуждых, нравятся нам и туманное небо, и лесистая природа, и знойные пески и вечные снега нашей родины? Отчего такая неизменная привязанность к ней? Не смею утверждать, но предложу догадку. Не основывается ли привязанность на воспоминании детских лет, того счастливого,

очаровательного времени бытия нашего, которое ни для кого уже в другой раз в жизни не возвращается. Ничто не сильно заменить сердцу потерю того состояния невинности, в котором находится оно в безмятежном утре дней своих! И часто, среди всех очарований роскоши, утопая в изобилии, вдруг заноет и загрустит оно, видя себя увядающим от зноя страстей и вспомня, в какой свежести процветало прежде. Но, любя вспоминать о блаженном состоянии юности, нельзя не любить и того, что об нем напоминает. А где ж больше окружены мы напоминаниями, как не на своей родине? Там нет ни одного предмета, который бы не был или свидетелем, или товарищем наших игр, забав, надежд, мечтаний и той счастливой беспечности, которою наслаждались мы беспрерывно, доколе нужды, прихоти и страсти не повлекли нас в бури и мятежи света. Так: родина есть друг нашей юности. Она есть единственное вместилище всех неоцененных напоминаний протекшего счастия и вот почему должна она нам всегда быть любезна. Вот строки, излившиеся тотчас по приезде моем в Смоленск. Причиною их были чувства, пробудившиеся при виде этого города. Завидя издали сквозь вечерние сумерки стены и храмы его, я невольно воскликнул: они еще целы! и обрадовался им, как давнишним друзьям. Душа наша приемлет иногда великое участие и в неодушевленных предметах. Теперь ночь; прощай! Завтра осмотрю город, после всех его страданий, потом загляну в свою хижину, а там уже буду к тебе писать.

Сентября 15

Я видел разорение моей родины, я слышал тяжкие вздохи ее. Повсюду пепел и разрушение! Город весь сквозной, мы без кровель, без окон, без дверей. Пустота пугает, ветер свищет среди обгорелых стен, по ночам кажется, что развалины воют. В деревнях ничего не слыхать, кроме стона и жалоб: а что, спросишь ты, нашел я у себя? Одно запустение! Так, друг мой, нашествие неприятеля лишило меня всего! Состояние небольшого довольства превратилось в состояние бедности. Но, может быть, еще можно попра-

вить? Нет! Нива, убитая градом, уже не цветет без особого милосердия неба. Как для нив благотворные дожди, так для разоренных нужна помощь. Но от кого ждать ее? От людей? Ах, чем более узнаем их, тем менее на них надеемся! «Не надейтесь ни на князя, ни на сыны человеческие!» — повторяет печально странник мира, умудренный опытом. Люди все те ж, что и были. Пожары не просветили умов, и злополучие не успело еще смягчить сердец. Прежние страсти и прихоти выползают из пепла и старое свое господство утверждают в новых домах. Роскошь и богатство запевают прежние песни. «Бедность не порок!» — говорят равнодушно светские умники, лежа на богатых диванах. Согласен с ними, однако ж, можно не стыдиться, но нельзя не чувствовать суровости ее. Точно так, как зимою ходить без шубы не стыдно, да холодно! Никогда, как теперь, состояние бедных не заслуживало более всеобщего сожаления. Я постараюсь со временем сообщить тебе записку о потерях губернии, и ты верно испугаешься, читая ее, как я пугаюсь, видя их.

Сентября 15

Сейчас подтвердился слух, которому я долго не хотел верить. Письма из армии удостоверяют о кончине знаменитого Моро, изображая и некоторые подробности оной. Итак, для чего великий муж сей, из отдаленного уединения своего, переплыв необъятное пространство морей, явился на кровавом поприще смятенной Европы? Для чего из безмятежной тишины своей выступил опять в бури и молнии гремящей войны? Для чего?..

Февраля 2, 1814 года

Я давно обещал прислать тебе записку о потерях Смоленской губернии, ты ее получишь теперь вместе с уведомлением в «Русский Вестник» об одном несчастном семействе, а таких семейств у нас после войны много. Прочти, говорю я, записку, прочти уведомление и пожалей о бедной, опаленной родине моей. Скоро распрощусь с нею и поспешу опять в армию уже за Рейн.

Записка*

В течение полутора года убыло в Смоленской губернии от войны, мора и голода разного состояния людей мужского пола 100 000 человек

Обывательских домов сожжено, кроме городских . . .	13 132
Мельниц разрушено	260
Лошадей погибло	122 798
Рогатого скота	130 395
Мелкого скота, кроме последнего падежа	250 332

NB. Все сие означено здесь по самому верному и умеренному исчислению. Сверх того два рекрутских набора извлекли из каждых 500 душ по 18 лучших молодых людей, да из воинов Земского Ополчения в дома не возвратились: 4407 человек.

УВЕДОМЛЕНИЕ О БЕДНОМ, ОТ НЕПРИЯТЕЛЯ РАЗОРЕННОМ СЕМЕЙСТВЕ

Уже давно не стало ни единого врага на земле русской: все они легли костьми на ней, или выгнаны за пределы ее с бесчестием. Было время незабвенное для истории и потомства, когда Бог вступился наконец за Отечество наше и пролил весь фиял гнева своего на врагов его. Страшен Бог во гневе своем! Я видел гибель нечестивцев!.. Они бежали великими толпами по той самой дороге, по которой некогда наступали грозно, в воинском устройстве, с пением и кликами торжественными. Но как изобразить злополучие гонимых небом? Путь их лежал чрез страны, им неведомые. На земле ничего не представлялось им, кроме необозримых снегов, в небе ничего не видали они, кроме мрачных туч, хладную влагу на главы их просыпающих. На всяком шагу постигал их гнев раздраженного Бога. Страшен был им унылый вид обнаженной природы. Хладные ветры, сливаясь в бури, несли за ними вслед проклятия целого народа. Войска, донцы и крестьяне повсюду наносили им смерть. Но лютые враги и в последние минуты жизни еще помышляли о вреде. Сжимая одною рукою пронзенную грудь, другою зажигали они дома и го-

* Эта записка получена мною от почтенного Федора Ивановича Лыкошева, который, при последнем выборе, общим голосом дворян избран в губернские предводители.

рода. Пожары неугасимо пылали и след их — было опустошение! Истреблены злодеи, но скоро ль загладится причиненное зло? Скоро ль престанет рыдать бедность на пепле хижин своих и прежнее довольство успокоит по-прежнему? Кто бы ты ни был, проезжающий чрез страны, разоренные неприятелем! Не подумай, видя в городах дома богатых купцов, возрождающиеся из пепла в новой красоте, видя села богатых господ в прежнем блеске, видя радость пирующую в пышных домах и смеющиеся лица в веселых обществах: не подумай, чтобы прежний порядок вещей был уже восстановлен. Нет! Загляни в дымную избу поселянина, сойди в глубокий погреб, где местится целое семейство, имей терпение выслушать печальное повествование матери о горестном странствовании ее по лесам, о тех нуждах и бедствиях, которые угнетали ее с малолетним семейством, взгляни теперь на семейство сие, не уверенное еще в дневном пропитании, взгляни — и сердце твое не вместит в себе живейшего сострадания! Великое несчастие есть бедность. Но рожденные и возросшие в бедности некоторым образом привыкают к ней. Они не знают выгод лучшего состояния и часто довольны бывают своим. Для кого ж ужасна и даже нестерпима бедность? Для тех, которых ввергают в нее превратные случаи и незаслуженное несчастие. Как больно променять порядочный светлый дом на дымную избу, кусок чистого хлеба на черствый сухарь! Должно признаться, что такое положение горестно, и в таком-то положении находится семейство, к которому я осмеливаюсь обращать внимание сострадательных соотечественников наших. Птр. Всльвч. Т.....ий лишился всего своего имущества при нашествии неприятелей. Он живет теперь в крайней бедности Смоленской губернии в Д...м уезде. Я видел этого бедного отца большого семейства, видел я горестную мать в простой крестьянской избе, ухаживающую за пятью малолетними и больными детьми! Она теперь беременна и содрогается при мысли, что вскоре еще одним невинным страдальцем должно умножиться семейство ее, и без того едва могущее получить скудную и слезами окропленную пищу. Но в самой нищете, среди шума зимних бурь и вопля болящих детей, под-

крепляет ее вера и надежда на сострадательность русских. Вам, чувствительные соотечественники, до которых провидение не допустило бурь военных, вам прежде всех должно оправдать надежду сию. Вы не видали страшной картины — пожара городов, полей сражений, не слыхали воплей разоренного народа и стона умирающих тысяч. Пусть вечно не возмущают чувств ваших подобные явления! Но в приятной тишине, вас окружающей, среди удовольствий семейственной жизни, в изобилии и покое вспомните, что есть несчастные, не наслаждающиеся ни одним из их благ. Вспомните, что есть истинно несчастные страдальцы, требующие необходимой помощи от великодушного сострадания вашего! И когда услышите глас его, не ожесточите сердец ваших! Теперь глас сей слышен в горестном стоне страдальцев!

ПИСЬМА ИЗ ПОЛЬШИ

Минск. 23 Марта

Проедешь Оршу, Дубровну, Борисов, Минск и ничего не заметишь, кроме бедности в народе и повсеместного разрушения — неминуемого последствия войны! Представьте себе длинное, почти беспрерывное протяжение дремучих лесов по обеим сторонам дороги, и вы будете иметь понятие о дороге к Минску. Сколько надобно времени, сколько надобно рук, чтобы превратить сию лесистую, угрюмую в цветущую и населенную сторону!.. Минск, стоящий на берегах реки Свислочи, текущей в Березину, довольно изрядный город, но в весеннее время так нечист, что я не могу надивиться, как могут люди дышать столь вредным и тяжелым воздухом?

Большая часть жителей состоит из евреев. Они не орут, не сеют, но кормятся и богатеют. Чем же? Проворством и промыслами!

Мы едем на почтовых, езда неспора: везде остановка! В каждой станции увидишь стену, оклеенную большими и малыми, в лист и четвертку печатными бумагами, непроницаемыми щитами для содержателей станций (большею частию жидов). Но в десяти

печатных листах нет десяти строк в пользу проезжающих. Нет никакого равновесия между правами смотрителя и путешественника. Первый, ссылаясь на свои стенные учреждения, всегда находит способы стеснить, остановить и обидеть; а последнему предоставляется посылать жалобу на несколько сот верст в почтамт и никогда не знать, удовлетворен ли он или нет! Люди, сочинявшие сии строгие постановления в тишине великолепных кабинетов, конечно, никогда не езжали под именем простых офицеров или бедных путешественников. Побывав в когтях станционных хозяев, они заговорили бы совсем другим языком!

24 Марта. Минск

Знаешь ли ты существа, которым отец — воображение, а мать — ложь? Они невидимы, но слышимы. Будучи ничем, составляют нечто. Не имея ни ног, ни крыльев, быстро ходят и летают из страны в страну, из области в область. Ничто не может так восхитить или опечалить душу, возмутить или успокоить чувства, как они! Им нет нигде преград. Они втесняются в каждую дверь, садятся в кареты, бросаются в скачущие почтовые повозки, кружатся в обществах и носятся по свету. Но полно, говоришь ты, сплетать загадки: кто эти существа? Слухи! Нет ничего вреднее распространения пустых вестей и слухов. Теперь Польша наводняется ими, и между тем как русские завоевывают Францию штыками, здесь губят их слухами. Трудно ладить с людьми неблагорасположенными: они толкуют все в свою пользу!

П. П. Вся здешняя сторона еще с самых давних времен была принадлежностию России. Минск то к Полоцкому, то к Смоленскому княжеству принадлежал попеременно. В 1066 году город сей был взят и жестоко наказан за вероломство князьями русскими, детьми Ярослава.

27 Марта. М. Смургони

Мы не едем, а тащимся. Дорога ни на санях, ни на колесах! Туманное небо, воды, шумящие под снегами, беспрерывные леса, развалины домов и разоренные

французами села: вот что представляется глазам нашим! Много надо времени, чтоб изгладить следы войны! Между Минском и Сморгонем в нескольких местах цепи холмов, пересекая дорогу, образуют твердые и выгодные военные позиции. В Сморгонях видишь небольшое довольство, порядочные дома и свежие лица: а причина? Торговля! В двух верстах отсюда течет Вилейка, по которой сплавливают брусья чрез Вильну и Ковно по Неману в Пруссию. Дремучие здешние леса еще долго будут доставлять способ к такому торгу. Взамен за проданное промышленники привозят красной товар, вина, сахар и прочие произведения.

Наполеон в быстро-поспешном бегстве своем из России ночевал в Сморгонях. Сегодня проехали мы Молодечно, где написано, столько шуму наделавшее, 29 известие из французской армии.

Люблю видеть людей, хранящих закон, нравы и обычаи праотцов своих. Теперь смотрю на тех, которые молятся, живут и действуют точно так, как молились, действовали и жили предки их за 2000 лет. Мы останавливаемся у евреев, содержателей гостиниц, и в это время торжествуют они важное празднество свое: исход из Египта. Согласись, друг мой! что Моисей был великий законодатель! Он так умел скрепить израильтян узами уставов, обрядов и обычаев, что без государя, Отечества и прав, рассыпанные по лицу земли, они все еще составляют народ.

Они заблуждаются... согласен! Но для чего мы, просвещенные, не столь постоянные в законе, основанном на истинах непреложных, как они в своем заблуждении? Вот что должно нас устыжать! Чем богаче еврей, тем строже и ненарушимее исполняет он даже малейшие обряды свои. У нас, напротив, богатство, смеясь, попирает златою стопою уставы веры и обычаи праотцов.

28 Марта. М. Медники

Нет ничего несноснее в дороге, как препятствия и остановки! Несколько раз останавливала нас порча брички, а теперь, как назло, переломилась ось! Останавливаемся в м. Медниках. Французы не только ра-

зорили, но сожгли и прах помели этого несчастного местечка. Нет и следов жилья! Здесь есть весьма древний, как говорят, современный Вильне замок. Все старинные крепости польские и самая важнейшая из всех — крепость нравов, очевидно, рушатся и исчезают.

Здесь опять случилось нам остановиться у еврея, в доме которого понравилась нам необыкновенная опрятность и чистота. На сей раз собралось здесь несколько семейств, и я видел прекрасные и презначущие между ними лица. Некогда девы израильские славились красотою, а мужи их сановитостию. Гремящий голос пророка Исайи упрекал первых в надменности и нерачении о добродетелях домашних, а последних в корыстолюбии и других пороках, свирепствовавших в Иерусалиме. Развращенный град сей не хотел внимать гласу вдохновенного учителя и что он теперь? Не те люди, но страсти и пороки те же! Прими Европу за Иерусалим и пожелаешь, чтобы она чаще заглядывала в Библию, чтоб от одинаковых причин не произошли одинаковые следствия!.. Читаете ль вы Иова, спросил я у хозяев? Читаем, отвечали они, когда нам бывает грустно. Так, всякий несчастный должен непременно читать Иова!

Между тем ось подделана. Мы непременно чрез часа два, много чрез четыре, будем в Вильне. Там отдохну от несносной дороги, встречу знакомых, обниму лучшего из друзей моих, брата Владимира, и мало ль еще чего хорошего думал я, идя садиться в бричку. Дорога так изуродована, что по ней ни пешком, ни на коне: однако ж, едем!

БЕДНАЯ КОРЧМА, БЛИЗ ВИЛЬНЫ. НОЧЬ

Сквозь шум весенней непогоды слышу звон колоколов в городе и при слабом мерцании луны вижу остроглавые высоты, которые, подобно рядам исполинов, стоят на вечной страже сидящей в долине Вильны. Кажется, слышу, как город движется, шумит и разговаривает — переношусь в него воображением, но не могу быть в нем! Опять остановка, сломалась другая ось! Все мечтания исчезли, все надежды молчат! Не так ли, друг мой! И на пути, чрез поле жизни, одно

мелкое, непредвиденное обстоятельство подрывает на воздух все, что ни строим в уме! Не так ли среди быстрейшего стремления к цели останавливаемся внезапно и среди пламеннейших желаний цепенеем! Ах, кто успел насмотреться, как вянут прелестнейшие радости, как умирают лучшие надежды людей, тот никогда не положится на будущее и не станет делать расчетов вперед! Опыт! Опыт спасителен для жизни!.. Но вместе с опытом заходит в сердце грусть! Где вы, златые дни моей юности! Беспечное время мечтаний и надежд! Тогда не умел я еще читать в будущем... Теперь, брошенный в бури жизни, прикупил себе ума бедами... Теперь стал, правда, я умнее, но стал ли ты счастливее? — говорит, вздыхаючи, сердце.

Что же отвечать на вопрос? Что отвечать! Молчать и читать чаще о напрасных ожиданиях философа Гарве!..

Вильна, 1 Апреля

За 509 лет пред сим Гедимин, князь литовский, расчистив дремучие леса, основал Вильну на берегах рек Вилии и Вилейки. И вот уже пять веков как, повинуясь основателю своему, не оставляет она своего места: растет, богатеет, ширится, но все в своей долине, не смея взойти на горы, смыкающиеся вокруг нее кольцом. Вильна — один из лучших городов в России, она почти вся каменная. Дома пространны, улицы тесны, площадей мало. Все почти военные дороги проходят теперь чрез сей город, а потому он чрезвычайно многолюден. В нем и всегда считалось до 25 000 жителей. Притом Вильна средоточие торговли всего здешнего края. Хлеб, воск, лес строевой и даже мачтовый отпускается отсюда вплавь по рекам в Кенигсберг, Ригу и Мемель. Зато деятельность в городе неусыпна, улицы кипят народом. Все дома в тесном соседстве, многие построены сплошь под одну крышу. В этот раз застали мы Вильну спокойною, в чистоте и опрятности, а за год пред сим завалена была она тысячами трупов мерзлых французов: каждый день нагружали ими сотни подвод. Я никогда не видал в большем уничижении человечество!

2 Апреля

Только что мы дали о себе знать брату Владимиру, находившемуся за сорок отсюда верст при своей роте, и он уже здесь! Он выехал на дрожках, потом скакал верхом, а во многих местах принужден был итти пешком: так дурна дорога! Как обрадовался я свиданию с ним! Все неприятности пути награждены!.. Мы поневоле должны пробыть здесь, чтоб дорога хоть немного получшела. Здесь люди живут весело: поляки и русские, кто кого перещеголяет гостеприимством! Смольянин наш, почтенный Василий Иванович Путята, начальник здешней комиссии, прослыл другом русских в Вильне. Все русские почти каждый день у него. Из здешних граф Манучи дает вечеринки и завтраки. Здесь, к удовольствию нашему, нашли мы еще родственника И. П. Глик., полковника артиллерии. Мы были по должности и в гостях у полковника Говена, здешнего коменданта: все не нахвалятся им. Он также воспитанник 1-го корпуса. На всяком шагу встречаюсь с знакомыми офицерами и знакомлюсь с другими. У военных открыты сердца: в изгибах нужды нет.

4 Апреля

Здесь уже совершенная весна!.. Горы первые сбросили с себя снежную одежду и зазеленели, вода хлынула в улицы и смыла весь сор, теперь их подмели и они чисты и сухи!

Тут и дома сидя видишь людей. Выглянешь из своего окна и видишь длинный ряд других. Почти в каждом прекрасное личико! Здешние красавицы любят всех видеть и быть видимы. Небольшая площадь в средине города с утра до вечера пестреет от множества гуляющих. Теперь слывут здесь первыми красавицами две сестры Г** из Жмуди. В самом деле меньшая прелестна!

УНИВЕРСИТЕТ

Я видел здешний Университет. Он известен и в Европе. Епископ Валериян Протазевич основал его в 1570 году. Спустя девять лет король Стефан утвердил

существование его. Здание Университета пространно. Мы были в библиотеке и на обсерватории: всего любопытнее последняя. С самой вершины превысокой башни наблюдают здесь за всем, что ни делается в небе. Мы рассматривали разные снаряды, инструменты, астрономические часы, смотрели в микроскопы, телескопы, зрительные трубы и заглядывали в преогромный октан, посредством которого подстерегают светила, расхаживающие в небесах, означая в точности час, минуту и секунду прохождения какого-либо из сих небесных странников чрез Виленский меридиан. Внизу показывали нам целую комнату, занятую образцами различных механических снарядов. Тут можно видеть все, что изобретено людьми к тому, чтоб самою малою силою огромные тяжести подымать и двигать. Университет сей всегда находился и теперь состоит под управлением иезуитов.

По двумстампятидесяти ступеням взошел я на самый верх колокольни Св. Иоанна, откуда весь город, со всеми его церквами, монастырями и замками как на ладони... Вчера поутру смотрел оттуда на Вильну, опоясанную цветущими холмами. Она еще спала, когда я взошел наверх. Сперва любовался я картинами небесными, потом оглянулся на земные. Я видел, как Вильна просыпалась. Начали растворять ворота, вышли мести улицы, потом отворились окна — и резвые ветерки бросились целоваться с красавицами и нежным дыханием освежать их расцветающие груди и лелеять мягкие кудри. Сегодня обошли мы с братом Владимиром весь город по горам, любовались течением Вилейки и мечтали о древности, отдыхая на развалинах старинного замка, в котором некогда русские защищались с необычайным мужеством против Казимира II, отнявшего у них завоеванную ими Вильну. В 1658 году, когда знаменитый Хмельницкий вырвал уже Малороссию из рук польских, войска казацкие вместе с воеводами царя Алексея Михайловича брали Вильну и победоносное оружие свое подносили даже к берегам Вислы.

Мы были в русском лазарете в Вильне и хвалили, и любовались, и дивились: какая чистота! Какой порядок! Какая внимательность к больным! В сем лаза-

рете и самый строгий наблюдатель, кажется, не найдет ничего такого, чего бы нельзя было похвалить.

ДОМ МИЛОСЕРДИЯ

«Взгляните на одно из здешних заведений, которое мы считаем украшением нашего города»,— сказал мне граф*** и вызвался проводить в Дом Милосердия. Мы прошли несколько улиц. Надпись на одних воротах останавливает нас: вот она: «О вы, которых жестокая судьба или превратность непостоянного счастия лишила всех способов наслаждаться жизнию, всех средств существовать в мире, не предаваясь отчаянию, придите в дом сей, отверзтый для вас! Здесь не найдете вы роскоши, но покойный одр, насущный хлеб и совершенную независимость от жестокосердых людей предлагает вам здесь сострадание братий ваших, по священному глаголу: блаженни призирающие на нищих и убогих!»

Что изображено в надписи, то выполнено на самом деле в доме. Он довольно пространен, чист, светел и покоен. В несколько рядов стоят опрятные постели, между ними столы. Впрочем, все просто. Тут увидишь всякого роду несчастных: израненных, калек и просто нищих. Для сирот особые покои и учителя. Тут, между прочим, лежит жена одного русского унтер-офицера, у которой французы перебили ноги и выломали руки.

Мы видели их кухню, хлеб и кушанье: все очень хорошо. В особых котлах варят румфордов суп, который отпускают и на дома к бедным. Устроители сего заведения старались сколько можно меньшими способами принести сколько можно более пользы. Например: печи здесь сделаны по новейшему изобретению, требующие самого малого количества дров. Дым, выходящий из них, не пропадает: он вьется по трубам вокруг больших чанов и нагревает воду. На дворе прекрасный колодец, всякому дозволено посредством насоса накачивать себе воду, но гидравлик устроил хитрость в пользу бедных. Тот, кто вызывает из колодца воду, ничего не примечает, а между тем, покуда он нальет себе одно ведро, два ведра бегут невидимо по

нарочно устроенному латоку в кухню к бедным. Вот истинное добро! Оно так скрыто, что и тому, кто его делает,— незаметно!

Кто же виновник этого вообще столь полезного заведения?

Прекрасный обычай польских женщин.

«Едва некоторые лучи христианского учения блеснули в Древнем Риме, как женщины первые открыли сердца свои к принятию спасительных правил божественного учения сего. Они показали пример дотоле невиданных добродетелей. Знаменитейшие жены из позлащенных чертогов ходили посещать бедные хижины собратий своих. Они насыщали алчущих, утешали скорбящих и собственными руками, достойными управлять скипетром, перевязывали раны страждущих в больницах».

Так говорит Томас в похвальном слове своем женщинам.

Вероятно, что сей древний обычай первых христианок перешел и к полькам. Есть несколько дней в году, в которые самые знатнейшие из них ходят по домам, каждая в своей части города, и предстательствуют в пользу бедных, и просят, и кланяются, и не стыдятся. Они заходят в хижины и палаты, принимают копейку и червонец. Пред всяким смиряются, за все благодарят. Вчера графиня З **, имеющая несколько сот тысяч доходу, сама ходила по улицам пешком и коледовала для бедных. Смотри, как здесь богатство услуживает бедности!.. Сегодня младшая Г **, в сопровождении одной престарелой родственницы, в черном бархатном платье, с серебряным блюдом в руках и с черным флеровым покрывалом, сквозь которое алело прелестное личико ее, вошла к нам в комнату, и став прескромно у дверей, поклонилась очень низко на все четыре стороны. «Люди чувствительные! — сказала она,— я приемлю смелость предстательствовать за несчастных братий наших, которых бедность лишает всех способов жить и радоваться жизнию! Счастием почту себе сообщить, дары благотворительности вашей страждущему человечеству!» Не нужно было и сих слов. Один взор красоты покорил все сердца ее воле. Брат Владимир высыпал весь свой кошелек: в нем случилось 30 червонцев. Всякий из нас отдавал все, что

только мог, и прекрасная предстательница за бедных возвратилась с полным блюдом золота и серебра. Вот на какие деньги основан и содержится Дом Милосердия! Разумеется, что к сему приобщаются и другие разные вклады. Недавно знатнейшая из здешних женщин княгиня*** давала семейственный концерт в пользу этого дома. Она играла на фортепиано, дочери пели, собрано много золота и все для бедных.

Все такие и подобные сим поделы богатства с бедностию уравновешивая благосостояние людей, напоминают о тех священных временах, когда юные христианские общества удивляли добродетелями своими заблужденный в поклонении идолам свет. Знаешь ли, отчего в церквах наших одно отделение называется трапезою, отчего получили начало свое просфоры? В трапезе богатые люди угощали бедных сытным столом, а просфоры раздавались неимущим в виде больших и самых вкусных хлебов. Из сих священных хлебов вынимались частицы (антидор) для принесения в жертву Божеству. (Смотри книгу: Изъяснение на Литургию). Таким образом, в те счастливые времена и бедность почиталась чем-то священным, к ней имели уважение знаменитейшие в обществах люди. Кто не порадуется, видя хоть оттенки тех благих обычаев в нашем, правда, просвещенном, но крайне развращенном веке?

ДОРОГОВИЗНА

Дороговизна в Вильне так велика, что без великодушного вспомоществования благотворительных людей люди бедные должны бы непременно исчезнуть от нужд и голоду. Друг мой! Дороговизна стоит нашествия неприятелей! Она также наводит уныние на все сердца, объемлет первейшие потребности в жизни и погружает целые семейства в сетование и скорбь. Где делись те счастливые времена и давно ль они были? Не более как за 100 с небольшим лет,— когда за две копейки можно было купить то, что теперь вряд купишь ли за рубль! Ты смеешься! Но это истина: я докажу это исторически. При царе Алексее Михайловиче несколько сот шотландцев, гонимых за веру, переселились в Россию. Гостеприимное Отечество наше

приняло странников, как родных сынов. Один из них — Петр Гордон, бывший уже генерал-лейтенантом в российской службе, живя в Киеве, вел подробные записки всем своим домашним расходам. Ему понадобилось 70 аршин лучших лент, что думаешь он заплатил за них тогда? Поверишь ли: 1 рубль 20 копеек! За курицу и утку платил он по копейке, за гуся и индейку по две, а теперь все эти вещи рублевые! Как переменчивы времена! Но количество вещей не убавилось: отчего так возросли на них цены? Об этом надо много толковать, однако же, мне кажется, что главнейшими причинами всех беспорядков суть: мода и роскошь. Эти два чудовища делят между собою все достояния нынешних обществ.

6 Апреля

«Париж взят!» — весть сия распространяется в городе. Русские в восторге, поляки смотрят Сентябрем!.. Эта весть укусила их за сердце. Площадь, где гуляют, вдруг опустела, все присмирели в домах. Известия о взятии Парижа получены с нарочным из Кенигсберга. Русские вошли в столицу Франции 19 Марта 1814. Император Александр I ввел сам войска свои в Париж, а слава введет его во храм бессмертия. Думают, однако ж, что война еще продолжится, ибо Наполеон не в руках...

7 Апреля

Мы пировали сегодня у брата Владимира. Мысль, что русские в Париже, приводила всех в неизъяснимый восторг. В доме играла музыка, народ столпился под окнами. Вспомнили празднество Фрауштатское и начали бросать деньги, которые чернь хватала с неописанною жадностию. Один русский солдат с простреленною ногою замешался в толпе. Его тотчас зовут наверх. «В пользу русского раненого солдата!» — говорит хозяин и ставит блюдо, положа на него несколько червонцев. Все сыплют и в одно мгновение собралось 250 рублей, на то же блюдо ставят стакан пуншу, и все сие подносят в дар израненному воину, который, не веря глазам своим и не зная, что говорить от восхищения, молится только Богу и кричит: ура!

Чрез два дня Вильна будет освещена. Начнутся пиры и празднества, но война еще не кончена и мы спешим далее. Прощай в Вильне!

9 Апреля. Станция

Вырвавшись из Вильны, наполненной шумом многолюдства, стуком карет, толпами движущегося народа, радостию русских, смущением поляков о взятии Парижа, мы поехали в Варшаву. Добрые приятели проводили нас далеко за заставу.

От Вильны до Лиды дорога лесиста, далее поля и много воды. Рощицы, перелески, деревни и господские домики и дома составляют прекрасные картины. Дорога песчана, земля камениста, климат прелестный, здесь уже сеют! Соловьи поют полным свистом. Небо ясно, воздух чист. Природа, как пробужденная от сна красавица, сама, кажется, любуется собою! Как сладко, как утешительно действуют на душу красоты природы! Если буря зашумит в сердце твоем, выдь в поле, в тихий весенний вечер: ты сам не заметишь, каким образом утишится волнение страстей, где денется грусть! Возвратишься домой с какою-то неизъяснимо-сладостною задумчивостию, мечтая о погасающей заре и восходящем месяце. Как милостив Бог! Он всем равно позволяет любоваться картинами своего неба и утешаться прелестями весны.

10 Апреля. Гродно

Гродно гораздо меньше и малолюднее Вильны, но зато окрестности ее несравненно красивее. В Вильне на одной улице увидишь больше народа, нежели в целой Гродне.

Нас перевезли через Неман, он быстр, светл и величествен. Давно ли был он пограничною рекою? Теперь русские раздвинули границы до Вислы и за Вислу, а славу свою расширили по всей земле.

Сколь удивительных, сколь неслыханных происшествий был ты свидетелем, величественный Неман! Пространно и шумно течение твое теперь, а придут, придут времена, когда сольются лета в столетия и веки утекут в вечность, что и ты, река великая! Сдела-

ешься малым ручейком и, может быть, исчезнешь в глубоких песках! Но не исчезнет слава моего Отечества, слава Александра I! Не исчезнет, если история успеет передать ее векам и народам. Проснитесь, Тацит, Фукидид и Миллер! Ваш ум, ваше сердце и ваше перо необходимы для описания чудеснейших подвигов наших времен.

Все пространство к Гродне и Белостоку полисто, деревеньки маленькие, земля песчано-камениста, но плодоносна. В ином месте не бывает столько колосьев на нивах, сколько здесь малых и больших камней. Трудолюбие немецкое прибрало бы их к месту: да у него, правда, много рук, а тут их мало! Речки здешние быстры и берега их высоки.

Станция за Белостоком

Мы проехали Белостокскую область. Область прелестная, но почти пустая! Природа отменно живописна, красивые холмы, быстрые речки, обширные долины, деревеньки и рощицы, быстро мелькая в глазах скачущего на почтовых, составляют цепь прекрасных сельских видов. Здешние леса — рощи, а рощи — сады. На мшистых развалинах древних лесов цветут и зеленеют новые стройные рощицы. В одном месте видишь семью молодых березок, собранную вокруг старого дуба, их прадеда. В другом: кущи яблонь и вишен среди истлевающих пней. Везде просеки и просади, по сторонам зеленеют еловые рощи. Здесь, как видно, по множеству огромных утлых пней, были некогда дремучие леса, веки, секира и огонь истребили их. Здесь все возрастает из разрушения и пепла в новом и лучшем виде. Но не ищите тут ни замков, ни господских домов, ни великолепных храмов и зданий. Здесь люди, кажется, только что приготовились было жить, ад дохнул войною и все опустело! Местечек, однако ж, довольно.

Город Белосток

Прелестнейший городок, погруженный в густоту зеленых рощей. Кажется, что какая-нибудь волшебница взяла его из средины Германии и перенесла сю-

да. Дома одни других красивее. Липовая улица отличается от прочих, но теперь город, как мы его видели, можно назвать только прекрасною гробницею. Из каждого окна выглядывают бледные лица, смерть и болезни, кажется, перебегают из дома в дом. Большая часть домов превращена в военные больницы. Здесь есть огромный замок с прекрасными садами.

В Тихочине переехали мы угрюмую Нареву, которая здесь в пространном разливе топит окрестности. Длинное протяжение лесов, обширные воды и красный месяц утопающий в пасмурно-синих волнах: все это вместе составляло ночную, Оссиановскую картину. Места сии небогаты ни жителями, ни населением, но они богаты воспоминаниями. Мы проехали Остроленку, и с почтением остановились в том поле, где сражался сын величайшего из героев с мужеством, достойным отца. Я говорю о покойном молодом Суворове, отличившем себя в битве при Остроленке в 1807 году. В Тихочине в первый раз заплатили мы прогоны серебром, это значит, что мы въехали в герцогство Варшавское. Теперь уже везде плата одинакова, и везде одинаково для путешественников тяжела. В России несравненно и скорее и сходнее ездить на почтовых!

Вот и Пултуск! Где, кажется, в первый еще раз в жизни своей разбит был Наполеон. Генерал Бенигсен первый имел славу задеть его за сердце русским штыком. Проезжая мимо, я окинул взглядом поле сражения. Левое крыло наше (думаю) опиралось на Нареву, по берегу которой извивается и дорога, правое крыло терялось в лесах. Пред лицом войск чистое поле — разгул для конницы, слава для Кожина! Отсюда поведи войну вправо, по дороге в Северную Пруссию до самого Кенигсберга.

Вот маленькое местечко Сиротск, при слиянии больших рек Буга и Наревы. «Отчего так быстро катишь ты волны свои, широкая Нарева! Зачем ломаешь леса и раздираешь горы, пролагая сквозь все препятствия путь свой? Далеко слышен шум твоего

нетерпения, к кому стремишься так? Там величественный Буг, сей светлый сын полей Волынских, спокойно протекая, ожидает в объятия к себе кипящую Нареву, невесту свою. Здесь (у Сиротска) слились они, смешались волны, зашумели и потекли по холмам и долинам, не зная берегов. Но недолго потекут они вместе! Уже Висла, река древняя, открывает хлябь свою и готова поглотить неразлучных под гремящими стенами нового Модлина!» Так скажет, проезжая, стихотворец, придающий всему чувства и жизнь! Воин, смотря на скорую по слиянии кончину сих двух рек, скажет про себя: так два друга витязи, расставшиеся с юных лет, после многих превратностей в жизни, встречаются на поле битв, заключают друг друга в объятия, меняются оружием, стремятся к славе и вместе в могилу! «Здесь, скажет в описаниях своих историк, при слиянии Наревы с Бугом, Наполеон вздумал сделать огромные укрепления. Тысячи польских рук и миллионы злотых употреблены для этой трудной работы. Наконец возникли высокие валы, показались, погрозили и рассыпались!» Это дело очень сбыточное, прибавит внимательный путешественник, ибо тут нет другой земли, кроме песку, а песчаные валы недолго стоят!

Друг мой! падение сих валов не предвещало ли, что и скороспешная слава основателя их рассыплется как они? Впрочем, твердое положение Сиротска защищает Варшаву с лица от Праги, а Модлин надежно оберегает ее с левой стороны. Реки, текущие в Вислу, широки, пространства, орошаемые ими, лесисты и болотисты: сколько природных оборон имеет Польша! Сколько способов для оборонительной войны и сколько выгод для торговли! Сия последняя оживает, несмотря на горящую в пожаре Европу. Плоты и барки плывут по течению. Белокрылые суда летают по разливам вод. Торговля придает какой-то вид жизни сим безмолвным наводнениям и лесам.

Варшава, 18 Апреля

Переплывя Вислу, также широко распахнувшую воды свои за берега, мы очутились опять в Варшаве. Здесь после всех превратностей с 1812 года, после

всех неисчислимых трудов и опасностей, увиделись мы с братом Иваном, служащим адъютантом при князе Д. И. Лобанове.

Высмотря и пересмотря Варшаву два раза, в третий не найдешь в ней ничего любопытного. Это книга, которую больше двух раз не читают. Но то, о чем удостоверились мы совершенно в Варшаве, так важно, дивно и единственно, так чудно, любопытно и приятно, что кажется с самых давних времен еще ничего подобного не бывало. Восхищайся, друг мой! Уже великий, страшный, могучий Наполеон нигде, а храбрые русские везде!

«Старайтесь только преградить течение главной реки, тогда малые источники сами собою иссохнут» — так говорил славный наш министр Безбородко и так сделал ныне Александр Первый. «Бей змея по голове!» — повторял герой Рымникский, сломили голову Парижу и все буйные головы французов преклонились. Вот что значит задавить змея в его норе! «Для чего не умер я на полях Италии!» — говорил Суворов в последние минуты жизни. Вот истинно великий человек! а Наполеон не хотел умереть, хотя при последних лучах догорающей славы своей: он плакал, как дитя, о потере короны. Сбылось пророчество Лафатера: когда принесли этому почтенному мужу портрет Бонапарта, бывшего тогда только еще генералом, и требовали изъяснения будущей его судьбы, он попросил несколько времени на рассмотрение, а чрез три дня возвратил портрет с сими словами: «Он пойдет высоко, будет очень славен, но переживет славу свою!» Чудесно сбылось! Где слава разорителя царств? Умерла. Наполеон, похоронив честь и славу свою, сидит над могилою их и боится смерти и плачет!

24 Апреля

Герцогство Варшавское может быть прекраснейшим краем. Верхний слой земли кажется песчан, но под песком кроется чернозем и нивы златятся лучшею жатвою. Долины здешние так гладки, что дальние предметы на них за несколько верст открыты глазам. На берегах Вислы расположена Запасная

армия. Ничто не может быть умнее и полезнее, как учреждение этой армии. Под главным надзором неусыпного, благоразумного и опытного генерала князя Лобанова, новые войска составляются из рекрут, образуются, учатся и, как рой из ульев, идут вперед заслонять грудью своею проломы в полках. От Сухачева до Ловича течет река Бзура, которой правый берег, состоя из беспрерывных холмов и возвышений, может пригодиться в военное время для крепкого стана и прочего.

Лович — преизрядный городок. Доселе принадлежал он Даву и с округом своим из 75 000 душ приносил ему огромный доход.

Здешние крестьяне-извозчики одною вожжою управляют четырьмя конями. Вместо действия вожжами они говорят лашадям. Извозчик закричит: гекса! икса! и лошади тотчас поворачивают вправо или влево. Скажи лошадям своим, чтоб они скорее бежали, говорили мы, но этого слова на конском языке не было: оно было в руках извозчика. Сухачев, Лович и Лончиц, городки, расположенные на возвышенных холмах, среди гладких, как ток, полей, доставят большие выгоды в войне, если их укрепить. Они могли бы составить ряд преград на одном из путей к Варшаве. Вся сторона к Унеиову более и более лесиста. Варта, текущая чрез Познань и впадающая в Одер под стенами Кюстрина, есть сокровище для герцогства: она доставляет ему сообщение с Пруссиею и Балтийским морем. Оживающая торговля уже приготовляется загребать золото и богатить свои области. Все пространство за Вартою удивительно песчано и довольно лесисто.

М. Доброе, за Вартою.
25 Апреля

Нам отвели ночлег подле самого местечка на мызе одного барона. Ночь была претихая. Я лег в бричке подле цветущих черемховых дерев. Вдали извивался голос соловья, вблизи пел ночной сторож. Я не спал, долго смотрел на полную луну и вслушивался в слова ночного певца. Речи песни его достойны внимания: вот что я запомнил из них:

СТОРОЖ ПОЕТ

Простерлись ризы мрачной ночи,
И гаснет на небе заря,
И сон равно смыкает очи
У всех, от нищих до царя!

Там медь звучит — се время глас!
Возвысь свои, о смертный, мысли:
Спеши, дела свои исчисли,
Пройдет и жизнь твоя — как час!

Не бойтесь страшных привидений,
Безгробных мертвецов, теней!
В груди невинной нет смятений:
Покойно сердце дремлет в ней.

В одних злодеях совесть, ноя,
Лишает их услады сна,
Лишает сладкого покоя:
Страшна им ночь и тишина!

О люди! Час бежит, спешите
Добро сегодня довершать,
Надежд на завтра не кладите:
Подходит к жизни смерть, как тать!

Се, звезд полки нисходят стройно!
И утру быть пришла пора:
Блажен, кто встанет так спокойно
Сегодня, как уснул вчера!

26 Апреля проезжали мы Калиш. Проедем городки: Остров, Сюльмержиц, Милич и очутимся в Силезии! По русской езде можно б в одни сутки быть из Польши в Силезии и Саксонии. Но здесь возят страх как тихо!

Около Калиша стороны весьма изобильны, деревни часты, велики и зажиточны. Мужики, наши подводчики, едят ситный хлеб с сливочным маслом! Увижу ли когда-нибудь столь счастливыми земледельцев моей родины? Но разорение слишком жестоко постигло ее!

Вот уже в глазах Силезия, бросаю на Польшу последний прощальный взгляд.

ВЗГЛЯД НА ПОЛЬШУ

Следуй за мною все вверх на гору, которую я представляю себе в воображении, я поведу тебя так высоко, что мы увидим оттуда всю Польшу с края

в край. Вообрази, что мы уже там на высоте, и смотрим, и рассуждаем. Мы будем обращаться на все четыре стороны света, попеременно. Взгляни на восток и простри взор твой чрез большие реки: Варту, Вислу, Нареву, Неман, Березину и Двину. Что видишь ты на сем великом и ровном пространстве? С первого взгляду, дремучие леса, много болот и довольно пашни. Но в густой тени сих лесов, с которыми огонь и секира ведут вечную брань, среди болот, осушенных трудолюбием, есть города, славящиеся своею древностью и блистающие еще поныне остатками прежнего великолепия. Есть там места цветущие, живописные: замки и дома, расположенные на берегах светлых озер или при шумном течении полноводных рек. Древние нравы, древние обычаи вместе с лучшим из всех гостеприимством еще цветут и утешают там людей. Роскошь, по удалению мест сих от столиц, не может утвердить в них вредного владычества своего. Но любовь не покидает сих стран!..

Польша с давних времен считалась Отечеством ее. Ни мрак глубоких лесов, ни кипение бурных рек устрашить ее не могут. Осенью бродит она, вместе с задумчивостию, по развалинам старинных замков и сетует о прошедшем, зимою ходит по оледенелым пустыням из хижины в хижину, из дому в дом. Весною, обновляясь вместе с природою, гуляет она по зеленеющим мхам и древним рощам, наполненным отзывами жизни. Здесь все любит. Нигде, как здесь, женщины, такого владычества в обществах не имеют. Музыка также охотно гостит в сих местах. Часто странник, ехавший целую ночь по лесам, засыпанным снегами, слышит на утренней заре приятные звуки органа: это предвозвещает ему близость селения и костела польского. Часто, застигнутый темнотою, останавливается он в простом сельском домике и находит в нем скрипку, гитару и фортепиано, находит двух или трех девушек, которые играют отечественные песни: мазурки и краковяки, читают стихи, говорят о любви к своему Отечеству, и вечер проходит в очаровании. Воин напрасно будет искать славных крепостей в сей стороне, их очень мало, да и те построены вновь. Влево к северу та же дикость уединенной природы, те же почти нравы людей. К западу ровное,

плодоносное, немноголюдное и больших замков и огромных домов почти не имеющее герцогство Варшавское. Но обратимся вправо к югу: какая счастливая сторона! Полистая Волынь — Италия Польши. Она усеяна замками, украшена прелестными садами. Стада и табуны находят там тучную паству, а земледелец благодарную землю, возвращающую десятерицею вверенное ей зерно. Довольство видно там в хижинах, богатство блещет в домах, гостеприимство повсеместно. Буг, Горен и Днестр вместе со множеством других речек, усыряя землю, доставляют большие пользы лугам и нивам и великие средства торговле. Далее, Подолия с своими живописными горами, а там обе Галиции, сопредельные Моравам и горам Силезским. Пространна была Польша: от Днестра до Балтийского моря, от Двины и до Одера!

Слышишь ли ты там, в далекой глубине лесов и там по уединенным развалинам древних замков, стон, подобный стону человека, умирающего в пустыне? Это стонет древний дух польский! Дух, блиставший некогда в красоте царства своего и стяжающий венцы побед на гремящих полях славы. Ныне лежит он уничтожен, под тяжким бременем забвения, лежит связанный властями трех сопредельных держав. Многие веки будут слышать стон его и пройдут мимо. Напрасно надежда щекотит сердце, напрасно жены и девы польские, пылающие духом древних рыцарей, заставляют юношей своих петь любимую песню их:

Еще Польша не погибла, доколе мы живы:
Все, что прежде потеряли, саблями воротим!

ОПИСАНИЕ СИЛЕЗИИ И ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СОЮЗНИКОВ ЗА РЕЙНОМ И ДО ВЗЯТИЯ ПАРИЖА

27 Апреля 1814. Силезия

Какая благословенная сторона! Земля обетованная! Из Польши в Силезию въезжаешь точно с такими чувствами, как переходишь из бедного, опустелого, в богато убранный и людьми наполненный дом. В Силезии убирают поля как комнаты. Право так! Ну посмотри: здесь камни в своем месте, а дрова в своем — и все в порядке. Население удивительное: на всякой версте — деревня, на всякой миле — город.

Город Милич

Первый пограничный городок. Ландрат рассматривает паспорты наши внимательно, рассуждает благоразумно. Тут нет ни прижимок, ни зацепок, ни крючков. Заготовляют лошадей, дают билеты на квартиру. Старый, еще Фридрихов солдат, провожает нас. Хозяева принимают русских офицеров, как друзей. Пьем, едим, отдыхаем, все даром. В Польше этого не было! И кошелек наш очень исхудал от того, что там ничего

не было — даром. Зачем вы сами услуживаете нам? — Спросил я у премилой хозяйской дочери. «Я знаю,— отвечала девушка,— что ваши барыни белоручки, ничего сами не делают: у них много служанок и слуг, но мы в доме имеем только одного человека и по обычаю сами трудимся. Притом вы ведь сами же освобождали Отечество наше от неволи: и нам приятно угождать благородным защитникам нашего счастия. Поверьте, что трудиться весело, надобно только привыкнуть к трудам. Для чего же дал нам Бог руки? Для работы!» Я с непритворным удовольствием расцеловал сии трудолюбивые руки.

Тотчас по приезде дал я одному бедному, босоногому, просившему милостыни мальчику несколько злотых на покупку мне бумаги. Он скрылся и чрез несколько времени возвратился с бумагою. Кто мешал ему уйти? Я бы никогда не мог узнать его после. Но вот образец немецкой честности!

Право тут все так порядочно, как в Нортоновых часах и уважать русских здесь также в порядке вещей. Извозчик, который нас вез, гордился тем, что часто возит наших офицеров. Русский мундир и русская ассигнация здесь в большой цене.

Тут женщины не только трудятся дома, но часто видим их работающих и в поле, мужчины сражаются за Отечество: почтенный народ!

ГОРОД ТРАХЕНБЕРГ

будет знаменит в истории. Здесь прошлого года имели свидание: Александр I, король прусский и принц шведский. Огромный замок здешнего князя Герцфельда имел счастие вмещать в себе сих венценосных особ.

В Трахенберге отвели нас в дом одной доброй старушки. Молодая Амалия Лаубе, внучка ее, готовила на кухне, читала немецкие стихи, накрывала на стол и играла на фортепиано.

Все почти силезские девушки воспитываются в девичьих училищах в Бреславле. Надобно думать, что училища эти очень хороши, ибо воспитанницы их преблагонравны и довольно учены. Многие из здешних жителей записывают в особую книгу имена всех доб-

рых русских офицеров, которые у них бывают на постое. А разве бывают и недобрые? «О, случается,— отвечала Амалия с невинною простотою,— однако ж, довольно редко!» Мы нашли имена многих наших знакомых в книге добрых.

Едем по очаровательным местам: Силезия лежит пред нами, как прелестная картина! На лугах тучная зелень, тучные стада и веселые пастухи. Здесь кажется всякий очень доволен своим состоянием. Жаль, что во все сии дни погода слишком худа: то брызнет дождь, то посыплет снег и везде слякоть. Прелестная Силезия достойна позлащаться вечно прекрасным итальянским солнцем, но для удобрения песчано-каменистой земли ей дожди необходимы. Все здешние дороги и даже тропинки обсажены деревьями. В начале весны вколачивают рядами лозовые колья, которые чрез год или два превращаются в прекрасные ивы. Здесь люди так же хороши, как их природа, а это очень редко! Не один русский в молитвах сердца своего повторяет: дай, Боже, всякого счастья сим добрым, гостеприимным людям!

О, как счастлив должен быть король прусский, имея такие прекрасные области, как Силезия! Друг мой! Не лучше ли делать народы счастливыми, нежели их покорять?

29 Апреля

ЧРЕЗ ВИНЦИГ В ШТЕЙНАУ

Здесь, в городе Штейнау, переезжали мы Одер на прекрасном плоту. Дул сильный северный ветер, буря пенила мутные волны, и река, казалось, хотела выплеснуть из берегов. Здесь Одер не так широк, как выше при Бриге и ниже при Глогау.

С нами переезжала прекрасная молодая девушка с старой матерью своей. Здесь так много хороших, что не знаешь, которой отдать преимущество. Только что пленишься Амалиею и целую станцию о ней мечтаешь, вдруг бросается в глаза Луиза, там Каролина, Шарлотта, и одна другую вытесняет из воображения. За Одером проезжаем местами, чрезвычайно от французов пострадавшими, но глубоких следов войны уже

не видать. В здоровом теле раны скоро залечиваются. И такое благотворное и благоразумное правительство, как прусское, может залечить всякие государственные раны! Читал ли ты Одиссею? Разумеется, читал! Ну так разве там только найдешь такое гостеприимство, какое находим мы здесь. Как-то примут нас в Отечестве нашем, когда Бог судит воротиться?

Здесь все единообразно и порядочно. Приезжаешь в город, идешь к бургомистру или коменданту, оттуда в квартирную комиссию и в комиссию для выдачи лошадей. В первой получают билет на квартиру, в другой на лошадей. Покуда отдыхаем на квартире, в красивом светленьком домике, при котором садик, цветник и беседка, покуда разговоримся с угостительным хозяином, услужливые жандармы приводят лошадей и едем! Жандармы тут препочтенные люди, почтенные по их честности, расторопности, прежней и настоящей службе. Они отводят приезжих на квартиры, доставляют им лошадей, указывают, что нужно, и все с наилучшим усердием без всяких взяток, они то ж, что полицейские, но без крючков. У нас добрые отставные солдаты могли бы также быть употребляемы.

Спрашиваю: отчего здешние девушки так белы, румяны и свежи? Отвечают: оттого, что они не проводят ночей без сна, а дней без дела. Их видишь всегда за работою, всегда в движении, большей частию на открытом воздухе, не читают они пустых романов, не воспаляют воображения, не спешат жить. Зато не знают ни спазмов, ни мигреней, ни страшных нервных горячек. Всегда веселы, опрятны, проворны, встают рано, ложатся в пору. Когда сгрустится — поют, или тихо кружатся под свой плавный вальс. В обществе веселятся они от всей души и не зевают под шумом музыки и блеском освещения, потому что съезжаются только изредка. Наслаждение у них известно, а о пресыщении и слыхом не слыхать.

В Штейнау остановились только на минуту. Оттуда проехали в Любен, где обедали у мельника. Не пугайся! Он имеет прекрасный дом и двух премилых дочерей, которые играют на фортепиано, говорят по-французски, знают историю, географию и заведывают всем хозяйством в доме.

29 Апреля. Город Гайнау

Город сей знаменит победою, одержанною в окрестностях его генералом Блюхером в прошлом году. Когда союзные армии отступали из Саксонии и неприятель уже вломился в Пруссию, то искусный и неустрашимый Блюхер, указав солдатам на стенящую в пожарах Бунцлау, стал твердо за землю свою. Одну часть скрывает он в лесистых оврагах, позади бугров, а другой умышленно велит отступать. Пылкие французы нагло стремятся в сеть. Условлено: когда загорится стоявшая в стороне на холме мельница, то нападать со всех сторон. Все исполнилось. Благоразумнейшее предприятие увенчалось блистательнейшим успехом. Знамена и пушки были трофеями победы. В Гайнау мы ночевали. Недалеко от сего города показались слева величественные исполины, окутанные туманами, в синих венцах своих. Впереди, под небом темнели знакомцы мои, холмы саксонские. Необозримая даль манила к себе воображение. Воспоминания мелькали одни за другими, мечты и надежды ласкали сердце.

30 Апреля. Бунцлау

Этот город разорен и укреплен французами. Сады вырублены, ворота завалены, везде рогатки, туры, рвы и окопы. Жители бунцлавские менее всех прочих славятся гостеприимством. Они были богаты и скупы. Здесь-то умер фельдмаршал, светлейший князь Кутузов. Дом, где он скончался, откуплен и превращен будет в храм. Так, пусть неугасимая лампада теплится над могилою того, к кому почтение в сердцах неизгладимо!

31 Апреля. Город Лаубан

Силезия кончилась, мы в Саксонии! Здесь прошлого года было последнее арьергардное дело, в котором начальствовал Милорадович. Тут принял, угостил и обласкал нас, как добрый соотечественник, комендант города майор Канищев.

«Вот здесь дрались, здесь сражались, в этом лесу скрывались стрелки, по этому полю неслась на неприятеля конница!» Так говорили мы, подъезжая к Герлицу. Война коротко познакомила нас с окрестностями его. Герлиц уже опять цветет, и вся Саксония, стрясая с себя пожарный пепел, является в прежней красоте. Торговля и благоустройство залечивают раны.

Видал ли ты разоренный муравейник, приводимый в прежнее состояние трудолюбивыми его жителями? Видал ли, как движутся тысячи насекомых, сносят листья, сучки, зерна, травки и прежнее становится по-прежнему? Так и Саксония!

Рассуждают, отчего здесь так скоро обгорелые развалины обеляются и дома рождаются из пепла? Узнаю, что здесь издавна копились суммы пожарные, суммы для вспоможения бедным: они уцелели и теперь пригодились кстати, как нельзя лучше. При том же сострадание, свойственное доброму и просвещенному народу, щедро изливает целение на раны страдальцев. Бури, потрясавшие Европу, пробудили чувства милосердия в самых оцепенелых сердцах. К чести Саксонии, в ней нет ни одного города, в котором бы не было какого-нибудь богоугодного и бедным полезного заведения.

2 Мая

Анхен, Мальхен, Юльхен хоть кого очаруют здесь! Какие стройные талии! Какие живописные лица! Я видал здесь женщин знатного рода, большая часть из них так же бледны, томны и унылы, как и у нас. Почему же в среднем состоянии так хороши? Потому что они ближе к природе. Природа мстит первым и лелеет последних, как милых дочерей своих. Что ты получаешь в год от своего хозяина? Спросил я вчера у одной прекрасной, преумной и прерасторопной Юльхен. «20 талеров» (80 руб. ассигн.),— отвечала она. «И ты довольна!..» «Сыта и одета — стало, довольна!» Видите, как здесь люди не гоняются за большим!

Завтра, коли даст Бог, едем чрез Бауцен, опять чрез поля сражений!.. Но теперь уже перестают литься кровь и слезы, замолкают громы, начинают куриться алтари, добродетели и мир лобзаются с тишиною под

сладким пением оживленных муз. Там, где за год пред сим разъяренные воины с таким усилием стремились истребить человечество, мирные поселяне стараются теперь о пропитании оного. Одни поколения живут на разрушении других, целые народы мрут, истлевают и превращаются в глыбы земные! Но долго ль будет существовать такой порядок вещей под солнцем?

До Бауцена, в Бауцене и далее к Дрездену нет места, которое почему-нибудь не было бы нам знакомо, почему-нибудь замечательно. Еще нет года (и сколько перемен!), как мы, уступая сие пространство шаг за шагом, дрались за каждую сажень земли. Битва на полях Будисинских * будет памятна в летописях Европы. Сражение под Бауценом было общее и великое. Французы в собственных своих известиях сознаются, что они потеряли 15.000, а в самом деле потеря их гораздо больше.

Вся дорога к столице саксонской возбуждает во мне тысячу напоминаний! Как разорена злополучная страна сия! Развалины на развалинах, пепел на разрушении, но деятельность извлекает из тления новые села, новые города. Кровли из новой черепицы, повсюду алеющие среди черных огарков, чрезвычайно нравятся глазам. Саксония похожа на прекрасную женщину, восстающую с одра тяжкой болезни.

5 Мая

Дрезден! Дрезден вижу я! Он тот же, но окрестности его уже не те. Где девались сии величественные рощи, сии волшебные сады, которые такую прелесть всему придавали? Наполеон сорвал их, как волосы с главы красавицы. Он оскуб, ощипал их, как золотые перья фазана. На место зеленеющих окрестностей явились грозные валы и мирный, беспечный Дрезден превращен в страшную крепость и хмурится за окопами, и грозит своими пушками. Давно ль входил я в него, как в цветущий сад! Кто ж превратитель царств, городов и Европы? Наполеон!

Обнес прелестный град он грозными валами,
Ко стогнам прилегла ночей дремучих мгла.

---

* Бауцен назывался прежде Будисином, и на старинных картах под сим именем означен.

Драконы сели вкруг с гремящими жерлами,
И смерть у ног его легла.
Исчез прекрасный свет лазури,
Под блеском зарев вою бури,
Гром в день, гром слышен в ночь,
Рев смерти, жизни стон,
Мечами поросли и копьями дороги...

В таком виде был Дрезден за несколько пред сим месяцев, теперь опять расцветает. Многолюдство возросло гораздо против прежнего. Люди, скрывавшиеся в лесах, по горам и вертепам, возвратясь в дома свои, усугубили жизнь и деятельность в городе, улицы кипят народом, сады наполнены гуляющими, только Эльба что-то обмелела.

4 Мая. Дрезден

БРИЛЕВСКИЙ САД И ДВОРЕЦ

Сей сад, принадлежавший министру Брилю, разведен на валах и бастионах, окружавших некогда древний Дрезден. Он украшает собою левый берег Эльбы.

Там, где были прежде грозные валы, высокие окопы, твердые оплоты старого Дрездена, там теперь на этих валах и бастионах, одетых камнем, разведены прелестнейшие сады, устроено очаровательное гулянье. Где гремела война, где жили суровые воины, где воздух напоен был серным запахом, там поют птицы, гуляют красавицы и благоухают цветы. Вот что значит возращать розы в пустынных дебрях. Всего более гулянье это украшается свободою, здесь всякий по себе. Один курит трубку, другая, сидя, вяжет чулок, там пьют пунш, тут говорят или читают. Сладкие звуки музыки мешаются с пением вольных и по клеткам рассаженных птиц. Тут никому ни о ком дела нет. Полицейских и не слыхать, а все так тихо, так порядочно! Гуляя на бастионах по берегу, находишься между картинами природы и искусства. Идя туда, взгляни налево: река, мост, с узорчатыми виноградниками горы, села, рощи, башни и замки в златорозовом мерцании тихого майского вечера представляют прекраснейшие картины природы. Поверни направо: войдешь в галерею королевского дворца и восхитишься произведениями искусства.

Вот редкие картины! Опишу некоторые из них. Видел ли ты Лас-Казаса за час до его смерти? А я видел его здесь. Какая мастерская живопись в картине: видение Лас-Казаса! Невольно переселяюсь в Новый Свет и вижу все как наяву. Сей питомец добродетели, сей друг человечества лежит под открытым небом, на соломенном ложе, в виду синеющих вдали гор. Одною рукою прижимает он к умирающему сердцу крест, другою указывает на Евангелие. Уже смерть отнимает у народов их защитника. Он умирает, и с ним вместе умирают все надежды чад Америки. Один из них в глубочайшей грусти, стоя на коленях и ломая руки, кажется, умоляет смерть, чтоб она отвела косу от сердца добродетельного. Но неумолимая не внемлет. Уже все тело цепенеет, стынет и синеет. На картине все это, как в зеркале, видно. Кажется, сам видишь, как смерть переходит из кости в кость, из жилы в жилу, вытесняет жизнь и отлучает душу от тела. В последние минуты раскрывается небо и жители его, ангелы, роятся над умирающим, как пчелы над весеннею розою. Они кажется ласкают, как друга, душу Лас-Казаса, и ободряют, и манят его из тлена в нетление, от скук суетливой земли к вечным радостям тихого неба. Рисовка в сей картине отменно хороша: черты глубоки, все мускулы, жилы и выпуклости так естественно изображены, что кажется, будто там в самом деле положен умирающий человек.

В картине «Суд Соломона» нарисован хорошо только один воин, намеревающийся рассечь пополам ребенка.

На большой площади в Нейштате сооружен бронзовый памятник Августу II. Он представлен на коне.

На славном Дрезденском мосту отличается другой памятник, в честь первому зачателю сего дивного произведения, Георгу II, герцогу Саксонскому. На большом камне водружен огромный бронзовый и ярко вызолоченный крест с распятием. Весьма примечательна новая золотая надпись на мраморном подножии сего креста. Вот она:

«Разрушен — галлами,
восстановлен
Александром I!»

Далее означены: год, месяц и число.

Сия надпись могла бы годиться и для общего порядка вещей в Европе. Не галлы ль нарушили его? Не Александр ли I восстановил?

Европа теперь похожа на человека, претерпевшего страшное кораблекрушение и последним порывом бури выброшенного вдруг из шумных волн в мирную пристань, из самых мрачных пучин на самый цветущий берег. Несчастный не верит своему благополучию, ему все еще мечтаются ревущие волны и свистящие ветры. Беспечно лежит он под ясным небом, и не зная, что предпринять, на что решиться, что будет с ним далее, забывает прошедшее, не мыслит о будущем и спешит только наслаждаться настоящим. Никогда так мало не говорили о войне, как теперь, по крайней мере здесь. Как будто и слово война опротивело людям; недавно минувшее, кажется, прошло уже Бог знает когда! Все теперь стыдятся того, чего прежде желали, за чем гонялись, а давно ли гонялись? С месяц тому назад. О, люди!

Наши русские беспрестанно женятся в Саксонии. Здесь смотрят прямо на человека, а не на то, что на нем, ищут души, а не душ. Богатые саксонки выходят за бедных офицеров. Они не жаждут ни генеральства, ни денег, а желают, чтоб человек был умен, добр и русский! Каждая из сих милых женщин, подобно нежной Неемии, сказав мужу своему: «Твой Бог будет моим Богом, а твое Отечество моим Отечеством!» уезжает в Россию, не пугаясь морозов ее.

Любопытно смотреть, как немцы и русские играют в банк. Первые ставят гроши, другие червонцы. Те при проигрыше морщатся, а эти — ничего! Ведь и по этаким мелочам можно узнавать характер народов.

На многих домах все еще существуют русские вывески. В саду у Марколини вместе с златоперыми фазанами живут ощипанные индейки и простые русские куры. Здесь, право, весело быть русским!

Дрезден более высок, нежели обширен. Дома в 5, 6 и более этажей. Все окна украшены розами и соловьями. Громкие песни по зарям услаждают дремлющий город.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Наконец увидел я подлинник Корреджиевой Магдалины и в сем несравненном подлиннике увидел то, чего ни в каких подражаниях видеть нельзя: я увидел кисть Корреджио. Во всех списках, даже в самых превосходных, замечаешь какую-то принужденность в положении Магдалины. Она как будто чувствует, что на нее смотрят, и как будто остерегается нескромных взглядов. Корреджио увидел ее там, где она была никем не видима, окружена священною неприступностию пустыни, куда нечистое око смертного проницать не дерзало. Зато с какою беспечностию лежит она у него на зеленой мураве!.. Удивительное спокойствие и беззаботливость ясно доказывают, что она уже забыла о целом свете, но свет не забудет великого художника и чудесного произведения кисти его.

Вот другая Магдалина живописца Батони. Стремясь подражать великому, он сделался знаменит. Его прекрасная Магдалина написана во весь рост. Она также белокура с златовидными волосами, которые, однако ж, слишком опрятно причесаны. Она также лежит на зеленой мураве, также читает, также вслушивается в шепот ручья, который, кажется, нарочно старается течь тише, чтоб в чистом зеркале своем вмещать прелестные черты красавицы. Но у ног ее лежит мертвая голова и стоят песочные часы. (У Корреджио этого нет). Батони сделал это для того, чтоб вдохнуть неприметно более участия в зрителей.

Это все равно, как бы кто-нибудь указывал нам прекрасный цветок, над которым уже висит роковая коса, готовая пожать его. С первого взгляда каждому понравится, может быть, Батониева, но знатоки отдают несравненное преимущество Корреджиевой Магдалине. Первую можно сравнить с трагедиею Шиллера, другую — с Мессиядою Клопштока.

Как описать тебе, что я видел: я видел живопись в полном совершенстве ее, видел я великое чудо, со-

вершившееся за XVIII пред сим веков. Какое неподражаемое искусство в живописи! Откуда почерпнул Корреджио ту высокую мысль, которую так превосходно изобразил в своей картине, известной свету под названием: Корреджиева ночь, или Рождество Христово. Этого-то художника можно назвать изобразителем Божества. Конто-ди-Ротари осветил картину свою месяцем и осветил ее прекрасно. Но Корреджио считал, что никакой свет естественный не достоин светить тому месту, где родился Христос: оно должно озаряться светом сверхъестественным, от самого младенца исходящим. Так мыслил благородный художник, и такую величественную мысль, возвышающую дух каждого христианина, осуществил он искусством своим. Из средины картины его на все пространство ее распространяется сияние, блеском превосходящее лунное и несравненно приятнейшее солнечного. Не умею прибрать точного названия небесному сиянию сему. Я вижу новорожденного младенца. Он есть солнце сей картины, как был некогда солнцем Вифлеема и как пребудет в бесконечности времен незаходимым солнцем христианского мира.

Смотрите и дивитесь: положили дитя на соломе, и она вдруг засверкала как бриллиянтовая! Видите, что, к чему только ни прикоснется сияние от младенца, все становится благороднее, величественнее, священнее. Различные предметы различно освещаются: иные вполовину, другие только слегка, но лицо Марии освещено вполне, на нем нет ни одной черты тени. Она заимствует свет от младенца, как луна от солнца. На лице Марии изображается и глубочайшее благоговение и нежнейшая материнская любовь. Глаза ее потуплены, закрыты ресницами: но их, кажется, видишь и сквозь ресницы. Они не блестят, но светятся, как луна за тонким облаком. Не с неба на землю, от земли на небо свет востекает. Какое-то серебряное зарево, отблеск сияющего младенца, пылает в голубом эфире, и слияние теней и света неподражаемо. Златокрылые ангелы, плавающие в алом рассвете утра, заимствуют озарение свое из одного источника. Многие из предстоящих закрывают глаза руками, не стерпя яркости сияния. Всякий особым образом изъявляет свое удивление. Но благоговение есть общее чувство всех.

Вот картина, в которой все достойно и предмета и творца ее!

Корреджио, написав ее, не получил и 250 руб. на наши деньги, а герцог Саксонский заплатил за нее 250 000 рублей, теперь же не отдадут и за полмиллиона. Так-то мало уважают люди дарования современные. Корреджио жил в крайней бедности: никто не помогал ему, умер, и начали жалеть и воспевать. Такое действие людей прекрасно изображает русская пословица: «снявши голову, по волосам плачут!»

Вот и Рафаэлева картина! Чем превышает он всех живописцев? Простотою и выразительностию. Смотрю на аллегорическое изображение. Жена, возносящаяся в небеса, несет с собою в виде ребенка любовь христианскую. С одной стороны Сикст, с другой — Св. Варвара. Пониже сих трех лиц два ангела, плавая на облаках, с величайшим вниманием смотрят на то, что происходит выше их в небе. Положение всех лиц так свободно, так непринужденно! Тут нет ни одной замашки, чтоб блеснуть искусством, все просто, а под сею величайшею простотою сокрывается величайшее искусство. Совсем не видать воли художника. Кажется, что лица явились и расположились сами собою, и оттого-то вся картина кажется быть нерукотворенною. В младенце и в ангелах так много жизни, особливо в глазах, что всякий, смотря на них, только и ожидает, что первый проговорит, а последние взовьются и улетят в седьмое небо!.. Сия картина куплена за 300 000 руб.

В таком же роде Аннибале Карачио — голова Христова. Она также проста и также почти неподражаема. Он умел сделать невидимое видимым, он нарисовал чистую совесть.

Здесь можно видеть целую жизнь Магдалины, или, правильнее сказать, Марии в картинах*. Вот Франчоцини нарисовал ее раскаивающеюся. Я вижу красавицу в ту минуту, когда она решается оставить свет, свет мятежный, исполненный скуки, суеты и превратностей.

* Здесь можно разуметь не ту Магдалину, которая родилась в горах Магдальских и была ученицею Иисуса, но Марию Египетскую, проведшую 47 лет в глубоком уединении на пустынных берегах Иордана. (См. в Четьи-Минеи жития ее Апреля 1 дня).

Она срывает с себя все украшения: перлы, рубины и пурпур. Разбитое зеркало лежит у ног. Там, вдали, тихая пустыня открывает ей дружеские объятия свои, свет шумит и стонет за нею: она забывает последний и бросается к первой. У Батони вижу я ее раскаявшуюся, но еще неочищенную. Еще не изгладились следы протекшей бури страстей, еще видны какие-то оттенки слабостей, свойственных человеку, еще пробуждаются некоторые воспоминания о прошедшем, некоторые желания, для укрощения которых необходим вид мертвой головы. У Корреджио сия прелестная дочь раскаяния уже непорочна, как новорожденное дитя, мила, как ангел! Я вижу ее, окропленную небесным иссопом, убеленную яко снег. И душа, покрытая некогда бурным мраком страстей, теперь тиха и светла, как ясный весенний день. Столь спасительна для грешных чад земли священная купель покаяния!

ТОЛКИ ЗРИТЕЛЕЙ

Люди, привыкшие искать пятен в солнце и луне, роятся и здесь около картин великих художников и толкуют об них по-своему. Они говорят, например, что во времена Марии не было книг (а были свитки), что Св. Варвара не современница Сиксту и проч. и проч. Какие пустые толки! Очаруй нас художник и венец награды твой! Мы хотим подделаться к природе, к истине и выходим из цветущей области мечтаний в скучные пределы существенности. Всего страннее поступаем с драматическим искусством. То позволяем ему себя обманывать, то вдруг требуем от него же самой строгой исторической истины, требуем настоятельно единства места и урочного времени, а соглашаемся и верим от чистого сердца, что будто очень естественно, чтоб татарин, турок и американец в трагедиях Вольтера или Расина говорили по-французски. Строгая истина необходима в истории, в поэзии и живописи нужно только очарование!

В картинах фламандской школы природоподражание удивительно! Виноград есть хочется, капли на листьях и цветах, кажется, только что упали с неба.

Так, я видел произведения великих художников, и никто, кроме смерти, не вырвет из души моей того,

что я видел! И в глубокой тени неизвестности, при всех заботах бедности, я буду утешаться тем, что видел. Вместе с Дюпати могу сказать, что в странствованиях моих не накопил я ни сокровищ, ни редкостей, но обогатил ум напоминаниями, а сердце чувствами!

ЛЮБОПЫТНАЯ ВСТРЕЧА

Между тем как я в одном конце галереи рассматривал картины, в другом появился человек небольшого роста, пожилых лет, очень опрятно одетый и бело напудренный, все движения его имели какую-то необыкновенную живость: он не ходил, а бегал, наводил лорнет на три картины вдруг, и то улыбался, то качал головою, то приходил в удивление. Иногда на две, претворялся весь во внимание. По приемам и ухваткам его мне казалось, что он издавна и коротко знаком со всеми здешними картинами, а потому, сочтя его за одного из надзирателей галереи, мне хотелось войти с ним в разговор.

Мы неприметно сблизились. Не Снеерсова ли это? спросил я, указывая на одну фламандскую картину. «Точно его!» отвечал незнакомец и брызнул на меня потоком слов! В несколько минут проговорил он целое рассуждение о фламандских картинах. Еще в несколько минут прочел мне первый том своей жизни. Незнакомец говорил очень скоро и с большим жаром. Он сыпал речьми, в которых острые слова сверкали как искры. Благодаря его словоохотливости, тотчас я узнал, что он француз, давнишний эмигрант, камергер прусского Двора, по имени Мон-па, по титулу граф Фиен. Я узнал, что в начале революции он был гоним, схвачен и повешен Орлеанскою партией. К счастию, говорил Мон-па, я был повешен не записными мастерами, а самоучками: они только еще начинали тогда купать руки в человеческой крови. Мои друзья, продолжал он, успели снять меня с фонарного столба еще с искрою жизни. Я опамятовался на морском берегу: меня увезли в Англию. Он ругал госпож Ж. и С. на чем свет стоит. Первая приказывала его давить. Французов вообще терпеть не может. Недавно один из пленных, встретившись с ним на улице и замечая по лицу и ухваткам, что он должен быть его соотечественник: «Вы,

конечно, француз, милостивый государь!»—сказал ему очень учтиво. «Прошу не ругаться, государь мой! я честный человек!» — был ответ Мон-па. Когда войска российские заняли Дрезден, Мон-па написал похвальные стихи нашему государю, вступили французы — и он все не переставал раздавать листики свои всякому, кто хотел их читать. Наполеон прочел и взбесился. Мон-па схватили и бросили в тюрьму. У него нашли целый ящик сатир, эпиграмм и пасквилей на императора французского. Некоторые были так остры и забавны, что сам Наполеон помирал со смеху, читая их. Сперва велел было он стращать и уговаривать дерзкого стихотворца, но, узнав, что его ничто неймет, он сказал: выпустите Мон-па и скажите ему, что он может ругать меня сколько хочет: мне самому весело читать его эпиграммы. Редкое великодушие в Наполеоне! Мон-па говорит очень умно и очень остро. Вот что я запомнил из его речей. Рассуждая о подлинниках и списках картин, он сказал: «Легче выражать свои мысли, нежели передавать чужие: от того подражание никогда не равняется с подлинником». Я жаловался, что некоторые картины стоят не в своем свете. Мон-па возразил: «Картины, как люди, по большей части не на своих местах». Говоря о французах, он сказал: «Французский народ есть вертушка, которую всякий ветер кружит по-своему!» А потом, узнав, что я еду во Францию, прибавил: «Поверьте, что во всей Франции не найдете вы теперь никого, кроме старых преступников и молодых повес!» Хорошее приветствие вам, господа французы!

8 Мая

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРОШЛОМ ГОДЕ, ИЛИ ПРОГУЛКА ОКОЛО ДРЕЗДЕНА

Улуча свободную минуту, вышел я из Дрездена и, долго бродя по прекрасным окрестностям его, то карабкаясь по горам, то гуляя в долинах, остановился наконец на дороге чрез Вильсдруф в Альтенбург. Я оборотился лицом к Дрездену, увидел его обнесенным валами, осыпанными батареями, подивился великим превратностям, в столь короткое время случившимся,

и начал мечтать о прошедшем. Положи пред собою карту Саксонии (хотя тот платок, который я тебе послал), поставь себя подле меня, сделай так, чтоб Дрезден был у тебя в глазах, право, вверх по Эльбе: Пирна, Кенигштейн и далее гористые пределы Богемии, влево, вниз по течению: Мейсен, крепости Торгау, Виттенберг, Магдебург и прочие. Устроя таким образом, станем мечтать вместе. Давно ли Наполеон, засев в окопах дрезденских, мечтал быть непобедимым? Еще тому и года нет. Обратимся к прошедшему, посмотрим на Август месяц 1813 года. Перемирие приходит к концу. Оно доставило великие выгоды русским и пруссакам, ибо в продолжение оного успели они склонить австрийцев к защите правого дела. Притом многочисленные подкрепления с берегов Вислы, сии рои, выпущенные запасною армиею, равно как и великие отряды, в разных местах Польши и Пруссии по больницам находившихся выздоровевших солдат, к главной российской армии прибыли, и поместясь в обессиленных полках, приметно оные освежили. Император французов ясно видел опасность, но надеялся на силу свою. Твердою ногою наступил он на сердце Саксонии (Дрезден) и смелым размахом провел около него круг, заключавший в себе: Бауцен, Виттенберг, Лейбниц, Альтенбург и мимо Теплица и богемских границ проходивший до Цитау.

Проведя круг сей на своей карте, ты будешь иметь поле главных сражений того времени. Наполеон воображал, что никто не посмеет переступить за волшебную черту его, и выставил впереди себя большие армии: одну вправо на границах Силезии, другую левее на дороге к Берлину, а между тем, в дерзком уме своем, хранил тайные покушения на Австрию. Союзники разделились на три армии. С одною принц Шведский взялся отстаивать Берлин, другая, средняя, вверена была уже прославившему себя Блюхеру, а третья, главная армия, под начальством австрийского фельдмаршала князя Шварценберга, потянулась влево, по длинной цепи подоблачных гор, мимо Дрездена к Теплицу. Сим искусным движением, заступя врата Австрии, получила она способы беспокоить тыл правого крыла неприятельского. Наполеон, владея обоими берегами, хвастался пред всеми, что он сидит на Эльбе

верхом и никто из смертных не в силах выбить его из седла. Он велел Макдональду биться с Блюхером, другой армии итти прямо в Берлин, а сам, с подвижною толпою множества войск, шагая с места на место, то того, то другого подкреплял и опять в Дрезден возвращался. В одно из сих его отсутствий главная армия, улуча удобное время, бросилась к Дрездену, в намерении захватить его врасплох, Наполеона не было тогда дома, он вышел подкреплять Макдональда, чтоб превосходными силами разгромить Блюхера, который, как искусный боец, уклонился от ударов, старался нарочно неприятелей далее и далее за собой уводить. В это время россияне вдруг показались вот там вправо, на высотах. Первые поиски на город были довольно удачны, но, послышав сзади себя бурю и беду, Наполеон тотчас опрометью бросился назад, и между тем как Дрезден палил из всех своих орудий, он выдвинул из-за окопов его 80 000 на долину. Союзники отложили наступательные предприятия и расположились для обороны по горам. В сем сражении пал знаменитейший из полководцев Моро! Но и до сих пор место, обагренное кровию его, не ознаменовано никаким памятником! Наполеон, успев собрать великое войско около себя, сделался уже страшен союзникам. Они предприняли отступление. Пользуясь сим, противник их посылает одного из дерзостнейших подручных полководцев своих, свирепого Вандама, с 30 000 войск, которому предписывает со всевозможною поспешностию и по самой кратчайшей дороге, опередя союзников, наступить на пределы Богемии, прорваться в Австрию и ломиться до самой Вены, предавая все огню и мечу. Дерзко, решительно и опасно было измерение сие, но, к счастию, часть нашей гвардии оставлена у Теплица. Эта-то горсть храбрых русскою грудью встретила внезапно нагрянувшего неприятеля: однако, сей главный оплот не удержал бы бурного стремления великой силы французской, если б неустрашимый граф Остерман не привел на помощь других гвардейских полков. Сведав об умысле неприятеля, бросился он от Кенигштейна к Богемии. Толпы французские отсекли было ему дорогу, но штыками и неустрашимостью открывает он себе путь и к Теплицу и к славе. Уже достиг он цели, подкрепил утомленных, сражение закипело по долинам, Вандам остановился

на горах. В сии торжественные минуты граф лишается руки, но, восхищенный победою, без воплей, без стонов, и даже без перемены в лице, переносит отнятие своей руки. Между тем на гром битвы прискакивает граф Милорадович и принимает начальство. Генерал Барклай де Толли приводит большую армию и распоряжается всем. Генерал-лейтенант Толь направляет движение войск. Так начался и загорелся известный бой у Теплица при Кульме. Его можно сравнить с боем при Малом Ярославце: то же намерение и та же неудача. Если б французский генерал, не занимаясь пустою перепалкою стрелков, ринулся с гор густыми толпами, то, конечно, пробил бы себе путь в Австрию.

Но ему надобно было дождаться пушек своих, отставших по причине трудных горных путей. Не хотя пожертвовать чем-нибудь, он потерял все. День 18 Августа был днем разрушения и войск, и дерзости, и славы нового французского маршала Вандама. Союзники обступили его со всех сторон. Битва была жестока, но победа совершенна. Шестьдесят шесть пушек, все обозы и 7000 пленных были трофеями оной, а венцом сих трофеев сам маршал Вандам, в плен приведенный. Наполеон восстенал, увидя, что против воли своей подарил союзников столь прекрасною победою. Защитники правого дела молились и радовались. Но сердце государя полководца не успевало вмещать в себя всех внезапных восторгов: что вестник, то радость. Все эти дни были днями побед. 11 и 12 числа Августа Наполеон указал влево на Берлин, и 90 000 по дороге из Саксонии в Пруссию двинулись чрез Барут на расхищение этого города. Уже они за три мили от столицы, уже простирают мысленно руки на храмы, дома и сокровища, но принц Шведский стал пред Берлином и отстоял его. Вместо чаянных прибытков французы потеряли 26 пушек, немало пленных и много обозов. Пруссаки, россияне и шведы вогнали их обратно в Саксонию. Таким образом, нападая на оба крыла, Наполеон не оставил в покое и средины.

14 Сентября многочисленные войска французские погрозили союзникам с высот Кацбахских, но храбрый Блюхер, спаситель Силезии, не привык терпеть угроз, он нападает и бьет. Небо, мстившее в России французам морозами, послало тут на пагубу их воды. Дожди

лились по дням и по ночам и так были сильны и так беспрерывны, что казалось, будто все облака небесные на землю обрушались. Ручьи становились реками. Из сихто в один дождливый день Блюхер повел союзников к победе. Мало действовали ружья и пушки, в дожде и тумане не могли наносить обыкновенного вреда. Штык и сабля решили бой. Конница скачет прямо на сверкающие во мгле выстрелы — и пушки ее, пехота идет в штыки и сбрасывает толпы неприятелей со скользких утесов высоких гор. Сердитые горные протоки — тысячи пеших и конных, обозы, снаряды и оружие крутят, и ломают, и топят в волнах своих. Гром, треск и вопль наполняют окрестности, 86 пушек и 5000 пленных доставляет союзникам сей знаменитый бой. Наполеон и Александр о всех сих великих событиях узнают почти в одно время: первый в Дрездене, загроможденном умирающими и мертвыми, а другой в Теплице, наполненном трофеями и торжеством. Но среди всеобщих восклицаний побед, под свежею тенью расцветших лавров возникает гроб знаменитого Моро. Как солнце, протекшее по бурным небесам и много раз блеском своим озарявшее грозные тучи, тихо угасает на западе, среди полной славы своего сияния, так безмятежно погас блистательный век сего великого человека. Вытерпя с твердостью выше человеческой все муки отнятия обеих ног, он умер безмолвно, спустя три дня.

Великие успехи со стороны союзников подорвали в самом основании всю громаду замыслов неприятеля. Наполеон, сидя в Дрездене, только и видел со всех сторон бегущие к стенам его остатки разбитых, рассеянных или потопленных армий. Тут стеснил он уже гораздо круг действий и предприятий своих. Гром побед Блюхеровых слышен стал в столице Саксонии, принц Шведский вступил в пределы сей земли, смелые наездники наши рыскали пред самыми вратами предместий дрезденских. Большая союзная армия, ожидая прибытия многих войск с генералом Бенигсеном, спокойно отдыхала под тенью гор Богемских. Известно, что длинное протяжение этих высоких, лесистых и утесистых гор, межуя Богемию от Саксонии, заменяет им собою твердость и высоту лучших искусственных окопов и стен.

Союзники распустили разные отряды, которые делали много шуму и тревог в тылу Наполеона. Граф Платов и генерал Тилеман жестоко нападали на сообщения неприятеля, хватая людей, обозы и пушки. Города Вейсенфельс, Наумбург и Альтенбург заняты были легкими войсками. Французы скрывали стыд и поражение свое в глубокой тайне, но Эльба, неся беспрестанно по волнам своим множество трупов и разных воинских снарядов, открывала отдаленным краям германским истинное положение их врагов. Наполеон бросался из угла в угол. Перехваченные письма того времени содержали в себе горькие жалобы на сие беспрестанное взад и вперед хождение, изнуряющее войска более всякой войны.

Однако Наполеон, среди всех стеснявших его обстоятельств, сделал еще несколько сильных и решительных ударов вправо и влево на союзные войска.

70 000 французов под предводительством Нея и Удино, напали на 40 000 пруссаков под начальством храброго Бюлова и Тауенцина. Три дня бились они между Виттембергом и Ютербоком. Наконец подоспел принц с шведами и россиянами 25 числа и решил битву при Деневице. Храбрые союзники, мстя за кровь и раны свои, далеко гнали и били расстроенных врагов. Под пушками только Торгау нашли себе спасение бегущие. Победители взяли знамена, обозы и 80 пушек. Они насчитали потери неприятельской 18 000 человек. Таким образом, в беспрерывном громе сражений в победах и славе протек Август месяц.

14 Сентября сам Наполеон нападал на большую армию у Нолендорфа, желая прокрасться или пробиться сквозь ущелия Богемских гор, но бдительность уничтожила хитрость, а мужество дерзость: Наполеон отбит. Тогда восчувствовав, сколь бесплодны все его усилия и сколь мало стоят союзникам все великие победы над его войсками, он приутих в своих движениях. Но тогда союзники начали двигаться и действовать. Генерал Бенигсен, приведши с собою армию, стал на место Блюхера, Блюхер подвинулся вправо, все четыре союзные армии подали одна другой руку, и начали наступать общими силами и в одно время. Принц Шведский у Дессау, а Блюхер в окрестностях Виттенберга переправились чрез Эльбу и пошли отре-

зывать французам обратный путь. Тогда Наполеон, оставя Дрезден и в нем 25 000 войск с маршалом Сен-Сиром, бросился к Лейпцигу, где и остановился еще с великим множеством войск. Две армии обходили его вправо, а большая армия двинулась из Богемии влево на Альтенбург. Генерал Бенигсен должен был прийти по дороге от Дрездена, держась средины между теми и другими. Все предвещало битву общую и решительную на полях Лейпцигских. О сей битве скажу в своем месте, а теперь полно мечтать. Солнце высоко, пора в Дрезден. Завтра отправимся к Рейну по той самой дороге, по которой в прошлом году проходила в Париж знаменитая путешественница — большая армия союзников. Проезжая по следам ее, нельзя не рассказывать тебе иногда о ее подвигах.

9 Мая. Утро

Теперь сидим мы в сельском трактире, близ Дрездена, подле журчащего водопада и ждем завтрака, а прошлого года? Прошлого года были мы в ужасном сражении на полях Будисинских!

Того же дня в полдень

Мы проехали чрез Носсен и Вильсдруф. Прошлого года там и там были жаркие схватки. В Носсене на превысокой скале виден древний, остробашенный замок.

9 Мая. Вечер

Ночуем в доме одного сукноделателя. Пресчастливо живут здесь эти люди. В прекрасном доме всего довольно, даже и после войны. Молодой человек, только что вставший из-за суконного стола, садился за фортепиано, и те руки, которые выткали несколько аршин в день сукна, прекрасно играли тирольские вальсы и русские песни. Эти последние здесь в большом уважении. Все русское нравится добрым саксонцам. Малые дети называют себя казаками и сбираются бить французов.

10 Мая

Мы проехали город Рехлиц, где прошлого года в такой ужасной суматохе войск провел я рябиновую ночь. Проселочные и кратчайшие дороги здесь очень дурны, да нельзя иначе и быть, потому что они прорезаны сквозь цепи гор. Это военные дороги. Война везде пройдет и везде пророет себе путь. Она раздвигает горы, продирается сквозь леса, шагает чрез реки, и нет для нее непроходимых мест! Впрочем большие дороги (шоссе) здесь прекрасны. Мы говорим делать, а немцы говорят строить дороги: и подлинно они их строят! Кирпич, камни, известь и песок, все употребляется здесь для сооружения почтовых дорог.

Того же дня

Проезжая Альтенбург, подивились мы еще раз огромности известного в истории старинного здешнего замка на высокой скале. На минуту приостановились у коменданта. Подполковник Данилевский (Екатеринославского гренадерского полка) принял нас весьма дружелюбно. В сем городе лечит тяжкие раны свои почтенный полковник гвардии Штевень, бывший у нас в корпусе офицером.

11 Мая, очень рано. Гера

Вот здесь-то цветущие поля Германии! говорил я сам себе, проезжая вчера от Альтенбурга к Гере. Одни картины сменялись другими. Природа, кажется, омочила кисти свои в лучшие краски, чтоб обмалевать места эти. Весна здесь уже в полном владычестве: там дышит она на юную зелень лугов и нив, в другом месте одевает леса молодыми листьями, одних птиц садит на гнезда, других распускает по рощам, по садам и всех вместе учит петь счастие свободы и любви. Тут, даже на простых ручьях, по селам и деревням, каменные мосты на сводах и с железными решетками. Как ни поздно приехали мы в Геру, однако гостеприимство приняло и угостило нас очень хорошо.

Город Гера с округом своим причисляется к герцогству Гот-Сакскому, заключает в себе не более 100 000 душ и принадлежит трем князьям; Рейс-Грец,

Шлейс-Лобен-Штейну и князю Еберждорфскому. В самой Гере живет теперь князь Рейс 52-й. Здесь князей сих называют по нумерам.

Того же дня

Колесо сломалось в повозке, и мы принуждены были приостановиться на час в большом и красивом селении Кестриц, принадлежащем князю Рейсу 42. У этого 42 Рейса есть тут прекрасный английский, на несколько верст простирающийся сад. Некогда гулять, но взглянуть можно. Прекрасная надпись, прочитанная мною в одной беседке, осталась невольно в памяти: нет истинного счастия без склонности к уединению. Так мыслила чувствительная Елеонора Рейс, благотворительница Кестрица в 1742 году. Поколение Рейсов происходит от Алберта и Эрнеста, родоначальников многих владельцев германских.

От Геры до Иены 5 миль. Дорога прорезана между ужасных гор. Подымаясь вверх, думаешь, что едешь на небо, но все эти горы унизаны селениями, испещрены жатвами. Здесь нет диких лесов, непроходимых пущей, все стройные ели, все острые тополя. Иена в яме, утесы смыкаются около нее, наподобие стен. Кажется, будто кто нарочно вынул несколько гор из общей цепи и заместил их городом. Всего примечательнее в Иене университет, основанный в 1558 году. Он известен в Германии, однако ж Геттингенский лучше. Некогда удивлял здесь путешественников чудесами механики Вейгелев дом, который называли седьмым чудом в Иене. Теперь он пуст. Здесь-то, в окрестностях Иены около дороги в Веймар, Наполеон одержал не столько оружием, как хитростью и деньгами, великую победу над прусско-саксонскими войсками 14 Октября 1806 года. Пруссаки стояли на неприступных утесах, Наполеон прополз змеем по ущелиям гор, измена провела его. Иенское сражение решило судьбу храброй, но несчастной Пруссии.

Иена принадлежит герцогству Веймарскому. Здесь все единодушно благословляют герцогиню свою Марию Павловну. Ее называют матерью-благотворительницею, ангелом кротости и добродетели. Такие ж благословения слышал я и в Венгрии доброй государыне

Александре Павловне. Жители Мекленбург-Шверинские и до сих пор не могут вспомнить без слез о добродетелях Елены Павловны. «Здесь ангел погребен!» — говорят они, указывая на могилу ее. Так покоряют сердца народов прелестные дочери Павла и Марии! Все русские офицеры не нахвалятся милостивым вниманием к их нуждам и ранам высочайшей покровительницы русских в Веймаре. Из многих расскажу только один пример ее беспримерного великодушия. Ее Высочество, Мария Павловна, учредя на собственное иждивение больницы для раненых офицеров и солдат, почти каждый день удостаивала их посещением своим. Всякий раз, обходя сама страждущих, одних расспрашивала о состоянии их болезни, других приветствовала и всех вместе утешала ласковыми русскими словами. Однажды заметя, что один гренадер неохотно ел поставленный подле него с белым хлебом суп, тотчас подошла к нему ближе. «Видно, кушанье не нравится тебе,— говорила высокая посетительница,— скажи мне, друг мой! не хочешь ли какого-нибудь другого?» Гренадер сперва отнекивался, но, ободренный ласками государыни, наконец сказал: «Поел бы, матушка, вареников и, кажется, здоров бы стал от них!» Этот солдат был малороссиянин, недавно поступивший в службу. Но что такое вареники? Этого кушанья никто не знал в Веймаре. Тотчас собрали всех поваров, долго толковали, расспрашивали и наконец кое-как по объяснению бывших в больнице малороссиян состряпали вареники. На другой день благодетельная государыня сама потчевала ими больного. Все русские до глубины сердца поражены этою ангельскою кротостию венценосной благотворительницы своей.

ВЕЙМАР

Веймар, как столица небольшого герцогства, не заслуживал бы особенного внимания, если б не был столицею вкуса, муз и науки. Отчего ж, оставя обширные столицы, роскошью и великолепием блистающие, избрали они себе небольшой городок, запрятанный в лесистых горах? Оттого, что правители его, государи просвещенные, пригласили, приласкали и ободрили их.

Мой друг! когда присутствие муз украшает и бедную хижину в глухой пустыне, то посуди, какую прелесть должно придавать оно чертогам царским! За то и называют Веймар Афинами Германии. Здесь жили Шиллер и Виланд, и здесь живет еще Гете. Кажется, довольно означить только имена сии, чтоб показать, что все лучшее здесь. Но мы пробыли тут не более часа и не могли никого и ничего видеть. Взглянул только мимоездом на замок, заглянул мимоходом в прекрасный сад и должно было пуститься далее.

После Лейпцигского сражения Наполеон, пробираясь окольными дорогами к Эрфурту, хотел было завернуть в Веймар, но генерал Иловайский не пустил его. Раздраженный неудачею, он послал 10 Октября отважнейшего из наездников своих Лефевра де Нуэта с 5000 конницы, чтоб предать Веймар огню, однако граф Платов, приспев с войском, заслонил город полками своими и отбил дерзкого неприятеля, который, пользуясь густым туманом, едва не ворвался в улицы. Штыки и дротики загородили путь злодеям. Русские отстояли грудью столицу сестры государя своего.

Эрфурт, 12 Мая. Ввечеру

Сегодня выехали мы из Иены, проехали Веймар и приехали в Эрфурт. Здесь переезжаешь из княжества в княжество, как у нас из уезда в уезд. Свободный путешественник в каждом из сих городов прожил бы, конечно, по нескольку дней. От него можно требовать описаний, от нас же нет. На пространстве около Иены природа, как будто не нарочно, бросила кучу огромных гор, которые со всех почти сторон окружены полями. Пространство от Веймара к Эрфурту только немного холмисто.

Эрфурт, занятый ныне пруссаками, известен будет в истории по свиданию императора Александра с Наполеоном в 1809 году. Теперь война истребила здесь все достопамятности. Город был в тесной осаде. Французы в самое короткое время успели укрепить, защищать и опустошить его. Они выжгли у подножия замка, стоящего на превысокой горе Петерсберге,

250 домов. На вершине сей горы в старинной церкви погребен муж двух жен, граф Глейхен с обеими ими в одном гробу.

Граф Глейхен, богатый властелин старинного замка близ Эрфурта, имел прекрасную молодую жену, с которою жил душа в душу. Звук военной трубы, сзывая христиан в крестовый поход, предпринятый Людовиком Великим против неверных, извлек и молодого графа из объятий нежной супруги и мирного уединения. В общем строе германских рыцарей полетел он в Палестину. Многие жаркие бои происходят между христианами и сарацинами. Граф приобретает славу и лавры, но в одном из кровопролитнейших сражений теряет свободу. Тяжкие оковы и мрачная темница становятся уделом его. Забытый светом и людьми, долго вздыхал он о прежнем счастии и грустил по милой супруге. Ничто не предвещало несчастному о перемене судьбы его. Наконец послышал он усладительный голос надежды: она явилась к нему в прелестном образе юной девицы. Это была дочь того, кому по жребию войны принадлежала жизнь и свобода заключенного. Наслышась от тюремного стража о красоте пленника, она захотела видеть его, увидела и пленилась им сама. С тех пор, почти каждый день навещая чужеземца, утешалась она его красотою, его умом и призналась наконец в любви своей к нему. «Милый пленник! — говорила красавица,— как несчастна судьба твоя! Ты не видишь нашего прелестного Отечества, не для тебя восходит солнце, позлащающее вечно цветущие долины наши, не для тебя алеют тихие зори. Ты не видишь, как ясно наше небо, как светлы звезды его! Один, с своими оковами, томишься ты в сырых и мрачных стенах! Я, напротив, наслаждаюсь всеми прелестями природы, и притом любовию отца и великим богатством, но, любезный несчастливец! с тех пор, как я узнала тебя, все радости жизни стали мне чужды.

Не могу объяснить того, что чувствую еще в первый раз, но я чувствую, что с одним только тобою могу возвратить опять потерянное счастие. Почитатель Бога, которого мы не ведаем, не он ли наделил тебя чудесной силою покорять одним взором сердца? Прелестный христианин! ты очаровал душу страст-

ной мусульманки. Сын хладного севера! откуда занял ты тот пламень, который поселил в сгорающее сердце мое? Но перестань, перестань долее терзать слабую девушку! согласись быть моим супругом, и я охотно соглашусь забыть все, что ни имею здесь драгоценного. Я оставлю могилу матери, лишу себя нежности отца, оставлю богатые чертоги, вечно благоухающие сады и поплыву с тобою по мятежным морям в страну бурь, снегов и морозов, на хладную родину твою. Твой Бог будет моим Богом и твое Отечество моим Отечеством!»

Можно ль было противиться столь очаровательному голосу любви и страсти? Но Глейхен был верен супруге. Ах! Кто поручится за собственное сердце! Воин, не уступавший никому победы в боях, не мог устоять в своей твердости и пал в объятия прелестной мусульманки. Исторгшись из оков и темницы и сопровождаемый ангелом хранителем, своею избавительницею он направляет путь к Отечеству.

Но там ожидала его прежняя супруга, супруга верная и нежная. Сколько раз с высоких башен горного замка своего, смотрела она на синюю даль: не подымается ли пыль по дорогам, не блещет ли рыцарей строй, не едет ли милый ее!.. В тоске заставала ее румяная весна, и слез по супруге не осушало жаркое лето. Она любила мрачную осень и снежные бури зимы. Сколько раз чрез путников, идущих ко святым местам, чрез рыцарей, ехавших на брань, посылала она вести к другу своей души! Сколько раз поверяла грусть свою ветрам, веющим от севера на юг, птицам, улетающим от хладной зимы, и даже струям рек, бегущим в дальние моря, за которые поплыл супруг ее. Возвращались путники и рыцари, прилетали птицы назад, дули ветры от юга, но никто не приносил вести печальной супруге о милом друге ее. Наконец прибыл он сам и прибыл не один! Кто напишет картину первого свидания их! Кто изобразит жаркий спор новой любви и благодарности с прежними обязанностями и верностью супружескою! Это был спор сердца с рассудком, страсти с должностью. Наконец великодушие одержало верх: обе жены согласились жить в дружбе и Папа благословил сей тройственный союз. Нежный

супруг построил для каждой жены по особому замку, а сам жил в третьем и навещал каждую особо. Там, говорили мне, влево от дороги, едучи по Рейну, увидите вы развалины этих трех замков.

Дорога к Эрфурту усеяна батареями. Наполеон прикрывал ими тыл свой. Но русские, обходя сторонами, отнимали целые области, стесняя его к Рейну. Здесь, в Эрфурте, Наполеон приостановился было на короткое время, сбирая на обширных полях, под выстрелами возобновленной крепости, по разным дорогам бегущие войска свои, но союзники наступали со всех сторон. Блюхер с Силезскою армиею справа, прочие по большой дороге и с уклонением влево, шли окружить Эрфурт, а между тем полководец баварский Вреде еще 4 Октября в первый день Лейпцигской битвы пошел самым поспешным ходом со многими войсками с берегов Инна к Рейну, чтоб отсечь обратный путь Наполеону. Сей последний, предчувствуя опасность, не стал усугублять ее медленностию: бросил сильный отряд в Эрфурте и потянулся к Готе.

Мая 13

Мы едем по следам недавно прошедшей войны. Дорога идет по полям, но слева тянется цепь синеющих гор, которые, говорят, у Эйзенаха заступят нам путь. Обозы горных жителей отличаются от прочих: их повозки на двух колесах. Сохи здесь также на колесах. Тут углаживают нивы большими качалками. Здесь уже не так, как в Саксонии: на всяком шагу не встречаешься с красавицею. Саксония — земля красоты и порядка.

ГОТА

Бывают сады в городах, а это город в саду. Прелестный город! Пока заготовляли лошадей, мы до крайней устали гуляли по прекраснейшим аллеям неостриженных дерев, смотрели на высокобьющие водометы, встречались с светлыми ручьями, бегающими по зеленым долинам сада, и любовались разновидно-

стию ближних гор. Сад окружает город, а поля окружают сад. Из города идешь в сад, из сада в поле, из поля опять в город и не заметишь, как очутишься там и там. Мы подходили к древнему готическому замку герцога и восходили на превысокие насыпи, которым подобных, кроме английских в Виндзоре, нет во всей Европе. Вид оттуда чудесный! Пространство вблизи города усеяно цветущими рощицами, а даль украшается синевой гор. Гота принадлежит тому ж герцогу, который владеет и Альтенбургом. Он живет здесь. Герцог чрезвычайно добр: он отец стотысячного семейства, то есть сто тысяч подданных считают его отцом. Здесь я сам видел, что родной брат герцога ездит в простой одноколке, министры ходят во дворец пешком и народ счастлив!!

Первые колонны бежавшей в прошлом году французской армии вошли в Готу 11 Октября. Наездники наши бились с ними. Полковник Храповицкий захватил французского министра С. Эньяна, взял 73 офицера, 900 рядовых и подорвал обоз с порохом. Наполеон спешил в Эйзенах, а оттуда влево к Франкфурту. Мы поедем по этой же самой дороге.

Дорога к Эйзенаху сперва по полям, потом чрез горы. Подошвы гор украшены селениями, вершины их дики и пасмурны. Слева синеет, как дальняя туча, гористый Тюрингенский лес.

ЭЙЗЕНАХ

Нечаянная и приятная встреча! Идем явиться к коменданту, и в коменданте узнаем любезного товарища нашего по корпусу и по службе Фр-а! Он ранен под Кацбахом, бросясь на выручку меньшова брата, над которым уже сверкали французские сабли, он получил две раны в голову, одну в руку, лечился в Бреславле и находится теперь военным комендантом здесь. Добрый сделался любимцем добрых немцев. Он рассказывал нам о сражении Кацбахском, происходившем под шумом мрачной бури и в пролив-

ном дожде, рассказывал о Блюхере, которого солдаты наши прозвали генералом Форвертс (вперед!), потому что во время боя он беспрестанно кричал «форвертс!» и вел полки вперед. Жители бреславские приняли раненых наших чрезвычайно хорошо. Ф-к осыпан был ласками от всех и подарками от некоторых.

Наговорясь о прошедшем, мы спешили насладиться настоящим и пошли гулять за город. Какая бесподобная прогулка в окрестностях Эйзенаха! Горы на несколько верст превращены в прекраснейший сад. Дороги, просади, пещеры, мостики, проходы сквозь каменные скалы — все тут есть! Горы и долины очаровывают зрителя. Взобравшись на высоту горы, мы увидели весь город под ногами и на одной огромной скале прочитали надпись, начертанную творцом Вертера. Сердце тотчас почувствовало красоту этой надписи, память удержала смысл ее, а перо друга твоего передает ее тебе, как умеет в переводе. «Кто имеет сердце, незараженное пристрастием ко всему искусственному, сердце, нерастленное роскошью и страстьми, кто любит простую, но величественную природу, кто имеет душу чистую, способную наслаждаться дарами ее: тот уклонись в сии зеленые дубравы. Чувствительный смертный, здесь сокрыт ты от треволнений мира. Отсюда виден город, но не слышен шум его. Даже бури мимотекущие и ревущий гром не дерзают возмущать спокойствия, почивающего над сими сводами, из твердого гранита сооруженными. В безмятежные часы утра цветы своим благоуханием, ветерки прохладою, а птицы пением нечувствительно восхитят дух твой и преисполнят сердце благоговейною благодарностию к творцу вселенной». Так, несравненный Гете! в прелестных садах природы, восхищаясь красотами ее, можно забыть о всем на свете. Кто пленяется изящным, тот уже не может быть злодей. Глядя на превосходную картину, слушая очаровательную музыку и гуляя в цветущем саду, кажется, нельзя и подумать о злодеянии. В невежестве черствеют чувства, все изящное умягчает их. О, да будет благословенно все, что только может сделать сердце добрым и чувствительным!!

Эйзенах есть участок герцогства Веймарского. И здесь уста и сердца всех и каждого согласно хвалят добродетели Марии Павловны. Фр-к пленил нас рассказом о ее обхождении с русскими. Каждый раз после обедни она разговаривает со всеми офицерами, приветствует солдат и осыпает ласками раненых. У тех, которые ранены в ноги, спрашивает, не высоко ль отводят им квартиры, и всегда подтверждает коменданту, чтоб помещать таких в нижних жильях, в самых чистых и покойных комнатах. Она сама заботится, чтоб содержание раненым было лучше, всех русских называет своими милыми гостями, приглашает их гулять в зеленых садах и откушать хлеба, соли в палатах своих. Мой друг! ты знаешь русских и можешь судить, как восхищаются они таким обхождением с ними! Русскому одно ласковое слово царя государя любимого дороже злата и серебра!

КАК ОБХОДЯТСЯ ЗДЕСЬ С НАШИМИ

Немцы очень любят русских. Получа известие о взятии Парижа, одна богатая графиня Эльм сделала великолепный праздник. Комендант города Ф. приглашен уже поздно, он входит после всех и что ж? Его встречают десять прекраснейших девиц, поют хор и с словами: «В лице вашем увенчиваем всех русских офицеров, освободителей Европы!» — надевают на него лавровый венок. Он должен был носить его несколько часов на голове и теперь бережет на память.

Еще пример: несколько русских солдат, ускользнув из плена, скрывались в лесистых вертепах около Эйзенаха, занятого французами. Знатнейшие из здешних женщин, сведав о сем, всякий день под видом прогулки ходили навещать несчастных. Они приносили им в корзинах пищу, одежду и деньги — и это продолжалось около трех месяцев. Ну, как же русским не любить здешних!

На сих днях проезжали здесь великие князья Николай и Михаил Павлович. Общий голос говорил, что

они так добры, умны и милы в обхождении, как и венценосная сестра их! Питомцы добродетельной матери оправдают неусыпные попечения ее об них.

Любопытные путешественники ходят смотреть на одной из здешних скал чету окаменелых любовников. В глубокой древности, говорит предание, на двух противоположных скалах существовали тут два монастыря: один мужеский, другой женский. Строгий надзор с обеих сторон полагал вечную преграду между близкими соседями. Но любовь не знает преград: с тонкою струею ветра прокрадывается она в мелкие скважины железных ворот, легкою ласточкою перелетает чрез высоту огромных стен, и где только есть сердца, является и она с очарованиями своими. Молодой монах и соседка его видались сперва издалека, смотрели друг на друга, кланялись, потом изъяснялись глазами, вздыхали... При каждом из сих свиданий сердце более и более брало верх над рассудком. Они подходили друг к другу ближе, ближе и наконец встретились вон там на той скале. Вечер был прекрасный, владычество весны повсеместно. Все ожило для любви и радости. Касатки, гоняясь друг за другом, вились под мшистыми зубцами черных башен, горные горлицы, воркуя, лобызались на расцветающих ракитах. Юная чета имела также сердца. Сильно забились они при общем ликовании природы, невольно раскрылись объятия, невольно заключили они в них друг друга. Уста хотели что-то сказать и сблизились — они целовались... Но, о Боже, какая ужасная казнь за сей поцелуй! Небеса меркнут... свет исчезает... все темнеет в их глазах... непостижимый холод быстро пробегает из сердца по всем направлениям жил и медленно, вместе с цепенящею кровью, возвращается опять к умирающему сердцу. Мраз и ужас проницают до мозгу костей! Они стынут, цепенеют как светлый источник в последний день осени, нет жизни, нет движения — они окаменели!!!

От Эйзенаха до Фаха и Гунфельда природа дикая, гористая. Стороны эти ужасно разорены войною, даже нивы не возделаны!.. Люди бедны, лица бледны, довольства не видать. Мальчишки в лохмотьях бегают толпами и самым странным, охрипшим голосом кричат: гир-гер крейцар!

ФУЛЬДА

Очень красивый город. Тут бы должно посмотреть дворец, церкви и мало ль еще что! Но мы проехали через город, не останавливаясь в нем: перемена лошадей в деревне.

Шлюхтер небольшой городок. Если увидишь в здешних местах запустевшие поля бедных поселян и проч., то и не спрашивая знай, что это Вестфалия. Брат Наполеонов оглодал ее как кость. Не знаю, каково к Касселю, но здесь зато во всякой деревне сельская гвардия в оборванных кафтанах с пиками! Наполеон и товарищи его хотели всех людей сделать воинами, а свет превратить в казарму!

САЛЬМЮНСТЕР

Город, бывший некогда епископским. Кому теперь принадлежит Сальмюнстер? Фульде. А Фульда? Покамест еще никому. Сколько стад без пастырей! И как пострадали стада за то, что пастыри дрались! Тут ночевали мы у монахов в старинном монастыре, в мрачной зале, за тесными перегородками, которые замыкаются как шкафы, на выдвижных монашеских постелях. Ветер, чрез целую ночь, расхаживая в коридорах, выл.

Недалеко от Гебгаузена обедали мы в прекрасном доме у человека, одетого в тонкое сукно, с премилою его дочерью, девушкою очень воспитанною — у кого же бы это, ты думал? У простого крестьянина! Так живут здесь крестьяне, а за несколько миль отсюда в Вестфальских горах — нищие. Счастие народа зависит от правителей его. Здесь, на квартире, стоял один французский офицер и подписал на стене свое имя, название своего полка, год, месяц и число, когда он тут был. Французское самолюбие воображает, что это для всякого очень любопытно!

Ганау, пространный, красивый и прелестными окрестностями украшенный город. Собственно, о нем не скажу ничего потому, что пробыл в нем не более получаса, но здесь очень кстати описать тебе бывшее сражение у баварского генерала Вреде с войсками Наполеона, а чтоб яснее описать самое сражение, обратимся назад и просмотрим предшествовавшие ему обстоятельства.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ БИТВЕ ПРИ ГАНАУ

Наполеон оставил Эрфурт 13 Октября 1813 и пошел к Готе. 14 Октября большая армия союзников двинулась вслед за неприятелем. Австрийские войска и российская гвардия пошли влево чрез Шмалькан-ден по Тюрингенскому лесу. Князь Шварценберг имел в сей день главную квартиру свою в деревне Ельлебене, на пути между Веймаром и Аристатом. Войска графа Витгенштейна и прусского генерала Клейста получили повеление обложить Эрфурт. Фельдмаршал Блюхер 14 числа пошел с Силезскою армиею к Готе и Эйзенаху, нанося беспрестанный вред задним войскам отступавшей армии. Храбрый генерал Рудзевич, настигнув неприятельский отряд у Готы, отхватил две тысячи в плен, и прусский генерал Йорк, став на дороге в долине Горзельской близ Эйзенаха, отнял у неприятельской пехоты Эйх'род и, устремя все силы свои противу 4-го французского корпуса, отбросил его от Эйзенаха и загнал в Тюрингенский лес, из которого он окольными путями едва мог пробраться к Ваху.

ОТСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ К РЕЙНУ

Французская армия с такою поспешностию отступала чрез Фульду к Франкфурту, что передовые войска союзных армий с большим трудом могли иногда только настигать ее. Следы сей бегущей армии обнаруживали тогдашнее состояние ее: везде мертвые и умирающие, везде оставленные пушки и брошенные обозы. Леса и горные ущелия наполнены были больными, ранеными, усталыми и скитающимися бродягами французскими. Смятение и беспорядок были почти таковы, как в прошлом году на реке Березине. Конные войска союзников, сторожа под дорогою всякого, кто только от толпы отлучался, хватали и часто на целые колонны, из узких мест выходящие, нападали храбро. Проворные казаки с графом Платовым и генералом Иловайским, заскакивая вперед, бегущим пути копьем и саблею загораживали. Но столь решительной, жаркой и славной битвы, как в 1812 году 6 Ноября под Красным, не было. Однако ж много

причинено вреда бегущим истреблением хлебных запасов, оттого-то они сотнями умирали с голоду.

Генерал Чернышов 13, а граф Платов 15 нападали внезапно: первый при Ельстероде, близ Эйзенаха, а второй между Гейсом и Гунфельдом при Роздорфе. Желанный успех увенчал оба нападения. 15-го числа генерал Чернышов, соединясь с Иловайским, ударил с крыла на выходящую из Фульды молодую французскую гвардию. Полковник Бенкендорф, отряженный вперед, привел 500 пленных и сжег магазин с хлебом.

С сего времени армия французская ускорила и без того поспешный ход свой, ибо Наполеон, как мы сказали выше, предчувствовал приближение Вреде, долженствовавшего отсечь ему путь к Майнцу. С усугублением скорости хода усугублялось число усталых и отстающих.

Оба союзных императора неотлучно находились при главной своей армии, князем Шварценбергом предводимой. Армия сия, пройдя Смалканден и Мейнинген, потянулась к Франкфурту по двум дорогам, разделясь на две половины: одна проходила Фульду, Шлюхтер и Гебгаузен, другая следовала чрез Швейнфурт и Ашафенбург. Фельдмаршал Блюхер не оставлял наносить удары правому неприятельскому крылу, обходя оное чрез города Гиссе и Ветцлар. Граф Витгенштейн выступил из Готы 18, а Эрфурт облегли войска генерала Клейста, принц же Шведский с особою армиею пошел чрез Кассель на север Германии, дабы, воюя отдельно от прочих, те страны от многих и сильных еще неприятелей очистить. Между тем время обратить взор на войска баварские, храбрым генералом Вреде предводимые. Три дивизии пехоты и три бригады легкой конницы баварцев, да две пехотных и одна конная дивизия австрийцев составляли армию Вреде. 3-го Октября генерал граф Вреде, как принял главное над нею начальство, так и выступил тотчас в поход. 5-го главная квартира его была в Ландсгуте, 6-го в Необурге, 7-го в Донауверте, 8-го в Нердлингене, 9-го в Динкельсбюле, 10-го в Аншпахе, а 11-го в Оффенгейме. Таким образом, войска сии в восемь дней сделали более 40 немецких миль, то

есть около 300 верст *. И в хорошее время года поход сей почелся бы довольно поспешным, но среди дождей и непогод осенних, по скользким горным путям он, конечно, показался бы для войск несносным, если б не подстрекало их желание достичь своей цели и биться с врагом. 10 Октября Вреде получил приятное известие о великой победе, одержанной союзниками на полях Лейпцигских. Баварцы приняли весть сию с восторгом и общим голосом просили боя. Прекрасно укрепленный город Вюрцбург стоял у Вреде на пути. Должно было проложить чрез него путь силою и оружием. Главнокомандующий сделал все нужные к тому распоряжения. Два раза посылали к коменданту, требуя сдачи, но гордый француз не хотел и слышать о ней. Тогда вместо мирных убеждений генерал Вреде употребил другие, приличнейшие обстоятельствам средства. Он подвез 82 пушки и, щадя сколько возможно город, открыл пальбу по замку. Три тысячи выпущенных бомб и ядер и все приготовления к приступу склонили коменданта к уступчивости, он оставил город и засел в нагорном замке. Генерал-майор Спретти со многими батальонами обложил неприятеля. 15-го генерал Вреде прибыл в Ашафенбург, а 16-го велел одному легкоконному баварскому полку занять Ганау.

БОИ ПРИ ГАНАУ

Вреде никак не предполагал, что встретит целую армию Наполеона, но высланные наездники вскоре донесли ему о приближении ее в сильных, грозных и великих еще толпах. Тогда генерал баварский решился стать при дороге и наносить идущим мимо всевозможный вред, не вступая, однако ж, в открытый бой, столь для него неравный. Между тем разные бродящие ватаги французов, выходя из ближних лесов, бросались в Ганау, и некоторым из них удавалось отнимать город у легких баварских войск. Ганау переходит из рук в руки. Разные бои с переменным счастием происходили впереди и около города. Наконец

---

* Генерал Милорадович сделал 200 верст в два дня, когда вел войска из Калуги к Вязьме.

17-го числа Вреде, призвав генералов Чернышова и Орлова-Денисова с их казаками, а полковника Менсдорфа с его партизанами, основал главную квартиру в самой Ганау и все свои войска в сем месте сосредоточил. В сие же самое время сделал он двоякое распоряжение, приказал, во-первых, графу Рехбергу итти из Ашафенбурга чрез Зелингенштат, Офенбах и Заксенгаузен вперед для занятия и удержания за собою Франкфурта, а потом велел австрийской бригаде с генералом Волькманом двинуться к Гельдгаузену для нападения на неприятеля сбоку. Дивизия Ламота подвинулась туда же, отряд оный занял городок Лангензельбольд. Несколько батарей устроены в приличных местах. Такие приготовления сделаны к бою. Густые леса скрывали и ход и силы неприятеля. Наконец, в 3 часа пополудни, показался он. Это был сам Наполеон, он шел страшен и лют, как дикий зверь, грозен, как гневная туча, мечущая во все стороны молнии свои. Из России бежал он робким оленем! Баварцы, стоявшие в лесу, вступили было в бой, но, видя, что левое крыло французов начало обходить их, уступили место. Неприятель пустил на городок Лангензельбольд тучу бомб и гранат и вырвал его из рук баварцев. Одна дивизия Ламота устояла на своем месте.

Несмотря на сии, по-видимому, неудачи, союзники забрали у неприятеля в плен 100 офицеров и до 5000 рядовых. Если сравнить Лейпцигское сражение с Бородинским, а Кульмское с Мало-Ярославским, то нельзя не сравнить и сих боев Ганауских с боями, бывшими при Красном. Но должно согласиться, что война Отечественная (1812) числом великих пожертвований и блеском успехов своих превосходит войну заграничную (1813).

С 17 на 18 число Наполеон ночевал в Лангезельбольде. С утра произошла авангардная схватка, а потом Вреде построил войска, к важнейшему бою, в боку от города. Правое крыло свое оградил он речкою Кинцигом, впадающею в Майн, а левое поставил на самой Гельдгаузенской дороге. На сей же дороге выставлено большое количество пушек, чтоб сбивать неприятеля, выходящего из лесов. Под выстрелами сих пушек устроена конница, запасной же отряд стоял

на левом берегу Кинцига и подкреплялся бригадою австрийцев, занимавших город.

В самый полдень многочисленные колонны французские показались на опушке леса. Они хотели было прорваться сквозь средину союзников, но залп из шестидесяти орудий тотчас обратил их назад. Видя, что ничего не выиграет тут густым строем, неприятель начал действовать врассыпную. Две тысячи стрелков высыпали из лесу на правое крыло союзников, но после жаркой перепалки и сии были сбиты и загнаны обратно в лес. Таким образом, все усилия французов итти вперед не имели никакого успеха до трех часов пополудни. Но к сему времени все войска Наполеоновы собрались уже вместе: число их простиралось до 60 000, следовательно, вдвое против войска Вреде.

Наполеону некогда было заниматься великими движениями и вступать в общее сражение, ибо армии союзников следовали по пятам, ему надобно было только пробиться. На сие-то и решился он, склубя все войска вместе и выдвинув 120 пушек вперед. Генерал Нансути с 12 тысячами конницы первый бросился напролом. Буря картечи, а потом вся конница баварская встретила, расстроила и отбросила было его назад, но генерал Друэ, прискакав с 50 пушками, восстановил бой, и неприятель всеми силами двинулся на левое крыло союзников. Столь сильный натиск Наполеона и недостаток в зарядах заставили Вреде уступить противнику своему дорогу: он отслонил сперва левое крыло, потом средину и наконец и все войско перевел за Кинциг и расположился на ночлег при мызе Лергоф. Города же Ганау он, однако ж, из рук не выпустил и вверил оборону оного бригаде австрийцев. Первые часы ночи прошли спокойно, но к свету французы начали бросать в город бомбы и гранаты, зажигать дома и врываться в улицы. Австрийские гренадеры отражали наглость силою и стояли храбро, но число наступающих беспрестанно возрастало и стрельба по городу увеличивалась.

Тогда Вреде, щадя прекрасный город Ганау, приказал уступить его без драки, опасаясь, чтоб французы в злости не выжгли всех домов, но 4-й фран-

цузский корпус, не довольствуясь снисходительностию, начал вызывать баварцев на бой и жестоко напал на правое крыло их. Сражение загорелось и продолжалось целый день. Французы при всяком разе, когда бывали отбиты, укрывались в городе, где, подкрепясь новыми силами, выступали в новый бой. Тогда генерал Вреде, желая положить всему конец и взять город с тем, чтоб уже никогда его опять не отдавать, повел войска на валовой приступ. Тут нужна была храбрость, и военачальник баварский показал ее в лице своем. Взяв батальон австрийских гренадер и баварских егерей, он сам первый бросился с восклицанием — ура!» — к воротам Нюрембергским, ворвался в улицы и занял вмиг половину города, несмотря на то, что все улицы завалены были повозками и защищаемы стрелками. Оставалось взять Кинцигский мост. Неприятель столпился за оным и палил по союзникам гранатами. Неустрашимый Вреде не взирал ни на что: он идет впереди всех, и неприятель приходит уже в смятение, как вдруг ружейная пуля тяжело ранит этого храброго генерала и лишает на время войско присутствия его. Но баварцы, мстя за кровь любимого вождя, бросаются с отчаянием на мост и на пушки, австрийские гусары пускаются вплавь чрез Кинциг, и неприятель, отовсюду стесненный, бежит, зажегши мост.

Генерал Фреснель принял начальство после Вреде. Лишь только город был занят, то правое крыло союзников, сделав, в свою очередь, жестокий удар на левое крыло французов, завладело совершенно полем сражения.

Между тем Наполеон целый день тянул войска свои мимо Ганау чрез Вильгельмсбад и Гогстет, откуда сворачивал опять влево на большую дорогу.

На другой день вломился он во Франкфурт и вскоре очутился за Рейном, где почувствовал почти то же, что и по переходе за Березину. Трофеями несколькодневных битв при Ганау были 15 000 убитых и раненых и 10 000 пленных. При Красном в 1812 году победители насчитали пленными и убитыми более этого числа в один только день 6 Ноября, когда генерал Милорадович истребил войска маршала Нея.

Чрез несколько дней большие армии союзников прибыли во Франкфурт, где, простояв нарочно долгое время, потянулись вверх и вниз к Рейну для вступления с разных сторон во Францию.

Дорога от Ганау до Франкфурта — настоящий сад. Длинные просади из острых тополей, пруды, деревни, башни, замки представляют картину самой живописной, цветущей и счастливой страны. Здесь нет клочка земли, который бы не был нивою, и нет нивы, которая не обещала бы богатой жатвы. Справа остался у нас Вильгельмсбад, где, говорят, так весела природа, что самый задумчивый, самый угрюмый человек не может не улыбнуться, гуляя там. Слева провожала нас до самого Франкфурта прелестная река Майн.

ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Франкфурт прекрасный, великолепный, величественный и . . . . вольный город. В стенах его заключается целый народ. Жителей считают до 50 000, в том числе 7000 жидов. В правительстве участвуют две воли: воля старшин и воля народа. Такое правительство называется аристо-демократическое. <...> Годовой доход с города 500 000 флоринов. Франкфурт можно почесть средним магазейном европейской торговли и общею меновою конторою Германии и Франции. Положение на Майне и при Рейне делает его к сему способным. Мятежи беснующейся Франции нанесли много вреда и благоразумному соседу ее Франкфурту. В 1796 году город был бомбардирован французами, но жители вели себя, как люди вольные и честные.

Франкфурт удостоен присутствием человека, который жил некогда в великолепных дворцах, управлял пространным государством и славился делами. Теперь он в двух комнатах английского трактира, управляет только своими страстями и славится великодушною твердостию, с которой сносит превратность своего жребия. <...> Согласись, друг мой! Что наш век есть век великих препятствий: никогда общества людей не были подвержены таким бурям, волнениям и переменам. <...> Одна только великость души не подвер-

жена никаким бурям жизни, никаким превратностям случая. Давно ли минули времена тихие, когда спокойствие почивало над глазами народов! Цари в великолепном могуществе своем сияли на престолах, как солнцы в небесах, мир, правосудие, чистая вера и наследственные добродетели делили благоденствие поровну между всеми состояниями людей. Тогда еще не имели понятия о великих ударах рока, о злополучии государей, о кровавом праве войны, о смешении племен и народов... Люди тех счастливых времен в каком-то приятном усыплении провождали беспечный век свой. Они, конечно, не могли чувствовать всей сладости безмятежного благополучия своего: ибо человек тогда только узнает настоящую цену здоровья, когда постигают его болезни, а цену счастия познает во время бед! Но настоящее поколение людей, рожденное в бурях, во дни ужаса, смятений, великих страхов и тяжких печалей, когда ничего более не слышно, кроме звуков оружия и стонов человечества, неутешно рыдающего о бедствиях войны, нынешнее поколение, говорю я, не может вспоминать без сердечной грусти о благополучии времен протекших. Каких превратностей не были мы свидетелями? Слепое счастие водило иноплеменных завоевателей из края в край земли, сила наглою стопою попирала древние рубежи царств, безбожие, смеясь, разрушало алтари веры, но, пораженное громом небесным, само упадало у подножия его. Никогда не был так переменен вид Европы, мирные города мгновенно ограждались стенами, древние стены и твердыни рассыпались в прах, природные государи становились простолюдинами, люди из глубокой неизвестности, раздвигая толпы мятущихся народов, восходили на троны их. Но торжество порока при всех превратностях мнений людских никогда не сравняется с торжеством добродетели, никакой блеск, никакое могущество не могут защитить первого от тайной ненависти людей, никакое злополучие не может лишить последней ее достоинства и уважения благородных душ. <...> Во Франкфурте имели мы удовольствие встретиться с генерал-майором Рейхелем, бывшим полковым командиром в Апшеронском полку. На это время занимал он почетное звание военного коменданта в городе.

МАЙНЦ

Звон колоколов, стук проходящих конных и пеших войск, бряцание оружий и шум народа неслись навстречу нам из-за высоких окопов Майнца, когда мы приблизились к нему. Недавно ревела там смерть. Рейн, величественный Рейн явился тут глазам нашим. В великолепном течении своем орошает он прекраснейшие страны Германии. Сколько народов жили и погреблись на берегах сей древней реки, сколько столетий гляделись в водах ее!..

Едем чрез длинный на судах мост, справа замечаю ряд плавучих мельниц. Входим в Майнц. До какого жалкого безобразия можно довести прекрасный город! Лучшие палаты, дома и церкви превращены или в арсеналы, или в казармы, или в магазейны. Бледность — общий цвет лица и даже прекрасного пола, который здесь опять прекрасен. Велико было несчастие жителей майнцких. Они только что вырвалися из страшных когтей смерти!.. Ужаснейший мор свирепствовал в стенах осажденного града. В течение трех месяцев умерло 6000 жителей и, как говорят, до 20 000 солдат. Первых хоронили по кладбищам, других с утра до вечера возили возами, как дрова, и бросали, как ничтожных тварей, по рвам и вертепам за городом. Хищники Европы валялись в снедь хищным вранам, и на распутиях, казалось, земля не хотела принимать отягченных преступлениями. Ужаснейший разврат лютейшей самой язвы свирепствовал в сии дни гнева небесного. Воспаленные огнями сладострастия солдаты врывались в дома, исторгали трепещущих дочерей из рук их родителей и увлекали в змеиные норы свои. Часто груды тлеющих трупов служили им постелью. Ни слезы, ни моления невинности не умягчали злодеев, отнимавших у нее жизнь и честь. Замученные женщины валялись по улицам.

ФРАНЦИЯ

«Прелестная Франция! — восклицают беспрестанно французы-учители.— Вот земной рай!.. Переезжайте Рейн и вы увидите цветущую землю, счастливый народ, на каждом холме — виноград, в каждой доли-

не — деревню! На что ни взглянете, все удивит, утешит и очарует вас. Там (во Франции) деревья, обремененные плодами, нивы — волнующимися жатвами, окрестности — веселящимся народом. Переезжайте за Рейн и вы увидите страны благополучные, изобилием и многолюдством кипящие». Вот в чем уверяют бродяги французские и вот чему, к несчастию, верят люди русские! Переезжаю за Рейн, и где ваша прелестная Франция? Ужасно опустелые края, земля нагая, деревья увядшие и повсеместное безлюдье. Вот что представляется глазам: вижу пространство, но не вижу деревень, поля не обработаны, окрестности унылы, терния и волчцы растут на месте жатв!

В городах лучшие дома — казармы или больницы. Толпы нищих встречают, провожают и всевозможными хитростями и уловками нападают на кошелек и сердце проезжего. Один пугает вас своими ранами, другой рассказывает о своем увечье, третий кричит, четвертый поет. «Вот бедная сирота!» — говорит какая-нибудь старуха, подводя к вам маленькую девочку: у нее нет ни отца, ни матери, одно сострадание проезжих кормит и одевает ее. Просительную речь свою говорит она целую четверть часа, а в заключение восклицает: «Дайте ей франк! Что-нибудь убогому старику. Что-нибудь бедному мальчику. И мне! или купите у меня цветов! У меня сладких пирожков! у меня ягод!» и проч. и проч. Вот что услышите, приехав на станцию. Но тут уж лучше просто давать милостыню, нежели что-нибудь покупать, ибо продавщицы цветов и лакомств с прегрязными руками и в презапачканных лохмотьях.

Странно, что во всех местах, которые мы проехали, только и видны дети да старики, женщин множество. Где ж цвет юношества? Он подкошен косою смерти на полях войны! Народ и благоденствие его поглощается военным правительством. Что есть тут хорошего, так это большие дороги: чудесные дороги! Проезжаем несколько станций, не спускаясь, не возвышаясь, все по ровной глади, как по натянутому холсту, ничто не остановит повозки, нигде не получишь толчка. Дорога чиста, как ток: на ней, как говорится, ни сучка ни задоринки. Я в первый раз отроду по

такой прекрасной еду. Около себя видишь горы, а под собой не чувствуешь их. Чудесная здешняя дорога проведена в виде огромной толстой плотины, или наподобие крепостного вала. В прямом направлении пробиты горы, срезаны холмы, засыпаны рвы и овраги и проложен гладкий путь, шоссе. Это шоссе в некоторых местах на 2, на 3 и на четыре аршина от горизонта земли возвышается. Суди ж, сколько должно было приложить тут трудов и сколько тысяч рук занять сею необъятною работою!.. Но во Франции никогда не было мало рук и счастлива была она, пока руки сии не сделались хищными, дерзкими и не окунулись в крови! Сперва руки поселян возделывали нивы в долинах и лелеяли виноград по горам, руки рабочих строили города, дома и дороги, руки ремесленников ткали прекрасно шелки свои, руки воинов подымали оружие только в защиту Отечества; руки вельмож с честью управляли шпагою и пером, а руки государя крепко держали скипетр. Тогда умы были остры, сердца веселы, души благочестивы. Франция молилась, пела и любила государей своих. Но когда это было? Очень давно! Настали другие времена и привели с собой другие нравы: половинное просвещение затмило здравый ум, непомерная роскошь вельмож и богачей расстроила поселян и огорчила бедных, уроки лжеумствователей зажгли страсти, вольнодумство потрясло алтари веры. Тогда излишество рук, употреблявшееся на украшение областей, обращено на совершенное их опустошение. Оружие заменило и плуг, и косу, и мирный посох. Ужасная буря, восставшая из самого сердца Франции, разрушительными вихрями понеслась по всем концам. Революцией назвали великий перелом древнего порядка вещей, ниспровержение трона и расторжение всех союзов с Богом, добродетелями и тишиною.

Революция значит переворот, и, конечно, во Франции все переворотилось и превратилось. Война замкам и мир хижинам! — кричали защитники равенства под предводительством генерала Кюстина и нещадно разоряли и грабили дворцы и палаты. Да здравствует король! — кричали защитники трона и дрались как львы с нарушителями прежнего порядка. Свобода! братство! равенство! или смерть! — кричал бесную-

щийся народ, и свобода, братство и равенство были только на языке и в мечтах, а смерть на самом деле. Война, смерть и разрушение, взявшись за руки, ходили по цветущим берегам величественного Рейна. Их след был след кипящей лавы и всепожирающей саранчи. Нож стал тогда любимой забавою безумной Франции: она резала им других и себя. Бури мятежей согнали многие тысячи народа с родной земли под чуждые небеса, конскрипция или перепись, влекущая молодых людей поочередно на убой, повергла земледелие и хозяйство в крайний упадок. Бури, секира, дожди и времена искоренили, истребили, смыли и сгладили сады, винограды и даже следы жилищ человеческих. Левый берег Рейна, всегда улыбавшийся, видя себя столь благополучным, в цветах, виноградах и жатвах своих, теперь мрачен, пуст и печален, показывает раны и опалы свои от мятежной войны. Вот в каком состоянии нашли мы преддверие мнимопрелестной Франции.

22 Мая

Проселком, влево от Майнца, проехали мы чрез города: Кирросешгейм, Винвайлер и Кайзер-Лаутерн, где, встав на большую дорогу, идущую из Мангейма, поехали на Гомбург. Пустота, необработанность, безлюдье, дичь: вот слова, из которых путешественник должен составить описания свои страны сей. Кто бывал в польско-жидовских городах, тот разве может иметь понятие о нечистоте, поражающей взоры и обоняние здешних. Во многих местах видал я на улицах босоногих мальчишек в лохмотьях, играющих в карты на навозных кучах! Другие полощутся в лужах или валяются в грязи, ни о чем не заботясь. От Кайзер-Лутерна до Гомбурга на 28 верстах встретили мы только трех человек, копающих дикую ниву, работающих волами, и одного, сбирающего травы; где ж земля, кипящая народом? А французы все кричат, что им тесно жить!..

Местоположения здесь есть прекрасные, но неочаровательные. По обеим сторонам дороги холмы и высоты, покрытые развалинами и лесом. Во многих местах, по дороге, встречаются порядочные дома без окон и дверей! Здешние деревни совсем не то, что

немецкие: тут нет ни красивых улиц, ни светлых домиков, ни порядка, ни опрятности. Один изрядный дом какого-нибудь барона или маркиза в средине, а около него кучи вместе слепленных, старинною поседелою черепицею покрытых, низких, убогих и часто курных лачужек, улицы в навозе, народ в лохмотьях. Вот картина деревни здешнего края!

Нашу Россию не называют прекрасною, а села ее по Волге и Оке в самом деле прекрасны. Дожди здесь сильны, шумны, внезапно и скоропреходящи: не такова ль слава французов!..

23 Мая. Город Сент-Ароль

От Рейна и до сих мест язык французский не есть еще общим и единственным: большая часть жителей говорит по-немецки, но с Сент-Ароля начинается уже повсеместное владычество этого языка. Очаровательные его звуки гремят в палатах и хижинах, на площадях, в лачугах и шинках!

Здесь (в Сент-Ароле) язык французский сыграл со мною прекрасную шутку! Приезжаю в трактир, мне отводят комнату: вхожу и слышу самый чистый и плавный выговор французский. Привыкнув слышать язык сей всегда в лучших наших обществах, невольно предаюсь мечтам и воображаю, что там, за стеною, сидит какая-нибудь знатная женщина, женщина воспитанная, потому что говорит по-французски, и верно милая, потому что так нежно произносит слова... Уступаю любопытству, иду заглянуть в другую комнату — это кухня, а та, которой слышал голос, ничего более, как кухарка: но какая кухарка? не немецкая, а неопрятная, в грязи, в крови и в саже запачканная растрепа! Очарование исчезло, но представилось рассуждение: сколько, подобных этой, кухарок, прачек и проч. и проч. выезжают к нам в наставницы! Возьми запачканную фрацуженку, брось ее в России, где-нибудь на поле: не пройдет недели и ты увидишь ее в богатом доме, в роскоши и в почестях. Я читал одну небольшую французскую комедию, где представляется, что на Новом мосту в Париже сходятся несколько мужчин и женщин. Всякий горюет о своем горе. Из мужчин одни ушли из тюрем, дру-

гим приходилось не миновать их, из женщин некоторые обокрали госпож своих, другие потеряли все способы жить на счет своих прелестей. Те и другие по разным причинам из страха и отчаяния, предвидя казнь, стыд и голод, решаются кинуться в Сену, и все пороки и проступки свои утопить с собою вместе. Уже они готовы, берутся за руки, хотят кидаться... как вдруг послышался знакомый голос: «Безумцы! Что вы делаете? Вы отнимаете у себя жизнь, в которой можете найти еще тысячу радостей, тысячу наслаждений... Вы страшитесь бедности и презрения, оглянитесь назад — богатство и уважение ожидают вас! За мною, товарищи! За мною: я укажу вам земной рай для французов, переселю вас в страну, где ласки, подарки и деньги посыплются на вас как дождь!» Что за страна эта? — восклицают все в один голос. «Россия!.. Россия!..» — отвечает бродяга. «В Россию! В Россию!» — кричат все вместе и бегут садиться в дилижансы или почтовые коляски. Я это читал, а те, которые живали в Париже, говорят, что можно это видеть, и видеть не на театре, а на самом деле.

Нет ничего противоположнее, как француз, женатый на немке: это буря с тишиною. Сердит на русских, нагл в обращении, говорлив и хвастлив: верно француз! Отчего у вас так разорено и пусто? «Где?» — говорят французы и дивятся, им кажется, что земля их цветет и блаженствует. Однако лучший из писателей их Делиль горько оплакивает упадок земледелия, явно жалуется на разорительные последствия войны и громко порицает растление нравов. «Франция,— говорит он,— подобна кораблю, который буря гонит по неизвестным морям, и ветры терзают со всех сторон». В другом месте уподобляет он Отечество свое увенчанной лаврами могиле: извне обманчивая зелень, внутри тление и смрад! Этих стихов, однако ж, нет в изданиях парижских.

24 Мая

«Не ездите чрез Мец: там бунтуют и режут русских!» — твердили нам на всех почтах. Мы из Курсета взяли правее, и выехали прямо на Гравло, оста-

вя Мец слева. А! вот куда собрались они, вот где можно видеть людей! — сказал я сам себе, подъезжая к Мецу. Множество домов, мыз, деревень, садов, рощиц, перелесков, дорог, обсаженных высокими деревьями, и туда и сюда идущих, едущих и гуляющих по ним людей, представляется глазам в окрестностях Меца. Окрестности эти в самом деле красивы и живописны, и если б вся Франция была подобна им, то и я невольно воскликнул бы: прелестная Франция! Тут под каждым холмом деревенька, на каждой высоте дом с башнями, скат каждой горы одет виноградником. Сам Мец, старинный город, окружен огромными валами, которые заросли садами и деревьями. Пушки покоятся под тению рощей. Теперь в нем буря и буйство. Мы переехали прекрасную речку Мозель. Франция есть земля вин: мозельское славится между прочими. Его получают тут около Меца. И здесь дороги удивительные: французы растворили горы, чтоб их провести, а где утесы слишком высоки, там дорога извивается улиткой по ребрам их и нечувствительно взводит вас на самый верх.

Опять по-прежнему: та же пустыня! — сказали мы, проехав с милю за Мец. С высоты горы, по которой шла дорога, видны открытые холмистые и ровные поля, но ни больших сел, ни садов, ни виноградов уже не видно было. Здесь-то не научишься земледелию! Как зовут эту реку (Мозель)? Спросил я у своего извозчика. «Рекою!» — отвечал он и уверен был, что дал самый удовлетворительный ответ. Я не знаю, в чем нельзя уверить французов! Люди, порядочно одетые, стало, не простые крестьяне, спрашивали у меня на последней станции, известно ли нам, русским, что пленные французы, сосланные в Сибирь, соединились с турками и разоряют Россию!.. Хорошо знают географию!!!

От кого можем мы получить квартиру для ночлега? — спросили мы, приехав в Гравелот. От господина мэра! — отвечали нам. А где ваш господин мэр? В своем присутствии. Идем вслед за проводником, и что ж за присутствие, где заседает мэр? Простая изба-мазанка, в сенях коровы и свиньи, около — навоз. Сам мэр завешен фартуком и шьет сапоги. Около него несколько мальчиков твердят склады. Этот мэр

вместе и школьный учитель. Господин мэр принимает нас довольно ласково, отпускает несколько острых слов насчет русских, оставляет шило, берет перо и пишет нам билеты для квартир. Благодарим, хотим уйти... «Постойте, постойте, милостивые государи! — закричал он нам вслед: — Вы недавно из России: скажите, какие меры приняты против французов, соединившихся с турками?» Отсутствие войск наших, отвечали мы, не позволяет принять надлежащих мер, и новое бедствие угрожает еще России: беспокойные крымские татары вступили в тесный союз с сердитыми чукчами... Ты смеешься, а господин мэр и учитель поверил, и мы расстались. Невежество мэра напомнило мне о невежестве одного француза, который в письме (перехваченном нами в прошлом году) советовал сыну своему, чтоб он вперед писал к нему именно, в какой части света и в каком государстве находится Кенигсберг. Билеты господина мэра не принесли нам никакой пользы: хозяйки домов, высокого роста, с сердитыми глазами, с большими крестами на груди, и с бранью на устах стали у дверей и, ругая мэра, объявили, что не пустят нас ни за что без заплаты. Да мы заплатим вам охотно! И двери отворились. Сколько проехал, а не знаю, как одеваются французские женщины. Деревенские обертывают голову какой-нибудь тряпицею и называют это боннэ, их обувь — деревянные башмаки — сабо — выдолбленные колодки на ноги. Наши лапти гораздо красивее, легче и покойнее. Но вывези к нам сабо — чего доброго! — они как раз войдут в моду и будут в чести!

25 Мая

Мы проехали городок Марс-Латур. Во всех здешних городах и деревнях, особливо в городках и деревеньках, нечистота ужасная. Здесь гуще унавожены улицы, нежели где-нибудь нивы.

Надобно думать, что французы очень любят есть, и вряд полно для того ль они едят, чтоб жить, а кажется, для того живут, чтоб есть. Зато у них лучшие люди не стыдятся говорить, я обжора, и рассуждать о кушанье почитается у них одним из приятнейших в жизни рассуждений. Все города наполнены по их ре-

сторациями, а по-нашему — харчевнями. В самой маленькой деревеньке, где всего десять домов, на пяти верно написано: здесь кормят за деньги. Поэтому, кажется, можно разделить Францию на две половины: одна готовит кушанья, другая ест.

Чего не разглашала молва о французских крепостях? Их называли неприступными, непокоримыми. Считали, что ряд крепостей поставил союзникам преграды неодолимые, но союзники вошли, неодолимость исчезла и непокоримые покорены. В Меце и Вердене видел я хорошие укрепления, но менее всего нашел в них неприступности. Верден окружен высотами, господствующими над ним. Цитадель, правда, высока, но ближние горы еще выше. Население около Вердена меньше, чем около Меца, но больше, нежели где-нибудь, в сравнении с тем, что мы проехали. Нам советовали было не ехать и чрез Верден, да мы не захотели сделать большого объезда и поехали. Однако не совсем были рады тому, что поехали: нас остановили у первой заставы, и часа два водили по городу, от одного начальника к другому, пока наконец последний, для которого должны были всходить на превысокий утес в цитадель, сказав: «Все те, которые задержали вас, очень глупы!» — позволил нам ехать. Солдаты, бродившие по улицам, увидя нас, кричали с сердцем: зачем сюда пускают русских: русские невежи, медведи, татары, северные варвары! Но мы, русские, вспомнили пословицу свою: собака лает, а прохожий идет, оставили их лаять, а сами пошли на почту, переменили лошадей и, выехав за заставу, любовались прекрасными видами окрестностей и заходящим солнцем. Здешние люди не стоят природы своей.

Однако и здесь у поселян лица очень добрые, да, кажется, и сердца их таковы же. Но жители городов и солдаты совсем от них отменны: у первых на лицах страсти, у других зверство! Собери все пороки в одно лицо, одень их в мундир, и выйдет французский солдат!

Недалеко от Вердена съехался с нами возвращавшийся из России генерал Эрнест. Приятно было слышать отзывы его об Отечестве нашем. Он признается, что считал себя в России не в плену, а в гостях: так хорошо ему было! Хотел он было оказать нам некото-

рые услуги, например, помешать почтмейстерам брать с нас лишние деньги и проч., но его не слушали. Здесь всякий имеет право браниться с генералом: это еще остатки прежней златой вольности!

Чем больше узнаю французов, тем яснее понимаю, отчего так легко управляли ими Марат, Робеспьер и Бонапарте. Неограниченное владычество сих злодеев основывалось на неограниченной ветрености народа. Кажется, Вольтер сказал, что француз родился от тигра и обезьяны. Сим изобразил он только его злость и склонность к подражанию, но главное свойство его — ветреность. «Француз,— говорит г-жа Графиньи,— вырвался и ушел из рук природы в ту минуту, когда она для составления его едва успела соединить только две стихии: огонь и воздух!» Оттого-то такая легкость, такая превратность во всех суждениях, склонностях и поступках сего ветро-огненного народа. Но всех проще, а потому и всех лучше сказал о французах граф Фиен, назвав их народом вертушек, которые кружатся туда, куда ветер подует. Французы точные вертушки: для них кто ни дуй, им только б кружиться! Знаешь ли, что их можно заставить прокопать землю, только уверь, что под нею сокровище, а их уверить ничего не значит! Очаруй толпу французов посулами, забавь ее музыкою, балагурством и песнями: она пойдет за тобою, хоть на край света и сделает все, что ты задумаешь.

ШАЛОН НА МАРНЕ

Шалон большой старинный город на Марне. Он кажется лучше всех доселе виденных нами: однако красивыми домами и чистотою улиц и он похвалиться не может. При самом въезде сломалась у нас повозка, нам отвели квартиру в глухой улице, в бедном доме. Ни с кем не знаком, итти некуда, что делать? Сижу, думаю, вспоминаю, соображаю то, что читал с тем, что слышал, распутываю происшествия, пристально смотрю на карту и рисую тебе картину военных действий от Рейна до Парижа. Покуда люди, известные ученостию и прославившиеся в военном ремесле, начертают пространное историческое изображение сей знаменитой войны, ты получишь некоторое о ней по-

нятие, взглянув со вниманием на картину, начертанную слабым пером твоего друга. Разумеется, что при этой картине должна быть и верная карта: ты ее имеешь.

КАРТИНА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ОТ ПЕРЕХОДА СОЮЗНИКОВ ЧРЕЗ РЕЙН ДО ВЗЯТИЯ ПАРИЖА (ПИСЬМА В ШАЛОНЕ НА МАРНЕ)

«Чтоб лучше представить себе страх, отчаяние и смятение жителей Москвы теперь, как мы (французы) уже заняли Смоленск, то вообрази себе, друг мой, что вдруг каким-нибудь несодеянным случаем русские вторглись бы во Францию и заняли Шалон на Марне: чтоб тогда было в Париже!» — так писал в Августе месяце 1812 года один французский офицер из окрестностей Смоленска к другу своему в Париж. Но, продолжает он: «Многие веки прейдут в вечность прежде, нежели нога северных варваров ступит на землю прекрасной Франции. Париж, столица вкуса и веселий! Наслаждайся покоем в приятном шуме забав твоих, долго, долго не посмеет коснуться слуху твоему беспокойный шум оружия» и проч. и проч. (Слова из перехваченного французского письма).

На слова француза скажем его же пословицу: предполагает человек, а располагает Бог! Не веки протекли в вечность, но едва прошел год и семь месяцев, и русские не только что в Шалоне, но и в самом Париже!!! Так, никогда действия провидения для подкрепления правых и уничтожения противников их, не были очевиднее, как в эту войну Европы с Франциею. Казалось, что десница Божия, объемлющая все сердца царей, соединила их воли и оружие народов их для покорения преступнейшего из вождей ослепленного народа. Не более как в три месяца союзники пришли от Рейна к Парижу и преклонили буйную главу Франции к стопам законного короля, не вонзая, однако ж, меча мщения в мятежное сердце ее. Последний месяц 1813 года был только свидетелем вступления союзников во Францию. С Генваря 1814 начались важнейшие действия и кончились в Марте важнейшим из всех происшествий — взятием Пари-

жа. Итак, окинув глазами Декабрь прошедшего, рассмотрим внимательнее Генварь, Февраль и Март настоящего года.

1

Месяц Декабрь 1813 года застал Европу в крови и в пламени, но радующуюся о изгнании лютого виновника бедствий ее. Еще дымились свежие раны, еще пугало повсеместное разорение, но уже не было разорителя. Рука великодушных оторвала змея от сердца Европы, из которого в течение стольких лет сосал он жизнь и кровь. Прошли времена сердитые, смягчился гнев судеб, победные клики из-за Рейна разносились по всей Германии.

2

Большая союзная армия из австрийцев под начальством князя Шварценберга и россиян под предводительством Барклая де Толли состоящая, направляясь вверх по правому берегу Рейна, вступила в Швейцарию, дабы напасть с слабейшей стороны на Францию. Грозный ряд рейнских крепостей почитался оплотом необоримым, и никто не ожидал, что буря и беда вошла во Францию со стороны Альпийских гор. 8 и 9 чисел Декабря сия армия союзников в числе 180 000 человек, перейдя Рейн в разных местах между Базелем и Шафгаузеном разные отделения свои по разным дорогам во внутренность Франции вдвигала. Тогда каждый день был днем занятия большого пространства зарейнских областей. 16 числа союзники уже владели Вализскою землею.

3

Около сего же времени и Блюхер с Силезскою армиею, приближавшейся к Франции справа, переходит Рейн между Майнцем и Кобленцем у Кауба и тотчас, обложив частию своих войск крепости: Люксембург, Тионвиль, Мец, Верден и Лонгви, идет с остальными к Нанси, усилив себя сближением с главною армиею, предприятия и действия свои с движениями

и действиями ее согласить. Армии, во Францию вступившие, старались одна другой подать руку и не спускать друг с друга глаз. Но не одна только Франция была тогда полем сражений. Глухие отзывы войны в разных местах по Европе еще слышны были, и вожженные прежде пожары на севере и юге пылали. Принц Шведский сражался, переговаривал и опять возобновлял бои с датчанами. Австрийцы воевали в Италии. Веллингтон бился с маршалом Сультом у подножия Пиреней и готов был вести толпы неустрашимых испанцев и свои английские войска в южные пределы Франции. Все крепости по Висле вместе с мечтами и надеждами народа, пали. Дух польский отложил ретивость свою. Долго противился Данциг: французы называли его оплотом необоримым, но и он устоять не мог. В один и тот же день, то есть 21 Декабря, россияне вступили в сию крепость, а австрийцы заняли Женеву. Таким образом, войска тысячьми верстами разделенные, но одну мысль, одно желание и одну цель имевшие, как будто по некоему тайному условию в важные города на двух противоположных концах Европы входили. Таковые происшествия, и в Отечественной войне в России неоднократно случавшиеся, наблюдательный потомок не отнесет к пустой случайности, но припишет невидимому содействию провидения, в кровавой тяжбе за счастие человечества правую сторону покровительствовавшего.

4

В таком состоянии были дела Европы в последних днях последнего месяца 1813 года. Но обратимся опять за Рейн и встретим 1814 год под веянием знамен союзных уже на древних рубежах Франции. Первые дни Генваря текущего года увидели большую армию союзников, миновавшую Эльзас и достигшую в Шампани до Шалона и Лангра, где некогда Юлий Кесарь одержал столь знаменитую победу над храбрыми народами Гельвеции. Блюхер 3 числа вступил в Нанси. Таким образом пространные области между Рейном, Мозелем и Маасом заняты и одним только смелым движением союзников, без пальбы и крови

покоряемы были. 12 числа Мюрат — король Неаполитанский — предложивший уже усердие и оружие свое на защиту правого дела, занял Рим. И в сей же день по приказанию князя Шварценберга 3 и 4-й корпусы напали при Бар сюр Обе, между Коломбе и Фонтенем на французского маршала Мортье. Нападение увенчалось успехом. Полки французской гвардии расстроены и маршал отступил к Труа и Шалону, а главная квартира союзников перенесена в Бар 18 Генваря. Фельдмаршал Блюхер с своей стороны старался также в ходе и подвигах от главной армии не отставать. С большею поспешностию шел он от города Туля вверх к реке Марне. 11 числа он велел дивизии князя Щербатова сделать мимоходом приступ к Биньи и укрепленный сей город взять. 13-го тот же князь Щербатов выбил неприятеля из Сен-Дизье и преследовал его до Витри, а 14 пошел влево к городу Бриенну для соединения с войсками генерала Сакена. Генерал Ланской с небольшим конным отрядом удерживал Сен-Дизье, поджидая прусского генерала Йорка.

5

Таковы были первые шаги союзников во Франции. Пространство исчезало под стопами их, Рейн был уже далеко позади, а Париж почти в глазах! Наполеон находился в Париже и громкими воззваниями, льстивыми словами и пышными обещаниями забавлял и очаровывал миллион ветреных голов в столице Франции. Но, видя грозные тучи, несущие громы свои прямо на чело сей самой столицы, он воспрянул в полной ярости своей и бросился на поле битв. 13 Генваря поутру поручил он жену и сына под защиту городской народной гвардии. При сем случае ложь и притворство доведены до высшей степени. Он показывал себя пред глазами народа нежным отцом и супругом, изъявляя чувства, которых, может быть, в сердце своем не имел *. Он хотел возложить на слабую

* Уверяют, что славный актер Тальма учил Наполеона накануне, как представлять лицо нежного отца и супруга.

голову младенца (короля Римского) корону, которую с собственной его главы всеми видимо срывала невидимая рука провидения.

6

Распростясь с столицею и ветреным народом ее, бросается он в коляску и скачет на почтовых к армии в Шалон. На берегах Марны собрано было 80 000 лучших войск. 14 под вечер весь Шалон закричал: «Да здравствует император!» Войско повторило клик народа. Раздался звук труб и поднялись знамена, гром пушек и звон колоколов возвестил прибытие Наполеона. Он прибыл и действует: берет 25 000 и пускается вправо. Шаг — и в Витри, другой — и отнял Сен Дизье.

7

Между тем видит он, однако ж, что Блюхер уже подает руку Шварценбергу, что войско соединится с войском и сила подкрепится силою. Страшно для него соединение сие, воспрепятствовать ему есть цель желаний его. Для сего-то с большою частию своих войск и бросается он на самый меньшой отряд союзников с тем, чтоб, уничтожив оный, между двух армий стать.

8

Призвав все войско маршала Мортье из города Труа и от реки Об для подкрепления правого крыла своего Наполеон вдруг появился 17 Генваря в половину дня, пред городом Бриенн. Он пришел с великими силами и с твердою решимостью дать великий бой. Блюхер ясно видел силы и намерение неприятеля, но с мужеством принял вызов к сражению. И тут-то, под стенами и в стенах города, который почитался колыбелью Наполеоновой славы *, произошло первое важное, по переходе чрез Рейн, сражение.

---

* Известно, что Наполеон первые познания в военном искусстве приобрел в Бриеннской школе.

Несмотря на превосходство войск неприятельских, союзники, искусно пользуясь своею конницею, сбивали ею левое крыло французов. Генерал Олсуфьев держал Бриенн. Наполеон не пощадил города, в котором провел первые лета молодости. Он велел палить по нем из всех своих орудий, и город запылал. Наступившая ночь и смятение, произведенное жестоким пожаром, охватившим город, способствовали солдатам маршала Виктора прокрасться к Бриеннскому замку и после упорнейшей схватки овладеть оным. Тогда Блюхер, видя превосходство неприятеля и следуя предпринятому уже намерению соединиться с князем Шварценбергом, спокойно отступает по дороге к Бар сюр Об. Маршал Виктор и генерал Груши подвинули вслед за ним колонны свои, и 18 числа остановились на выгодном местоположении, заняв войсками правого крыла Диенвиль, утвердя средину в Ларотьер, а левое крыло загнув вверх к Шоменилю.

9

Союзники, с своей стороны, все свои войска и силы вместе совокупили. С разных сторон, разные отряды присоединялись к Блюхеру, который, на дорогу к Бару, остановился при Тране и расположил войска свои с большою выгодою на протяжении холмов, идущих от большой дороги вправо. 18-го генерал Йорк вырвал из рук неприятеля Сен-Дизье, а граф Витгенштейн вошел в Васси и опередил Вреде, который с своими баварцами шел чрез Жуанвиль на левое крыло французов, против которого наступательное действие поручено было принцу Виртембергскому. Австрийцы с графом Гиулаем должны были напасть на правое крыло, а русские с храбрым генералом Сакеном на самую средину линий французских. Столь грозное положение наших и неприятельских войск и неуступчивость с той и другой стороны предвещали упорную битву в окрестностях Бриенна. Битву сию начал принц Виртембергский, нанесший первый удар на Шомениль, где находился маршал Виктор. Тут спорили о победе по крайней мере три часа. Принц входил в Шомениль, французы вытесняли его, но после многих усилий место боя осталось наконец за ним. Из средины французской ли-

нии войска поспешили на подкрепление левого крыла, а генерал Сакен, пользуясь сею минутою, сгустив полки свои в боевые колонны, бросился на средину и пробился было до самой церкви селения Ларотьер. Наполеон, видя опасность и беду, с лучшими войсками устремился к своим, а Блюхер подкрепил Сакена, и жестокий бой загорелся. Бонапарт, кажется, забыл тут о жизни, думая только о выигрыше, которого Блюхер не хотел ни за что ему уступить. Тот и другой были всегда впереди. Под первым застрелена лошадь, когда он сам повел молодую гвардию, подле другого убит в то же время казак. Опасность угрожала равно обоим, но слава победы досталась одному. Союзники восторжествовали и поделили по-братски лавры и трофеи. Корпус Сакена взял 30 пушек, граф Вреде 26, а принц Виртембергский 11. Граф Вреде выбил Мортье из Морвильера, обошел совсем левое крыло неприятеля, и все войска его отступили. Союзные гвардии под начальством графа Милорадовича, подоспев весьма кстати, непосредственно участвовали в счастливом окончании сражения. Союзные монархи, очевидные свидетели битвы, праздновали победу на месте самого боя.

10

Лишенный многих войск и дерзости нападать Наполеон отступил в Труа и далее. Тут открылись для союзников пространные поля действий и пути к Парижу. По берегам Марны и Сены пошли они к столице Франции. Если кто означит, с одной стороны, течение Сены, а с другой — впадающей в нее Марны и проведет в первую поперечную между обоими речку Об: тот будет иметь в начертании своем полное пространство, на котором происходили главные бои того времени. Последуем за главною армиею, несущею знамена свои по берегам Сены. Французы поспешно оставили город Труа, союзники вступили в него. Оттуда распространились действия их к Сансу, Ножану и Мери. С другой стороны, Блюхер, перейдя на берега Марны, выбил неприятеля из города Шалона. Чрез несколько дней главная квартира прусских войск подвигалась до Вертю и Этожа, а войска Сакена и Йорка, зани-

мая Монмираль и Шато-Тьери, подходили даже к Ла-ферте-су-Жуар и Мо.

Наполеон стоял в твердой позиции при Ножане и не двигался с места. Оба крыла его были далеко обойдены, и война гремела уже в самых близких окрестностях Парижа. Воинская деятельность его, казалось, на минуту вздремала; он был в глубоком размышлении о том, что начать. Его способы в войне давно известны: первый, чтоб, разделя неприятельские войска по частям, на каждую особо с превосходными силами нападать. Второй великий способ состоит в обходах, чрез которые, становясь в крыле или с тылу неприятеля своего, принуждает его к отступлению. Для первого способа необходимы бои; последний совершается часто без оных, одною только поспешностию хода. Последний из сих способов, по словам Наполеона, есть способ воевать ногами. На сей раз, не щадя ничего, употребил он и оба сии способа и все свои силы вдруг.

11

Все действия союзников от Рейна до Парижа можно разделить на три периода: первый, от перехода за Рейн до сражения при Бриенне, стоил мало крови и доставил много выгод. Второй, от сражения Бриенского до боя при Арси сюр Об есть период жарких битв и бо́льших выгод для Наполеона, нежели для союзников. Третий период есть время побед на пути к Парижу и блистательных торжеств в стенах оного.

Мы уже описали первый из сих периодов, теперь следует заняться вторым.

Наполеон решился итти вперед, но на первом шагу должно было ему блеснуть успехом в глаза войск и народа. Для первого удара избирает он Блюхера и с силою и быстротою вырывающегося из тесноты вихря бросается вверх к Марне на войска полководца сего. Первый, сделавшийся жертвою стремительного прорыва Наполеона, был генерал Олсуфьев. Небольшой отряд его при Шантобере служил, так сказать, звеном, соединявшим войска Блюхера с войсками Сакена. Многочисленность и сила французская, несмотря на самое храброе сопротивление, поглотила малое войско генерала сего. Отряд его разбит, забран и вместе с

ним уведен в Париж напоказ и утешение жителям. Захватя Шантобер, Наполеон разрезал Силезскую армию надвое и, став в средине, угрожал тылу той и другой половины. Однако генерал Сакен, не пугаясь сих угроз, призвав к себе дивизию Йорка, нападает сам на французов при Монмирале. Схватка тут была жаркая особливо при деревне Марте. Победа ни на ту, ни на другую сторону приметно не склонилась. На другой день Сакен отступил за Марну в Шато-Тьери. Наполеон погнался было за ним пристально, надеясь, что жители разорят мост на Марне и генерал сей будет его второю жертвою. Но, к счастию, надежда эта не сбылась, и Сакен отступил благополучно к Реймсу.

12

Всякий понимающий тогдашнее расположение союзных войск по частям разделенных ясно видит, что Наполеон имел удобность нападать с превосходными силами на каждую из них порознь. Но зато и сам он не мог сделать лишнего шагу, чтоб не иметь в тылу или в крыле своем какого-нибудь неприятельского корпуса. Преследуя с жаром одного генерала, он подавал способ вредить себе другому. Так случилось с Бонапартом после Монмиральского боя. Блюхер, стоявший при Этоже, попустил его погнаться за Сакеном, а сам (1 Февраля) жестоко напал на маршала Мармона, который с небольшим корпусом маячил пред Этожем, желая закрыть движения главных сил французских. Разумеется, что Блюхер опрокинул Мармона, прогнал его и (чего бы не должно было делать) преследовал даже за Шантобер. Минутный успех сей имел невыгодные последствия. Сим успехом Блюхер оттянул, правда, Наполеона от Сакена, но навлек на себя в то время, когда не имел довольно силы, чтоб сделать отпор приличный натиску.

13

Наполеон, прослышав, что Блюхер зашел далее пределов осторожности вперед, бросился быстро назад. Ведя пешую гвардию скорым шагом, а всю конницу на рысях, он шел целую ночь и к утру соединился с

Мармоном. Это было 2 Февраля. Блюхер почувствовал невыгоду своего положения и, прислонясь к Вошану, решился защищаться. В 8 часов утра французы пошли на него открытым боем. За деревню Вошан пролили много крови. Наполеон привел впятеро больше конницы, нежели сколько было ее у Блюхера. Ее-то повел он справа и слева по полям, ею занял деревни и ею окружил пруссаков со всех сторон. Храбрые пруссаки строятся в кареи. Французы рыщут около них. Штыки и мужество первых отражают сабли и дерзость последних. Неприятельская пехота засела было в Этоже, но генералы Клейст и Капцевич пробились сквозь нее штыками. Ночь прекратила бой. Но Блюхер уже вырвал войска свои из беды. Он идет в Шалон, заслоняется Марною, призывает к себе Сакена и Йорка, подкрепляется корпусами Ланжерона и Сен-При и, ощутя силы свои, помышляет сам о действиях наступательных.

14

Никогда как в то время, которое мы описываем, успехи и неудачи не стояли так близко одни подле других. Между тем как Бонапарт, пользуясь минутным успехом, гнался за Сакеном, за Марну, генерал Винценгероде выдержал бой недалеко от Лаона и ворвался 2-го в Суассон. 300 пленных и 13 пушек достались победителю. Таким образом дни побед Наполеоновых, с одной стороны, были днями неудач его — с другой. Народ не ведал, радоваться ль или печалиться ему должно было, но по врожденному легкомыслию, веря всякой приятной молве, радовался. Нельзя отвергать, чтоб именно на сей раз Париж был защищен быстротою движений Наполеоновых, но был ли он защищен надолго, то увидим из последствия.

15

Обратив все внимание на действия при берегах Марны, мы совсем было забыли о том, что делалось на Сене. Вслед за течением реки сей союзники быстро подвигались вперед. Тотчас по отдалении Наполеона сбросили они все французские отряды с левого берега

Сены и в разных местах перешли сами на правый. Уже дивизии графа Вреде и Витгенштейна достигли до Провена и шли чрез Нанжи к Мелёну, а войска графа Платова и Бианки пробрались из Монтеро до самого Фонтенебло, которое и заняли 5 Февраля. Париж содрогался, слыша так близко около себя шум войны. Успехи союзников на Сене отрывали Наполеона от Марны. Чтоб действовать с равным успехом на сих обеих реках (которые были тогда настоящими операционными линиями), должно было двум Наполеонам быть и по крайней мере вдвое более войска иметь. Однако Наполеон заменял все недостатки сил быстротою. Он как будто в кармане носил войско свое и метался с оным из края в край. Эти действия вождя французского напоминают о действиях короля-полководца в семилетней войне. Душою военного искусства великого Суворова была также быстрота. Посадя пешую гвардию свою на подводы, а коннице велев нестись на рысях, Наполеон помчался от Марны к Сене, и 5 Февраля (когда Платов занял Фонтенебло), внезапно нагрянул на графа Витгенштейна при Нанжи, одержал верх и вытеснил войска его за Сену. Маршалы Макдональд и Удино оставлены были на правом берегу Сены, чтоб его вовсе очистить и сберечь.

16

Невозможно описать, до какой степени от мгновенных успехов сих возросла гордость Наполеона. Известно, что в это время после переговоров в Шатильоне на Сене предлагали ему мир, но презорства исполненный вождь отверг предложения, сказав: «Я теперь ближе к Вене, нежели они к Парижу». Конечно, союзники утратили почти все выгоды, которые доставило им сражение при Бриенне, но не должно никогда ослепляться успехами, особливо в войне. Когда союзники праздновали победу на полях Бриеннских, казалось, что им только один шаг оставался до Парижа. И теперь, когда Наполеон, очистив Марну и Сену, шел биться на Об, казалось также многим, что союзникам занятых ими областей не удержать. Французы называли вождя своего наперсником судьбы, а вождь сей бесстыдно кричал: «Или все, или ничего!» — и вел

солдат своих на верную смерть, дозволяя им для потехи грабить собственную землю свою. Тут кончится второй период мгновенных удач Наполеоновых и начинается вопреки всем мечтам и надеждам его период полной славы союзников.

17

Князь Шварценберг, убедясь в невыгодах действовать разделенными силами, решился сосредоточить их вместе. Он стоял в Труа. Прусский полководец, подкрепясь корпусами Бюлова, Винценгероде, Воронцова и принца Саксен-Веймарского, в самом деле пошел было чрез Мери, к Сене. Ожидали, что общими силами дадут общее сражение. Но вдруг Блюхер, круто оборатясь назад, бросился к Сезане и 12 Февраля побил там Мармона. Наполеон, преследовавший австрийцев, отделил часть войск для обеспокоивания тыла Силезской армии. Маршалы Виктор, Удино и Макдональд врывались в Бар сюр Об, но князь Шварценберг двинул силы свои и отразил их (15 числа).

18

Наполеон, увидевши себя между армиями Силезской и князя Шварценберга, пошел на первую. На пути присоединил он к себе Мармона у Сезаны, Мортье у Лаферте-су-Жуар. Блюхер, видя приближение противника своего в превосходных силах, переступил с левого берега Марны на правый. Один французский корпус занял Реймс и угрожал сообщению союзных армий, но, к счастию, за несколько пред сим взят был Суассон, и Блюхер, отступя чрез него, занял позицию между сим городом и Лаоном при Краоне. У преддверия Бельгии в Лаоне поставлен был генерал Бюлов.

19

Уже на закате было солнце Наполеонова счастия, и день славы его приметно вечерел. Еще одержал он некоторую поверхность при Краоне, где для союзников тесно было поле, но Блюхер собрал и построил все войска свои у Лаона. Тут произошло жаркое сражение

25 Февраля, и французы под личным предводительством самого Наполеона остались побежденными: пруссаки гнали их за Суассон. 50 пушек наградили победителей.

20

Около сего времени известный генерал российский Сен-При, придя с 16 000 из Шалона к Реймсу, отнял город приступом у генерала Корбино. Это было 1 Марта. Но на другой же день сам Наполеон, послышав о случившемся, привел множество войск к Реймсу. Мужественный Сен-При, невзирая на неравенство сил, не отказался от боя. Храбро сражался он тут и с честию положил жизнь свою за правое дело. Под веяньем знамен российских сомкнул очи свои сей достойный всякой хвалы француз! Россия помнит услуги, враги силу руки, а друзья и подчиненные любезные свойства души его.

21

Смерть храброго Сен-При открыла пространное поле для лжи и хвастовства Наполеонова. Он трубил во всех печатных листах того времени, что та самая батарея, из которой вылетело смертоносное ядро для великого Моро, выслала тут другое на пагубу Сен-При. И вот как, восклицал он, карает провидение французов, врагов Франции! Но святое провидение уже готовило, уже наводило гром свой на буйное чело самого Бонапарте!.. Видя армии свои слабеющими, он прибег было к народу. «Вооружайтесь, жители Шампани! Вооружайтесь, французы! К оружию, великий народ! Северные варвары хотят стереть Францию с карты Европы! Силою и хитростью все ополчайтесь. Истребляйте, губите, режьте, где, как и чем только можно, всегда и везде!» — так вопиял Наполеон, советуя, особенно женщинам, приманивая неосторожных прелестями своими, губить их по ночам ножом. Не все зловредные семена его остались без прозябания; в некоторых местах народная война начинала уже возгораться! Но великие успехи союзников вскоре положили всему конец.

22

Уже протек Февраль, столь обильный происшествиями, боями и превратностями. 5 Марта в последний раз прошел Наполеон чрез Эперне с 40 000 своей гвардии. В последний раз польстили слуху его клики народа, провожавшего войско на бой. Марна, привлекшая опять к одной себе Наполеона, выдала Сену союзникам. Быстро подвигались они по знакомым путям, вперед. 4 Марта дивизия графа Витгенштейна была уже в Провене. Наполеон из Шалона пустился еще раз поискать счастья на Об, умышляя обойти Шварценберга, который вместе с союзными государями находился 6-го в Труа. Но союзники, остерегаясь, отступили к Бару, а Наполеон 8-го прибыл в Арсис, что на Об. 9-го в сем месте произошел сильный бой и французы отброшены на северо-восток к Витри. Тут можно уже было сравнить Наполеона с тигром, окруженным искусными охотниками: ярость его не приносила более пользы.

23

Стеснялся круг действий Наполеоновых, умалялись силы, но замыслы его все еще были пространны. Перейдя Марну в Витри и вступя в Сен-Дизье, он хотел ворваться в Лотарингию, вызвать из всех крепостей гарнизоны, составить новую армию и броситься на тыл союзников. Но союзники, провидя несбыточность сих предприятий, выслав в Сен-Дизье генерала Винценгероде, обменялись дорогами с Наполеоном: пожелали ему доброго пути к Рейну, а сами пошли к Парижу!

Между тем и с юга приходили приятные вести. Ожеро уступил Лион австрийцам. Веллингтон поражал Сульта. Блюхер из Шалона подал Шварценбергу руку, и все двинулись к столице Франции.

24

Поход на Париж

На первом шагу своем союзники встречают при Фер-Шампенуазе 13 Марта дивизии Мармона и Мортье. Увидеть, напасть и разбить было для них дело

одного мгновения. Оба маршала имели только 25 000. Союзники подавили их ужасным натиском всех своих сил. Сто пушек, 7 000 пленных и открытый путь к Парижу достались победителям.

25

Сим последним пользуясь, союзники, свернувшись в пять больших колонн, под веяньем победоносных знамен, с веселыми кликами надежды и радости, быстро подвигались к последней цели своей. 16-го перешли они Марну в Трипоре и Мо, а 18-го люди, воспоенные водами Оки и Волги, пришедшие из отдаленных краев хладной Сибири, от знойных берегов Каспийского моря, от хребтов грозного Кавказа — сии люди увидели окрестности Парижа!!! Надобно поставить себя на место тех, которые прошли столь необъятные пространства, выдержали столько ужаснейших боев, подъяли столь великую истому, столь неописанные труды и, наконец, по полям, облитым кровью, по тлеющим развалинам городов, сквозь огонь, чрез воды и среди смертей, достигли конца своего пути и вершины славы, надобно, говорю я, поставить себя на месте их, чтоб постигнуть чувство, наполнившее тогда сердца подступивших к Парижу.

26

Но совсем противное было в Париже. Невеселые слухи проходили от Марны и Сены, задумчивость и уныние начинали появляться в шумных толпах вечно поющего народа. Правительство, с своей стороны, зная ветреность жителей, распускало слухи о небывалых успехах. Толпы подкупленных и легковерных разглашали их по улицам. Истина спорила с ложью. Но вывоз сокровищ, отъезд Иосифа Бонапарте и самой императрицы показали ясно Парижу настоящее его положение. Громкий барабанный бой на утренней заре 18 Марта пробудил беспечных жителей столицы, и тогда только поверили, что более 100 000 победителей стояли уже за высотами, заслоняющими город их.

27

Париж имел несколько тысяч гарнизона, мог выставить до 30 000 народной гвардии и всеми сими войсками подкрепить корпуса, разбитые при Шампенуазе. Природа оградила город, в долине стоящий, высотами Бельвильскими, холмом Бют-Шомон и горою Монмартр. Канал Уркский служил также некоторою обороною.

28

Защитники Парижа расположились следующим образом: справа занимали они Бельвиль, Менильмонтан, Бют-Шомон и Венсенский замок, их средина расположена была за каналом Уркским, имея за собою Монмартр, который весьма б был страшен, если б был укреплен: а левое крыло их простиралось до Нельи. Весь этот строй имел вид выгнутой дуги.

29

Распоряжение союзников было следующее: армия Силезская должна была итти справа чрез Сен-Дени к Монмартру, гвардия российская и прусская под начальством графа Милорадовича занимала средину, двинувшись от Бонди к Пантеню, генерал Раевский управлял нападениями на Бельвиль, а принц Виртембергский на левом крыле должен был занять Венсен и наблюдать за Шарантоном. Генерал Сакен и баварцы оставлены в Мо, чтобы противостать Наполеону, если б он вздумал воротиться к Парижу.

30

Бой при Париже

Между 5 и 6 часом утра раздалась пушечная пальба, и сражение загорелось. На твердые позиции: Бельвиль, Роменвиль и Бют-Шомон напали прежде всего. Генерал Раевский выбил из Пантеня неприятелей штыками. Другие высоты старались обходить. Множество стрелков распущено было по садам и

перелескам. Ружейная пальба гремела беспрерывно. Но Блюхер и принц Виртембергский не могли так скоро, по назначению, справа и слева, притти. Одним же войскам Раевского, начавшим сражение, поддерживать его было тяжело. Наполеон мог поспешно возвратиться и внезапно загреметь в тылу, Париж, услыша гром его, стал бы защищаться до последней возможности, и тогда союзники на краю желаний своих увидели бы себя в положении крайне невыгодном. Одна минута могла дать крутой оборот делам, но генерал граф Барклай де Толли сделал решительное соображение, пустил лучшие резервные войска в дело — и дело взяло счастливый ход. Граф Милорадович ввел все гвардии в огонь и управлял движениями оных. Тут напрасно уже старался неприятель с отчаянною храбростию лишить союзников приобретенных ими выгод, все его усилия обращались в ничто. Это взаимное борение продолжалось большую половину дня, но прибытие Силезской армии решило судьбу битвы. Корпус графа Ланжерона пошел прямо на Монмартр, а Клейст и Йорк устремились в Лавильет и прочие в той стороне лежащие места. Граф Милорадович сам повел всех гренадеров на приступ в Бельвиль, и грозная высота сия покорилась. Генералы граф Ламберт, Воронцов, Паскевич, Ермолов, Чоглоков и прочие по грудам неприятельских тел взвели войска свои на высоты, облитые кровью, и гордый Париж со всеми своими замками, храмами, дворцами, палатами и садами, на необозримом пространстве лежащий, представился глазам удивленных победителей. Гром битвы и общее ура! всех соединенных войск, наполнили окрестности бранною грозою и шумом, которого они с самых давних времен не слыхали. Множество пушек взлетело на холмы и направилось прямо на столицу. Огненная буря готова была понестись на разрушение сомнением и ужасом волнуемого града. Ударил последний час, и острый меч вознесся над главою его... Но при грозном течении гремящих строев в дыму и в пламени жестокого боя, когда ничего не слышно было, кроме громких восклицаний победителей и глухого стона побежденных, вдруг настала торжественная минута глубокой тишины: страждущее человечество

возвысило голос свой. Сей голос достиг до сердца управлявшего судьбою браней государя и подвинул его к милосердию. Александр I изрек великое слово благости — помилование! и тысячи храбрых опустили оружие — и Париж спасен!!!

31

Знаменитое сражение при Париже и счастливейшие последствия оного уже довольно известны по множеству сделанных о них описаний, а я крайне несовершенную картину мою окончу последними чертами, отличающими отчасти дух жителей Парижа в роковой для них день. 1. Один капитан, смело ведя роту из города в Бельвиль, вдруг узнает, что перемирие положило конец войне. С чувством глубокого прискорбия вонзает он шпагу в землю и, сказав: «Солдаты! Нам нельзя уже сражаться за Отечество, так будем плакать о нем!» — закрывает лицо руками и плачет. 2. Ученики политехнической школы, не имевшие еще по молодости лет довольно сил управлять оружием, с большою храбростию защищали мост в Шарантоне. 3. Когда русские входили в Бельвиль, один шестидесятилетний старик до тех пор стрелял и бросался на гренадер с ножом, не приемля пощады, покуда не упал мертв к ногам их. На другой день пришло на то место большое семейство оплакать и похоронить убитого*. Довольно этих примеров, чтоб опровергнуть клевету, впоследствии сплетенную, что будто Париж уловлен хитростию и, не желая защищаться, покорил себя добровольно. Нет! Он защищался и побежден! Русские покорили столицу Франции мужеством, а удивили ее великодушием. Никто не отнимет у них славы победы и славы добродетели!

Шалон на Марне. 2 Июня

Скучная квартира и скучное положение наше вдруг переменилось. Брат пошел к коменданту и

---

* Этот случай рассказал мне самовидец оного Ахтырского гусарского полка ротмистр Пороховников.

узнал в нем совоспитанника своего по Морскому корпусу Н. Ногаткина. Это прелюбезный молодой человек всеми здесь любим и уважаем. Нам отвели прекрасную квартиру у предоброго хозяина, начальника здешних почт, господина Дюлена. С удовольствием записываю имя его: оно сохранится не в одной записной книжке, но в сердце и в памяти моей. Он принял, обласкал и угостил нас так, как будто самый добрый саксонец. Во Франции не имели мы вовсе такого приему.

Шалон. 3 Июня

Все войска возвращаются из Парижа и спешат оставить Францию. Сегодня прибыл граф Милорадович сюда в Шалон. Он приобрел новые лавры, украшен новыми знаками отличия, но принял нас с прежнею благосклонностию. Мы получили позволение съездить в Париж. С нами едет один молодой француз Б...м из Лангра, знакомый Ногаткину.

ШАЛОН

Я просидел целую ночь напролет! К нам зашел с вечера бывший в корпусе майор Бровков да адъютант наш С. Речь зашла о Париже. Разговор о нем неистощим. Мы рассматривали план и бродили мысленно по улицам, площадям, садам и гуляньям. Много видели они в Париже любопытного, немало хорошего и очень много худого. На Париж должно смотреть, как на самый шумный, многолюдный и запутанный лабиринт. Французы раскинули все сети, расставили все приманки и не щадили никаких уловок, никаких средств, чтоб только наших заманить, очаровать и обобрать..! По общему совету, располагали мы, где лучше остановиться по приезде в Париж и что за чем осматривать, чтоб в самое малое время осмотреть как можно больше.

Вот какую мы сделали записку:

1. Остановиться в Отель де Валуа, в улице Ри-

шелье, насупротив Пале-Рояль, чтоб быть поближе к Тюльерийскому дворцу.

2. Взять в услужение на время Ипполита.

Осматривать:

1) музеумы, 2) площадь карусельскую, 3) чрез мост Пон-Неф в древнюю церковь de Notre Dame, 4) сад растений, 5) Пантеон, 6) Дом Инвалидов, 7) законодательного сословия палаты, 8) Люксембургский дворец, 9) площадь Вандомскую, 10) сад Тиволи, где гулянье и освещение бывает по четвергам и воскресеньям ввечеру. Тут и оптические картины. Потом театры: 1. Большая Опера, 2. Французский, 3. Фейдо, 4. Варьете и проч. и проч. Не знаю, успею ль я все это увидеть, ибо долго в Париже быть не могу.

Город Шато-Тьери. 5 Июля

Шампания, известная своими прекрасными винами, не есть прекрасная область. Она пуста и песчана. В местечке Эперне пили мы самое лучшее шампанское, и я должен был признаться, что до этого времени не пил настоящего. Оно не мутится и не имеет кисло-резкого вкуса, потому что не подделано, не бушует, потому что без поташа. Тихо льется оно в стаканы алою или златовидною струею, услаждая обоняние и вкус. Деревня Аи производит лучшее шампанское. Досюда ехали мы в двуколесных почтовых тележках. Завтра поместимся в огромную почтовую карету, которую здесь называют дилижансом.

Город Мо. 6 Июля

Дилижанс — преогромная и превыгодная карета, в которой всяк за сходную цену может нанять себе место. Тут сидишь, как в комнате, в обществе пятнадцати или шестнадцати разного звания, разных свойств и часто разных наций людей. Монах, лекарь, офицер, дряхлый старик и молодая девушка нередко случаются тут вместе. Всякий делает, что хочет. Один читает, другой говорит, третий дремлет, четвертый смеется, пятый зевает. Я смотрел на окрестности, отыскивал места недавно бывших боев и любовался течением

Марны. Резвая Марна, разгуливая по долинам, бежит вместе с нами к Парижу. Сперва видели мы ее справа (по выезде из Шалона), потом вдруг перерезала она нам дорогу (в Шато-Тьери) и замелькала слева, потом должны были мы еще раз ее переехать, и теперь она уже течет все левою стороною. Сена ожидает подругу свою с отверстыми объятиями в ближайших окрестностях Парижа, близ Шарантона.

Тут дрались русские, говорили мне французы, указывая на Шато-Тьери. Они пришли из Шалона, прямою дорогою чрез Этож, на Монмираль и, заняв слева цепь гор, отрезали французскому корпусу дорогу у Лаферте, успев прежде всего занять высокую гору, на которой стоит селение Жуар. О, и русские умели находить дороги во Франции.

Лаферте су Жуар, значит в переводе: Лаферте под Жуаром, то есть деревня Лаферте у подошвы, а село Жуар на вершине горы. Тут холмы одеты виноградниками, украшены рощицами, долины населены и обработаны. Здесь почти нет места, где бы не дрались. В Мо также было сражение.

ПРАЗДНИК БОЖИЙ

Католики имеют праздник, которого мы не имеем. У поляков называется он тело Божие, у французов праздник Божий. Я перевожу буквально. По всем деревням, на дороге лежащим, народ был в благочестивых суетах. Везде расставляли пред домами иконы Божией матери, украшали их зеленью и цветами. Этим занимались больше молодые девочки. Въезжаем в деревню и слышим множество голосов. Со всех сторон кричат: Господа! Господа! Что-нибудь Божией матери! Мы наменяли целый мешок мелкой монеты и всю рассорили, радуясь, что французы еще не совсем забыли святые обряды предков.

ТРАКТИР В БОНДИ

Вот уже мы под самым Парижем! Слышим, как он шумит, кажется, чувствуем, как шевелится, но еще не видим его. Он там скрывается за высокими холмами

и не хочет быть виден издалека. Наконец, думал я, увижу и я тот город, в который стекаются любопытство, золото и страсти из самых дальних краев Европы, город, который называют столицею мира, источником просвещения и вкуса, жилищем роскоши и мод. Такой город должен быть огромен, великолепен, чист, светел, просторен и опрятен. Еще несколько минут, и завеса вскроется! Проверю описание, рассказы молвы, увижу и узнаю. Дилижанс остановился на несколько минут у трактира в селении Бонди. Так это водится. Все подорожные зашли в трактир отдыхать или прохлаждаться. Я смотрю пристально на окрестности. Окрестности в городе то ж, что предисловие в книге. Парижские довольно приятны для глаз, а для воображения, напитанного французскими романами, они должны казаться восхитительны. Рыцари крестовых походов, воспетые Тассом, не с такою приятною тревогою чувств приближались к цели дальних походов и великих трудов своих, как питомцы французского воспитания приближаются к столице Франции. Что шаг, то напоминание! Проезжают чрез лес Бондийский, и тысячи приключений, случившихся в нем, по сказанию романов, представляются воображению их. Увидят Венсен и послышат тайное щекотание в сердце: им представляется, как известный счастливец в любви Ришелье заманивал в этот лес жен и дочерей маршалов и герцогов, княгинь и княжон: забавлял их пирами, музыкою, освещениями без ведома их мужей, шалил с ними, как с аркадскими пастушками, и вовлекал их в приятные глупости и проч. и проч.* Но с этого времени окрестности Парижа доставлять будут русским и всем благомыслящим европейцам воспоминания чистейшие и благороднейшие. Здесь, скажут они, смотря на Монмартр, Бельвиль, Пантен и Сен-Винсен, здесь покрыли себя бессмертною славою герои союзных народов в глазах государей своих! Все села и деревни около Парижа обстроены хорошо, замки, сады, палаты, рощи, водопроводы, фонтаны и Урский канал пестрят и украшают окрестности. Поселяне живы, веселы, поют и говорят без умол-

* Смотри на французском книгу: Тайные похождения Герцога Ришелье, соч. Рюльера.

ку, живут в красивых домиках. Молодые девушки гуляют хороводами или прыгают поодиночке с корзинками в руках. Они не столько прекрасны, как миловидны. Стройная кофточка, передник составляют весь их наряд. Словом: около Парижа увидели мы гораздо больше довольства, нежели где-нибудь во Франции. Только по всей дороге к Парижу и в окрестностях несносный запах часто заставляет зажимать нос. Тысячи худо зарытых тел и множество совсем не зарытых лошадей, разрушаясь в жару, заражают воздух. Французы в утешение себе говорят, что это русские и немцы тлеют на их земле. Да кто бы ни были, а их надобно погребсти порядочно! Своевольные ветреники судят по-своему, они говорят: это дело правительства! Но дилижанс готов, все садятся — едем в Париж!

ОПИСАНИЕ ПАРИЖА

Париж

Он засинелся перед нами, как пространный разлив воды на гладкой долине, или как дремучий лес в отдалении. Многие города блестят издали кровлями дворцов, палат и раззолоченными главами храмов: Париж темнеет в густоте теней. На необозримом протяжении над 20 000 как будто вместе слитых домов выказывается готическая башня-церковь Нотр Дам, возвышается кругловидный Пантеон и сияет в позолоте купол Инвалидного дома. Все прочее серо и пасмурно. Мы въехали в старинные ворота Сен Мартэн. Дилижанс остановился в обыкновенном своем заездном доме. Нас высадили. Молодой француз Б., сопутник наш, прыгал от радости, видя себя в первый раз в Париже! «Что вам угодно, милостивые государи! господа путешественники! что вам угодно?» — кричали со всех сторон прислужники за деньги. Нам надобен фиакр (карета) — и явился. Мы положили свои чемоданы и велели везти себя в улицу Ришельё, в Отель де Валуа, что против Пале-Рояля.

Так это-то Париж! — думал я, видя тесные, грязные улицы, высокие, старинные, запачканные дома и чувствуя, не знаю отчего, такой же несносный запах, как и за городом от тлевших трупов и падали. Это-то превозносимый, великолепный, прелестный город!.. Но чем далее в средину, тем лучше и красивее. Наконец остановились мы подле огромного дома, гостиницы Валуа. Француз Б. выпрыгнул из фиакра и побежал к хозяину справиться о комнатах, о цене и прочем. Торг скоро кончен, чемоданы наши внесены, а деньги с нас за все взяты. И вот мы уже в Париже и на квартире!.. За три великолепно убранные комнаты, со всеми выгодами, с постельми, диванами, люстрами и зеркалами с нас берут 15 руб. в сутки. Это дорого, но так берут только с русских. Французы в обыкновенное время платят за такие квартиры вдвое меньше: и тогда это дешево!

Нас проводили в комнаты и забыли про нас! Одни, без слуг и без знакомых, мы бы могли просидеть целые сутки, и никто бы об нас не позаботился. В немецких трактирах иначе: трактирные служители входят очень часто к приезжему, предлагают свои услуги, спрашивают, не надобно ль кофе, пуншу и проч. и проч. Тут опять совсем другое: в доме, где отдают покои внаем, ничего не держат. За кушаньем, кофе и проч. посылать надобно своего человека в ресторации, кофейные дома и проч., а для всего этого и необходимо иметь лон-лакея. Мы тотчас по приезде спросили об Ипполите, который служил у адъютантов наших Паскевича и Сакена, но нам обещали представить его не иначе, как завтра. «Вы видите,— говорили нам с сердцем,— что сегодня в Париже ничего ни найти, ни достать не можно!»

В самом деле я заметил, что в Париже случилось что-то очень необыкновенное: в нем не видать было ни того шуму, ни того движения, которым он обыкновенно наполнен бывает. Париж приутих! Это случилось с ним в 20 лет в первый раз! Король из уважения к великому празднику приказал запереть все лавки, трактиры, питейные дома и даже самый Пале-Рояль, отворить же велел только одни церкви. Хвала государю, обращающему внимание на нравственность на-

рода!.. Но при всех важных переменах нужна чрезвычайная осторожность. Раны на теле закрываются не вдруг, а постепенно!! Французы теперь очень похожи на спутников Улисса, превращенных в свиней: купаются в грязи разврата и ропщут за то, что их хотят сделать опять людьми. Однако, несмотря на повсеместное закрытие лавок в городе, товарищ наш Б. сбегал в Пале-Рояль и привел нам человека с готовым платьем. Мы купили сюртуки, круглые шляпы, чулки, башмаки, тоненькие тросточки и вмиг нарядились парижскими гражданами. Так все наши делают, ибо русский офицер в мундире встречает везде косые взгляды и тысячу неприятностей. Разумеется, что с нас взяли втрое за все, что мы купили. По записке, которую сделали в Шалоне, узнали мы, что недалеко от нашей квартиры ресторация Бовилье. Идем к нему ужинать. Прощай!

Париж. Вечер

Я сейчас был в парижской ресторации, и признаюсь, что в первую минуту был изумлен, удивлен и очарован. На воротах большими золотыми буквами написано: Бовилье. Вход по лестнице ничего не обещал. Я думал, что найду, как в Германии, трактир пространный, светлый, чистый и более ничего! Вхожу и останавливаюсь, думаю, что не туда зашел, не смею итти далее. Пол лаковый, стены в зеркалах, потолок в люстрах! Везде живопись, резьба и позолота. Я думал, что вошел в какой-нибудь храм вкуса и художеств! Все, что роскошь и мода имеют блестящего, было тут: все, что нега имеет заманчивого, было тут. Дом сей походил более на чертог сибарита, нежели на съестной трактир. Хозяйка как некая могущественная повелительница, в приятной цветочной рощице, среди множества подле, около и над нею расстановленных зеркал, сидела на нескольких ступенях возвышенном и ярко раззолоченном стуле, как на троне. Перед нею лежала книга, в которой она записывала приход и расход. В самом деле, она в своей ресторации царица. Толпа слуг по одному мановению ее бросается в ту или другую сторону и выполняет все приказания. Нам тотчас накрыли особый стол на троих, явился слуга

подать карту, и должно было выбирать для себя блюда. Я взглянул и остановился. До ста кушаний, представленных тут, под такими именами, которых у нас и слыхом не слыхать. Парижские трактирщики поступают в сем случае, как опытные знатоки людей: они уверены, что за все то, что незнакомо и чего не знают, всегда дороже платят. Кусок простой говядины, который в каких бы изменениях ни являлся, все называют у нас говядиною, тут, напротив, имеет двадцать наименований. Какой изобретательный ум! Какое дивное просвещение! Я передал карту Б. Он также ничего не мог понять, потому что, говорил он, у нас в губернских городах мясу, супу и хлебу не дают никаких пышных и разнообразных наименований: эта премудрость свойственна только Парижу. Отчего ж, скажешь ты, мы так затруднялись в выборе блюд? Оттого, что надлежало выбрать непременно именно те, которые тут употребляют в ужине. Попробуй спросить в ужине обеденное блюдо, которое тебе пришлось по вкусу, и тотчас назовут тебя более нежели варваром, более нежели непросвещенным: назовут тебя смешным. Тогда ты уж совсем пропал: парижанин скорее согласится быть мошенником, нежели прослыть смешным! Предварительные наставления приятелей наших в Шалоне вывели, однако ж, нас из беды. Мы выбрали кушанья, поели прекрасно, заплатили предорого, получили несколько ласковых приветствий от хозяйки и побежали через улицу в свою квартиру.

Париж. Ночь

ВЗГЛЯД НА ПАЛЕ-РОЯЛЬ

Здесь в полночь еще очень рано, а в 2 часа ночи не поздно. Сижу у растворенного окна и смотрю на Пале-Рояль, который еще светится, но и не шумит. Король не велел ему сегодня шуметь. Двадцать лет сряду он бесился день и ночь и в первый только раз замолк.

Вот огромный дом, вот замок, вот целый город, называемый Королевскими палатами (Пале-Рояль). Напиши подробную историю Пале-Рояля, историю его владельцев и будешь иметь историю всех важней-

ших перемен во Франции, историю изменения нравов и упадка их.

В 1636 году кардинал Ришелье воздвиг огромное здание в улице Сент Оноре и назвал его Кардинальскими палатами. Многие нашли название это высокомерным, неприличным. Об этом происходили жаркие споры, но Анна Австрийская пресекла их, назвала палаты вместо Кардинальских Королевскими и поселилась в них. Людовик XIV отдал на время дом сей брату своему герцогу Орлеанскому, который назвал было его своим именем. Во время революции назывался он палатами равенства. Но наконец, гораздо прежде, нежели сам король французский, вошел он в древние права свои и стал называться опять королевским. В сем-то Пале-Рояле человек может найти все, что нравится благородному и низкому вкусу, все, что очаровывает, острит и притупляет чувства, все, что крепит и разрушает здоровье, все, что украшает и зарезывает время * и, наконец, все, что питает развратные склонности и выманивает из сердца добрые навыки, а из кошелька — деньги! Развертываю книгу Указатель Парижа и смотрю, что в ней сказано о Пале-Рояле. «Честь и добродетель изгнаны из мест сих. Алчность к золоту, картежная игра, плуты, обманщики и целые толпы прелестниц, со всеми силками и приманками их, встречают тут неопытную юность!» — так говорит писатель о верхнем этаже и продолжает: — «Обманутые иностранцы называют Пале-Рояль средоточием деятельности, удовольствий и забав Парижа, а человек благоразумный назовет его средоточием соблазнов!» Вот что говорят сами французы о Пале-Рояле в книгах своих, продающихся в самом же Пале-Рояле. Завтра осмотрю и опишу это любопытное здание, а теперь уже поздно. Прощай!

ПАРИЖ, ПАЛЕ-РОЯЛЬ

Я заглянул в соседство свое Пале-Рояль. Фасад этого здания украшен зодчеством коринфского ордера. Да, правду сказать, что Пале-Рояль есть сокра-

---

* Французы часто употребляют выражение «зарезать время».

щение всего Парижа. Тут можно все найти и все потерять. Приведите сюда человека каких хотите свойств, каких хотите склонностей: тут тотчас его поймут, отгадают, тотчас откроют путь к его сердцу и кошельку. Сердце его разберут как часы. Тут умеют приласкать каждую склонность, постигнуть каждое желание, предупредить каждое намерение, умеют тут раздувать пламя всех страстей, питать и лепить все явные и тайные слабости. Пройдя все притоны и мытарства волшебного замка сего, кажется, будто прошел весь путь жизни. Тут в один день можно испытать почти все, что обыкновенно с человеком случается в целый его век. Но, оставя рассуждения, приступим к описанию. Войдем в славные здешние галереи. Они очень длинны и очень нешироки. Тут вечная ярмарка!.. Люди всякого состояния, всяких лет и всяких народов шумными толпами теснятся взад и вперед. Тысяч по двадцати входит и выходит ежечасно, и в течение года весь миллион парижских жителей верно тут побывает. В сих галереях с одной стороны примечательны красивые колонны в 45 футов вышиною. С другой же стороны удивят, ослепят и приведут в совершенное изумление бесконечные ряды богатейших лавок, где все, что только земля, воды и все четыре части света произвесть, а воздух, огонь, железо, механика и химия извлечь и обработать могут, за деньги получается, С трех сторон прекрасный сад. В одном месте красивый и пространный кругловидный навес на столпах, называемый ротондою. Тут всегда множество людей едят и пьют всех родов прохладительные, а другое множество гуляет в саду. Во втором этаже залы наполнены всеми средствами терять деньги, преимущественное из всех есть игра в рулетку. Тут же, подле, заемный банк. В одну минуту можно занять и разбогатеть, в другую проиграть и обеднеть. Но самый верх и самый низ дома сего избрал в обитель себе глубочайший разврат. Там вечно раскрыты бездны, поглощающие честь и здоровье.

Если б дошли до нас подробные летописи Содома и Гоморра, пожженных небесным огнем, то ручаться можно, что разврат, погубивший эти города, не мог превзойти того, в котором тонет Париж. Чтоб лучше описать Пале-Рояль со всем, что в нем есть худого и

хорошего, возьмем для примеру какого-нибудь проезжего молодого человека и пустим его по всем закоулкам лабиринта. Смотрите, что с ним делается: на первом шагу встречает его купец с готовым модным платьем и одевает, на другом является парикмахер и причесывает, далее надевают на него сапоги, в разных местах останавливают его художники, чтоб почистить их * — и за все старания, за все услуги свои ничего более не требуют, как денег! Наступает час обеда — двадцать великолепнейших рестораций открывают ему двери. Как бы ни был велик аппетит, верно удовлетворится. После обеда манят к себе кофейные дома. Все, какие есть на свете лакомства, заключаются в них. Тут же он и в сборном месте всех журналов: берет любые и читает. В несколько минут может углубиться во все таинства политики, познакомиться со всеми европейскими дворами, и все выгоды и сношения сделаются ему очень ясны. В сих источниках почерпнет он также известие о новых книгах, вместе с усердными советами, которые из них должно читать, а которые бросить под стол. Многие журналисты употребили все свое время на то, чтоб замечать все красоты и пороки вседневных театральных представлений. Читатель журналов в кофейных домах узнает обо всем этом так подробно, как будто во всех театрах сам побывал.

Между тем наступает время итти проверить описания журналистов на самом деле и множество знаменитых и безвестных, больших и малых, лубочных, кукольных и звериных театров не успевают вмещать толпящегося в них народа. Но день испытания еще не протек. Молодой человек не хочет итти в театр, даже и во Французский, который отсюда только в нескольких шагах. Он заходит в ротонду и пускается бродить без цели по густым аллеям цветущего сада. Приятный летний вечер ведет за собою еще приятнейшую ночь, покровительствующую всем наслаждениям любви и обещающую тысячи тайных утех. Вот тут-то является Пале-Рояль в блистательнейшем виде своем!.. Сто восемьдесят огромных зеркальных фонарей украшают

---

* В Париже людей, занимающихся чисткою сапог, называют также художниками.

такое же число аркад. Каждый из них дробит, преломляет и отбрасывает множество ярких лучей, и все они вместе представляют прекрасный ряд лучеметных светил. Так освещены галереи вверху. Внизу каждая лавка светится, как прозрачная картина. Множество разноцветных ламп, паникадил и граненых хрусталей распространяют прелестное радужное зарево, очаровывающее взор. Золото, бронзы, серебро и дорогие каменья блестят повсеместно. Я думаю, что в целом свете не найдется лавок богаче здешних. Надобно признаться, что французы—великие мастера украшать лавки свои. Они так искусно развешивают в них шали, платки, разноцветные шелковые ткани и проч. и проч., что издали кажутся они обмалеванными искуснейшею кистию и самыми блестящими красками. Невольно подойдешь и купишь! Но обратимся к нашему молодому страннику на скользкой стезе испытания. После самого лакомого стола, лучших вин и ликеров бродит он по темной зелени долин и отдыхает в цветущих перелесках сада. Сладостное дыхание эфиров, заняв от цветов благоухание, а от ближней музыки звуки, навевает на него то и другое, нежа и услаждая обоняние и слух. Вот час опаснейшего испытания!.. Являются сотни прелестниц, иные из них в самом деле прелестны! Тут есть живые, веселые, томные, печальные или вовсе равнодушные красавицы. Иные одеты богато, другие просто, те с великою тщательностию, эти небрежно, а большею частию они только полуодеты! Наш молодой Улисс должен закрыть глаза и уши, потому что пение сирен слишком очаровательно! Ничто в подсолнечной не ново!.. Древний мудрец, описывающий хитрую прелестницу, заманивающую неопытного юношу в сети, как будто теперь и в самом Пале-Рояле начертал смелою кистию своею действие развратных страстей. Разврат всегда идет одним путем. «В часы, исполненные отрад, когда угасает заря и темный вечер приводит с собою спокойствие и тишину (так говорит мудрый), сгорает она (прелестница) страстию под тению зеленых древес. Цветы украшают ее голову, искушение сидит в грудях ее! Завидя издали беспечного юношу, она простирает к нему страстные объятия и льстивые слова: Приди, любимец сердца моего !— говорит она,— приди на-

сладиться всеми утехами любви! От утренней зари до вечерней ждала я тебя под тенью сих древес. Приди! уже все готово к забавам нашим: я развесила ткани тирские и постлала ковры египетские, ложе мое усыпано шафраном и храмина благоухает корицею. Приди! и проч. «Но горе юноше! — продолжает мудрец,— если он прельстится словами ее и увязнет в сокрытую сеть!» И мы повторим последнее восклицание мудрого, увидя, что юный гость сего очаровательного жилища разврата увлечен порывом страстей. Горе ему! Сладострастие, схватя его в жаркие объятия, влачит по норам своим. Быстро преходит он от слабости к пороку, от порока к преступлению!.. Все, что может представить себе человек с самым развращенным сердцем в сладострастных мечтаниях, все, что только может изобрести скотская чувственность в преступных заблуждениях своих, исполняется тут на деле!.. Но отвратим взоры от этой картины ужасов! Поздние часы следующего дня застают заблужденного юношу с томностию в потухших глазах, с бледностию на лице и с глубоким унынием в сердце. Голова его пуста, чувства притуплены — он скучает!.. Между прочим заглядывает он в кошелек и содрогается, видя опустошение его. Что делать? К кому обратиться? В Париже без денег жить невозможно! Указывают красивую лестницу, ведущую во второй этаж Пале-Рояля, где, говорят ему, кучи золота ожидают счастливца. Он идет вверх и встречает людей, выбегающих оттуда с растрепанными волосами, с отчаянием в глазах, в смятении и в поту, как будто вырвавшись из жаркого боя. Это люди, проигравшие все, что имели, в рулетку, в кости или в карты! Счастлив, если, пораженный такою встречею, он опомнится, услышит голос рассудка и убежит от мест сих, где теряют здоровье, деньги и благие нравы! И сюда-то неблагоразумные отцы с великими истратами родовых имений посылают детей своих!!!

МНОГОЛЮДСТВО

Что там беспрестанно движется, кружится, скачет в каретах, в кариолках, верхом? Это многолюдство парижское. Куда ни погляжу — толпа! Улицы

кипят, площади пестреют народом. Париж до революции имел гораздо больше миллиона жителей. Робеспьер, Марат, гильотина, пушки, река Сена, парижские тюрьмы и Наполеон Бонапарте истребили, изгнали, поглотили несколько сот тысяч людей: однако бродяги, тунеядцы и зеваки стекались со всех сторон и наполнили собою число убылых, и в Париже опять миллион народа! Один шести, семи или осьмиярусный здешний дом заключает в себе столько же жильцов, как целая деревня в Шампани. Что в Париже много людей, это всякий видит с первого взгляда: но много ли полезных? Об этом надобно справиться. Справка недалека: тотчас узнаешь, что по крайней мере половину здешнего сброду надлежало бы рассадить по деревням, превратить в земледельцев и сделать полезными земле, а половину самого города, сего нового Вавилона — хоть выжечь! Ты испугаешься, а какой-нибудь в соседстве у тебя французский учитель побледнеет от злости, какая-нибудь француженка-наставница вне себя от негодования... Я уже слышу имена, которые мне готовят, слышу брани, ругательства... Но тише, тише, господа! ни справедливое замечание, ни строгий приговор не мои. Первое сделано, а последний произнесен императором Петром I в бытность его в Париже во время малолетства Людовика XV. А Петр I, согласитесь, был великий человек, основатель порядка и усмиритель буйства. Но извини меня, любезный друг, что я заболтался, что все твержу тебе о Пале-Рояле, о многолюдстве, о пестроте: это потому, что все это мерещится беспрестанно в глазах. Человек в Париже, как перо на ветре, поневоле кружится. Тут столько есть, о чем говорить, что не знаешь, с чего начать!.. Я забыл и дни и числа. Но завтра и послезавтра будем ходить с расстановками и смотреть на все со вниманием. Мы пойдем в Тюльери на площадь Людовика XV, в Елисейские поля. Мы поедем в монастырь малых Августинов рассматривать французские древности, увидим новый музеум Наполеонов, заглянем в Лувр, осмотрим Люксембург и проч. и проч. Запасайся вниманием, приготовляйся исходить, объездить и осмотреть Париж! Прощай!

ПАРИЖ

ПЛОЩАДЬ ВАНДОМСКАЯ

В 8-мь часов пришел наш Ипполит (наемный лакей), принес кофе, вычистил платье, мы оделись и пустились бродить по Парижу. Вот площадь Вандомская, приостановимся и взглянем.

Площадь имеет вид продолговатого четверосторонника с отсеченными углами. Ее окружают здания огромные. Прикосновение мимопрошедших столетий придало им какую-то пасмурную важность. Пилястры и портики коринфского зодчества щедро украшают их. Площадь сию начал устраивать известный Лувуа в 1687-м году. Здесь-то, на средине, стояло прекрасное бронзовое изваяние Людовика XIV. Балтазар Келлерт отлил его по рисунку славного Жирардона. Подножие в 30 футов вышиною поддерживало памятник сей. Времена шли мимо и щадили его, но пришла пламенная буря мятежных страстей и вместе с благоденствием народа истребила все памятники дел и славы государей!.. Однако реки, сколько ни бушуют в шумных разливах, сколько ни опустошают окрестностей, но рано или поздно возвращаются в берега свои и с сугубой покорностию по прежнему склонению текут: то же самое бывает и с страстьми человеческими. Наполеон обуздал самоволие французов и на развалинах Людовикова воздвиг памятник себе. Вот сей дивный столп, сооруженный в недавние времена. Поперечник его 12, а высота 133 фута!.. На самом верху стоял бронзовый Наполеон. Он представлен был опершимся на меч, меч подломился— и Наполеон упал—и с какой высоты, и как низко упал! Победа, которую он держал в руке, упала вместе с ним. Вот новое доказательство, что победы только возносят, а не поддерживают. Говорят, что столп сей сделан будто бы из пушек, завоеванных в 1805 году.

Как бы то ни было, но столп красив и величав. Воздвигнутый в память войн германских, он имеет в себе что-то свойственное памятникам глубокой древности, что-то римское: важное и поразительное. Он сооружен по примеру столпов Траяна и Антонина. Внутри лестница, по которой можно взойти на самый верх. Снаружи множество барельефов или от-

ливных медных картин, изображающих Наполеона в разных случаях военной жизни его. Я еще раз скажу, что нельзя без особенного изумления смотреть на это величественное произведение искусства, готовое спорить с течением веков и пережить множество поколений гордых и скудельных человеков! Но что за великолепные здания, увенчанные густою зеленью дерев, показываются там влево. Это дворец и сад Тюльерийский. Поспешим посмотреть его. Хорошо, но пойдем прежде назад, пройдем чрез площадь Карусельскую и взглянем на нее. Идем!

ПЛОЩАДЬ КАРУСЕЛЬСКАЯ

Вот чистая, пространная, красивая площадь, которая тогдашнее название получила от того, что еще Людовик XIV в молодости своей забавлялся на ней рыцарскими играми древних каруселей. Наполеон, уничтожив кучу старых строений, придал ей много красоты и пространства. Здесь-то любил он дивить и забавлять народ парижский блестящим строем своей гвардии. Известный Изабе обессмертил в знаменитой картине Наполеона и гвардию, представя их в полном воинском блеске на этой площади, которая, расстилаясь пред самым дворцом Тюльерийским, ограждена красивою решеткою. О площади довольно, но скажем о том, что почитается главнейшим украшением ее. Против самой средины устроены пышные триумфальные ворота по образу знаменитых врат Септимия Севера, и на сих-то воротах представлена колесница, управляемая двумя позлащенными богинями побед и запряженная четырьмя бронзовыми конями. Ни колесница, ни победы, новыми французскими художниками сделанные, не остановят знатока, но кони заслужат полное удивление его, дивя и изумляя даже и не знатоков.

Они полны огня и жизни, сии четыре коня!.. Какая красота в статях, какая правильность в размере!.. Мы видим их на полном бегу, или лучше сказывать, на полете!.. Кажется, слышишь, как храпят и сарпают, и видишь с искрами дым! Сие совершенное произведение древнейших художников переходило из века в век и почиталось драгоценнейшим трофеем

разных побед. Чудесна судьба сих коней! Сотворенные одним из величайших художников греческих, долго украшали они великолепный Коринф. Победоносный Рим, отняв у Греции свободу и сокровища, почитал коней сих перлою добыч своих. Рим гордился ими, доколе Константин, перенеся престол в Византию, велел перевезти туда и их. Из Константинополя перешли они на площадь Святого Марка в Венецию, а оттуда на площадь Тюльерийского дворца! Приятно видеть такое уважение народов к великим произведениям искусств. Но странно, что, уважая творение, часто забывают творца. Гомер и Корреджио, которых произведения живут в веках, умерли с голоду. Где дарование, которое бы вполне награждено было при жизни?

У людей часто нужно только умереть, чтоб сделаться бессмертным. И начинают жить со дня, как будут мертвы!

Так сказал о великих людях один из почтенных отечественных писателей наших.

ТЮЛЬЕРИЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Тюльери значит место, где делают черепицу. По странному стечению случаев лучший Афинский сад устроен был также на месте черепичного завода и назывался тоже Тюльери или Семирамик. Начиная с этого, можно бы найти множество других сходств между парижанами и афинянами: одно и то же остроумие, одна и та же ветреность, но тут место не для сравнений, а для описаний.

Средняя и древнейшая часть дворца построена была еще в 1574 году по приказанию Катерины Медицис. Здание сие имеет на себе отпечаток своего времени. Другие части новее. Генрих IV в 1600 г. предпринял строение славной галереи, долженствующей соединить Тюльери с Лувром, и сделал из обоих первые в Европе красотою и пространством чертоги.

Людовик XIV велел продолжать начатые работы и щедрою рукою рассыпал в новейшем вкусе наружные украшения по стенам древнего здания. Теперь испещрено оно цветами зодчества разных веков. На-

полеон придал ему много блеску. Внутри, говорят, все очень великолепно. Прекраснейшею из всех полагают залу Маршалов, в которой все отличившиеся Наполеоновы полководцы изображены в воинском великолепии. Но теперь трудно войти во дворец, а потому пройдем прямо чрез главные сени, украшенные древними статуями Меркурия, Минервы и Бахуса и по нескольким ступеням сойдем вниз прямо в сад. Остановимся тут. Взглянем на дворец из сада и осмотрим сад.

Мы уже в саду, поворотимся лицом к дворцу. Вот длинное протяжение строений, вот огромное здание из трех отделений или павильонов, составленное и по длине низким и плоским кажущееся. Все украшения ионического и коринфского зодчества истощены с этой стороны. Внизу галерея с портиками и статуями. Львы из белого мрамора стерегут и украшают главные ворота. Но что сказать о саде? Обыкновенно восклицают: «Вот чудесное произведение славного Ленотра, вот прекраснейший памятник царствования Людовика XIV!» Хвалят счастливый выбор места на правом берегу Сены, хвалят расположение, а более всего удивляются искусству, с каким Ленотр сделал свои длинные насыпи или террасы для закрытия неровного места. Но французский же писатель Жирарден, кажется, большой знаток в садах, не хвалит Ленотра за то, что он спрятал от глаз гуляющих в саду и Сену, которая всегда покрыта судами, и набережные, беспрестанно кишащие народом, и множество других вещей, которые можно б было открыть. Он не любит также в этом саду излишней правильности в расположении. В самом деле, на него смотришь, как на картину!.. В Тюльерийском саду больше украшений и прикрас, нежели истинных красот. Ищешь природу, и видишь — одно искусство. Деревья высоки и густы, поляны блещут яркою зеленью, фонтаны брызжут высоко, ваз, статуй и в разных видах мраморов — множество! Но тут нет того очарования, которое пленяет нас в английских садах и которое вряд было ли еще известно во времена Ленотра, но зато прославлено в прелестных стихах Делиля.

Впрочем, гулять здесь очень приятно. Видишь роскошнейшие цветники, зеркаловидные водоемы, идешь

по длинной аллее и невольно останавливаешься подле прелестного осмиугольного пруда или бассейна. Место живописное, прохладное и уединенное: дворец мелькает издалека, вблизи лежат густые тени. Вода светла как зеркало. Быстро сверкают мимо мельком золотые и розовые форели, и тихо плавают белые лебеди. Из самой средины бьет водомет наравне с вершинами дерев и мелким бисерным дождем своим кропит гуляющих красавиц.

Вид сада — правильный четвероугольник. Боковые насыпи или террасы длинны, высоки и красивы. С восточной стороны возвышается дворец, а к западу лежит площадь Людовика XV, украшавшаяся некогда конною статуею его. Сад сей, так сказать, населен великими людьми и баснословными божествами! Они мраморные, но, кажется, живут. В сумерки, белея, мелькают они во всех переулках сада, кажется, слышишь говор этого мраморного общества и видишь движение его... Мне нравится и свобода, с которою здесь позволяется гулять. Всякий по себе и как будто у себя. Полиции никто не видит, но сама эта хитрая парижская невидимка всех подслушивает и видит. Однако мы уж слишком замешкались тут в саду, пора далее. Взглянем еще раз с этой прекрасной террасы, которая была любимым гульбищем молодой супруги Наполеоновой, взглянем на весь сад, бросим взор влево на быструю Сену, подивимся великолепию мостов и украшений берегов ее. Отсюда видны палаты Законодательного сословия, там извивается дорога в Сен-Клу, а там отличается златокупольный Инвалидный дом. Но какие там рощи за площадью Согласия Людовика XV? Ветер, идущий оттуда, приносит к нам благоухания. Это Елисейские поля! — имя, знакомое всякому, кто читал что-нибудь о Париже. Заглянем в них!

ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ

Все пространство между площадью Согласия и Нельискою заставою занято старинными рощами, в которых рассеяны домики, хижинки и разные приюты для гуляющих. С одной стороны показывается Сена со всем, что по ней плывет и около нее движется,

с другой, сквозь кущи зелени, видны лучшие дома в Сент Оноре. Вот это называют здесь Елисейскими полями. Здесь-то недавно стояли биваками казаки и калмыки наши! Где Дон! где аулы калмыцкие и где Париж!.. Какое странное сближение имен! Какие чудесные события! Какая черта для истории!.. Гульбище сие устроено еще в 1670 году известным министром Кольбером. Мы застали в Елисейских полях очень мало гуляющих. Вкусы французов переменчивы, как приморская погода. Благоразумнейшие из них сами сознаются, что очень часто согражданам их приходит охота гулять там, куда прежде никто и ноги не заносил. Часто променивают они роскошный Тюльерийский сад на простой северный бульвар, и блестящие обитательницы Шоссе Дантен (великолепная улица, где живут все парижские богачи), оставя прохладу и зелень, добровольно мучатся на солнце и в пыли.

Случается и так, что в одном и том же саду, который везде одинаково хорош, на одной половине теснятся и толкаются, а на другой пусто! Что же препятствует распространиться и наслаждаться свободною прогулкою? Так, ничего. Прихоть! Такого роду прихоти называют в Париже тоном. Здесь говорят, ныне в тоне быть там-то, говорят и поступать так-то: попробуй поступить иначе, сделаешься человеком худого тона, и ты погиб в общем мнении, которое здесь, однако ж, известно только по названию. Не думай здравым рассудком определять налетные вкусы, вычуры и причуды парижан: они суть плоды совершенной безрассудности! Прежде, когда французский народ играл и веселился, в Елисейских полях учреждались разные игры и празднества народные.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

Туда, за Нельискую заставу ушло солнце. Возвращаясь назад чрез Тюльерийский сад, я приостановился на минуту и сквозь всю длину главной аллеи смотрел на захождение его. Длинные лучи, простиравшиеся от самого края запада, позлатив на миг отдаленную зелень древесных вершин и быстро опять сокращаясь, слились в огромный золотой шар

и скрылись за алое облако. Тихие сумерки, неся росу и прохладу, потушили пылающий блеск вечерней зари, и ночь наступила. Но здесь никогда не видят ночи в полной темноте ее: повсеместные освещения спорят с мраком. Едва установились сумерки и тысячи огней засветились на пасмурном пространстве обширного Парижа, мы пошли домой.

Входя в улицу Ришелье, которая спешит освещаться, вспоминаем, что тут же, подле Пале-Рояля, почти насупротив квартиры нашей Французский театр. Как не зайти! Днем проходя мимо, я видел его облепленным множеством красных, синих, голубых и белых афишек и не подивился наружности его, которая довольно проста. Теперь вхожу в средину и любуюсь прекрасною залою. Афиша говорит, что играть будут трагедию известного Ренуара (сочинителя трагедии Рыцарей храма) под заглавием: Собрание чинов Франции в городе Блуа. Главные действующие лица представлять будут Тальма, Рокур, Сен При и Лафон!!! Каждое из сих имен окружено блеском достойной его славы. Дрожу от нетерпения увидеть тех, о которых так много слышал и читал. Между тем, смотря на афишу, вспоминаю историческое происшествие, послужившее предметом трагедии. Оно относится к тому времени, когда крамола, известная у французов под словом Лига, глубоко пустила корни свои в суеверном и страстном к мятежам Париже. Надев личину ревностного усердия к исповеданию католическому, она склонила на свою сторону испанцев, вступила в сношение с папою и злобно вооружилась против протестантов.

Многодоблестный Генрих Наваррский, известный потом под именем Генриха IV, предводительствовал сими последними, имея храброе войско за Луарою. Честолюбивый, хитрый, дерзкий, но еще некоторый оттенок рыцарского благородства сохранивший, Гиз был главою сонма крамольников. Властолюбивая, гордая и хитрая Медицис, во имя слабого сына своего, управляла Франциею. Для прекращения мятежей и соглашения мнений она назначила съезд начальникам всех сторон в городе Блуа, что на Луаре, немного пониже Орлеана. Чины съехались. Всякий привез с собою своих единомышленников, свои виды, выгоды,

страсти и добродетели. Искусное изображение сплетения, оборотов и сильного междоусобного борения разнообразных страстей должно быть основанием, душою трагедии. Но вот рукоплескание умножается, занавес колеблется — мы увидим все страсти в лицах. Открывается галерея Блуаских палат, недалеко от залы, где чины имеют заседания.

Вот королева мать, вот Медицис! Зрители громким рукоплесканием приветствуют Рокур, а мне кажется, что это вышла точно сама Медицис! Поразительное величие, поступь, осанка, голос, взгляд, приемы: все показывает королеву, и королеву, глубоко постигшую науку читать в сердцах и управлять страстями. Она открывает Крильону (которого представляет стройный громогласный Сен При) важное намерение употребить данную ей сыном ее королем власть на укрощение буйных замыслов мятежного честолюбца Гиза. Тут же обнаруживает она и ненависть к Генриху, но, уступая пользам государства, скрывает опять вражду и приказывает Крильону выехать к нему навстречу. Явление второе еще любопытнее. Входит Тальма — это сам Гиз! Небольшого росту, но живой и блестящий. Какой вход! Быстро, смело, с лицом, полным бодрости и надежды, он вошел, и толпа расступилась. Все заговорщики по сторонам: он в средине, бросил взор—и обозрел сердца, бросил другой—и прочитал души! Лучше этого не может войти никакой начальник заговора. Если б я и в сию минуту ушел из театра, то все бы имел право сказать: я видел Тальму! Но я остался и восхищался прекрасными подробностями чудесной игры его. Он и г-жа Рокур достигли до непонятного совершенства входить в представляемые ими лица. Кажется, что какая-нибудь волшебная сила точно превратила первого в Гиза, а другую в Медицис. Каждая мысль, каждый оттенок мысли автора выражены совершенно. Переходы из страсти в страсть искусны до превосходства. Изменением лица, взорам и движениями они говорят почти столько же, как и языком. Смотрите, как Гиз таит свои и открывает намерения других! Уже он ощупал все струны сердец, уже наводит их на желанный строй... Какое двуличие в один и тот же миг!.. Смотрит направо — велик, благороден, говорит о любви к Отечеству, о счастии наро-

да, блестит, очаровывает, пленяет, оглянулся налево — совсем другое лицо: лицо заговорщика, хитреца! Тут вполголоса дает наставление, как обманывать, пронырить, подкупать!

Вот остается он один с братом своим Майеном, который незадолго перед тем поклялся королеве в верности. Майен хочет выведать у Гиза тайну намерений его. Гиз рассуждает, говорит, но не проговаривается, и вдруг, как будто спохватясь, восклицает:

«......О чем ты вопрошаешь?
Корабль Отечества, доставшись бурям в плен,
Волнами, ветрами отвсюду утеснен,
Среди грозящего ему в пучинах бедства,
Для разных новых зол потребны новы средства —
И как тебе сказать, какой я путь избрал?
Расспрашивай о том у ветров, бездн и скал».

Появление Лафона, или все равно Генриха IV, дает новый вид и блеск трагедии. Окруженный славою и благословениями народа, с чистою совестию, с ясною веселостию в лице, приходит он, провозглашая мир. Сей голос раздражает Гиза. Он хмурится и отходит, как мрачная туча, уносящая с собою громы и молнии. Следуют разные явления. Но верх любопытства в трагедии есть свидание Генриха с Гизом. Вот где видна противоположность свойств! Один, как светлое майское утро, другой, как бурный осенний вечер. Оба храбры, оба хранят закон чести, но тот благороден по сердцу, а этот по расчетам. Генрих говорит только о мире, счастие народа есть милая мечта его, Гиз дышит только войною: поработить и властвовать — вот цель его усилий. Желал бы я, чтоб все цари мира услышали, как Генрих говорил о выгодах спокойствия, о благополучии государств. Это не тот государь, который знает о состоянии народа только по слуху и верит счастию его в раскрашенных рассказах льстецов, нет: Генрих живал в хижинах, был другом и отцом поселян.

Он был очевидным свидетелем, как раздоры терзали общество, как мятежи зажигали пожары и войны ходили по селам и градам... Он знал, какие раны нанесены Отечеству в сии времена неустройства и опустошений. И на сии-то раны хотел он излить весь фиал спасительного целения мира. Гиз не мог не

убеждаться святыми истинами, которые в прелестных стихах лились из уст Генриха, но страсти и упорство оковали сердце его. Разговор начался приветствиями, продолжался спором, а кончился вызовом на поединок. Генрих охотно жертвует жизнию для блага Отечества. Коварный и беспокойный Гиз, оставшись один с заговорщиком Домалем, дает ему наставления осторожности:

Глубоко тайну скрой, будь скромен, рассуждай.
Стрегись — и ничего бумаге не вверяй!

Третье действие имеет много блеску: его явления — прекрасные картины! Медицис в полном сиянии своего сана, Генрих, Гиз и весь двор вместе и порознь являются глазам. Рокур играет чудесно! Приведи дикого человека, он взглянет на нее и скажет: это царица! Генрих такой храбрый и великодушный воин, такой добрый государь, такой благородный человек, что мысленно падаешь к стопам его! Гиз начинает уже очень ненавидеть, эта ненависть есть венец Тальмы и лавр Ренуара!

Четвертое действие открывает успехи происков и коварств. Собрание чинов отвергает мир, крамола торжествует, народ мятется, война гремит... Но топор и плаха уже готовы. Встревоженная Медицис берет решительные меры: она заманивает Гиза в сеть — и он без головы. В пятом действии толпа заговорщиков с шумным нетерпением ожидает выхода королевы, полагая, что она уступит трон Гизу. Величественна и важна, исполнена надежды и твердости, она идет прямо к заговорщикам. «Гиз будет наш король!» — закричал один из ревностнейших бунтовщиков. «Гиз мертв!» — спокойно отвечала королева и бросила такой взгляд, который оледенил самые пылкие умы. «И трон спасен!» — прибавила она и еще другим, молнии подобным взором, убила совершенно дерзость. Сердца упали, руки опустились. В этом явлении увидел я верх искусства. Генрих возвращается с победою, но жалеет Гиза, которого страсти завлекли в заблуждение.

Я показал только общий ход трагедии и игры актеров, но сколько прелестных подробностей, обворожительных оттенков в том и другом! Признаюсь, я го-

тов сказать, что г-же Рокур, Тальме, Лафону, Сен При нет подобных на свете, и сказал бы это верно, когда б не видал нашей Семеновой и не знал Яковлева! Наш г-н Злов в своем роде не уступит также многим парижским актерам, хотя они и превосходны во всех родах. Театр был наполнен зрителями, а зрители полны восторгом. Французы вообразили, что опять живут в веке Генриха IV. Партер от него без ума. Музыка беспрестанно играла песню: Vive Henri quatre, и рукоплесканиям не было конца. Трагедия, имевшая совершенный успех, совершенно оного достойна! Честь и слава благородному Ренуару!

ПАРИЖ

Площадь Согласия, или по-прежнему Людовика XV, есть одна из великолепнейших парижских площадей. Она расположена между Тюльерийским садом и Елисейскими полями. Многие прекраснейшие здания представляются тут глазам. До революции путешественники ходили сюда смотреть на конную статую Людовика XV.

Но отчего при первом шаге на эту площадь все струны сердца моего в сильном потрясении издают самый печальный звук? Отчего тысяча мыслей и тысяча напоминаний с быстротою молнии сверкают в уме? Двадцать покрытых кровью и преступлениями лет расступаются предо мною, и я вижу — прошедшее. В мыслях моих обновляется картина падения великой державы! Прекрасная женщина, обремененная гниющими язвами, которые, не имея средства уврачевать, покрывает блестящею одеждою: вот истинное подобие тогдашней Франции! Дух наружности облекал ее полудою внешнего счастия, а дух разрушения огненными бурями дышал в недрах ее. Все основы древнего порядка тлели, шатались и падали. Переворот, постигший Францию, начался переворотом коренных мнений и общих понятий. Своекорыстие и суемудрость суть две главные пружины, двигавшие всеми колесами адской машины революции. Всякая мыслящая голова и всякое чувствительное сердце во Франции сознаются в этом. Так, из сих-то двух адских источников поднялись те губительные испарения, которые поро-

дили тяжкие болезни для целого государства и смерть для некоторых частей. Своекорыстие заглушило небесные поучения веры, воспалило в людях неисцельную жажду к деньгам, к собственным выгодам и оградило сердца их жестокою корою равнодушия. Тогда все поучения евангельские упадали на камни, и милосердие, жалость и любовь к ближнему не могли уже более входить в души ожесточенных. Тогда показывались странные явления в обществе: люди без заслуг, дарований и просвещения пользовались неисчетными выгодами богатства в то самое время, как заслуги, дарования и просвещение стенали в ужасной нищете! Беспечные сыны роскоши с улыбкою смотрели с высоты великолепных чертогов своих на заслуженных кавалеров Святого Людовика, исполняющих должности простых поденщиков. (Смотри путешествие Стерна во Францию). Таковы были следствия своекорыстия.

Но роковую печать гибели наложило на Францию суемудрие. Приняв на себя пышное название философии, оно напоило ядом все писания того времени и извратило понятие о вещах. Забавляя народ блеском лжеумствования, оно отнимало животворительную силу у сущности законов, постановлений и священных обрядов. Народ, потерявший чистые понятия, нераздельные с чистотою нравов, бродит в глубокой ночи заблуждений. Сия же тьма пала и на очи управляющих судьбою Франции. Ощупью искали они способов двигать расслабленными пружинами государства и часто для утешения народа, страдавшего уже тайным предчувствием бед, золотили кровли тех зданий, которых стены, дряхлея, упадали! Но вскоре тайные замыслы лжеумствователей сделались явны, и суемудрие, приняв дерзость и вид безверия, нагло поколебало древнюю святость алтарей. Оскорбленная вера с громким рыданием удалилась во глубину пустынь. Зашумели страсти, и запылали мятежи... Таковы были последствия суемудрия!! С высоты разгневанных небес ниспало оно в виде светлой апокалипсической звезды, из которой воскурился густой мрак, затмивший сияние истины и очи несчастного народа. Тогда великая книга прошедшего со всеми спасительными поучениями своими закрылась навсегда от нечестивых

взоров утопавших в разврате людей. Французы забыли историю греков и римлян, забыли лютые последствия домашних неустройств. Дерзко отреклись они от Бога и гордо вызвались быть творцами собственного счастия. Исступленное буйство одною рукою сорвало трон, а другою воздвигло эшафот. Здесь на площади Людовика XV возвышалось сие ужасное орудие гибели добродетельнейшего из государей. Сюда столпился бесчисленный народ, сюда привели невинную жертву. Сын Людовика Святого, иди на небо! — сказал пастырь церкви, благословивший Людовика XVI в последнюю минуту жизни его. Блеснула секира, пала глава священная. На самой этой площади, где беснующийся Париж, окунув руки в крови короля, дерзкими стопами попирал величие трона его, на сей самой площади Александр I, государь отдаленного севера, заставил гордый град сей с униженным смирением преклонить колена и лобызать следы пролитой им крови! Нет, ничего не может быть разительнее дивного стечения таких великих и небывалых обстоятельств! Недавно выведена была на театр отчаянная мать, потерявшая трех сыновей на войне и с беспокойством вопрошающая лекаря о здоровье последнего. Лекарь, осмотря, говорит, что молодой человек совершенно здоров. «Он здоров! какое лютое бедствие! он здоров! Боже, Боже мой! Для чего он не болен? Он здоров и не минует конскрипции и умрет на страшном поле беззаконной войны!» Вот самая резкая черта ужасного времени, самый жестокий упрек насильственной власти! Хорошо, что французы почувствовали разницу между блеском молнии и светом солнца!

ПАРИЖ

ОПЕРА

Кардинал Мазарини первый ввел во Франции оперу, известную дотоле только в Италии. В 1646 году итальянские актеры в первый раз забавляли двор. Вскоре изобретены удивительные машины, которые впоследствии усовершенствовались до чудесности. Музыкальные творения Люлли и Рамо долго были единственными сокровищами этого театра. Глюк и Пиччини появились после них. Каждый из обоих имел за себя

множество голосов. Французы спорили с жаром о преимуществе дарований, и сей-то спор произвел две стороны, известные под именем глюкистов и пиччинистов. Но спор прошумел и кончился, а сочинения обоих музыкантов обогатили навсегда оперу французскую. В другом отношении прославились Вестрис и Гардель. Первый особенно в чудесных плясках своих искусными телодвижениями умел выражать все оттенки чувств и страстей, умел, так сказать, говорить глазам зрителей. Теперешний оперный дом построен уже в 1793 году. Снаружи нельзя узнать, чтоб это был храм муз, но зато, побыв внутри, признаешься, что это точно храм муз и вместе храм очарований.

Здесь-то представляются восхищенным глазам вашим все изменения природы, все чудесные картины этого и того света. Тут часто видят светлый Олимп, украшенный всем, что небо имеет в себе прелестного, и вслед за сим является мрачный ад со всем, что только есть в нем ужасного. Вечное пламя стелется по глубоким мракам подземной ночи: картина ужасная! Но вдруг является картина очаровательная. Вечная весна, неувядаемая зелень, прелестное жилище радостей представляются глазам вашим, и узнаете поля Елисейские! Теперь, как мы были в опере, повторялось в балете пред глазами нашими плавание Клеопатры по реке Сидну. Мы вошли в ложу, очарование махнуло волшебною палочкой, и 18 веков исчезли. Поднялся занавес, пролилась река—и я увидел корабль Клеопатры. Это точно тот, на котором плыла сия чудесная женщина. Розовые, лиловые, белые и голубые паруса вместе с радужно-цветными флагами веяли от дуновения зефиров. Серебряные весла двигались по звуку златострунных лир. Амуры порхали по снастям. Все было в золоте, в хрусталях и в освещении! До ста особ появились вдруг на сцене в пестрой толпе действующих лиц. Телодвижения, или пантомимы, довольно совершенны. Только жена Антониева, кажется, уж слишком ломалась. Чтоб представить ослепленному страстию супругу святость его обетов, несчастие детей и собственную скорбь, ей бы довольно указать на небо, на детей и на сердце свое.

Чрезвычайными певцами опера похвалиться теперь, кажется, не может. Здешнее пение не введет рус-

ского в такой восторг, чтоб он мог забыться, забыть своего Самойлова, Злова и не вспомнить о Сандуновой. Но машины и декорации неподражаемы, чудесны!

ЛУВР

Предания древности не умеют рассказать определительно, когда и кем основан Лувр. Знают только, что Дагоберт держал там собак, Филипп запирал туда преступников, а Карл V, придав более благородства древнему зданию сему, поместил в нем свою библиотеку. В 1528 году украсил его еще более Франциск I, и с тех пор помещались уже там многие посещающие Париж иностранные государи. Генрих IV велел разломать старинные стены древнего Парижа, первый предпринял соединить Лувр с Тюльери посредством пространной галереи. Людовик XIV, украшавший блеском побед своих Францию, захотел украсить и Лувр так, чтобы он был первым зданием в Европе. Но люди имеют странный предрассудок искать счастья и дарований в дальних землях, тогда как то и другое всегда почти бывает у них под рукою дома. Людовик в сем случае сделал общую многим государям ошибку: для украшения Лувра выписал он из Рима с большими издержками Бернини, которого почитали первейшим художником того времени. Иноземец, славный за горами, не оправдал молвы на деле. Вероятно, что, пораженный древним величием огромного Лувра, он не нашелся изобресть приличных ему новых украшений. Воображение его, достаточное к произведению красивых мелочей, не знало, где найти очарование, которое б придало блеск юности наморщенному веками чуду седоглавого исполина. Бернини, подивившись Лувру, наотрез отказался быть его возобновителем. Но то, чего не мог сделать первейший иноземный зодчий, исполнил безвестный французский доктор. Европа изумилась, а Франция была вне себя от удивления и восторга, увидя, каким чудесным великолепием доктор Перольт украсил Лувр. Ничто не может сравниться с величественною красотою новой колоннады здания сего. Невольно вспомнишь, что и в Австрии славное здание, монастырь Святого Флориана, построено домашним зодчим, кажется, простым мещанином.

Должно признаться, что учение раскрывает и поддерживает великие дарования, но не творит их, а великие дарования изобретают и производят художества и науки. Ум действует и творит, наука, идя за ним, облекает в правила творения и действия его.

Великие произведения зодчества так же, как и произведения поэтов и живописцев, имеют непонятную силу очаровывать, утешать и возносить дух человека. Сила эта есть свойство всего изящного. Смотря на Лувр, наполняюся каким-то неизъяснимо приятным чувством собственного достоинства и радуюсь, что и я член просвещенного общества, которое столь блистательными успехами умело исторгнуть себя из общей толпы пресмыкающихся в прахе земном. Ах, если б успехам ума соответствовали успехи добродетели: просвещенный человек, конечно, был бы благороднейшим из всех облеченных телом творений Божиих и первым после ангелов в священной цепи существ.

Но, насмотревшись на внешний вид Лувра и чувствуя себя, как один ваятель после чтения Гомера, несколькими вершками выше, войдем внутрь, чтоб с благоговением увидеть все то, что только могла произвести совершенного кисть величайших живописцев. Тут, в Лувре, картинная галерея, украшенная драгоценнейшими подлинниками, из всей Европы собранными. Приготовьте дух свой к созерцанию и вступите в сей дивный храм искусств.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ В ЛУВРЕ

Вхожу в галерею и едва вижу конец ее! Вот в одном месте все то, чем славились разные области Италии, чем дорожили князья и вельможи, чем гордились Рим, Флоренция, Вена, Венеция и Неаполь. Вот знаменитые произведения великих художников: Рафаэля, Корреджио, Рубенса, Веронезе, Пуссеня, Верне и Лебрюна. Но я только назову и те некоторые из нескольких сот редких картин, описывать же их ни дара, ни времени совсем не имею. Если получишь хотя малейшее понятие о них, если увидишь их так, как представляют прелестные виды природы в едва постигаемой взором дали, сквозь отуманенный воздух, то будь доволен и тем. Я пробыл только один час там,

где надобно провести несколько недель, несколько месяцев, чтоб осмотреть каждую картину порознь.

Но когда уже не можно тихо пройти и внимательно все осмотреть, то решился хоть пробежать и мимо мельком взглянуть на все, что тут есть. Лучше заметить что-нибудь, чем не видать ничего. Идем! Вожатый, француз, указывает, как и должно, прежде всего французскую школу. Вот одно из лучших произведений кисти Лебрюна, отца сей школы! Он нарисовал Дариево семейство. Большой размер, смелая кисть, жизни и выразительности много. Плененная супруга Дариева с прелестною дочерью своею упадает к ногам Эфестиона, сочтя его за Александра. Но сам Александр входит, несчастная узнает ошибку и содрогается. Герой успокаивает ее теми незабвенными словами, которые текущие столетия пересказывали одни другим, довели и до нас: «Эфестион, друг мой: он другой я!» Так сказал Александр, и можно ль сказать что-нибудь лучше? Здесь картины Пуссеневы. Живописец сей, не умея составлять блестящих красок, умел, однако ж, блистать искусством. Резкое и живое выражение есть печать его произведений.

Вот коровы Польпотера: точно живые! Отчего они очень прекрасны? Оттого, что очень похожи на живых. Никогда не должно перемудрить природу: подражать ей в точности есть уже верх искусства! Вот тут опять целое стадо: оно ищет прохлады в знойный полдень:

Спят овечки над рекою,
С ревом идет тучный вол
И в заросший осокою
Отдыхать ложится дол...

Чье это лицо бледное, томное, выражающее душу благородную, чувствительную, но глубоко злополучием пораженную? Это Миньяр, который умер изъязвленный жалом зависти его врагов. Он сам нарисовал портрет свой и тайную скорбь души представил так явно в чертах лица, что всякий легко может прочесть на нем историю жизни его. О вы, сильные в обществах люди! Страшитесь притеснять дарование и не торжествуйте мгновенною победою над ним! От гонений ваших уходит оно в вечность, а жалобы на вас приносит позднейшим векам его мститель — потомство! Где де-

лись вы, притеснявшие Тасса? А Тасс и поныне живет! Жизнь великих писателей и художников есть вечность, в которую они переходят, но скоро вечереет день ложной славы временных любимцев счастия, и ночь забвения чернеет на могиле их. Миньяр имел особенное дарование рисовать все в уменьшенном виде. И теперь французы, если хотят похвалить мелкую, миловидную вещь, то придают ей название Миньяр.

Взглянем сюда! Кисть Рубенса изобразила снятие со креста Иисуса. Рисовка удивительная: кровь так и льется... Все лица живут. Этот ряд портретов, кажется, и дышит и говорит: не мудрено — это Вандиковы. Здесь Рубенсов Марс, идущий на войну, попирает искусства, науки и художества, только Венера, удерживающая его, немного полнотела: общий недостаток всех его женщин. Он и богинь рисовал фламандками. Спад изобразил Иудиф с головою Олоферна. Эта картина дымится кровью и пылает мщением. Нож в горле, кровь брызжет. Я вижу убийство. Святая Агнесса умирает! Доминикино представил смерть ее. Посмотрите на сражение, возгоревшееся под кистию Салватора Розы. Он выбрал самый ненастный день: буря на земле и буря под небесами... Воды плещут на горы, горы прут облака, люди пронзают людей... Гремящий спор стихий и жаркая битва войск сквозь дым и пламень представляют большое сражение, которое, не знаю как, поместилось в небольшие рамы и висит на стене!

Но вот благородный Рафаэль, величественный простотою, как Гомер, и блистательный отделкою, как Виргилий в стихах своих. Порицание с распаленным завистию оком спешит излить весь яд свой на картины его, но, пораженное изящнейшим совершенством оных, с позором влечется назад, скрежеща и злобясь. Здесь весьма любопытно для всякого и весьма поучительно для молодых художников видеть вместе произведения кисти Перуджино и великого ученика его Рафаэля. Последний далеко опередил первого!

Вот совершенная красавица! кисть Рафаэлева сотворила или, может быть, только срисовала ее. Говорят, что это портрет любимицы сердца его: тем лучше! Та, которая имела счастие нравиться человеку превосходных дарований, будет жить в веках и оча-

ровывать тысячи поколений земных. Может быть, Рафаэль увидел ее в хижине и ввел прямо во храм бессмертия. Гордые современницы ее со всеми почестями, златом и сокровищами тлеют в могилах незнаемых, а она живет! Петраркова Лаура и Тассова Елеонора стали также милыми дщерями бессмертия!

Вот картина между красотами земными и небесными. Рафаэль изобразил Святое семейство, семейство, в котором воспитан Спаситель людей. Святая Елисавета хочет взять у Марии младенца, прильнувшего к девственному лону божественной матери. Взоры его устремлены на Святую Екатерину, которая с живейшим восторгом взирает на лицо младенца, составленное, так сказать, из чистейшего небесного сияния, радость цветет в прелестной улыбке его. В стороне Св. Иоанн, кажется, пишет сии слова: «Сей есть сын Предвечного, долженствовавший родиться от племени Давидова! В течение многих веков утешались народы земли таинственною надеждою узреть в нем искупителя человечества!»

Но вот где, говоря словами бессмертного певца Фелицы, Рафаэль изобразитель Божества, вот где все земное преображается в небесное. С благоговейным восторгом взираю на сие изображение великого и святого чуда. Я вижу Спасителя на высоте горы, но он уже не человек! Божество, сокрытое в нем, светится сквозь облачение телесное, как солнце сквозь облако, дерзнувшее заслонить его. Лучи бессмертия проницают покров смертности. Уже он редеет, просветляется, блещет... Я вижу, как исчезает грубость телесная, вижу, как заступает место ее чистейший эфир, сын Марии преображается в свет немерцаемый! Там, в разодранной синеве небес, парят Илия и Моисей; здесь, у подножия горы, апостолы, простертые во прахе земном, изумлены, восхищены, поражены, ослеплены сиянием Бога, который, сокрыв лучезарность свою под общим покровом смертного, ходил между ними по земле для совершения великого таинства искупления! Но я уже сетую на себя, как дерзнул описывать совершенно неописанное. Цари, любители изящного, не пожалели бы никаких денег за картину эту, но ее ставят превыше всякой цены. С большим, однако ж, прискорбием заметишь, что столь неоцененная кар-

тина не имеет приличного места: она здесь не в своем свете! В Риме имела она свой храм.

Рафаэль Санцио, уроженец урбинский, родился в Великую Пятницу 1483 года и в Великую же Пятницу в 1520 умер, нет! оставил удивлявшийся ему свет: такие люди не умирают!

ПАЛАТЫ БЛЮСТИТЕЛЬНОГО СЕНАТА ИЛИ ЛЮКСЕМБУРГ

Огромный трехсотлетний замок. Он построен по повелению Марии Медицис. Множество колонн и статуй украшают его снаружи. Лучший вид из сада. Беспрепятственный вход в Люксембург дозволяется только иностранцам. «Сюда не ходят!» — сказал привратник. Да ведь мы иностранцы! «Чем докажете?» Мы заговорили по-русски, он улыбнулся и впустил нас. Войдя в главные ворота, остановились, чтоб полюбоваться прекрасной лестницею. Она манит к себе. Поворачиваемся вправо и нечувствительно входим по ней в залу герцогов и пэров: так называют ее теперь. Сия зала заседаний довольно огромна. Ряды кресел для сенаторов, и одно под балдахином занимаемо было самим Наполеоном. Здесь-то рассуждали, спорили, шумели о делах Франции! Теперь все пусто. Это волшебный фонарь без свечи: тени исчезли...

На стенах много больших картин, тщательно завешенных покрывалами. Они представляют победы Наполеоновы... Тут в первый раз от роду увидел я живопись на сукне: это новое изобретение! Подхожу к окну и не хочется отойти от него: прекрасный Люксембургский сад на ровном и плоском пространстве, как будто на картине, представляется глазам моим. По обеим сторонам широкой песочной дороги разостланы ковры самой яркой зелени, вид их—длинные четвероугольники, а края или рамы составлены из цветочных гряд. Эти свежие, зеленые площади, окруженные цветами, чрезвычайно нравятся глазам. Вдали представляется, как светлое зеркало, красивый пруд. Говорят, что сад сей был прежде угрюм, сюда ходили люди задумываться: теперь имеет он такой веселый вид, что самый печальный человек не может посмотреть на него без особенного удовольствия.

Но возвратимся и перейдем отсюда в другую половину дворца. Вот опять та прекрасная миловидная лестница, по которой мы взошли. Остановимся и посмотрим на сих необыкновенных людей, которые, накликав ужасную грозу на Отечество свое, долго сражались с нею и наконец на развалинах древнего порядка, на огромных грудах тел, среди кровавых и огненных дождей, пали под ударами грома, который уже напрасно старались после отвести. Здесь собраны статуи людей, представлявших первые лица в трагедии революционных ужасов. Некоторые из них, не участвуя в домашних кровопролитиях, приобрели истинную славу на поле чести и побед. Вот один из сих мужей, полководец Клебер. Художник изобразил его прекрасно: осанист, величав, благороден, он, кажется, управляет еще судьбою браней в пустынях египетских, возвышенное чело его требует венца у бессмертия! Вот Дезе, пожертвовавший жизнью и славою своею в решительном Маренгском бою. Взор скользит мимо Гоша, Дюгамье, Кафарели и Марсо. Сердце, готовя полную дань почтения, ищет несравненного Моро и не находит великого мужа! Наполеон не удостоил поместить его здесь, но слава дел давно поместила его в тот недосягаемый храм бессмертия, которого врата никогда не откроются и для самого Наполеона. На другой стороне стояли законодатели Франции во времена величайшего беззакония ее. Вот Мирабо: взглянешь и вздрогнешь! Он представлен тут в самом пылу страстей. Его взоры—молнии; уста его, кажется, пышут искрами, которые, роняясь в сердца, возжигают пожары мятежей. Тут стоят Богарне, Туре, Барнав, Шапелье, Кондорсе, которого называли огнедышащим вулканом, покрытым снегом, и, наконец, Верньо, депутат народного собрания. Человек сей, обладавший даром изящнейшего красноречия, говорит Малерб, прилеплен был сердцем к истине, но тщетно усиливался внушить ее людям, потерявшим способность понимать священные уставы ее. Он гнался за прелестными мечтами свободы, как ребенок за светлою радугою, очарование исчезло, и благородный мечтатель увидел себя в вертепе низких убийц. Напрасно убедительнейшее красноречие лилось из уст его: уши злодеев залиты были кровью.

Несчастный Верньо из круга мечтаний перешел в круг преступлений и погиб, спасаясь бегством. Здесь видишь его исполненным благородства и величавости. Глаза, воздетые к небу, показывают возношение духа, одна рука положена на сердце, в другой развивается свиток, на котором начертано красноречивое вступление к сильной речи его о ясности законов. Пойдем далее, но не заглядывайте в эту боковую комнату: там сбирается купаться прелестная девушка, протянув сперва прекрасную белую ножку, пробует она глубину ручья. Кажется, видишь, как васильковые жилки ходят от движения перстов... Но пощадим невинность: она так скромна, и Жюльен, творец ее, влил так много жизни в мрамор, что, кажется, красавица его, увидя нас, сгорит от стыда — уйдем!

Мы вошли в другую половину замка, где стены длинной галереи украшены живописною поэмою Рубенса. Да, Рубенс написал кистию поэму, иначе не можно назвать того собрания картин, в которых живописец изобразил всю историю жизни Марии Медицис. Жаль только, что силою дарования своего обессмертил он королеву, не имевшую ни по делам, ни по уму, ни по сердцу никакого права на бессмертие.

Но вот тот из французских живописцев, которого картины суть картины самой природы. Если ты умеешь вообразить себе страшную бурю на море, то будешь уметь представить и то, что такое Буря Вернетова в картине. Но с таким же искусством, как бури, умеет он рисовать и тишину. Если ты сиживал на берегах южных морей в те прекрасные вечера, когда в воздухе разливается неизъяснимая сладость, когда теплое дыхание весны вливает непонятную негу в чувства и погружает в неописанную роскошь сердце, когда роса, приносимая сумерками, мешается с благоуханием цветов и трав, когда отходящий день уводит за собою смятенную толпу сует, когда умолкает шум и слышится только таинственный шепот вечерних часов, когда... Но как могу я описать тебе все то, что увидишь и почувствуешь, смотря на вечер, снятый с природы и положенный на холст Верне. Где достал он такую краску, что мог изобразить точно сияние полной луны, точный серебряный отблеск ее на разных предметах. Как искусно слил он все лучи в один

светлый столп и погрузил его в тихое море! Он горит и светится еще там! Какою волшебною силою умел он перенести с неба на картину алый разлив зари! А смотрите, как на Брестской рейде заходит солнце! Оно, кажется, тает, кажется, струи растопленного золота льются в море, и море сияет вглубь и вширь! Злато-розовая тень ложится на все окрестности. Лучшие из приморских французских городов изображены Верне чудесно! Пусть теперь ополчаются на них стихия и время: они не страшатся ни косы времени, ни острого зуба стихий. Если подорвет их когда-нибудь ужасная сила свирепых подземных огней, если потопит бурное разлитие морей, они не исчезнут еще со света и будут жить в памяти людей. Верне поставил изображения их во храме бессмертия! Такова-то сила кисти, поэзии и резца! Такова сила изящных искусств! Она носится над бездною разрушения, как древле дух предвечного носился над темною бездною хаоса!

Отличительное искусство Верне есть удивительная верность в перспективе. Отступите несколько шагов от картины, вы увидите возвышения на плоской поверхности. Город отделяется от гор, море от берегов, корабли от моря: вот искусство рисовки! Лодки, кажется, бегают и люди движутся: вот очарование живописи!

МУЗЕУМ

Пойдем увидеть все то в одном месте, для осмотру чего прежде должно было объездить всю Италию, пойдем в Музеум, называвшийся Наполеоновым. Там-то увидим мы то, на что смотрели с любопытством, задолго прежде нас, многие поколения, прошедшие по земле. Там подивимся тому, что не переставало удивлять людей в течение многих столетий, и восхитимся тем, что восхищало, восхищает и будет восхищать всех любителей изящного. Договор Толентинский доставил Парижу большую часть редкостей римских. Униженная Италия уступила Наполеону лучшие драгоценности из древнего наследия своего, вместе с драгоценнейшим из всех сокровищ — своею свободою. Воспользуемся случаем увидеть теперь все чрезвычайное в одном месте. Пойдем опять к Лувру. Вот Музеум Наполеонов: войдем!

Огромное и великолепное здание сие разделено на восемь палат или зал. Описать их здесь никакой возможности, по крайней мере назовем их: 1) палата императоров, 2) палата времен года, потому так называется, что на потолке оной изображены кистию Романелли четыре времени года, 3) палата великих мужей, 4) палата римлян, получила название от картин, представляющих разные случаи из римской истории, 5) палата Лаокоона, 6) палата Аполлонова, 7) палата Дианина, 8) палата рек. Пройдя сей Музеум вдоль и поперек, подумаешь, что совершил путешествие в отдаленные области туманной древности. Тут увидишь, как люди одевались, из чего пили, ели, на чем сидели и чем убирали дома свои за несколько столетий пред сим.

Здесь не о том спрашивают, что тут увидишь, а разве о том, чего не увидишь! Тут увидишь богов, богинь, жрецов, императоров, мудрецов и воинов. Тут невольно благоговеешь. Куда ни посмотришь — или полубог, или великий человек! Они тоже смотрят, слушают, думают, иные даже говорят — взорами и чудесно совершенным выражением лиц! Вот, например, Фавн: он с такою умильною улыбкою смотрит на дитя, которое качает на руках, в глазах его светится так много жизни, что, право, не захочешь верить, чтоб он не был живой! Я нарочно прикасался ко многим одеждам, не веря, чтоб они были из мрамора: так кажутся они издали тонки, легки и мягки. Но пойдем приобрести то право, которым дорожат многие путешественники, право говорить: и я видел Аполлона Бельведерского! И я видел Венеру Медицис!»

Вот она! Вот эта Венера Медицис, которую созерцал несравненный Винкельман, которую описывал Дюпати и которую после них описывать я уже никогда не посмею. Но я стану на нее смотреть и дивиться ей вслух. Афинянин Клеомен как будто стоял в то время на берегу, когда, по песнопению Гомера и сказанию Гезиода, ужасная буря, налетев на моря, подвигла, смутила, всхолмила и превратила в пену кипящую пучину вод. Он видел, как пенистые холмы сошлись, слились и по воле богов произвели на свет богиню красоты! Смолкли бури, улетели тучи, радость воссияла на лице лазоревых морей, и небеса, светлою улыбкою привет-

ствовали Венеру, вступившую на цветущие берега Цитеры. Тут, конечно, тут увидел ее сын Аполодоров, увидел, постиг и показал миру все совершенства красоты в изваянии своем. О сем-то Клеомене говорит Плиний, что римские юноши влюблялись в статуи его. Неописанное действие имеет на чувства красота! Я вижу ее перед собою. С какой быстротою восхищенный взор пробегает, то углубляясь, то возвышаясь, по всем переливам обнаженных выпуклостей сего прекрасного тела! Оно только что создано, приятная свежесть жизни еще цветет на нем, еще кровь не кипела в буре страстей, еще сердце не увядало от грусти. Какая чистая, редкая, неподражаемая отделка! Взор с быстротою молнии взбегает снизу наверх, спускается сверху на низ, льется по выпуклостям, вьется вкруг членов и суставов, ищет недостатков и находит везде одно совершенство! Эта превосходная статуя еще в XVI веке украшала сады Медицисов. Жаль, очень жаль, что время, случаи и небрежность нанесли приметный вред этому дивному произведению греческого резца. Но вот тут же, недалеко отсюда, стоит и другая Венера, Венера Капитолийская. И правду сказать, что если Венера Медицийская пленяет, как милая девушка, то эта должна понравиться, как прелестная женщина. В той красоты расцветающей, в этой расцветшей розы, та более миловидна, а эта, я не знаток, но, мне кажется, более прекрасна, в той нравится свежесть чувств, в этой пленяет огонь их, та вышла из морей, где прияла рождение, эта из купальни, где прохлаждала уже распаленное страстями тело свое — словом: та прекраснейшая из богинь, эта прелестнейшая из женщин, и наконец: если та пленяла богов в Олимпе, то, верно, эта победила соперниц своих богинь на земле и получила яблоко из рук восхищенного Париса. Превосходен и мрамор Паросский, из которого сотворена Венера сия: он чист и прозрачен. Всматриваясь в тело, кажется, видишь, как жизнь ходит по сокровенным путям его. Тело этой Венеры еще все мокро, у ног лежит покрывало, в котором мрамор — тонкий холст! Но она лучше любит осушать красы свои страстным дыханием зефиров, которые, навевая на нее ароматы с цветов, нежут и лобзают полномлечные выпуклости роскошного тела ее. Которая из обеих Венер лучше? Не знаю! Спросите у знатоков.

Но кто этот важный, величественный, прекрасный мужчина? Это красавец между богами и бог между людьми — это Аполлон Бельведерский! Какая мужественная красота в лице! Какое величие на челе! Какой размер, какая правильность во всем! Он только что поразил змея Тифона, опустошавшего окрестности Дельфийские. Еще лук трепещет в бестрепетной руке его, еще, кажется, звенит, сотрясаясь, тетива на луке. Его десница пустила стрелу и с нею смерть в чудовище. Как осанист, как благороден победитель сей! Ловкость, сила и красота видны в приемах, движениях и осанке его!

Поразитель Тифона, пуская стрелу, сделал легкое наклонение вправо, и все члены, все малейшие мускулы, долженствующие углубиться или выказаться от положения такого, ясно и живо выпечатлены на теле Аполлона. Мрамор в руках великого художника был воск. Еще доселе не знают, отколе взят мрамор, из которого иссечен этот Аполлон, он превосходнее Паросского и всех в древности известных. Готовясь к нанесению великого удара, Аполлон махнул мощною рукою и бросил за рамена хламиду свою. Прелестные выпуклости открылись... Сила течет в жилах, вечная юность цветет на прекрасных мышцах его. Величавость, бодрость и красота отличают статую от всех прочих. Резец, произведший ее, может быть сравнен только с кистью Рафаэля. Сия превосходнейшая из всех известных статуй около трех веков была украшением Бельведера Ватиканского в Риме...

Вы остановились, содрогаетесь и чувствуете жалость: целое семейство умирает в глазах ваших. Все ужасы насильственной смерти, все муки лютейшей пытки глубоко запечатлены в чертах сих несчастливцев. В сих мраморных страдальцах, не спрашивая, узнаете Лаокоона с детьми его. Лаокоон, единый из сынов злосчастного Приама, долго противился хитрым намерениям греков, желавших ввести в Трою сооруженного ими на пагубу града коня. Он даже метнул копье в подвигавшуюся громаду сию, провидя, что в обширной пустоте чрева ее должны скрываться неприятельские воины. Но неблагоразумные трояне сами впустили засаду в непроницаемую средину своих стен, а боги, враждовавшие Трое, умыслили погубить мужа

правды, дерзнувшего разрушать тайные ковы их. В один день, когда Лаокоон с сынами своими увенчивал лаврами жертвенник на бреге морей, Нептун озлобленный высылает из бездны двух ужасных змиев. Шипя, изгибаясь, стремятся они на несчастных. Я вижу и змей и страдальцев... Чудовища охватили их, оплелись, ползут и вьются вкруг членов отца и детей. Они сжимают, куют, связывают всех троих вместе, чтоб вытиснуть из всех троих дух. Напрасно сражается несчастный отец! Отчаяние вопиет в дрожащих устах его, и неописанная скорбь изображается в воздетых к небу очах! Кровавые слезы льются из них! Ни боги, ни люди на помощь нейдут! Лаокоон давит змей, змеи давят Лаокоона! Несчастные, погибающие в петлях, дети млеют, увядают, и с воплем испуская жизнь, посинев, умирают! Злополучный отец их уже не живет, а страдает. Ужасна сила чудовищ! Они вяжут и давят его... трещат кости, пружатся и лопают жилы, кровь брызжет даже из-под ногтей! Истомленная муками жизнь, блеснув в последний раз в очах, покрытых смертной скорбию, с глубоким вздохом отлетает искать суда на небесах. В сей несравненной ваятельной картине видим два чуда: как мрамор живет и умирает! Аполлон Бельведерский внушает чувство благоговения, Венера Медицийская чувство любви, а умирающий Лаокоон чувство ужаса и жалости: вот сила искусства, вот венец художников! Если б захотели употребить вместо резца кисть, то первого досталось бы рисовать Рафаэлу, другую Корреджио, а третьего Микель-Анджелу.

Но время успокоить волнение чувств приятным видом цветущих садов. Мы пойдем в прекрасный сад растений, в улицу этого же имени, к набережной Сен Бернар. Я насладился приятнейшею прогулкою! На самом умеренном пространстве видел я, так сказать, всю природу в уменьшенном размере. Все древа, кустарники и растения четырех частей света собраны тут, все звери Европы, Азии, Африки и Америки в неволе и на воле живут тут. Таков в Париже сад растений, называвшийся прежде королевским садом. Великий Бюффон был некогда его попечителем. Я видел скромный памятник Добонтона, знаменитого испытателя природы, сотрудника Бюффонова. Отдыхал я под длинными ветвями густого и высокого кедра ливан-

ского и, проходя мимо, заглянул в жилище огромнейшего слона. Я был в долине зверей, видел благородных львов, стройных леопардов, свирепых тигров, коварно-лютых гиен, целое стадо попугаев и проч. и проч. Купив маленькую книжку, читал я описание всего, что тут находится. С такими же книжками ходили поселяне из ближайших окрестностей Парижа: читали, смотрели, дивились и научались: не похвально ль это? Здесь называют одно место Швейцарскою долиною, его можно бы назвать долиною очаровательною. Тут множество из разных частей света смирных зверей, живут и гуляют по воле. Этот зверинец совсем в новом роде. Каждое животное находит в нем точно такое убежище, нору или лог, какой имело в местах своей родины. Множество хижин построены по образцам жилищ разных народов и каждая осенена деревом и окружена растениями, приличными ее стране. Гуляя тут, подумаешь, что переплыл моря, и странствуешь по другим частям света. В отделе Ботанического сада более семи тысяч растений рассажены по родам, званиям и семействам своим, следуя распоряжению знаменитого Жюсье. Рыбы и птицы, уроженцы отдаленнейших стран, одни живут и плодятся, другие забавляются плаваньем по светлым здешним прудам. Дыша благоуханиями многих тысяч деревьев и цветов и находя беспрестанно новую пищу для любопытства, я гулял до позднего вечера. Солнце заходило великолепно, тишина заступала место шума. Я слышал рыкание зверей африканских, рев европейских, отдыхал под тению дерев азиатских и слушал вечерние свисты птиц Америки, смотря, как последние лучи умирающего дня сияли великолепно на златорадужных перьях гулявших стадами павлинов. Мне казалось, что я стою в средоточии вселенной и слышу общую песнь творения, тихо возносящуюся в недосягаемые пределы горных стран к творцу непостижимому!

МУЗЕУМ ИЛИ СОБРАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ФРАНЦУЗСКИХ

В нестройные времена ужаса, когда обрызганные кровью нечестивцы с жадным оком и несытым сердцем рыскали по пределам мятущейся Франции, свя-

тотатствуя в храмах и даже самые прахи усопших из могил исторгая, в одном, из небольшого числа благомыслящих людей, родилась благая мысль спасти от разрушения священные памятники времен: Г. Ленуар тщательно собрал все вырытые из земли, снятые с могил, исторгнутые из церквей и по монастырям найденные памятники надгробные. Поместя их в одном Музеуме по леточислительному порядку, с разделением на столетия, он представил единственную в свете цепь исторических напоминаний, бесценных для француза и любопытных для всякого любителя истории. В передней палате помещены памятники многих времен вместе. Тут с любопытством рассматриваешь алтари, посвященные древнейшими обитателями Франции божествам галльским, тут видишь гроб Фредегонды, видишь гробы кардиналов Ришелье и Мазарини и гроб Франциска I. Далее, переходя из столетия в столетие, видишь ясно, как искусства рождались, старелись, умирали и вновь возрождались, тут видишь разные исторические лица в мраморе и каждое в своем собственном виде, в своей одежде и со всеми приличиями своего времени. Я означу только мимоходом число и расположение палат по столетиям и назову заключающиеся в них памятники. Первая (после безыменной передней палаты) есть палата XIII века. В ней собраны гробы: Кловиса I, Св. Людовика, Кловиса II и Гуго Капета. В палате XIV века между прочими отличаются статуи коннетабля Дюгесклена и Карла V. В палате XV века гроб Людовика XII, статуя Людовика Орлеанского и проч. и проч. В палате XVI века статуя Франциска I, изваянная Иоанном Гужоном, и статуя Генриха IV. Услышав, что в ней очень много сходства с подлинником, я с почтительным вниманием рассматривал черты сего доброго государя и великодушного героя! Представьте, что Генрих ходил в бороде и она не мешала ему быть умным и любезным... Отчего ж предков наших называют варварами именно за то, что они ходили в бородах?

В сей же палате хранится редкое художественное произведение века ее, живопись на стекле. Искусство рисовать на стекле почти потеряно. На стеклах, которые мы видим здесь, изображена вся история Душеньки. Тут же портреты Маро, остроумного Рабле,

великодушного Колиньи, славного добродетелями и умом канцлера Гопиталя и проч. и проч.

В палате XVII века — статуя Кольбера, портреты: Сюлли, Пуссеня, Декарта, Корнеля, Паскаля, Лафонтена, Ламуаньона, красноречивого Боссюэ и прочих знаменитых мужей, прославивших дарованиями своими век Людовика XIV. Наконец в палате XVIII века видишь: математика Мопертюи, трагика Кребильона, Руссо, Монтескю, Фонтенеля, Бюффона и проч. и проч. Сердце, любящее Отечество, почтет бесценным сие единственное собрание достопамятностей отечественных: тут все ему родное, все знакомое по древним повестям славы и рассказам истории, тут можно настигать дух протекших времен и научаться добродетелям их. Таковое заведение достойно подражания. Особое внимание наше привлекли на себя Пилоновы Грации. Ваятеля Пилона называли французским Корреджием. Это в самом деле Грации: так стройны, милы и прелестны!.. Удивительно тонка и легка одежда, небрежно наброшенная на них: кажется, повеет ветерок и унесет ее!.. Этот же Пилон, видно, подсмотрел, как спала прекрасная и преехидная Медицис: он изобразил ее спящею. Любуешься красотою полного, там и там открытого нежного тела и боишься, чтоб не разбудить вспыльчивой красавицы-царицы. Стройность ног, которые она любила выказывать, удивительна!.. Вот другая истинно знаменитая женщина, девственница Орлеанская: как мила!.. Вместе с шлемом, оперенным ужасом, она, кажется, сняла с себя тот грозный вид, которым приводила в трепет врагов. Но девственные персы еще покрыты панцирем: розы дышат под железом!.. Не видно гордости героини, но вся любезность молодой девицы блестит в прелестных чертах лица ее. Превосходный резец художника весьма удачно поселил миловидность в мрамор и заставил героиню-красавицу с самою умильною улыбкою приветствовать всех приносящих ей дань почтения. Одно перо Вольтера, оскорблявшее часто святыню и добродетель, могло в звучных стихах развратной поэмы осмеивать ту, которая спасла Отечество!.. Я поклонился милому Лафонтену. Добродушие во всех чертах, орлиный нос и очень умные глаза: вот лицо его!.. Другой человек, более важный, с вырази-

тельным лицом, но так же беспечен, нерадив, сидит в больших креслах и, ни о чем не заботясь, пересматривает трагедии свои — это Корнель! Некоторые памятники расположены во внутреннем саду. Там отличается от прочих гроб Лузиньяка, короля Иерусалимского, и надгробный камень чувствительной и несчастной Елоизы. Но другой сад наружный называется Елисейскою долиною. Там собраны гробы многих знаменитейших во Франции людей. Прохожу мимо памятников Монморанси, Конде, Масилльона, Мольера и проч. и останавливаюсь над гробом, на который несколько дерев преклонили зеленые ветви свои. Тут, в неразлучных супружеских объятиях, почивает сном безмятежным утомленная бурями жизни чета. Кому неизвестны имена Абельяра и Елоизы: я вижу общую гробницу их тут. Уединенный посетитель сих мест в спокойные часы утра, когда страсти и суеты спят и Париж безмолвствует, пользуясь тишиною утренних сумерков, между погасанием зари и восходом солнца, когда борение света со тьмою питает мечты воображения, кажется, видит несчастную Елоизу бродящую среди гробов, и вслушивается в стоны страстного и вместе злополучного сердца ее. «Дражайший Абельяр! — восклицает она,— узри стенящую Елоизу... она трепещет, блуждая среди гробов...» Бледный свет угасающих светильников усугубляет ужас ее. Там, из недр священной могилы, мне кажется, исходит некий унылый, таинственный глас: «Приближься, вещает он мне, дочь злополучия, гонимая роком!.. Могила моя свежа и пространна: приди опочить со мною вечным сном. И я, подобно тебе, была жертвою любви, и я страдала, молилась и проливала токи слез: теперь, за гробовою доскою, я возродилась к блаженству невообразимому! Вечное спокойствие обитает в могиле, шум мира затихает, вопль и рыдания смертных не поражают более слуха усопших. Здесь все страсти немеют: любовь бессильна, и суеверие безгласно. Здесь не человеки коварные, но сам Бог милосердия судит слабости наши!» «Так я внемлю гласу твоему, тень блаженная!.. Я спешу соединиться с тобою. Уготовьте картины райские, пальмы неувядаемые! Скоро, скоро труженица земная вступит в те страны блаженные, где все, и даже самый огонь, воспламеняющий

серафимов, очищаясь, усугубляет парение свое в горняя. Там грешник, омытый раскаянием, сопричащается лику чистейших духов. Абельяр, единственный друг мой на сей мятежной земле! ты не отречешься отдать мне последний печальный долг!» Так, в сем месте пресыщенное любопытство невольно уступает место унынию сердечному, невольно пробуждаются тысячи размышлений о жизни, смерти и скоротечности счастия земного! Унылые эти размышления нигде так не полезны, как в Париже, они останавливают сердце, несомое вихрем страстей в разверстые бездны заблуждений и разврата.

ПАНТЕОН

Людовик XV во время тяжкой болезни своей в городе Меце положил обет соорудить новый храм Св. Женевьеве, издревле почитаемой покровительницею города Парижа. Получа облегчение от болезни и следуя благочестивому намерению, государь сей поспешал зачатием храма и в 1764 году положил первый камень на основание оного. Чертеж Г. Суфло предпочтен множеству других: он отличился смелостию размера и красотою вида. Вид сего храма крестообразный. Длина его 340, ширина 250 футов. Двадцать два прекрасных коринфских столпа, каждый в 38 футов высотою, поддерживают огромный треугольник (фронтон), украшающий величественное чело храма сего. Здесь-то благочестие готовилось начертать слова: «Храм Святые Женевьевы и проч.» Но наставший великий переворот (революция) превратил и сей храм в Пантеон. Теперь читают на нем надпись: «Благодарное Отечество великим мужам!» Народное собрание, повелев начертать сии слова, предназначило великолепнейшее здание сие ко вмещению смертных останков людей, обессмертивших себя на поприще войны, мира и наук. Высота храма от полу до верхней точки купола 282 фута, высота ужасная! Внутренность обширна, но жаль, что она наполнена, так сказать, рощею столпов. Причиною этому прибавка новых к старым. Прежний художник с удивительною смелостию увенчал храм чудесным куполом. Он изумил всех дерзостию и блеском своего искусства, которому не

умел, однако ж, придать прочности. Сильное давление верхней тяжести грозило обратить в развалины храм, на который истратили уже 25 000 000 франков, но Ронделе подпер тяготеющий купол новыми столпами и обеспечил целость здания. Оно ожидает еще последней отделки и полное право имеет требовать блестящих украшений живописи и позолоты, дивя и поражая всех величественными красотами, которыми с избытком наделило его зодчество. Мы взошли на самый верх Пантеона и увидели весь Париж как на ладони! Как, думаешь, представился он нам? в виде великолепных развалин!.. Да, многое множество слиянных вместе палат, домов и хижин, представляясь в виде туманно-пасмурного пространства, не имеет совсем той красивой поверхности, той пестроты цветов, которою блестят почти все города Европы, когда смотришь на них с высоты. Кажется, что когда-нибудь страшные тучи пыли обрушились на Париж и густо покрыли его серым прахом. Зрение со всех сторон обнимает пространство города и не теряется в нем. Пасмурновидный Париж имеет меньше пространства и несравненно меньше блеску, чем белокаменная Москва наша, пространно-расширенная по холмистым полям, и ярко сияющая златоглавым Кремлем своим. Мы сошли прежде сверху на землю, а потом спустились вниз и под землю. Там, в нарочно устроенных пещерах, помещены прахи первых чиновников государства и знаменитейших сынов его. Мы прошли мимо гробов герцогов, кардиналов, министров и остановились при гробе Руссо: «Здесь почивает друг истины и природы»—говорит каждому гроб в начертанной на нем надписи. Кажется, скромный гроб сей гордится тем, что вмещает в себе. Вы читаете в другом месте: здесь покоятся кости Ж.-Ж. Руссо. На одной стороне изображены дети, играющие вокруг матери своей, читающей Руссова Эмиля. Хотелось узнать цель жизни покойника? — прочтите вверху надпись: Так, он жил для истины, сей нежный сын и друг природы! Он мог заблуждаться, но мог ли он быть злодеем! Враги общего блага напрасно старались извлекать из творений его правила для оправдания беззаконных поступков своих: добродетельный мудрец женевский никогда не мог быть вождем извергов! Он ясно говорит, что и са-

мый лучший приговор в порядке вещей не должен быть производим в действие, если он будет стоить хотя одной капли крови. Добрый Руссо искал только независимости от прихотей, предрассудков и страстей людских. Он жил для истины и был страдальцем ее. Люди не могли не пленяться его творениями, но изливали яд свой на творца. Долго скитался он по земле, не находя уголка, где бы успокоить растерзанное сердце свое! Теперь сама земля упокоила его, но человек мудрый из-за пределов могилы проливает еще свет истины. Мысль эта прекрасно выражена здесь: простертая из гроба рука держит светильник. Однако мы уж слишком утомили глаза, внимание и ноги свои, посидим дома и в минуты отдыха поговорим о Париже с короткими знакомцами его.

РАЗНЫЕ МЕЛОЧНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПАРИЖЕ

Французские историки не знают, с которого времени определить основание Парижа: оно теряется во мраке столетий. Известно только, что лет за сто до Рождества Христова Париж едва ли мог назваться слободою. Несколько галльских семейств жили в бедных хижинах, на острову, что ныне Ла Сите, мрачные столетние леса утопали в пространных болотах, печальные крики пустынных птиц и воющие стада диких зверей наполняли те самые места, где роскошь является ныне в полном блеске, где великолепнейшие чертоги, замки и дворцы гордо несутся к облакам и где целый миллион народа шумит и кружится на стогнах и площадях необозримого града! Древние галлы называли городок свой Лутециею: это значит в наречии кельтов: жилище среди вод. За полвека до Рождества Христова римляне покорили Галлию, и Юлий Кесарь сзывал старейшин разных племен галльских в Париже. Какое расстояние между собранием тех вождей различных колен и собранием чинов, собранием нотаблей и последним собранием народным! Видно, что французы издавна любили сбираться и толковать. В разные времена бывали у них еще народные собрания, известные под именем Майского поля. После Рождества Христова Лутеция наименовалась Парижем. Городок превращался в город и занимал уже

113 квадратных десятин земли. Тогда Сена называлась еще Секваною, а Марна Матроною. На древней высоте Монмартра возвышался храм Марсу, Париж поклонялся идолам до половины III века. Святой Дионисий был первым учителем христианства в стенах его.

В десятом веке, когда славяне имели уже Олега и Ольгу, удивлявших умом своим самых просвещенных греков, невежество во Франции, по собственному признанию их историков, было так велико, что короли и вельможи их едва умели подписать имена свои.

Ныне Париж разделяется на двенадцать округов, а каждый округ на четыре части. Река Сена, в которую впадают Об, Марна, Иона и Уаза, поит, кормит и отапливает Париж. В Париже улиц 1062, глухих переулков 117, набережных 28, мостов 16, бульваров 18, застав 56, домов без малого 30 000.

Париж съедает (в год) 206 миллионов фунтов хлеба, 21 000 мер овса, 8 500 ячменю, 75 000 волов, 15 000 коров, 10 000 телят, 220 000 баранов, 550 000 свиней, 100 000 центнеров рыб морских и на 1 300 000 рыб речных.

Париж выпивает (в год) 6 000 бочек яблошнику, 30 000 мер пива, на 33 миллиона франков вина и на 3 миллиона водки. Из этого исчисления видно, что столица французская любит поесть и выпить!

Всякий иностранец и, верно, также всякий парижанин поблагодарит здешнюю полицию за то, что она, вступя в посредство между извозчиками и теми, которым необходимо их нанимать, установила постоянную плату за езду и обнародовала ее. Кариолку и фиакр или карету можно нанимать почасно, поденно и на один конец. Проехав 20 улиц, не выходя из экипажа, значит конец, и переехать только через улицу и выйти значит тоже конец: за оный платится едущим в карете 1 фр.—30 коп. Нанимающий почасно платит за первый час 2 фр., а за последующие за каждый по 1 фр. Плата за двуместные колясочки гораздо умереннее. Мы воспользуемся неразорительною здешнею ездою и поспешим объездить там, где не успели обходить. Еще много любопытного для нас остается в Париже: постараемся увидеть, что успеем!

Но прежде, нежели приступлю к другим описаниям Парижа, позволь мне, любезный друг, перевести и сей же час к тебе послать любопытную статью о взятии города сего, писанную одним почтенным парижанином. Вот она *.

ВЗЯТИЕ ПАРИЖА

Есть слова (говорит Фонтенель), которые воют от ужаса и удивления, когда их сближут вместе. Таковы-то и сии, непонятною судьбою сближенные два слова: взятие Парижа! Как, почему и кем взята столица сия? Да разве знаменитый Монтескю не сделал замечания, что местное положение Парижа есть самое выгодное для собственной его и целой Франции безопасности? Разве у нас не было с одной стороны моря, с другой высоких гор, а с третьей двух грозных рядов неприступных крепостей для защиты столичного города? Разве не было у нас храбрых, многочисленных легионов, чтоб отстоять его грудью? Кто ж мог преодолеть все сии препоны и достигнуть до стен столицы, какой из народов Европы? Целая Европа! Какая ж была причина столь неожиданного события? Честолюбие одного человека. Любовь к Отечеству до степени страсти в сердце моем заставляет меня и на краю могилы ** принимать живейшее участие во всех его несчастиях, надеждах и превратностях. Часто обозревал я в уме все бедствия, могущие постигнуть столицу Франции, но никогда не смел вообразить, чтобы она пала под оружием чуждых войск. В течение XIII веков слыла она непокоримою. Разумеется, что я не считаю покорением нечаянного занятия Парижа при Карле VII. Одни крамолы призвали и ввели, а глупость короля и измена поддержали тогда англичан. В наше время нетрудно было предвидеть, что Франция, выхлынувшая из пределов своих и, подобно великому разливу вод, потопившая Европу, Франция, изнуренная страшными налогами, бесчисленными пожертвованиями,

* Эту статью надлежало бы поместить в конце четвертой части, но в книге, составляемой в беспорядке обстоятельств, часто не соблюдаем порядка поневоле.

** Француз, сочинитель статьи сей, умер вскоре по издании оной.

изнемогающая под тяжкою ношею окровавленных лавров, должна была ожидать всеминутно великого удара судьбы! Вся Европа восстала на притеснителя. Соединенные армии ее, ища мира, пришли войною на берега Сены. В 15 месяцев совершились события, которых, по обыкновенному ходу дел, довольно б было и на 15 лет! Из всех зрелищ, которые были когда-нибудь показываемы французам (ибо у них все сделалось театральным зрелищем), любопытнейшее и вместе ужаснейшее было, конечно, зрелище великой битвы, долженствовавшей решить судьбу Франции. Прошли столетия, и Париж не слыхал грома войны. Звук оружия раздавался только на площадях учебных, и жены парижан, подобно женам спартанским, смело могли сказать: «мы никогда не видали, как пылают огни неприятельские на бранных полях!» Буря шумела над Парижем, а парижане дремали!.. Коварное правительство играло доверенностию народа, забавляя его обманами. Уже неприятель гремел при Монмартре, а бюллетени все еще по старой привычке трубили о победах! 28 только Марта (по новому счислению) открылись глаза парижан, и все прояснилось! Поразительные явления представились на бульварах. Прелестные гулянья эти, где привыкли видеть ряды богатых карет и толпы блестящих всеми украшениями роскоши женщин, в сии ужасные минуты наполнены и покрыты были ранеными солдатами и толпами отчаянных поселян, со стоном бежавших от пылающих хижин своих. Там семейства, лишенные жилищ, местились в простых телегах, тут несколько кулей соломы или связок сена служили постелью обремененных усталостию. Многие поселяне, ехавшие на ослах, гнали перед собою овец и коров. Любопытство граждан было неописанно. Их сострадание к пришельцам делает также им честь.

В полдень картина совершенно переменилась: все, что было поражением сердец, стало забавою глаз, бульвары наполнились опять гуляющими, беспечность взяла по-прежнему верх над всеми беспокойными ощущениями, доверенность возвратилась, и народ легкомысленный успокоился. Хотя и появлялись еще толпы обезоруженных беглецов, распуганных громом войны поселян и раненых солдат, но свежие войска

стройно выступали из города на бой, и город был покоен. Народ не только не пугался более прежних явлений, но с удовольствием толпился еще, как обыкновенно, вокруг гаеров, шарлатанов и фокусников. И люди, сетовавшие за час пред тем о судьбе своего Отечества, с непритворным восхищением любовались кукольным театром!

Такие же страхи, как вчера, взволновали было умы на другой день, но теми же средствами, как и накануне, успокоены были. Потомство, конечно, не захочет поверить, чтоб целая столица не прежде могла узнать о приближении 200 000 армии неприятельской, как послышав гром пушек у ворот и гром барабанов на всех улицах своих. В минуты близкой опасности смятение сделалось опять общим. Многолюднейшая из столиц европейских содрогнулась и восстенала. Ужас оковал миллион сердец! Беспрерывный барабанный бой призывал народную гвардию к защите города, который оборонять невозможно и не должно было. Везде раздавался плач жен и детей при расставании с супругами и отцами, летевшими на бой. Следуя закоренелой привычке обольщать и обманывать народ, правительство разгласило накануне, что к стенам Парижа подходила какая-то отбившаяся от армии колонна, которую парижане могли истребить в один миг, но следующий день обнаружил ложь. С высоты Монмартра увидели приближение 200 000! Союзники вели пехоту свою по всем дорогам во множестве, многочисленная конница покрывала все поля, 600 пушек гремели на холмах! 12 часов продолжался бой. Но когда уже все, кроме чести, потеряно было, когда король (Иосиф) бежал, сокровища увезли, когда победоносные армии союзников, как темные тучи, шли прямо на Париж, когда все сердца цепенели под шумом военной грозы и все ожидали падения громов и гибели народа — вдруг какая-то непостижимая сила остановила союзников у самых ворот столицы! Воины великодушные, после столь дальних походов, столь тяжких трудов и столь кровопролитных битв, достигли наконец столь вожделенной цели, и, о верх благородства и чести! они не употребили во зло победы своей. Великие государи, управлявшие сердцами войск, пеклись о целости столицы французской, как будто о родном своем городе.

Пример великодушия, неслыханный до наших времен! История изумит потомство, представя великое событие сие в настоящем виде его. Ночь 30 Марта (по новейшему счислению), долженствовавшая быть свидетельницею великих пожаров, бесчисленных убийств и страшного разлития крови, соделалась, напротив, свидетельницею торжества, единственного в летописях мира — торжества великодушия над мщением, добродетели над пороком? Сия ночь прекратила пятнадцатилетнее рабство и восстановила древний порядок вещей. Столь великие события в столь малое время совершены, что все происходившее казалось только обольстительным сном!

30 Марта Франция была еще под ярмом и в томительных муках ожидания, 31 свободна и в торжестве! С первым лучом солнца неописанное чувство радости, чувство неожиданного счастия пробудило весь Париж. Большая половина жителей выхлынула из домов, и площади, бульвары и улицы закипели народом, все окна наполнились зрителями. Такова была встреча в благородном городе благородным воинам, которые сочетав лавры с оливами, приобрели сугубую славу победителей и миротворцев. Появление ополчений, притекших с берегов Волги, Шпреи и Дуная, на первых порах измучило Париж и извлекло было слезы из очей страстных любителей Отечества, но неимоверное великодушие сих питомцев отдаленнейших стран успокоило совершенно волнение сердец и умов. Жители не находили слов к изъявлению благодарности своим пощадителям и готовы были боготворить великого монарха севера.

ИНВАЛИДНЫЙ ДОМ (В ПАРИЖЕ)

Читал ли ты описание Валгалы в Северной Эдде? Если читал, то припомнишь, конечно, те прекрасные награды, которые сплетатели северных баснословий сулили героям своим в будущей жизни. Беспрерывные войны гремели по лесам и пустыням древнего севера. Звание военного человека уважаемо было всеми. Люди, в которых семейственная жизнь и мирные занятия умягчали ретивость сердец и утолили пла-

менную жажду к брани, не могли без живейшего участия сердечного смотреть на тяжкие труды и мужественную смерть великодушных блюстителей их спокойствия, выгод и прав. От сего родились понятия, утешительные для воинов. Служители алтарей освятили, а стихотворцы украсили их всеми цветами воображения своего. Тогда верили, что богини (Валги), цветущие красотою и младостию, невидимо слетали на поля брани и, принимая в нежные объятия души храбрых, уносили в жилище радостей, в Валгалу. Правители воинственных народов для очевидных польз своих долго поддерживали эту веру. Но понятия мечтательные уступили место существенности, очарование исчезло, а войны продолжались, и воины желали быть успокоенными на той земле, которую защищали утратою здоровья и членов своих. Кровавые раны становились устами и вопияли за них. Священный глас веры, здравый рассудок и чувствительные сердца вступились за великодушных стражей Отечества. В разных государствах прилагали разные способы для доставления наград и покоя пострадавшим и потрудившимся в бранях. Но ни одно государство в Европе (думаю, кроме Англии) не похвалится таким прекрасным заведением, как Франция. Оно есть перлою столицы ее. Я был сегодня в Инвалидном доме и признаюсь тебе, друг мой, что все мечтания о древнем Валгале слабы пред теми существенными благами, которые доставляет тут безмятежный отдых поседевшим в военных трудах. В двух словах расскажу историю Инвалидного дома, а потом опишу его наружный и внутренний вид.

Людовик XIV, желая успокоить храбрых сотрудников своих, повелел воздвигнуть великолепное здание в 1671 году. Здание сие, помещающее покойно и выгодно до шести тысяч жильцов, есть одно из огромнейших в Париже. Наружность величественна и важна. Многие статуи, по приличию расположенные, возвышают красоту ее. С необыкновенным чувством удовольствия рассматривали мы внутренность дома. Огромные залы, где накрыты были обеденные столы, кухни, где готовили простую, но вкусную пищу, и гидравлическая машина, провождающая свежую воду во все жилья дома — все возбуждало любопытство наше.

Но картина благоденствия здешних жителей в полном блеске своем открывалась на переднем, зеленью и цветами украшенном дворе. День был прекрасный: множество жильцов, оставя комнаты, вышли наслаждаться благоуханием насажденных ими же цветов. Здесь только можно видеть полную картину столь жестоко изувеченного, столь великодушно утешенного в невозвратных потерях своих человечества. Деревянные ноги и костыли тут слишком обыкновенны. Многие лишились обеих ног и одной руки. Таковых сажают в тележки, которые легко приводят в действие остальною рукою, возят их по песчаным дорожкам. В толпах покрытых сединами воинов мелькают и молодые лица. Не одно число лет службы, но и тяжкие раны дают право на помещение в жилище сем. Здесь к попечениям правительства присоединяются попечения родства и дружбы. Там молодая жена уверяет супруга, что раны, обезобразившие вид его, нисколько не переменили ее чувств. В другом месте видим милую девицу, с нежною заботливостью поддерживающую престарелого отца, или юношу, заменяющего собою костыль деду и с восторгом читающего славу подвигов его в ранах и знаках, украшающих ветхую грудь. Недавно один из парижских живописцев нарисовал прекрасно одного из престарелых инвалидов, с отеческою нежностью ласкающего милую девушку, питомицу свою. Он вынес ее еще младенцем из одного горевшего города во время войны и воспитал как дочь. Кисть живописца представила разительную противоположность двух возрастов. Лицо седого старца покрыто морщинами, а на лице белокурой красавицы играет румянец роз. Милая невинность прекрасными голубыми глазами благодарит виновника благополучия. Чувствительное сердце для услаждения своего найдет много, подобных этой, не рисованных, но живых картин в доме инвалидов. Вообще все лица цветут улыбкою непритворного удовольствия. Люди без рук и без ног довольны состоянием своим, и несмотря на раны и увечье, здесь реже, нежели где-нибудь, услышишь вздохи и стон. Но чтоб получить точное понятие о всем, что тут есть превосходного, непременно должно войти в домашнюю церковь инвалидов. Какая церковь? Это храм, и храм ве-

ликолепный! Золотой купол его сияет, как солнце, над пасмурно-видным Парижем.

Вхожу с благоговением и дивлюсь великолепию храма. Везде мрамор, памятники и редкая живопись. Пол из мрамора, мозаика. Памятные скрижали заслуживают особенное внимание. На них начертаны имена прославивших себя подвигами и честною смертию за Отечество. Но вот памятник мужа благородного в героях, искусного в полководцах — памятник Тюренния. Художник представил его в последнюю минуту жизни. Распростертый на львиной коже, Тюренн умирает в объятиях вернейшей спутницы своей — Победы! Победа, в виде величавой женщины, одною рукою поддерживает слабеющую голову умирающего, а другою с улыбкою готовится возложить на нее венец бессмертия. Вся душа героя вместе с его взорами устремлена на сию лестную награду. Величественный орел, подле сидящий, также быстро глядит на сей венец. Мудрость и храбрость в образе двух женщин неутешно рыдают. История пристально смотрит на великого, чтоб не уронить ни одной черты его дел.

Все сии изваяния из лучшего белого мрамора. Внизу на меди выпуклая картина Тюрк-Геймского сражения. Вот все, что я умел тебе сказать об Инвалидном доме, на который только что успел взглянуть и о котором много думал после. Так вот средство воспламенить юношей, ободрять мужей и покоить старцев! Взглянув на жилище сие, молодой воин охотно вырывается из объятий семейства, слепо следует гласу вождя и легко подъемлет свинцовое бремя военных трудов. Грозные битвы, дальние походы, буря и зной, степи и горы не страшны ему. Ядро отрывает руку, пуля пролетает сквозь ногу, он плавает в крови, но надежда, подобно богиням Валгам, слетает утешать его в лютейшей скорби час. Не будет влачить дней своих без верного крова и надежных подпор, нужда не заставит его вымаливать крохи насущного хлеба под окнами бесчувственных. Не будет застигать его темная ночь в бесприютном шатании по чуждым полям, и снег не посыплется на главу, лишенную покрова: он имеет верное для себя убежище, куда вводят заслуги и где покоит Отечество! Конечно, устроение и содержание Инвалидного дома стоит

великих денег! Войска наши слишком многочисленные, число заслуженных велико, и устроение здания, подобного описанному, кажется невозможно. Но другое великое и благодетельное предначертание, плод глубокой мудрости и чувствительности монарха нашего, готовит счастливый жребий верным Отечества сынам. Оседлость войск есть предприятие способам и местности России совершенно приличное. Я уже вижу в приятном мечтании те счастливые времена, когда по утихшим бурям процветут в различных краях Отечества новые военные села. Порядок, к которому издавна привыкли, чистая нравственность, которою везде отличались, умеренность, с которою всегда жили, и вера и верность, которые нигде их не оставляли, поселятся и заживут вместе с воинами русскими.

Руки, сеявшие смерть в кровопролитных битвах, посеют и пожнут свои мирные поля. Тогда-то воины, спасители Отечества, поддержавшие падение древних престолов и вынесшие на мощных раменах своих из пропасти уничтожения славу Европы, восчувствуют все сладости благополучия мирного. Они изгонят роскошь и не допустят к себе бедности. Тогда странник, укрытый гостеприимным воином от бурной осенней ночи, увидит картину домашнего благополучия, которой подобных еще нигде не видал, он увидит израненного старца, поучающего сына-воина искусству управлять плугом, а внука, юнейшего из членов военного семейства его, искусству владеть оружием. Тут в веселом пиру товарищей за ковшами пенистой браги, или за чарами ими же добытого хлебного вина, воины мирные на приволье с неизъяснимым умилением беседовать станут о прежних днях побед и настоящей славе монарха — благодетеля своего.

ПАРИЖ

Возвращаясь из Инвалидного дома в свою квартиру, мы завернули по дороге в Пале-Рояль, смешались с толпою и исчезли в ней. Я еще не сказал тебе о здешней торговле разными мелкими сочинениями. Сотни мальчишек промышляют ею. Шумными толпа-

ми бегают они туда и сюда, мечутся из угла в угол, и громко провозглашая заглавия новейших сочинений, стараются сбыть их с рук. Один кричит: Ссылка Наполеона на остров Эльбу стоит франк! Другой еще громче: прибытие Людовика XVIII в Париж, цена 2 франка! «Вот прекрасное сочинение Волшебный фонарь! Оно обратило на себя внимание публики!» Вот того же сочинителя «Прощание русских с парижанами»: покупайте, скорей, это последний экземпляр во всем Париже!» «Не правда, он врет, кричит голос из толпы: у меня их целая корзина!» Заглавие показалось мне любопытным, я хотел купить, и целая толпа продавцов ринулась ко мне с печатным товаром. «Я уступаю вам это сочинение за 20 су, говорил первый: возьмите у меня за 15, кричал второй. Вот вам оно за 10», закричал громче всех третий, и, вынырнув из толпы, проворно сунул мне его в руку. Бросаю 10 су и опрометью домой. Таких ежедневных и смело можно сказать однодневных сочинений выходит здесь великое множество. То, которое я купил сейчас, любопытно: в нем можно видеть, как француз заставляет наших русских прощаться с своим Парижем. Прочти и посмотри, что говорит француз о русских и что заставляет русского говорить о французах. Вот перевод прощания русских с парижанами.

«После двухмесячного пребывания в Париже, показав пример самого строгого повиновения к уставам службы и самого дружеского обхождения с парижанами, русские возвращаются опять в свое Отечество. Не без сердечного сожаления оставляют они тот город, которого жители не переставали оказывать им все возможные знаки приязни и уважения, должного избавителям народа. (Жаль, что сии красивые слова не оправданы делом!). Вот как русские в тот час, когда уже походные ранцы были у них за плечами, прощались с Парижем и парижанками:

Прощайте, парижане, прощайте, добрые приятели наши! говорили они: мы никогда не забудем ваших чудесных трактирщиков, купцов и конфетчиков! Прощайте, почтенные меновщики парижские! мы довольны бескорыстием вашим: вы давали нам золота за бумагу, однако ж признайтесь, что этот промен вам не внаклад!

Актеры и актрисы, певцы и певицы, прыгуны и прыгуньи, прощайте! Мы уже не будем более есть апельсинов в комедии, восхищаться прыжками в опере, забавляться ухватками плутоватых гаеров на бульварах, мы не увидим чудесных прыгунов по канату в Тиволи, обезьян на площади Музеума, ораторов в Атенее и китайских теней в Пале-Рояле. Прощайте, милые, прелестные очаровательницы, которыми так славится Париж: вы, блестящие в опере, разгуливающие по бульварам и порхающие в галереях и садах Пале-Рояля! Забудем ли ваши прелести, ласки, ваше постоянство! Нет! с берегов Невы и Дона будем мы посылать к вам страстные вздохи свои. Вы смотрели не на лицо, но на достоинства... Брадатый казак и плосколицый башкир становились любимцами сердец ваших — за деньги! Вы всегда уважали звенящие добродетели! Прощайте, Софии, Емилии, Темиры и Аглаи! прощайте, резвые пламенные смуглянки, томные белянки, прощайте, черные и голубые глаза, мы не имели ни средств, ни времени списывать портреты ваши, но мы имеем другие памятники: ваши стрелы у нас в сердцах, и полученные от вас раны долго будут напоминать нам о вас. Прощайте, умные, догадливые французские слуги, вы, которым щедрая русская плата придавала крылья, вы, знакомые со всеми закоулками Парижа и ведающие всю подноготную в нем! Прощайте, поля Елисейские, прощай и ты, Марсово поле! Мы расположили на вас биваки свои, застроили вас хижинами, шалашами, будками и жили в них как в палатках. Нередко милые городские красавицы навещали кочующих соседей своих. Они не пугались ратного шуму и прыгали зефирами по грудам оружия, при блеске полевых огней или тихими павами выплывали из-за дерев, как тени, при тусклом мерцании луны. Каких наслаждений не приносили они с собою? Прощайте, господа повара, кондитеры, портные, сапожники, слесаря и седельники, вы долго не забудете неимоверной щедрости русской. Бог знает, чтобы сталось с вами без нас! Уже заимодавцы ваши ополчались всею строгостию законов, уже отпирались двери темниц... но провидение привело в Париж русских, и вы свободны и богаты! Стройте новые дома и пишите на них: «от щедрот русских!» Прощайте, г-да

книгопродавцы! Чур не пенять! в военном переполохе мы не успели познакомиться с вами короче! Опера, Фейдо, Варьете, Водевиль и Амбигю * поглощали весь наш досуг! Но погодите, из отдаленных краев Отечества нашего будем мы присылать к вам русские деньги на французские книги! Французские книги у нас в великой чести! Прекрасный язык ваш гремит и славится даже и в самых пустынях севера! Прощайте, блестящие общества лучших людей, людей лучшего тона. Мы имели счастие иногда помещаться в кругах ваших! Какое обхождение! Какая учтивость! О французы, одни только вы умеете жить. У вас мужчины просвещенны и образованны, женщины милы, умны, веселы и всегда благопристойны (!!) Любезные французы! прелестные француженки! вы нас пленили, очаровали, просветили, вы офранцузили нас! Читайте ж в душах наших усердное, пламенное желание подражать вам всегда! Так мы употребим все усилия, чтобы общества обеих столиц наших одушевились, украсились умом и духом французским (так говорит француз за русских, а истинные русские верно повторять будут в утренних и вечерних молитвах: «Избави господи от мора, потопа, огня и французского духа!..») Прощайте ж, любезные, умные, храбрые, роскошные и ветреные парижане, прощайте!.. под шумом бурных морей, в наших снежных пустынях от Бельтских до Каспийских вод, везде будет греметь в устах народов имя прелестного Парижа! О град утех и наслаждений! все твое будь нашим! В науках, художествах, промышленности, а более всего в великом уменьи жить будем мы подражать одному тебе! Немного погостили, но многому научились мы в стенах твоих! Твои обычаи и нравы процветут в пределах русских. (К несчастию, они и без того уже там цветут. Дай бог, чтоб поскорей завяли)... придет, придет то счастливое время, когда храбрые россияне достигнут лестной славы называться северными французами, когда»... Но довольно! довольно! Да мимо идет чаша сия! Нельзя ли обойти нас производством в северные французы? Мы право еще не стоим этого. Разница между нами и вами, господа французы! еще очень велика: Москва и Париж свидетельствуют о том!..

* Имена французских театров.

ПАРИЖ

ФАНТАСМАГОРИЯ

Сейчас был я в волшебном мире, в жилище теней и призраков. Все чудеса физики и все очарования оптики увидел я в доме Г. Лебретона. Мы приехали в 7 часов вечера. Посетителей еще не было. Хозяин озабочен приготовлением разных снарядов для физических опытов, а мы занялись рассматриванием его кабинета. Он украшен множеством любопытнейших предметов. Все, до чего когда-либо достигнуть мог изобретательный ум человека, представлено тут в чертежах, рисунках и в образцовых снарядах, в малом виде: тут видим механическую колесницу, едущую без лошадей, там стимбот или пароход, имеющий способность двигаться без гребли и парусов против бури и волн. На одной из картин представлен человек, подымающийся на поддельных крыльях, здесь нарисован искусник, ступающий по воде, а там человек, не сгорающий в пламени. Посмотрите сюда! сказал помощник хозяйский: вы верно довольны будете. Гляжу в круглое стекло и цепенею от удивления. Картина прелестнейшего вечера является глазам моим. Какое-то волшебное очарование представляет мне окрестности Дуная. Величественная река, лесистый берег, древний замок и светлое вечернее небо — ясно, живо и отчетливо, будто наяву, представляются тут. Горные ключи брызжут из скал, водопады сыплются сребром; башни, берега и небо изображаются в тихоплывущем кристалле вод, белые струи дыма точно вьются из труб! Страж замка стоит, опершись на мшистый зубец стены, и смотрит задумчиво на небо. Я никогда не видал такой ясности неба! Луна в полном сиянии весело гуляет по голубым равнинам тверди. Звезды, как тлеющие искры, сверкают далеко в высоте на темной синеве эфира: вид очаровательный, прелестный! Опускаю глаза вниз. Вижу опять Дунай, вблизи засыпающие леса, вдали седую картину гор... очарование совершенно... Я смотрю, забываюсь и, как Гомеров пастырь, всем сердцем веселюсь, в глубокой тишине ясной безветренной полночи величественными красотами безмолвных небес.

Там звезды, на небе вокруг луны прекрасной,
Блистают в полночи безветренной и ясной

И видны холмы все и горы, и леса,
И вся пространная небесная краса.
Разверзшись с звездами бесчисленными зрится,
И пастырь на холме всем сердцем веселится! *

Вот прелестная картина вечера, которую бессмертный стихотворец нарисовал за три тысячи лет пред сим. Точно подобную этой видел я сегодня в оптическом стекле.

Не знаю, докудова не отвел бы я глаза от этого стекла, если б не услышал за собою шуму и говору многих особ. Оборачиваюсь и вижу комнату, наполненную людьми. Профессор всходит на свое место: все садятся по своим, и физические опыты начинаются. Речь идет о громе, молнии, северных сияниях и зарницах. Все это показывается примерно в комнате. Но всех любопытнейший был опыт над действием гальванической силы. Г. Бретон прикасался серебряным прутиком к одному из нерв мертвой лягушки, и она вдруг начинала прыгать. Хотя шевелиться, двигаться или прыгать в сем отношении и не значит жить, однако ж, любопытный опыт сей невольно погружает в глубокое размышление о том, что такое жизнь.

Должно признаться, что и с электричеством, так уже давно открытым, мы еще знакомы очень не коротко, а гальванизм нам почти совсем неизвестен **. Но тогда ли заниматься испытанием природы, или изобретениями спасительных для жизни средств, когда полсвета стонет в тревогах войны и тысячи жизней угасают в один день! Физические уроки кончаются. «Теперь-то увидим мы страшные явления!», говорят сидевшие подле меня дамы. В самом деле нас сводят

---

* Стихи эти взяты из VIII песни Илиады, прекрасно переведенной известным стихотворцем нашим почтенным Н. И. Гнедичем. Новый перевод его, размером древних гекзаметров, будет, конечно, для нас то, что перевод Попа для англичан, а Фоссова Илиада для немцев.

** В Германии занимаются теперь учением о новой чудесной силе, способствующей к исцелению всех нервных болезней одним прикосновением рук. Силу эту открыл и назвал животным магнетизмом известный врач Месмер. Французы приняли сперва с жаром открытие его, потом употребили его во зло и изгнали. Но в Германии просвещеннейшие врачи восстановляют опять оное. В Записках, на обратном пути чрез Германию, постараемся рассказать, что слышали и читали об этом знаменательном открытии.

по лестницам вниз. Входим в подземелье и садимся опять по лавкам. Мрачный свод висит над нами, стены испещрены изображениями гробниц и мертвецов, по углам стоят скелеты, зажженный спирт наводит смертную бледность на все лица... Вот приготовления к явлениям теней! Они никого не пугают, но непременно настраивают воображение зрителей к мечтательности и придают силу очарованию. Между тем подан знак, и свет исчез. Настала черная ночь. Там далеко, далеко в глубоком мраке сверкает звездочка. Она тлеет, гаснет, исчезает... На черном занавесе является огненная надпись: здесь жилище странствующих душ! Где-то вдали, никто не знает где, раздается самая томная, поющая музыка. Глубоко проницающие звуки пленяют и мучат: кажется, кто-то водит смычком по сердцу! Это гармоника. Известно действие ее на чувства: она вселяет сперва какое-то уныло сладостное удовольствие, которое наводит потом оцепенение и тоску. Сия-то волшебная музыка вызывает из преисподней бесприютных странниц. Смерть срывает печать свою, и тени усопших являются... Вот там, в едва постигаемой глазом дали, показывается огненная точка, сверкает и растет, становится более и ближе, ближе и более, и мы видим наконец прелестную красавицу!

Вся миловидность, вся ангельская кротость юной страдалицы изображается в чертах ее. Я не могу говорить с нею, но могу прочитать на лице историю жизни и кончины ее. Прелестные голубые глаза, потупленные в землю, улыбка, не смеющая воскреснуть на бледных устах: все показывает, что грусть отравила краткие дни жизни ее и грусть свела ее во гроб. Одна в необъятных пустынях вечности, она увядает как поздний осенний цветок, роняющий красы свои от бурного дыхания зимы. Долго колебалась она в воздухе, не смея, кажется, приблизиться к нам. Но вот идет, идет, смотрит, движет глазами, простирает руки, кажется, просится опять в наш мир, в надежде лучших дней... Вы хотели подать ей руку, извлечь из бездны на свет, но преисподняя издала сиповатый глас свой, и быстро обратилась тень, и медленно, плывя по мракам, изчезла, как мечта!.. Не так ли обольщают нас и в жизни мечты, надежды и счастие! Не так ли исчезают радости, пышность и величие мира, и самый

мир не есть ли картина теней! Вслед за первою целый ряд других теней! Старцы, дети, юноши, пронзенные железом на заре дней своих, и девицы, умершие от ранней грусти и злополучной любви, одни за другими, являлись пред нами.

Все они движутся, смотрят, и, кажется, готовы броситься в объятия земных своих друзей. Я вспоминаю усладительные мечтания добродетельного Штиллинга и мне, право, весело верить догадкам его. Мой друг! не так ли странствуют там в недосягаемых пределах и души милых нам? Но где это там, и есть ли там другой, новый и лучший мир?

Там есть ли новая вселенна,
Иль пусто все превыше звезд?
Кем область неба населенна?
Кто там над солнцами живет?
Бунтуют ли и тамо страсти
Царей, рабов, там есть ли власти?
Там есть ли злато, кровь, порок?
Одна ль живет там добродетель?
. . . .
Там знают ли! что смерть, что рок?

Так вопрошает душа, когда в минуты уныния облака сомнений затмевают ясность ее. Носимая пламенным вихрем страстей, она жаждет, как некогда Агарь в пустыне ищет, требует и не находит счастия, ибо в блеске богатств, в великолепии чертогов и в обманчивом сиянии честей встречает одни только призраки счастия.

Так обуревается сомнениями душа, озаренная спасительным лучом откровения, но рано или поздно пробудится в сердце благочестивого голос, незнакомый работающим, мятежному свету, неизъяснимо сладостный голос надежды, указующий ему новый и лучший мир. Надежда уверяет его, что гроб не уничтожает благороднейшее из созданий Божиих, что небо и земля делят между собою человека добродетельного; небо берет обратно дар свой — душу, земля поглощает тленный покров ее!

Священное откровение внушает и крепит благородные надежды сии, даруя просвещенной и предуготованной душе сладчайшее предчувствие, залог ничем

незаменного счастия небесного. Так, если бы Всевышний строитель мира во гневе своем захотел отнять у нас надежду на лучший мир: то половина рода человеческого, конечно, отказалась бы в тот же миг от бурномятежной жизни сей.

Ужель помыслить нам возможно,
Что для земли мы рождены,
Для мира, где все тленно, ложно,
Где все страстям покорены,
Где смертный, чувством благородный,
К коварствам, к низости несродный,
Всегда унижен и забыт
За то, что прихотям порока
Почтенья не дает глубока
И сильным правду говорит.
Нет! нет! есть мир иной, мир вечный,
Где нет разврата, крови, слез,
Где самый тихий стон сердечный
Пред гласом гордых перевес
В суде Творца людей имеет!

«Душе благочестивой в мире сем живущей, везде есть чужая сторона, везде и беспокойствие, пока пойдем к небесному Отечеству своему!» Вот прекрасная истина, сказанная одним из проповедников наших. Сию же самую мысль короче и сильнее выразил бессмертный воин и мудрец наш Суворов. Утомясь мятежами бурной жизни, борением с превратностями случая, с завистию и злобой, великий восклицал: «Отдых души у престола Божия!». Так, душа наша, как плененная голубица, тоскуя в земном заточении, просит и ожидает крыл, да полетит в горнее Отечество свое.

Вот мысли, просверкавшие одни за другими в голове, вот чувства, пробудившиеся в душе моей при появлении искусственных теней! Далее представлялись различные явления природы: подражание чудесно, очарование совершенно. Идет дождь — точный дождь! блещет молния, точь-в-точь как в небе, гремит гром, словно как в грозных тучах. Перемена картин! Видно уединенное местоположение, прекрасный весенний вечер. Все пусто и покойно. Тихо плещет ручеек, глубоко тонет золотой месяц в серебряном разливе вод. Я вижу могилу. Весна зеленит ее нежною муравою, и дарит жизнию могильный цвет. Но искра жизни заронилась в самую могилу, и колеблется холм

ее, и трепещет крест, и падает надгробный камень... Дерзкий сын праха встает, смеется уставам неба и хочет нагло ворваться в пределы жизни. Но небо пламенеет гневом, мечет молнии, дробит скалы, ломает деревья и засыпает долину развалинами и землей. Глухо повторяют дальние горы вой, рокот и треск.

Все это так естественно, так живо, что, право, долго не поверишь, будто видишь только мечту!.. Сердце не вытерпело бы одних печальных явлений. Оно мнеет и ноет от грустных звуков гармоники. Но искусный Бретон умеет переменить картины свои кстати: вдруг после унылой песни теней слышишь веселый плясовой напев и видишь ведьм и колдунов, видишь хоры Сведенборговых сильфов и резвые пляски духов. Вот ходят звери и чуды!.. Вот летит змей о семи головах!.. И вот, что значит фантасмагория. Те, которые видели в России Робертсонову, имеют уже понятие о ней, но признаются, однако ж, что та далеко отстает в совершенстве от этой.

Вот чудеса, которые прежде считали действием сверхъестественной силы волшебства или магии и которые теперь очень естественные для знающего законы оптики или преломления лучей. Ничто не обманывает нас так, как собственные глаза наши.

Многие не сомневаются, что панорамы и фантасмагории известны были еще древним египтянам. Говорят, что волхвы или мудрецы египетские употребляли их с пользою для наставления юных государей своих. Молодой царевич по окончании наук должен был сделать подземное путешествие в царство теней. Юный путешественник ходил в одну из пирамид (так говорит предание) и мгновенно свет исчезал, гремели громы, блистали молнии, земля расступалась под стопами и преисподний край принимал к себе изумленного. Там встречал его старец, провожал путями неизвестными и объяснял живыми примерами великое таинство правления судьбою народов. С одной стороны указывает он ему самое восхитительное зрелище, картину народа благоденствующего. Он видит край благословенный: обильнейшие жатвы златыми морями волнуются по необозримому пространству возделанных полей, тучные стада пестреют на злачной зелени долин, города наполнены народом, заливы покрыты кораб-

лями, а реки множеством судов, везде слышны гласы жизни и песни радости. «Столь счастлива бывает страна,— говорит престарелый наставник порфирородному юноше,— когда управляет ею государь мудрый! Но обрати внимание твое на иную страну!» И с сим словом указывает ему картину страданий народа бедствующего. Невозделанные степи, неосушенные болота, унылые города и бедные села представляются глазам его. Угнетенный нуждами народ таится в глуши дремучих лесов. Он не имеет понятия о счастии общественной жизни; утешения веры, защита законов и все приятности наук и художеств для него чужды. Промышленность не смеет приглашать его к деятельности, а торговля к выгодным менам. Целые области стонут под лозами правителей своих, и все их достояние не может насытить корыстолюбие их. «Таково,— говорит тот же старец,— таково государство, управляемое худо! Но правители народов,— продолжает он,— должны отдать отчет Судье неумолимому. Блаженство или мучение ожидает их за гробом. То и другое вечно!..»

Тут виды изменяются — и старец с одной стороны указывает всеми прелестями небесного благополучия озаренный рай, с другой всеми ужасами лютейших мучений омраченный ад. Первый, говорит он, есть неотъемлемое наследие царей добрых, другой вечное жилище злых! После этого ты согласишься, друг мой! что если справедливы рассказы эти, которым, впрочем, верить очень приятно, то фантасмагория со всеми очарованиями своими не только известна, но несравненно с большею, чем теперь, пользою употребляема бывала и прежде.

ПАЛАТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОСЛОВИЯ

Я сказал и повторю, что история некоторых общественных зданий в Париже составит или по крайней мере объяснит историю всех превратностей, постигавших город сей, историю важнейших перемен в образе правления, понятий и благоденствия народа. Палаты законодательного сословия служат тому доказательством. В 1722 году построен дом сей для госпожи Конде, потом назывался он палатами Бурбо-

нов, потом палатами Совета Пятисотного, а там назван и называется палатами Законодательного Сословия. Перемены сих имен соответствуют переменам общего порядка вещей во Франции. Здание убрано изящнейшими украшениями зодчества. Наружность величественна и благородна. С одной стороны выдается великолепный портик, двенадцать стройных коринфских столпов поддерживают огромный треугольный фронтон. Лестница одна из прекраснейших. Статуи Сюлли, Кольбера, Гопиталя и д'Агессо украшают здание. Зала заседаний великолепна. Ликург, Солон, Демосфен, Брут, Катон, Цицерон, изваянные из мрамора, напоминают те времена счастливой свободы, когда им ни мыслить, ни говорить не воспрещалось, когда люди, одаренные красноречием сильным, в полном собрании народа позорили порок и превозносили добродетель. Истинные друзья людей никогда не бывают льстецами их: они бесщадно разят вредные предрассудки, бестрепетно обнаруживают слабости и законы, изобретенные ими, благодетельствуют поколениям многих веков. Я не много смыслю о законодательстве вообще, о законах же Франции еще менее, но из всего, что о них слышал вскользь, не могу не похвалить того, что мне в особенности в них нравится. Мне чрезвычайно нравится то, что все важнейшие дела решаются здесь открыто. Тут нет глубокой тайны в суждениях уголовных. Двери во всех судах отворены. Исследования всех обстоятельств преступления производятся гласно в глазах обвиненного и при толпе зрителей. Обыкновение это приемлет начало с самых отдаленных времен. Миллер, в истории своей говорит, что давнейшие владетели областей Швейцарии производили суд и расправу под тению древних дубов при больших дорогах. Всякий странник вслушивался в вопросы судьи и ответы подсудимого. И в самом деле, для чего истине скрываться в действиях своих? Ясно выступает она пред собрание народа, с великою твердостию вопрошает обвиненного, с великим благоразумием углубляется во мрак, которым окружил он вину свою, и смело, решительно произносит приговор! Как гром небесный разит преступника приговор ее, и кто посмеет роптать на него? Но если лицеприятие или златолюбие возобладает

духом судии, тогда старается он сокрыть кривые суждения свои во мраке тайны: запирает дверь своего судилища, удаляет любопытных и, путая и темня по воле своей обстоятельства, извлекает из них решение, нередко поражающее невинность, у которой все средства к оправданию отняты. Во Франции все порядочные граждане имеют позволение присутствовать при судопроизводстве. Они не подают голосов во время самого заседания, но после составляется общий голос, который или усугубляет обвинение, или оправдывает обвиненного. Всякий имеет право печатать свое мнение о производстве какого-либо дела. Какая побудительная причина для судьи быть осторожным и бескорыстным!.. Общее мнение есть неумолимый судия: ни соблазны, ни подкуп не совратят его с прямого пути!..

Другая выгода для подсудимых — позволение иметь адвокатов (стряпчих) и даже советников в продолжении дела. Искусный законоведец всегда может быть благотворителем ближних. Оттого-то в Греции и Риме лучшие ораторы занимались изучением законов. Все священные и гражданские законы велят нам выручать ближнего из беды, но разве не величайшее бедствие быть неправо обвиненным?

Ты проходишь дремучий лес, слышишь вопли, бежишь на помощь, исторгаешь несчастного из-под ножа убийцы — и ты совершаешь прекрасный подвиг! Ты гуляешь по берегу реки, слышишь стоны утопающего, бросаешься в воду, извлекаешь погибавшего, возвращаешь отца семейству — и тебе плетут похвалы в обществах, за тебя воссылают молитвы к небесам!.. Почему ж, проходя мимо судилища и слыша стон и рыдания беспокровного несчастливца, видя жало злости, изощренное на пронзение груди невинного, видя невинного сего утопающим в пучине клевет и наветов, почему не имеешь ты права спасти его от смерти и позора, как спас двух первых от гибели? Француз имеет это право, и право это есть перло законодательства его.

Впрочем, друг мой! мне кажется, что не столько совершенство законов (ибо что есть в мире совершенное?), сколько добросовестность судии способствует к справедливейшему решению дела. Хороший худож-

ник и с посредственными орудиями сделает свое дело лучше, чем худой с самыми превосходными. То ж и с судьями: добрый (я разумею по сердцу, смыслу, совести) и при крайне несовершенных законах умеет быть достойным своего звания. Дайте злому судье самые лучшие законы: он исказит и обесчестит их поведением своим. Истина сего рассуждения заключается в одной из пословиц наших: не бойся суда, а бойся судьи. Но чтоб судье быть справедливу, должно непременно, чтоб суд его открыт был общему мнению, и сам он подлежал бы строгому, неумытному суду оного... Должен признаться, однако ж, что хорошее законодательство неоцененное благо для народа, оно есть камень основания общественного счастия. Легче завоевать десять чужих царств, нежели подарить своему десять законов, которые бы осчастливили настоящее поколение и благословлялись потомством. Но какое отличительное достоинство должно быть печатию законов? Ясность! А достоинство действия их? Откровенность! Истина стыдится действовать подспудно. Солнце, в те благодатные дни, когда животворит природу светлостию лучей своих, не сокрывается за темные тучи: таковы должны быть и законы в действии своем!..

ПАРИЖ

Что сказать тебе о Париже? Часы бегут, дни исчезают, срок выезда большими шагами приближается: разве описаний моих тебе не довольно? «Не довольно! — отвечаешь ты и говоришь: площади, театры и актеры не столько нравятся читателям как целый народ, представляемый в истинном его виде, а не в декорационных изображениях наших путешественников, видевших все с одной только подмалеванной стороны!» Понимаю, понимаю, ты хочешь знать парижские нравы. Да посуди сам, тому ли наблюдать и описывать их, кто только едва успел взглянуть на Париж и несколько дней прокружиться между парижанами? Однако, кстати, у меня есть на примете человек, который всю нравственность французскую развернет предо мною, как книгу, или что все равно, я увижу ее в его книге.

ПАРИЖСКИЙ ПУСТЫННИК

Не выходя из Парижа, который совсем не похож на пустыню, я видел пустынника. Не понимаешь? Объясню. Один из благоразумнейших парижан, отшатнувшись от шумного света, поселился в 4 этаже прекрасного дома на прекраснейшей из парижских улиц Шоссе-Дантен и назвал себя пустынником. Блеск, шум и волнение многолюднейшего из городов европейских не тревожат уединения его. Возвышенный духом, не связанный обстоятельствами, он смотрит на всех равно, и самою беспристрастною кистию рисует картины нравственности своих сограждан. Внимание парижан ободрило поучителя их: г. Жаклен изъяснил ему общую благодарность в следующих стихах:

Соперник Стерна умный,
Парижский Адиссон!
По мудрости с Сократом
Достойный быть сравнен,
Сколь сладки и полезны
Твои писанья нам!
Как в зеркале мы видим
В них глупость и порок.
Рази ты их насмешкой,
И громко славь добро!
Ряди в ослины уши,
И в харях выставляй
Причуды и пороки
Народу пред глаза.
Пиши! с тобой Бог вкуса.
Тебя бессмертье ждет!

Вот от какого человека почерпаю я сведения о нравственности парижан. Его рассказы (изустные или письменные, для тебя все равно) так живо изображают французов со всех сторон, что читатель, забывшись, почитает себя наблюдателем. Я представляю тебе здесь только несколько отрывков, несколько, так сказать, небольших картин, в которых ты увидишь парижан и парижанок в различных положениях их домашней и светской жизни. Не ожидай от меня ни плана, ни порядка: не имея ни средств, ни способов писать как бы хотел, я пишу, как могу. Вот некоторые отрывки, рассеянные черты.

ПАРИЖСКАЯ ЩЕГОЛИХА В ЦЕРКВИ

Знатная парижская дама в церковь: ей под ноги — дорогую подушку, в руки раззолоченный в сафьяне молитвенник. Перед нею — три дюжих лакея раздвигают толпы народа, за нею — толпа молодых людей!..

ЧТО НУЖНО В ПАРИЖЕ ДЛЯ КРЕСТИН

По назначению госпожи Д., одной из первых модниц (затвердившей наизусть все уложение большого света), приглашенный в кумовья, необходимо должен купить для крестин следующее:

1) Ларчик. Он должен быть и мил и дорог!..

2) В ларчик кладется: шесть дюжин самых прекрасных, самых нежных и тонких перчаток, два веера: один искусно оправленный сталью, другой черепахою и проч. Потом: вязанку искусственных цветов, но так искусно сделанных, чтоб самый опытный ботанист почел их за живые! Сверх того две бутылочки розового масла, благовонное ожерелье из серальских мастик и несколько других красивых, но дорогих безделок. Все эти мелочи, которые непременно надлежит купить в модном магазейне под вывескою золотого колокола, все эти мелочи стоят 450 рублей! Еще не все: лампу для освещения спальни родильницы. Эта лампа покупается непременно в магазейне О, ибо в Париже вещь теряет половину цены, если куплена не в том магазейне, который слывет модным! Вместе же с лампою берется и фарфоровая ваза у Даготи. Крайняя цена сих обеих безделок 400 рублей!! И тут еще не все: прибор к модной шляпке для няни во сто рублей, и мериносовую шаль для кормилицы! Если кто захочет, говорит госпожа Д., то может купить еще для ребенка погремушку. У Дюбьефа можно достать довольно порядочную за 200 рублей (200 рублей за погремушку!). Таким образом, по священным уставам моды, кум, поднеся дары свои родильнице, куме, няне и кормилице и, заплатя притом священнику, швейцару, дав милостыню приходским нищим и на водку дворне, истрачивает всего-навсего на одни крестины не много не мало 2,375 франков или наших рублей !!!

Люди пожилые уверяют, что за 30 пред сим лет самые пышные крестины в Париже со всеми сборами и приборами обходились не дороже 50 рублей, а теперь? Это доказывает успехи роскоши, причуд и мотовства в столице французской! При отце Людовика XIV было в Париже только несколько карет, теперь их несколько тысяч!..

ПРИЧУДНИЦА

Еще не доказано, от роскоши ль родится тщеславие, или от тщеславия роскошь, но известно, что они между собою в близком сродстве. Известно и то, что от роскоши и тщеславия родятся вычуры и причуды. Муж прелестной госпожи N., добрый банкир, мозолевыми трудами скопил кой-как изрядный капитал. Далее и более, он сравнялся с первыми богачами в Париже. Прежняя сожительница его, добрая хозяйка, умерла. Он женился на молодой девице, привыкшей порхать мотыльком в большом свете. Молодая вертушка вскружила голову пожилому мужу. Он нежит и лелеет ее как дитя, смотрит ей в глаза и угадывает все ее желания. Чего только у ней нет? Шалей целые сундуки, платьям — счету нет, головной убор что день, то новый! Сансье, Леруа и Нутье беспрестанно хлопочут о том, как бы и чем бы ей угодить. Наскучит город? У нее есть прекрасная дача, туда съезжаются только приятные ей одной люди. Чего же бы, кажется, не доставало ей? Но при пышном туалете, в обществе друзей, на балах, в опере и на гуляньях причудница скучает! Судорожное движение нерв и припадки истерики мучат ее. Какая же всему этому причина? Тщеславие! Ей стыдно стало жить в прекрасном доме, на прекрасной улице, но в соседству с портным!.. И вот она до тех пор больна тоскою, пока муж не купит ей дома в Шоссе Дантен, а там, чего доброго! захочет жить и во дворце; таковы женские причуды!..

ПРИВЯЗАННОСТЬ ФРАНЦУЗОВ К ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ

Французы любят свой язык: в этом должно отдать им справедливость. Мужчины и женщины, богачи и бедные говорят только по-французски. Недавно одна

знатная дама писала к издателю журнала, который придерживался часто иностранных речений: «Ради Бога, избавьте нас от ваших латинских, англинских, итальянских фраз! Они хороши — не спорю! но свое родное лучше! Говорите французам, особливо француженкам всегда по-французски!» Если француженки так усердно вступаются за свой бедный из разных наречий скропанный язык, то как же вам, прелестные россиянки, милые соотечественницы мои! как же вам не вступаться за свой богатый, звучный и великолепный язык! Он громок и силен в устах ораторов, нежен и очарователен в прелестных устах ваших!..

КАРТИНА ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЛУЧШИХ НЫНЕШНИХ ОБЩЕСТВ

Богатый дом убран великолепно, освещен прекрасно, всего довольно, кроме удовольствия. Дамы сидят особо, подряд, шепчутся, чудят, пересуживают и зевают. Мужчины, по два, по три, стоят у окон, у камина, по разным углам гостиной комнаты. Всякий толкует о своем. Один об лошадях, другой о собаках, там спорят о политике, тут о приказных делах. Общество то же, что и прежде, но общего разговора нет. Бывало г-жи Деламберт, Тансен и другие умели сблизить мужчин с женщинами, стариков с молодыми, начать общее чтение, завести общий разговор, затеять общую игру и удовольствие всегда бывало общим. Так говорят, вздыхая, люди старого века. В самом деле только ум и любезность женщин, которые никогда не стареются в них, могут придавать очаровательную прелесть светским обществам. Умная женщина есть та райская птичка, которую слушая забываешь и место, и время, и самого себя! Со времени революции владычество женщин пало, и самое уважение к ним почти истребилось. Теперь французы обходятся с своими женщинами, как рабы, вырвавшиеся на волю, с прежними господами: говорят об них худо, смотрят на них косо, часто даже бывают пред ними дерзки и очень нередко неблагопристойны, особливо в речах. Спесь и самохвальство заступили место приветливой вежливости.

ПАРИЖСКИЕ ФРАНТЫ

Никогда не вели себя так странно молодые люди, как теперь. Они так заняты собою, что едва ли замечают кого-нибудь, кроме себя, в обществе. Зеркала привлекают их какою-то магнитною силою, встретят 20 в каждой комнате и к каждому подойдут, в каждое заглянут и в каждом полюбуются собою!

Никогда, как теперь, не было в них такой дерзкой самонадеянности, такой уверенности в мнимом собственном достоинстве. Не зная азбуки, готовы спорить о поэзии и с самим Делилем! От этого-то и обхождение их неучтиво, даже нагло! Ходить мимо дам без всякой осторожности, оборачиваться к ним спиною и проч. есть обыкновенное дело парижских франтов. Нередко в обществе в глазах множества гостей, один из них становится у камелька, заслоняет собою огонь, подымает полы фрака и, греясь, как будто в своей спальне, начинает рассказывать давно знакомый и перезнакомый анекдот за новость. Таковы франты во фраках. Но о тех, которые звенят шпорами, стучат саблями, ходят меж людей, как в лесу, наступают женщинам на платья, говорят об усах и султанах, которые так страшны на войне и в обществах... о тех и говорить страшно! Нельзя, однако ж, не заметить, что благовоспитанным женщинам и слушать их страшно! Во все свои рассказы они слишком много пересыпают площадной соли!

ЧТО ПОКАЗЫВАЮТ В ПАРИЖЕ

В каждой улице, в каждом переулке, на каждом почти шагу в Париже что-нибудь да показывают! Кроме известных главных театров, множество шутовских и гаерских, рассеяно по бульварам, под галереями и каждый имеет свою толпу зрителей. В одном месте показывают Китайские тени, в другом искусственного слона! там целую роту ученых чижей, далее болтливое общество попугаев. Обезьяны, сурки и собаки доставляют хлеб многим затейникам. Пещера непостижимого человека всегда осаждена толпою зевак. Смотрят и дивятся, как искусник глотает палки, камни и железо!.. У Прево показывают Землю (боль-

шой глобус). У Курция великих людей. Слово показывают, вертится беспрестанно на языке парижан. С некоторого времени у них все сделалось показным — и все великие происшествия как будто им были только показаны!..

В одном конце Парижа рубили головы, а в другом смеялись, говорили: «Там показывают действие гильотины».

При появлении кометы в 1811 году одна парижанка писала к своей приятельнице из города в деревню: как некстати, милая! уехала ты отсюда с своею графинею! У нас в Париже (любимая поговорка французов) показывают прекрасную комету! Я уже три раза успела побывать на Мосту художеств, откуда она очень видна! Уверяют, что кометы показываются только через сотни лет, а потому мне очень больно, сердечно жаль, что ты, моя милая! не могла теперь увидеть этой!» Представьте, что эта добрая парижанка от чистого сердца верила, будто за 20 верст от Парижа комета уже не видна!..

РАЗНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПАРИЖЕ И ФРАНЦУЗАХ

Корыстолюбие есть один из главнейших пороков в Париже. Качества человека ценят по количеству доходов его. Редко смотрят на наличность. Кто богат, входит в долги, и платит их, тот прекраснейший человек!

Со времени революции дети начали говорить отцам своим ты. Отцу, матери и сестре говорят они: ты, а кучеру, лакею и горничной девке: вы, потому что (толкуют они) всякой в семье своей один другому равен, и сын-де отцу и матери ничем не одолжен! Всякое время имеет свой дух, свои обычаи и нравы!..

Но обнаруживая нещадно слабые стороны парижан, нельзя не отдать справедливости и тому, что в них достойно всякой похвалы. Не упоминая за краткостию о прочем, я скажу только о склонности их к чтению. Склонность эта господствует в Париже во всех состояниях народа. Богач в палатах, бедняк в лачуге, поденщик, отдыхая подле своей ноши,— читают! В каждом доме увидишь книги, найдешь семейные чтения. Ученые общества, которых в Париже очень

много, в беспрерывных занятиях, в типографиях вечное движение, и сколько б ни напечатали, все раскупят! Известно, что Прюдом и многие после него издатели хороших журналов имели по 10 000 подписчиков!! Довольно написать одну порядочную книгу, чтоб сделаться известным, и быть ласково приняту в знатнейших обществах столицы. Художники так же, как и писатели, пользуются в Париже всеобщим уважением и составляют свое и семейств своих счастие трудами, которые, прославляя их Отечество, вместе с способами к жизни, доставляют им и право на бессмертие. После этого замечания невольно скажешь сам себе: если уже суждено роком нам русским передразнивать во всем парижан и слепо покоряться модам их, то почему вместо всего, что занимаем у них худого, почему не переймем хорошего? Для чего, например, заражаясь их развратом, не заразимся страстию к чтению и не займем у них благородной склонности к ободрению наук, свободных художеств и к почитанию всего отечественного? Почему в обеих столицах наших не продадут в пять лет столько книг, как в Париже в один год? Почему прекраснейшие художники, которые превосходными трудами принесли бы честь каждому народу, живут у нас в глубокой неизвестности и в беспрерывных заботах о способах жить *?

Для чего — странность неизъяснимая! художники, сделавшие имя свое известным в Европе, приобретшие внимание народов чуждых, возвращаясь в Отечество, исчезают в тени неизвестности **? Для чего?.. Но уже

---

* Не упоминая о других, я скажу только о почтеннейшем г<рафе> Ф<едоре> П<етровиче> Т<олстом>. Постигнув еще в летах ранней молодости, что ни знатный род, ни пышные титулы, которые блестят и меркнут как полуда, не доставляют лестного для благородных душ права на бессмертие, он исторгнул себя из пресмыкающейся толпы поклонников слепого счастия и все свое время посвятил служению добродетели и неусыпным трудам, в которых, к чести русских, сделал успехи неимоверные! Лепные картины его ознаменованы печатию совершенства. Имя его знакомо в Италии, Англии и Германии, вымыслом и отделкою изображений его восхищаются все знатоки — и он почти неизвестен в России и трудится без всякого особенного ободрения, борясь с обстоятельствами.

** Например: Г. Уткин, почитавшийся в Париже вторым гравером и снискавший там большую славу, возвратясь в Отечество, живет почти без дела и внимания! Если б вельможи наши вместо

исчезает ночь заблуждений и солнце просвещения восходит! Богиня мудрости будит жезлом уснувшее дарование: оно открывает глаза и в средине лучезарного светила дня видит имя августейшего покровителя наук.* Чувство привязанности ко всему изящному в Отечестве пробуждается в сердцах россиян!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как неопытный и еще безвестный сочинитель писем сих, с невольным трепетом ожидаю приговора оным. Утешаюсь только тем, что не корысть или другие подобные ей побуждения, но единственное желание угодить соотечественникам, побудило меня писать о войне под звуком громов ее, изображать вид сражений почти в самом пылу оных, делать повсюду наблюдения и все замечания, мысли и чувства свои осмеливаться излагать на бумагу. Счастлив буду, если, необманутый в надежде и цели моей, заслужу благосклонное внимание просвещенных читателей. Оно послужит мне лестнейшею наградою за слабый, но усердный труд. Счастлив буду, если книга моя принесет хотя малое удовольствие вам, почтенные сыны России, храбрые воины, пожавшие лавры на родных и чуждых полях!.. Пусть напоминает она вам, отдыхающим ныне от кровавых трудов, в объятиях родных и друзей, о прошлых временах грозной войны, когда смерть с огнем и громом носилась над главами вашими, когда темные ночи застигали вас в трудных походах, а зори утренние возвещали кровавые дни битв. На сырой земле было ваше ложе, под открытым небом жилище, у полевых огней пристанище! Усердно работали вы Отечеству и верно служили и прямили царю! Счастлив буду, если и граждане мирные, давно или никогда не видавшие кровавых позорищ войны, получат довольно живое понятие об них из описаний моих,

---

покупки дорогою ценою ничего не значащих поддельных картин у иноземных шарлатанов, захотели украсить палаты свои произведениями русской кисти и резца, то отечественные художества, конечно, взошли бы на высокую степень совершенства.

* Мысль эта прекрасно изображена на медали, за несколько пред сим вырезанной г. Т<олстым>.

и если хотя слабо, и как будто издалека, увидят в них картины великих событий чудесного превратностями и славою времени. Еще более почту себя счастливым, когда, находя в книге сей верное описание нравов и обычаев народов, усердную, из глубины сердца излившуюся похвалу добродетели и нещадное порицание порока, отец велит читать ее своему сыну, и мать не отнимет из рук у дочери. Но свыше всех мер награжден буду, если удостоверюсь, что книга моя недостойна быть в руках будущего историка нашего времени и потомства. Много погрешностей найдет строгий взор разборчивости в недозрелых трудах моих, и я заранее уже взываю к снисходительности читателей.

Да уважат обстоятельства, в которых я писал: они были слишком затруднительны для писателя*. Последняя часть Писем Русского Офицера оканчивается описанием столицы французской. Из Парижа проезжая к Страсбургу, познакомился я короче с Францией. С любопытством обозревал Лотарингию, провел несколько приятных часов в Нанси, и с особенным удовольствием любовался прекрасными окрестностями Страсбурга, плодоносными полями Эльзаса и прелестными картинами природы на тихих берегах величественного Рейна. Несколько незабвенных дней провел я в прекрасном герцогстве Баденском, в стране, почитаемой садом Германии. Я жил в Бруксале и видел Карлсруе, видел родину добродетельнейшей из государынь, видел я родину Елисаветы.

Я видел Лейпциг и обозрел на веки прославленные знаменитою победою поля его. Проезжал я счастливое герцогство Дессауское, видел еще раз величавую Эльбу и гулял в одном из первейших садов Европы в

* Еще раз осмеливаемся напомнить почтенным читателям, что записки, служившие основанием книги сей, составляемы были среди всех ужасов войны, часто под открытым небом, у полевых огней, после проведенного в трудах и сражении дня. Не благоприятнее были обстоятельства и тогда, когда автор полевые записки свои в некоторый порядок приводил. Заботы по жизни слишком стесняют его. Писатели, занимающиеся трудами своими в тишине светлых и теплых кабинетов, не знают, что значит писать в квартире, где от холоду стынет чернило, или от угару кружится голова!..

Вирлице. Я проехал потом земли между Одером и Вислою, видел области, древним немецким рыцарям принадлежавшие, и был в одном из лучших основанных ими городов — в Кенигсберге. Этот древний сосед морей обогащается плодами торговых сношений, цветя и богатея под кровом мудрого правительства своего. По всей дороге к Тильзиту не переставал я удивляться искусству, с каковым множество водяных сообщений в странах сих учреждено. На берегах Немана (в Тильзите) генералы русские устроили прощальный пир и, угощая им офицеров и солдат, благодарили их за великие опыты мужества в боях, твердости в трудах и усердие, всегда и повсюду оказанные в течение последней беспримерной войны. Тут простилось войско русское с странами чужеземными и со множеством лавров и трофеев вступило в Отечество свое.

ПРИМЕЧАНИЯ

Литературный памятник эпохи войн с Наполеоном — «Письма русского офицера» — были в свое время обстоятельным и оперативным откликом на военные события, потрясшие всю страну. В 1808 году в Москве вышел двухтомник: Федор Глинка «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода Россиян противу французов в 1805 году».

Отечественная война побудила Ф. Глинку взяться за перо повторно. Его новая работа частично печаталась в 1815 году в популярном тогда журнале «Сын Отечества» (№№ 41—44). Почти одновременно появилось полное отдельное издание «Писем» в восьми томах небольшого формата. Называлось оно: «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода Россиян противу французов в 1805 и 1806, а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии» (М., 1815—1816). В 1821 году в Москве были опубликованы «Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 г.». Текст параллельно на русском и французском языках. Наконец, в 1870 г. вышло последнее прижизненное издание Федора Глинки: «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год». В него полностью вошли тт. 4—8, опубликованные в 1815—1816 гг. с небольшим количеством авторских примечаний. Не были включены описание похода 1805 г. и путевые впечатления от поездки по русским и украинским губерниям. Эта книга и положена в основу настоящего

сборника. Его открывают «Письма» Ф. Глинки о походе 1805 г., не издававшиеся с 1815 года. Размеры данного однотомника не позволили перепечатать обширный исторический и литературный памятник в полном объеме. Извлечения производились по принципу, сформулированному автором: «Здесь найдешь ты, во-первых, изображение всех военных происшествий и многих геройских деяний Россиян, потом описание о нравах, обычаях народов и о прочих любопытных вещах, замеченных мною мимоходом».

С. 23. *Мазурские избы* — мазуры — поляки, проживающие в северо-восточной части Польши Мазовии, исторической области в среднем течении реки Вислы и нижнем течении Буга и Нарева.

С. 25. *Водометы* — фонтаны и источники воды в городах.

С. 27. *Цесарцы* — в XVIII—XIX вв. в России так нередко называли жителей Австрии и подвластных ей областей, которая с 962 г. входила в состав «Священной Римской империи» и считалась наследницей Древнего Рима. С 1804 г. стала официально называться Австрийской империей (в 1806 г. название Священная Римская империя было упразднено).

Магазейн (или магазин) — *здесь:* военный склад для хранения оружия и боеприпасов, а также продовольствия.

С. 32. *Кроаты (устар.)* — заимствованное у немцев название славян-хорватов, входивших тогда в состав Австрийской империи. Ныне Хорватия — одна из республик Югославии.

С. 37. *Иверни (устар.)* — щепки, осколки.

С. 43. *Аустерлицкое сражение.*— 20 ноября (2 декабря) 1805 г. в Моравии Наполеону удалось нанести поражение объединенной русско-австрийской армии, благодаря неудачной тактике императора Александра I.

С. 54. *Степенные книги* — памятник русской исторической литературы (период от Владимира I Святославича до Ивана Грозного, в царствование которого составлены).

С. 55. *...разрушение Лиссабона...*— имеется в виду землетрясение 1 ноября 1755 г., охватившее Пиренейский полуостров, Северную Африку и даже восточное побережье Северной Америки. Эпицентр находился вблизи португальской столицы, которая была разрушена до основания.

С. 56. *Дрисский лагерь.*— Укрепленная позиция русских войск на реке Западная Двина, северо-западнее города Дрисса, где по неудачному плану прусского генерала К. Фуля 1-я армия должна была задержать армию Наполеона. Лагерь был оставлен русскими войсками 2 (14) июля 1812 г.

«В России... как и в Испании...» — В 1812 году в Испании продолжалась народная война против вторгнувшихся в 1808 году французов, которая отвлекала значительную часть армии Наполеона.

С. 57. *Депо — здесь:* место сбора новобранцев и формирования воинских частей.

С. 56—58. *Записи Ф. Глинки от 17 и 18 июля.*— В ожидании неизбежного вторжения Наполеона русские войска были сосредоточены на западной границе и разделены на три части. 1-я Западная армия численностью 127 тысяч человек располагалась по среднему течению Немана. 2-я Западная армия (45—48 тысяч человек) — между Неманом и Западным Бугом. 3-я Западная армия (командующий А. П. Тормасов) 52 тыс. человек — на Волыни.

С. 69. *...просит поля...*— рвется в бой.

С. 72. *Сражение при Прейсиш-Эйлау.*— Здесь, в Восточной Пруссии, 26—27 января (7—8 февраля) 1807 г. во время русско-прусско-французской войны 1806—1807 гг. русские войска отразили атаки армии Наполеона.

С. 83. *Тарутино* — село в Калужской области. В сентябре—октябре 1812 г. здесь находился лагерь русской армии. 6 (18) октября 1812 г. на реке Чернишне (севернее Тарутино) русская армия одержала победу над французами.

С. 88. *Бой при Малоярославце* — 12 (24) октября 6-й корпус Д. С. Дохтурова, а затем и главные силы сорвали попытку Наполеона вторгнуться через Калугу в южные губернии России.

С. 92. *Царственная книга* — иллюстрированная рукопись (1073 миниатюры), копия части Никоновской летописи, в которой изложены события царствования Ивана Грозного периода 1533—1553 годов.

С. 93. *Паростники (устар.)* — заросли, кустарники.

С. 99. *«Ушла лисица, только хвост в западне и остался...»* — имеется в виду маневр, с помощью которого Наполеону удалось избежать полного окружения в районе города Борисова армиями адмирала П. В. Чичагова (с юга) и генерала П. Х. Витгенштейна (с севера) и уйти с частью войск, переправившись 14—16 (26—28) ноября у села Студенки через реку Березину.

С. 102. *Клястицкие поля.*— Здесь в районе севернее Полоцка 18—20 июля (30 июля — 1 августа) 1812 г. произошло сражение между русским корпусом П. Х. Витгенштейна и французскими войсками маршала Удино, окончившееся победой русских.

С. 104. *...истребление флота при Чесме.*— Имеется в виду Чесменское морское сражение. 25—26 июня 1770 года в Эгейском море произошел бой между турецким флотом и русской эскадрой

под командованием генерала-аншефа графа А. Г. Орлова, адмиралов Г. А. Спиридова и С. К. Грейга. Турецкий флот был сожжен.

...народ валахский.— (влахи) — народ, вошедший в середине XIX в. в состав румынской нации. До этого находился под властью Турции.

С. 105. *...рассечь Гордия узел* — по древнегреческой легенде сложный и запутанный узел, которым было привязано ярмо к дышлу колесницы фригийского царя Гордия. Оракул предсказал, что тот, кто развяжет этот узел, будет владеть миром. Александр Македонский рассек узел мечом. Сейчас это выражение означает быстрое и смелое решение запутанного дела.

С. 111. *Вавилонское пленение* — плен древних иудеев (с 586 по 539 г. до н. э.), порабощенных и уведенных в Вавилон царем Навуходоносором II.

С. 129, 130, 268. *Герцогство Варшавское* (княжество) — вассальное государство в системе Наполеоновской империи, образовано в 1807 году по Тильзитскому миру из части Польши, которая управлялась до этого Пруссией. В 1809 г. к нему была присоединена часть Польши, принадлежавшая Австрийской империи. В 1815 г. герцогство Варшавское прекратило самостоятельное существование.

С. 123. *Кунтуш* — старинное верхнее платье поляков и украинцев наподобие кафтана с разрезными рукавами.

Владимир на шее — орден Св. Владимира III степени в Российской империи.

С. 129. *Архипелаг* — здесь имеется в виду часть Средиземного моря между Балканским полуостровом и Малой Азией с островами Крит, Эвбея, Спорады и другие.

С. 130. *Архибискуп* — архиепископ.

С. 151. *Эскуриал* (Эскориал) — дворец испанских королей в Новой Кастилии близ Мадрида. Построен в XVI в. для короля Испании Филиппа II.

С. 161. *Оратория* — музыкальное произведение для певцов-солистов, хора и оркестра, сложилась к концу XVI века как жанр духовной музыки, позднее появились светские оратории.

С. 165. *Гуситы* — сторонники Реформации в Чехии (отчасти в Словакии) — 1-я половина XV в. Участники Гуситского революционного движения против католической церкви, феодального гнета и немецкого засилья.

С. 178. *Генерал-адъютант* — почетное звание, присваивалось в XIX в. полным генералам и генерал-лейтенантам Российской империи, состоявшим в свите императора.

С. 183. *Семилетняя война* (1756—1763) — Пруссия, которую поддерживали Великобритания и Португалия, вела войну против коалиции европейских держав — России, Австрии, Франции, Испании, Швеции и независимой тогда Саксонии. Вызвало войну обострение англо-французской борьбы за колонии и столкновение агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. Вначале король Пруссии Фридрих II одержал ряд побед, однако затем потерпел поражение от русско-австрийских войск при Кунерсдорфе, и Пруссия оказалась на грани катастрофы (1761 г.). Однако новый российский царь Петр III в 1762 г. заключил с ней мир и союз.

С. 199. *Берхман* — горняк, углекоп, шахтер.

С. 204. *Латоки — здесь:* протоки.

С. 206. *Селитьба — здесь:* плотность населения.

С. 228. *Берд, бердо* — одна из деталей ткацкого станка — гребень.

С. 229. *Вагенбург* — укрепление, устроенное из сдвинутых телег в форме четырехугольника, круга или полукруга. Применялось для прикрытия войск.

«...не орут...» — не пашут. Орать *(устар.)* — значит пахать.

С. 244. *Ключ-Войт* — волостной староста в Польше.

С. 250. «Русский вестник» — ежемесячный журнал, издававшийся в 1808—1824 гг. Сергеем Глинкой. Главной задачей издания была борьба с французским влиянием на русское общество.

С. 251. *Фиал* — у древних греков металлическая или глиняная чаша для пиров и возлияний богам.

С. 261. *Коледовать — здесь:* просить милостыню.

С. 272. *Еще Польша не погибла...* и т. д.— Первые строки из стихотворения Ю. Выбицкого «Мазурка Домбровского», ставшего национальным гимном Польши.

С. 286. *Иссоп* — многолетние травы и полукустарники. Из лекарственного иссопа вырабатывается эфирное масло.

С. 298. *Лейпцигское сражение* — «битва народов» — происходило с 4 (16) по 7 (19) октября 1813 г. около г. Лейпцига. В нем участвовало свыше 500 тыс. человек разных национальностей. Окончилось поражением Наполеона и его отступлением с территории Германии. Была освобождена Голландия (период войны России, Пруссии, Австрии и Швеции против наполеоновской Франции). Разгром наполеоновской армии привел к распаду Рейнского союза.

С. 302. *Виндзор* — замок английских королей около Лондона.

С. 313. *«...вольный город...»* — вольными назывались импер-

ские города в Германии, признававшие верховную власть и платившие подати императору, но имевшие самоуправление.

С. 334. *Кареи* (каре) — в европейских армиях XVII — XIX вв. построение пехоты четырехугольником, что давало возможность обороняться со всех сторон, особенно против атак кавалерии.

С. 350. *Улисс (лат.)* (Одиссей) — герой древнегреческого эпоса, царь Итаки.

С. 372. *Лувр. Картинная галерея* — дворец в Париже, резиденция французских королей. Его строительство началось в 1546 г. на месте королевского охотничьего замка XIII в. Впоследствии неоднократно перестраивался. После переезда в конце XVII в. двора в Версаль Лувр оставался хранилищем королевских коллекций. 3 мая 1791 г. декретом конвента объявлен национальным музеем, а 8 ноября 1793 г. открыт для посещения.

С. 376. *«певец Фелицы»* — Г. Р. Державин, автор стихотворения «Фелица», в котором воспевается Екатерина II.

С. 383. *...окрестности Дельфийские* — Дельфы — священный город Древней Греции с храмом и знаменитым оракулом Аполлона.

С. 396. *Валгалла* (Вальхалла) — место, куда, по древнескандинавским верованиям, попадали после смерти души героев и воинов, погибших в бою.

Эдда (старшая) — литературный памятник, состоящий из древних песен, бытовавших в устной традиции германоязычных народов. Представляет собой сборник древнеисландских песен, сохранившихся в рукописи XIII в., найденной в 1653 г. епископом Бриньольвом Свейнссоном. Входящие в состав сборника 10 мифологических песен — единственный источник по языческой скандинавской и общегерманской мифологии, а большая часть 19 героических песен основана на сказаниях южногерманского происхождения. Историческая основа этих сказаний (там, где она проявляется) — события IV—VI вв.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

---

* В указатель не включены имена лиц, бегло упомянутых автором; курсивом обозначены страницы вступительной статьи.

Г. Галин

СОДЕРЖАНИЕ

Глинка Ф. Н.

Г 54 Письма русского офицера / Сост., вступ. ст. и прим. Г. А. Галина.— М.: Правда, 1990.— 448 с.

ISBN 5—253—00053—4

Ф. Н. Глинка (1786—1880) — офицер русской армии, сражавшийся с войсками Наполеона в 1805—1814 гг., прошедший путь от прапорщика до полковника, участник Бородинского сражения.

Как и многие офицеры, он размышляет над сущностью наполеоновских войн, о судьбах России.

Г $\frac{4702010100-2123}{080(02)-90}$ 2123—90 **84 Р 1**

ГЛИНКА
ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ

ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА

Составитель
Георгий Александрович
Галин

Редактор
Г. Н. Захарова

Художественный редактор
Р. А. Клочков

Технический редактор
Л. Ф. Молотова

ИБ 2123

Сдано в набор 24.04.89. Подписано к печати 08.09.89. Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд. л. 23,08. Тираж 100 000 экз. Заказ № 205 Цена 1 р. 90 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Советская Сибирь», 630048, г Новосибирск, 48, ул. Немировича-Данченко, 104.

1 р. 90 к.

Ф.Н.Глинка · ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА